

АРКТИКА

- мой дом

ПОЛЯРНАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ШКОЛЬНИКА

НАРОДЫ СЕВЕРА ЗЕМЛИ

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ПРОГРАММА «ДЕТИ РОССИИ»

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА «ДЕТИ СЕВЕРА»

В 1998-2000 гг.

Программой предусмотрено издание серии книг:

«Природа Севера Земли»,

«История Севера в биографиях знаменитых людей»,

«Культура народов Севера»

ПОЛЯРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ШКОЛЬНИКА

АРКТИКА *- мой дом*

НАРОДЫ СЕВЕРА ЗЕМЛИ
КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРА

МОСКВА
СЕВЕРНЫЕ ПРОСТОРЫ
2001

В книге использованы материалы подготовленной к печати «Северной Энциклопедии»

Иллюстрации Абрамова Н., Александера Б., Батьяновой Т., Бурыкина А., Веленгурина В., Вайнштейна С.,
Вдовина С., Вороновой А., Вяйсянена А., Головнева А., Дьяченко В., Егорова М., Жорницкой М.,
Загуменнова В., Золотарева Д., Иванова С., Капицы Л., Кочкуркиной С., Ларионова Ю.,
Лехмуса А., Лехмускалио П., Макарьева С., Месштыб Н., Митрюковых Л. и Е., Мурашко О.,
Мясогутова Р., Ниеминена М., Опалина В., Падалко С., Пащука А., Пивневой Е.,
Пчелинцева А., Рида Д., Сем Т., Симченко Ю., Смоляк А., Соколовой З., Сорокиной И.,
Фомина Н., Чарнолуского А., Чубаровой Л.

Благодарим Российский этнографический музей (г. Санкт-Петербург),
Карельский государственный краеведческий музей (г. Петрозаводск),
Центральный государственный архив Республики Карелия,
Поронайский филиал Сахалинского окружного краеведческого музея (г. Поронайск),
Краеведческий музей Петропавловска-Камчатского (г. Петропавловск-Камчатский),
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (г. Санкт-Петербург)
за предоставленные материалы.

Научный редактор — З.П. Соколова,
профессор, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской
академии естественных наук

Рецензент — П.И. Пучков,
академик Российской академии естественных наук,
доктор исторических наук, профессор

Редакция приносит глубокую благодарность за участие в подготовке книги
Банникову К., Бариновой Н., Бронштейну М., Бурыкину А., Вайнштейну С., Волченковой Г.,
Дьяченко В., Клементьеву Е., Мигуновой Л., Прокудину А., Строгальщиковой З., Чиликину А.

Численность народов приводится по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1989 г.

Рисунок на авантитуле художника
В. Мельниченко, о-в Колгуев, 1963 г.

Макет и оформление Е.Г. Клодта

© ГУП «Северные просторы», 1999

© Голубчикова В.Д., Константинов Г.Е., идея, состав, структура книги, 1999

© Клодт Е.Г., макет и художественное оформление, 1999

ISBN 5-87098-039-9

К ЧИТАТЕЛЮ !

Крохотный костерок в таежной глухомани... Маленькая землянка на холодном океанском берегу... Одинокая упряжка в заснеженной тундре под низким небом... Какое значение могут иметь эти «пережитки прошлого» в эпоху гигантских электростанций, циклопических городов и сверхзвуковых скоростей? Книга, которую вы держите в руках, рассказывает о народах, во многом сохранивших вековой традиционный образ жизни в суровых условиях Крайнего Севера, Дальнего Востока, Арктики. А вокруг не утихают споры, оправдана ли такая жизнь, когда рядом современные города, бытовые удобства, быстрый транспорт и надежная связь.

В поисках ответа особенно своевременным становится вопрос: почему многие народы, зачастую существуя в самых немыслимых условиях, смогли веками и тысячелетиями развивать свою культуру, не разрушая среды обитания? Не может ли человечество научиться так же жить в гармонии с окружающим миром, как это сумели сделать в легкоранимых природных сообществах высоких широт народы, не вовлеченные в гонку покорения и преобразования природы.

Еще совсем недавно иным рисовалось светлое будущее, в котором единое человечество, не разделенное на народы и культуры, ведет одинаковый образ жизни и, думая на одном языке, исповедует одни и те же мысли. Но, изучив многие сложные системы, мы убеждаемся, что залогом успеха их существования является как раз разнообразие. Это относится к природным сообществам, состоящим из сильно отличающихся живых организмов; к самому организму человека, построенному из разнообразных типов клеток; это же относится и к человеческому обществу. Если мы хотим продолжения человеческой культуры, то ее разнообразие должно не уничтожаться, а бережно и любовно поддерживаться. Культура каждого народа значима для всех людей и должна сохраняться вне зависимости от того, велик или мал этот народ по численности.

Ведь самобытность народа выражается как в особенностях биологии и внешнего облика его представителей, так и в своеобразии культуры и языка.

Эра индустриализации, обрушившись на хрупкую природу Севера, изменила ее настолько, что во многих случаях человек уже не может прокормиться, используя привычные методы ведения хозяйства. Однако традиционно он ориентирован не на борьбу с Природой, а на сотрудничество с ней. Если он начинает брать сверх необходимого, он рубит сук, на котором сидит, как это не раз уже было в истории исчезнувших цивилизаций.

Как же уберечься, как предостеречь человечество от гибельных шагов?

Наверное, способ один: всем разрушениям внутреннего и внешнего мира, которые принес нам наш закончившийся век, противостоять, бросив на чашу весов все разумное и положительное, что накопили предыдущие поколения.

Эта книга о народах Севера и Дальнего Востока России открывает возможность прикоснуться к малоизученной или совсем забытой жизни землян. А в ней, в этой жизни, эталон отношения Человека к Природе. Среди богатств, с которыми северянин входит в новый век, – непобедимость, самоотверженность, гуманность и величие человеческого духа, свойственные северному человеку в любой жизненной ситуации. Его тысячелетний опыт не имеет альтернативы при выборе способа и организации жизни человека в высоких широтах земного шара. Но пока в своих высших проявлениях этот опыт остается невостребованным ресурсом человечества.

И если у крохотного костра на вечной мерзлоте человек ощущает свое неразрывное единство с Природой, ответственность перед ней, он найдет гармонию и среди космических звезд.

Этой тайной владеют северные народы, с которыми знакомит нас очередной выпуск Полярной Энциклопедии Школьника – книга «Арктика – мой дом. Народы Севера Земли».

АЛЕУТЫ

Численность – 702 человека.

Язык – эскимосско-алеутская семья языков.

Расселение – Камчатская область.

В России алеуты живут на Командорских о-вах (о-ва Медный, Беринга), большая же часть их (2 тыс. человек) – в США (Аляска, Алеутские о-ва). Численность их в середине XVIII в. достигала 12 – 15 тыс. человек.

Язык предположительно обособился 3 – 4 тыс. лет назад и представлял собой один из древних диалектов эскимосского языка. На о-ве Беринга был распространен аткинский диалект алеутского языка, на о-ве Медном образовался новый диалект на основе аттовского диалекта и русского языка. При общении жители этих островов с трудом понимали друг друга. Первая грамматика алеутского языка была составлена в начале XIX в. на основе кириллицы. Название «алеут» дано русскими и впервые встречается в документах 1747 г., предположительно происходит от чукотского *алиат* – «остров», *алиут* – «островитяне» или от *алитхух* – «отряд, войско, община» (есть также предположение, что это видоизмененное слово *алут*, которым называли жителей пос. Алюторский на восточном побережье Камчатки). Этноним (от греч. *ethnos* – народ, *опута* – имя: самоназвание народа) медновских алеутов – *сасигнан*, *саскинан*, беринговских – *унанган*, *негосис*, *негогахвс*. Название «алеуты» укоренилось в начале XX в.

История изучения алеутов начинается со времени открытия в 1741 г. Алеутских о-вов Великой Северной (Второй Камчатской) экспедицией (1733 – 1743). Русские мореплаватели, исследователи, промышленники собирали данные о культуре народа. Долгое время существовали две гипотезы их происхождения. Согласно одной, алеуты пришли с северо-восточного азиатского побережья, согласно другой – с Аляски. Исследования доказывают, что формирование антропологического типа, языка и культуры происходило 6000 – 4600 лет назад. Есть предположение, что алеуты составляли южную группу эскимосов, по другим источникам – они выделились в самостоятельный этнос (от греч. *ethnos* – народ) достаточно давно.

С 1799 г. Алеутскими о-вами и прилегающей к ним частью Аляски управляла Российско-Американская компания. Для освоения необитаемых Командор-

ских о-вов компания переселила туда часть алеутов. В дальнейшем население Командорских о-вов пополнялось не только алеутами, но и креолами (потомками европейцев и алеутов) и русскими промышленниками с о-ва Атки и из Калифорнии, женившимися на алеутках. Остров Беринга заселяли в основном выходцы с Атки, в 1827 г. их было уже 110 человек. В 1900 г. на о-ве Беринга проживало 279 алеутов, а на о-ве Медном – 253 выходца с о-ва Атки. Ныне на Командорах обитают 550 алеутов. Основной целью Российско-Американской компании было сохранение их традиционного хозяйства как надежного источника прибылей. Чиновники назначали приказчиков и байдарщиков для организации промысла на отдаленных островах. Официальный статус алеутов приближался к статусу инородцев Российской империи; они платили в казну ясак (в России XV – XX вв. натуральный налог с народов Сибири и Севера шел главным образом пушнина). С 1821 г. признаны российскими подданными. В 1867 г. Алеутские о-ва вместе с Аляской были проданы США. В России алеуты остались лишь на Командорах. С 1891 по 1917 г. острова арендовали различные торгово-промышленные компании.

Особенности жизни командорских алеутов определялись изолированностью островов. До 1867 г. их население продолжало работать на Российско-Американскую компанию: заготавливало пушнину, мясо и жир морских животных, сохраняя традиционную культуру. Основное место занимали охота на морских животных с байдар и добыча котиков на суше.

Промысел начинался в конце апреля. С весны до осени ловили рыбу. В середине июля охотились на птиц при помощи метательных копий (*шати́н*) и метательного снаряда (*бола*) – связки ремней с каменными или костяными гру-

зиками на концах. Раскрыв, бола бросали в стаю, и запутавшаяся в ремнях птица становилась добычей охотника. Отлавливали пернатых и на птичьих базарах большим сачком на длинном шесте (*чируча*), а также сетями. Зимой промышляли с берега тюленей. Морского бобра (калана) добывали в открытом море при помощи гарпуна – метательного копия на длинной веревке, сивучей и моржей промышляли на лежбищах, нерпу заманивали на берег манком – надутой нерпичьей шкурой, имитируя крик самки, на китов охотились с помощью копия, кончик которого смазывали ядом аконитом. Через 2 – 3 дня море выбрасывало на берег тушу животного. Гарпуны и ко-

пья бросали с помощью копьеметалок – деревянных дощечек 50 – 70 см длиной с продольным желобком, углублениями для пальцев на одном конце и костяным упором на другом. Были известны также лук, стрелы и ружья.

Важную роль в морской охоте играли байдары – плоскодонная лодка с деревянным каркасом, обтянутая сивучьей или нерпичьей кожей, и каяк – закрытая кожаная лодка с деревянным каркасом и отверстием-люком, куда садился охотник (прообраз спортивной байдарки). Управляли ею двухлопастным веслом. С появлением огнестрельного оружия стали делать двухключные байдары (во время стрельбы второй гребец должен был удерживать равновесие).

Распространились и некоторые нехарактерные для культуры алеутов приспособления для передвижения. На о-ве Беринга, например, появились нарты (сани) с собачьими упряжками, на о-ве Медном – короткие, широкие лыжи, подбитые шкурой нерпы.

Из камня мужчины изготавливали ножи, топоры, наконечники для стрел и копий, сосуды для приготовления еды, жировые лампы с фитилем из мха для освещения и обогрева жилища. Женщины шили и вышивали одежду, изготавливали обтяжки для байдар, плели циновки и корзины. Женским универсальным орудием труда была *пекулка* – широкий короткий и слегка изогнутый нож. Иглы делали из птичьих костей.

Селения располагались на морском побережье, часто в устьях рек, и состояли из 2 – 4 больших полуземлянок (*улягамах*). Для них выбирали высокие, открытые места, чтобы удобно было наблюдать за морскими животными и приближением врагов. Полуземлянки строили из плавника, сверху покрывали сухой травой, шкурами и дерном. В крыше оставляли несколько четырехугольных отверстий для входа, забирались туда по бревну с зарубками. Жилище вмещало от 10 до 40 семей. Внутри, вдоль стен сооружали нары. Каждая семья жила на своей части нары, отделенных друг от друга столбами и занавесками. Под нарами хранили утварь. Летом переселялись в отдельные легкие постройки. В XIX в. традиционная полуземлянка видоизменилась: стены и крышу, сделанные из жердей и досок, обкладывали дерном. Наверху находился люк для освещения, сбоку – выход через небольшие сени. Освещали жилища жировыми лампами, иногда клали печи. Наряду с традиционной утварью пользовались привозной посудой фабричного производства.

Традиционной одеждой была *парка* – длинная глухая (без разреза спереди) одежда из меха морского котика, калана, птичьих шкурок. Поверх нее надевали камлейку – глухую непромокаемую одежду из кишок морских животных с рукавами, глухим закрытым воротом и капюшоном (прообраз европейской ветровки). Края капюшона и рукавов затягивали шнурками. Парки и камлейки украшали вышитыми полосами и бахромой. Сохранились традиционные промысловые куртки с капюшонами из сивучьих кишок и горл, штаны из нерпичьей кожи. Мужская и женская одежда полностью совпадала по крою и украшениям. Позже появился новый тип одежды – бродни – штаны из сивучьих горл, к которым пришивали непромокаемые *торбаса* –

Сумочки из трав (конец XIX – начало XX в.)

Головные уборы поражают формой, раскраской, рисунками, резьбой, цветной гравировкой на них

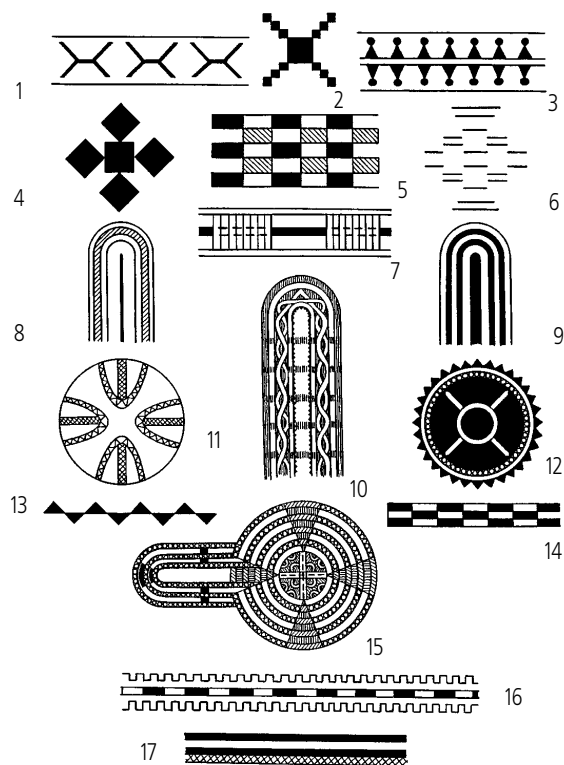
Парка из шкур птиц

Камлейка из сивучьих кишок для промысла

Для ритуальных головных уборов использовали мех нерпы, кожу, олений волос, трахею сивуча, клювы топорков

Орнаменты: 1, 3 – узоры на плетеном мешке; 2 – на табакерке; 4 – 5 – вышивка цветными нитками; 6, 7 – узоры на плетеных корзинах; 8 – 17 – на церемониальных и обрядовых головных уборах

мягкие сапоги из кожи морских животных. В повседневной жизни носили европейскую одежду.

Промысловыми головными уборами были деревянные шляпы конической формы (у вождей – *тоёнов*) либо без верха, с сильно удлиненной передней частью (у простых охотников), богато украшенные полихромной росписью, резной костью, перьями, сивучьими усами. Их надевали на капюшон камлейки. Шляпы выдалбливали из целого куска дерева, затем распаривали и, придав нужную форму, расписывали в яркие тона с причудливым орнаментом. С боков и сзади украшали резными пластинками из моржового клыка, гравированными геометрическим орнаментом, в который втирали краску. На вершину задней пластинки, служившей одновременно и верхушкой шляпы, крепили костяную фигурку птицы или зверя. В боковые отверстия пластинки вставляли 50-сантиметровые сивучьи усы, количество которых зависело от охотничьего достоинства владельца. Эти головные уборы носили только мужчины.

Празднично-обрядовыми головными уборами служили шапки разнообразной формы из кожи и птичьих шкурок с украшениями, кожаные повязки с узорными швами. Неотъемлемая часть праздничного убранства – ожерелья, ручные и ножные браслеты, вставки и подвески в отверстиях, проделанных в губах и возле губ, а также в носу, по краям ушной раковины и в мочке уха. Их изготавливали из кости, камня, деревянных и сланцевых палочек, перьев, усов морского льва, травы и корней растений. Алеуты наносили татуировку и раскрашивали лицо и тело, однако с началом контактов с русскими эта традиция стала ослабевать.

Мясо и рыбу ели в сыром, жареном или вареном виде. Впрок запасали в основном сушеную рыбу и китовый жир. Последний держали в пузырях из желудков морских животных.

К середине XVIII в. население каждого острова или группы островов представляло самостоятельное территориальное объединение со своим названием и диалектом. Предположительно, это были племена, состоявшие из родовых общин – объединений лиц, связанных кровнородственными отношениями и именем общего предка. Родовую группу возглавлял тоён. Он либо получал власть по наследству, либо избирался. В его обязанности входили торговые и политические связи, судебные дела, охрана лежбищ морского зверя, контроль за другими угодьями. Как военный глава вождь имел экономические преимущества только после военных походов и торговых сделок, в повседневной хозяйственной деятельности ему полагалась равная со всеми доля. Кроме вождя родовую группу возглавлял совет старейшин. В литературе есть упоминания о существовании родовых общинных домов для собраний и проведения праздников.

У алеутов имелись рабы (*калга*) – в основном военнопленные. Раб участвовал в обычной хозяйственной деятельности, в войнах. За храбрость или за хорошую работу он мог быть отпущен на свободу.

Сохранялись традиционные социальные нормы, связанные с пережитками группового брака (древней формы брака, когда группа мужчин считалась потенциальными

мужьями группы женщин) и нормами матрилинейности (от лат. *mater* – мать и *linea* – линия: счета родства по материнской линии); кросс-кузенные браки (от англ. *cross* – крест и франц. *cusin* – двоюродный брат: браки двоюродных братьев и сестер – пережиток группового брака, заключаемого между членами двух родов); многоженство и многомужество, авункулат (от лат. *avunculus* – брат матери) – обычай покровительства дяди по матери в отношении племянников; гостеприимный гетеризм (обычай, по которому муж предоставлял свою жену на ночь гостю).

В XIX в. родовые общины распались. С принятием христианства к середине XIX в. в основном исчезли калым – выкуп за жену и заменяющая его отработка за жену (муж 1 – 2 года жил в семье родителей жены и помогал вести хозяйство), а также многоженство, многомужество и гостеприимный гетеризм. Вместе с тем распространились обряды сватовства и венчания.

Для традиционных верований характерен анимизм (от лат. *anima*, *animus* – душа, дух) – представления о душе как жизненной силе и существовании добрых и злых духов и их влиянии на жизнь человека. Почитались духи предков, чьи изображения из камня, кости, дерева и птичьих шкурок передавали по наследству в качестве личных амулетов. Духов-покровителей изображали деревянные маски, которые надевали во время обрядовых плясок. Среди алеутов было распространено шаманство, в мифологии которого бытовали представления о разных мирах. Шаманский костюм, как и у некоторых народов Сибири, символизировал птицу. Помимо анимизма и шаманства существовала также охотничья магия (от греч. *mageia* – колдовство, волшебство), заключавшаяся в обрядах вызывания зверя, в особых охотничьих запретах и ношении амулетов, охраняющих владельца.

Умерших хоронили в сидячем положении. В небольших углублениях среди скал размещали родовые погребения. Туда же клали орудия труда покойного, оружие, посуду, ритуальные маски и личные амулеты (предметы, обладающие сверхъестественными, магическими свойствами). Знатных людей хоронили вместе с рабами в пещерах, у входа ставили раскрашенный столб или подвешивали тела покойных в корзинах между двумя столбами. Умерших бальзамировали.

Один из основных праздников – праздник зимнего солнцестояния – сопровождался плясками, драматическими представлениями охотничьих сцен и мифологических сюжетов, раздачей подарков. Обряды, предшествовавшие охотничьему сезону, славилась пантомимами и танцами под пение и бубен. Исполнители надевали специальные головные уборы и деревянные маски.

В конце XVIII в. алеуты, испытав сильное влияние русской культуры, были обращены в православие. Распространилось школьное обучение, двуязычие. Появились религиозные книги, переведенные на алеутский язык. Характерно, что некоторые аборигены стали миссионерами. Алеуты до сих пор остаются стойкими приверженцами православия, религиозные обряды исполняют на русском и алеутском языках.

Фольклор недостаточно изучен, фундаментальных его исследований не вели.

С птичьими перьями, шкурками и изображениями птиц были связаны магические обряды

Корзины из волокон травы

Мешок из мочевого пузыря животного

Существуют сказки, героический эпос (повествование), или богатырские сказки, рассказы о древних обычаях, бытовые рассказы, песни, поговорки и загадки.

Большинство сказок основано на мифологических сюжетах. Наиболее распространены мифы о духах животных-покровителях и этиологические (объясняющие причину возникновения различных явлений) предания о первоначальном бессмертии людей, происхождении людей от упавшей с неба собаки и др. Героический эпос включает предания о родоначальниках, о борьбе с людоедами, о переселении людей с материка на острова, рассказы о походах восточных групп алеутов на запад, о кровной мести, приводившей к жестоким войнам, и др. Бытовые рассказы повествуют о поездках на промысел, путешествиях; предания – о беглых алеутах, скрывавшихся от русских в пещерах, далеких путешествиях; сатирические сюжеты – об охотнике, умершем от обжорства внутри кита. Во многих сюжетах отражены традиционные семейно-родственные отношения: о неверности мужа или ревливой жене, сожительстве героя с женой двоюродного брата, враждебных отношениях зятя с шурином (братом жены) и др.

Песенный фольклор был чрезвычайно развит. На праздниках мужчины под звуки бубна воспевали подвиги предков, удалство в промысле, ловкость в управлении байдарой. Во время игр, обрядовых действий и исполнения сказок пели под аккомпанемент многострунной щипковой мечевидной цитры (*чаях*), которую позднее заменила гитара.

Хищническая эксплуатация промыслов американскими и русскими компаниями привела к обнищанию местного населения, подрыву основ традиционной культуры. В конце XIX в. рост численности населения затормозился, болезни и алкоголь привели к увеличению смертности. К 20-м гг. XX в. обнищание командорских алеутов достигло предела. После окончания гражданской войны на Дальнем Востоке началось восстановление разрушенного хозяйства на островах, развитие земледелия, скотоводства, рыбного и морского зверобойного промыслов. Процесс возрождения алеутов включал создание в 1925 г. зверосовхоза, выделение в 1928 г. Командорских о-вов в Алеутский национальный район, участие народа в управлении, подготовку кадров национальной интеллигенции, технических специалистов. С 1935 г. начался прирост численности населения, но многие из алеутов оседают на материке. Наряду с традиционными видами хозяйства развиваются новые отрасли – звероводство, животноводство и огородничество. Школьники с. Никольское (о-в Беринга) изучают родной язык. В конце 1960-х гг. открыт Алеутский народный музей, в 1994 г. – фольклорный ансамбль. На русском языке выходят газеты «Алеутская звезда» и «Абориген Камчатки». Передачи Гостелерадиокомпании «Камчатка» систематически рассказывают о деятельности общины алеутов, о народных праздниках, обрядах и обычаях аборигенов.

В 1996 г. Камчатский центр национальных культур объединил все национальные общины и областную Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера в Ассоциацию командорских алеутов. С 1999 г. она называется Ассоциация алеутов «Ансарко».

ВЕПСЫ

Численность — 12 142 человека.

Язык — финно-угорская группа уральско-юкагирской семьи языков.

Расселение — Республика Карелия, Ленинградская и Вологодская области.

Этническая территория вепсов в прошлом охватывала Межозерье — пространство между Ладожским, Онежским и Белым озерами. В Карелии поселения расположены на юго-западном побережье Онежского озера и выделены (в 1994 г.) в единую административную единицу — Вепскую национальную волость с центром в с. Шелтозеро. Здесь проживает 1400 человек прионежских вепсов. Самое большое количество вепских деревень — в Подпорожском (верховья р. Ояти), Лодейнопольском и Тихвинском районах Ленинградской области. Здесь их называют оятскими. Со стороны Вологодской области в прошлом располагались поселения шимозерских вепсов (более 5 тыс. человек). В конце 1950-х гг. вепское население вокруг Шимозера было переселено в Южное Приладожье. Это привело к изоляции куйско-пондальской (белозерской) группы вепсов Вологодской области. Южная группа вепсов расселена в современном Бокситогорском районе Ленинградской области. По данным переписи 1989 г., численность вепсов, проживающих в пределах своей этнической территории в Ленинградской области, составляет 3,5 тыс. человек, в Вологодской области — 0,7 тыс. человек. Сейчас половина вепсов проживает в городах, около 4 тыс. человек — в г. Петрозаводске.

В вепском языке выделяют три диалекта: на северном говорят прионежские вепсы, на среднем — оятские, шимозерские и куйско-пондальские, на южном — вепсы Бокситогорского района. Диалектные различия незначительны.

Единое название «вепсы» в сознании народа и в статистике утвердилось лишь на рубеже 20 — 30-х гг. XX в., в период национально-государственного и языкового строительства, полностью вытеснив существовавшее ранее название *чудь* для северных и средних вепсов и *чухари* для южных. Наряду с этнонимом *вепсад* во всех диалектных группах сохраняется и прежнее самоназвание: северные вепсы называют себя *людикелед*, средние — *вепсляйжет*, а южные — *чухарид*.

Полагают, что первые упоминания о гипотетических предках вепсов — *веси* — как отдельном племени *Ваз, Вази-на* содержатся в хрониках Иордана VI в., повествующих о событиях IV в. К тому времени *весь*, видимо, уже заселяла Межозерье. Археологические памятники VI — VIII вв., предположительно древневепские, обнаружены в Юго-Западном Белозерье. *Веси*, по мнению большинства исследователей, принадлежат

курганные памятники (погребальные насыпи) X — XIII вв. на территории современного расселения вепсов. Формирование *веси* как отдельного этноса ученые связывают с более западным регионом — Юго-Восточной Прибалтикой, откуда, как полагают, *весь* и продвинулась в Межозерье, коренную область ее обитания.

На рубеже первого и второго тысячелетий на территорию *веси* начинают проникать славяне. В древних летописях *весь* предстает как данница и союзница Руси, выступает одной из участниц в таком важнейшем событии, как «призвание варягов», образуя вместе с Русью и рядом финно-угорских и восточнославянских племен военно-политический союз, ставший основой русской государственности. Одновременно с Русью и *весь* приняла христианство. В XI—XIII вв. *весь* достигла высокого социально-экономического развития. Об этом свидетельствуют предметы, найденные в погребальных курганах, — ювелирные украшения, изделия из серебра, мечи, боевые топоры, наконечники стрел, копья, западноевропейские и арабские монеты и т.д. *Весь* вела оживленную торговлю, в основном мехами, с Волжской Булгарией. Современные ученые склоняются к мнению, что позднее *весь* вместе с другими прибалтийско-финскими племенами стала выступать на страницах летописей под именем «чудь».

Древние вепсы осваивали и местности северо-восточнее Межозерья. Вероятно, отдельные их группировки достигли бассейна Северной Двины. Предполагается, что их обитание здесь отражено в сообщениях русских исторических источников о заволоцкой чуди, а в скандинавских сагах — о легендарной Биармии. Наиболее восточные из этих этнических групп, дошедшие до Удорского края, влились в состав коми-зырян. Остальные растворились в потоке славянской колонизации этих районов.

Этническая история вепсов весьма сложна. Сталкиваясь со многими этносами, они испытывали различные воздействия с их стороны и сами оказывали на них влияние. И несмотря на значительные «потери», все же сохранились как самостоятельный этнос на своей территории.

По материалам переписи 1897 г., *чуди* и *чухарей* (вепсов) насчитывалось в Российской Империи 25,6 тыс. человек. Почти все вепское население составляли крестьяне.

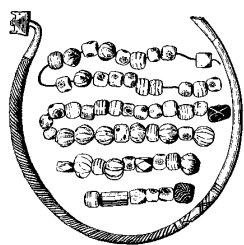
Основным занятием вепсов было земледелие — с весьма архаичным способом землепользования — подсекой: на выбранных для пашни участках вырубали и сжигали лес. Зола служила необходимым удобрением. Основные ору-

дия земледельца: топор, косарь, мотыга, двузубая конная соха разных модификаций. Выращивали ячмень, овес, рожь, пшеницу, из овсяной — в основном репу (сохранился старинный способ сева репы — «плевание» из березовой ложки). Из технических культур — лен, коноплю, хмель. Второстепенную роль играло скотоводство. Оно ценилось как источник органи-

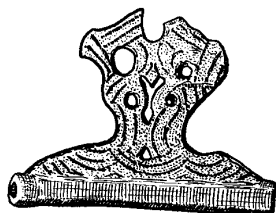
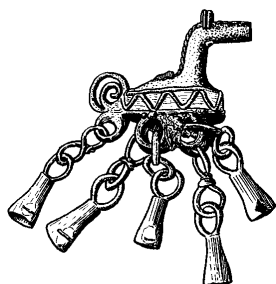

Дом украшали «конской головой»

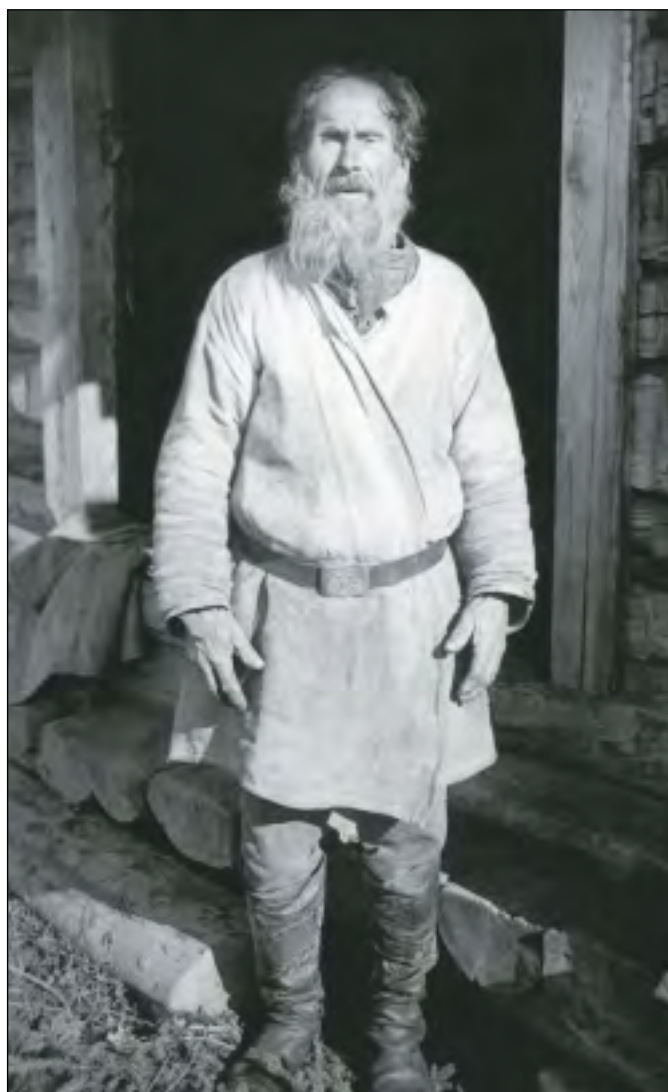
ЖЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ

Стеклянные и сердоликовые бусы.
Шейный обруч и браслет из металла. X в.

Коньковая шумящая подвеска.
Игольник. XII – XIII вв.

ческих удобрений, хотя в некоторых местностях в конце XIX в. разведение племенного скота для продажи в Петербург давало населению значительные доходы. Охота и рыболовство также имели вспомогательный характер, причем дичь и ценные сорта рыбы издавна вывозили на петербургские рынки. Были развиты домашние ремесла: женские — прядение, ткачество, изготовление глиняной посуды, мужские — деревообработка, плетение из бересты, обработка и выделка шкур, кожи. До XVIII в. на местных рынках продержались изделия вепсских мастеров, металлургов, кузнецов, ювелиров, ими торговали и на ярмарках за пределами вепсской земли. В деревнях средних вепсов имелись квалифицированные ремесленники, занимавшиеся изготовлением огнестрельного оружия, так называемых пицалей, пицалей винтовальных, винтовок, а также различных изделий из серебра. Широкое хождение в XIX в. имела оятская керамика, центр которой находился в с. Надпорожье. Ее продавали в Олонецкой и Новгородской губерниях, Петербурге, вывозили в Финляндию. Гончарный промысел сохранялся до 30-х гг. XX в. Важную роль со второй половины XIX в. стали играть заготовка и сплав леса. Сплавщики, как правило, объединялись в артели, а лесорубы работали семьями.

В Олонецкой губернии вепсы-отходники из Прионежья специализировались на камнеломно-каменетесном промысле, большинство вепсских мастеров работали на строительстве Петербурга. Добытый в Прионежье малиновый кварцит, или шокшинский порфир, использовали при отделке Казанского и Исаакиевского соборов, Зимнего дворца, Храма Христа Спасителя; позднее — для облицовки Мавзолея на Красной площади, памятника Неизвестному солдату у стен Кремля и других сооружений.

Первоначально у вепсов преобладал прибрежный тип поселений (речной и озерный), позднее деревни стали располагаться на сухих высоких местах. Малодворные деревни составляли так называемые «гнезда». Наиболее архаичные постройки *веси* имели столбовую конструкцию; их сменили срубные полуземлянки, древнейшие — однодвухкамерные сооружения — отапливались по-черному, открытым очагом, затем печью без дымохода. Жилье вепсов сходно с домами карел и северных русских и представляет собой комбинацию собственно жилого рубленого дома с хозяйственными помещениями — клетью и двором. Дома прионежских вепсов более монументальны, чаще двухэтажные. К избам и селям средние и южные вепсы под прямым углом пристраивали боковую избу. Бытовали также оригинальные способы рубки углов *койран кагл* («собачья шея»), а при возведении амбаров — обтеска углов в шестигранник, именуемая в архитектуре шведской рубкой. Крыши крыли соломой, позже тесом, дранкой. Еще в 70-е гг. XX в. в жилищах встречались потолки из круглых бревен.

В избе слева или справа от входа сооружали печь, над шестком которой подвешивали котел. Рядом с печью — вход в подпол. Интерьер избы включал встроенные широкие лавки, полаты над входом. Стол ставили у фасадной стены,

Житель д. Конец Шелтозерского района.
Фотография из музейной коллекции

там, где размещался «божий», или «красный», угол с иконами. У печи находилась деревянная лохань с рукояткой. Посреди избы подвешивали на деревянном оцепе лубяную или плетенную из щепы люльку. Дополняли обстановку деревянные кровати, лубяные короба, сундуки, шкафы-посудники.

Северные вепсы наличники украшали изображениями женских антропоморфных фигур — покровительниц дома. У средних вепсов подобные изображения известны на часовнях и церквях. В оформлении «куриц», «конька-охлупня», наличников, а также надгробных крестов встречаются изображения птиц и коней, резные солнышки, треугольники, квадраты, прямоугольники, елочки.

В конце XIX в. появляется роспись масляными красками на дверях, ставнях, внутри избы — соляными знаками и растительными мотивами. Один из лучших образцов — дом И.И. Мелькина в с. Шелтозеро, где ныне размещается сельский музей вепской народной культуры.

Традиционная одежда на рубеже XIX — XX вв. имела много общего с карельской и северо-русской. Ее шили в основном из льняной, полшерстяной и шерстяной дмотканы, позже — из хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных фабричных тканей.

Древнейший тип девичьей и женской одежды — юбочный

Вепское с. Ладва Ленинградской обл.

комплекс, преобладавший в Прионежье и на Ояти, — состоял из рубахи и юбки. Нижнюю часть рубахи — станушку — шили из грубого льняного полотна, подолы украшали вышивкой красного цвета, верхнюю часть в конце XIX в. шили из фабричной ткани. Верхние юбки, полшерстяные или шерстяные, имели продольный или поперечно-полосатый рисунок с цветной широкой каймой, иногда достигавшей 2/3 длины юбки. Подол праздничной верхней юбки иногда затыкали за пояс, выставя напоказ вышитую часть станушки. Поверх юбки подвязывали пояса и передники.

Более поздний сарафанный комплект одежды включал синий, кубовый сарафан (*красик сарафон*), в начале XX в. его надевали только пожилые женщины. Позднее на смену юбочному и сарафанному наряду пришла «парочка»: верхняя кофта-казачок и юбка из фабричных тканей. Из украшений носили стеклянные бусы, металлические кольца и серьги. Головные уборы замужних женщин — сороки, сборники, повойники — шили из ярких парчовых тканей с очельем и затылочной частью, украшали вышивкой из золотых нитей, бисером и блестками. Богатая вышивка была характерна и для других элементов одежды девушек и молодых.

Мужская одежда состояла из льняной рубахи-косоворотки, светлых и полосатых штанов. Костюм дополнял шейный платок. На свадьбу жених надевал белую льняную рубашку и белые порты с бахромой, украшенные понизу красной вышивкой. Непременными деталями мужского и

Вепская изба в д. Еремеев Погост. Карелия. 1930-е гг.

В крестьянском доме. Карелия. Конец 1930-х гг.

Вепская семья из д. Пелкаска Ленинградской обл. 1927

Приметы старого быта. Ткацкий станок

женского костюмов были длинные плетеные или тканые пояса с кистями на концах.

В холодное время года носили тулупы, зипуны из шерстяных и полушерстяных тканей, балахоны, кафтаны, кофты. Женщины надевали поверх головного убора теплые платки. Основной обувью были сапоги, в летнее время для работы использовали берестяные лапти. Специфический способ вязки рукавиц и носков одной иглой сохранился у вепсов до сих пор.

Многие элементы традиционного костюма обладали обрядовой функцией. Оберегами были пояса, их носили постоянно. Новобрачные, боясь порчи, подпоясывались под одежду куском рыболовной сети с завернутой в него высушенной щучьей челюстью. Символический характер имел обычай вытирать новобрачную подолом рубахи свежесваренной кровью (привить послушание), заворачивать новорожденного в рубаху отца или матери (для усиления родительской любви). Из древности дошел обычай шить похоронную одежду из светлой (белой) ткани.

Вепсская община сохраняла традиционную систему родственных и свойственных связей. Ее границы совпадали с границами погостов. Во владении общины находились коллективные пастбища, сенокосные и рыболовные угодья, леса. Как хранитель обычного права община занималась распределением общинных земель, выполнением совместных строительных, ремонтных и сельскохозяйственных работ, наймом на работу и т.п. Община избирала на сходе старост, сборщиков казенных налогов, мирских

Печь, используемая как баня

дьячков (секретарей общины) и приходских священников. Она же разрешала споры между крестьянами, оказывала помощь малоимущим и вдовам, собирала мирские деньги на нужды общины. Община-погост была также единицей религиозной структуры, имея свой церковный или часовенный приход, свой праздник и свое кладбище. Община определяла и повседневное обрядово-ритуальное поведение своих членов, религиозно-нравственные установки и общественное мнение.

У вепсов большая семья, состоящая из 3 — 4 поколений, просуществовала до коллективизации. Глава большой семьи — старейший мужчина, дед или отец — хозяин (*ижанд*).

Он руководил всей хозяйственной и обычной жизнью семьи. Хозяйка (*эмяг*) ухаживала за скотом (кроме лошадей), домом, готовила пищу, шила одежду. Положение женщин и мужчин было достаточно равноправным. При вступлении в брак девушка получала от своей семьи приданое (одежда, ткани, утварь, скот), бывшее ее собственностью. Вдова имела право на возврат приданого, а бездетная вдова могла рассчитывать на «пожилое» — заработок за прожитые годы в семье мужа. Существовало прима-

Шимозерские вепсы. Ленинградская обл. 1930-е гг.

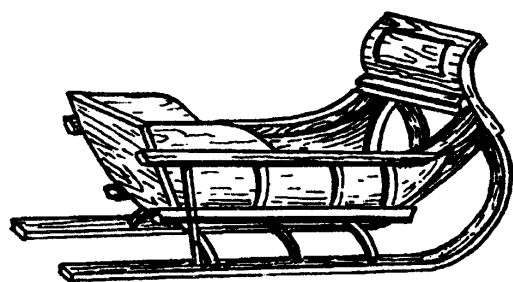

Мужская
праздничная рубаша

Женская рубаша

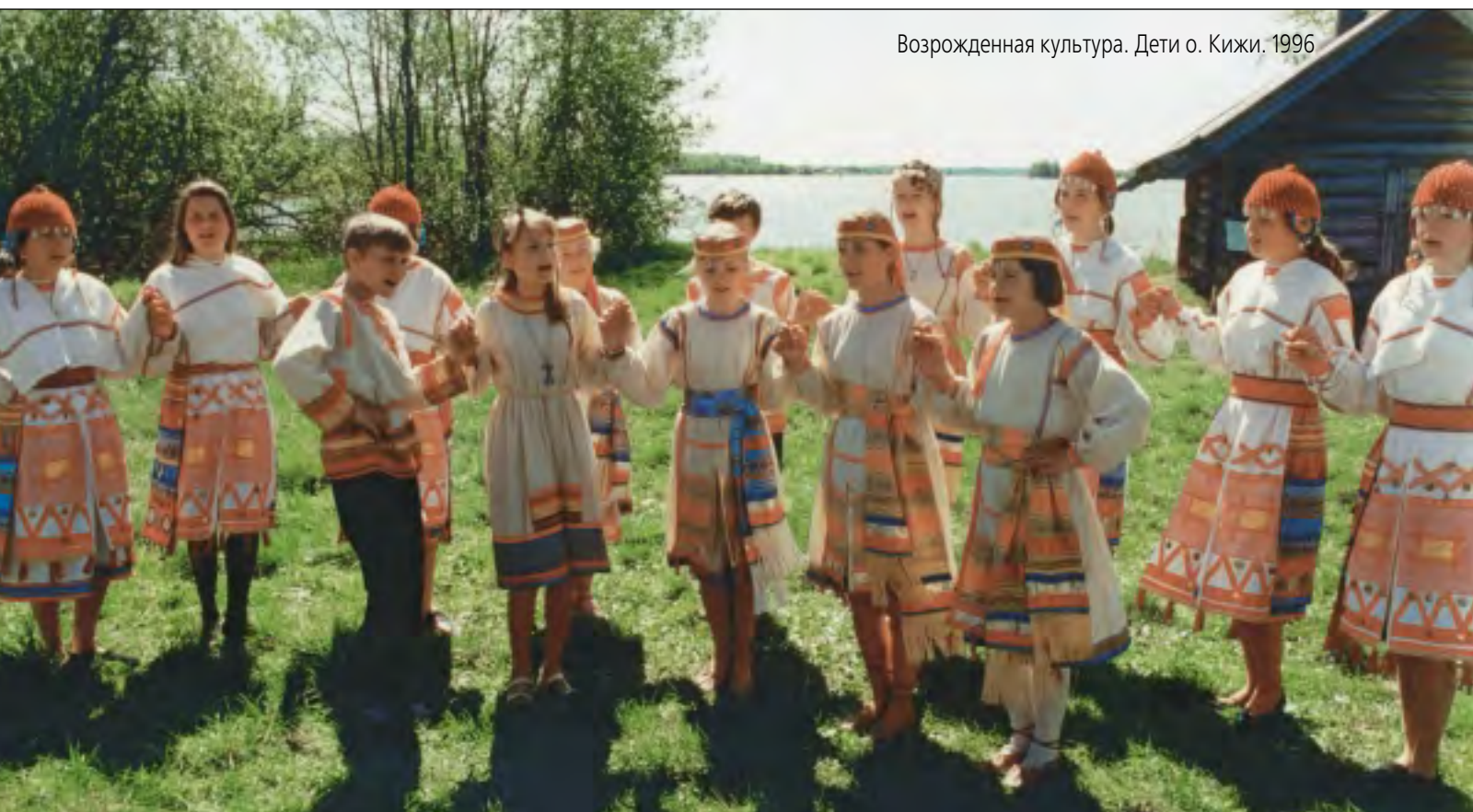
Праздничные сани

Фольклор создавался на родном и русском языках. Известны сказки-анекдоты, волшебные, о животных, с легендарным сюжетом, пословицы, загадки. Распространены также предания о заселении и освоении края, об основании новых деревень, о выборе места для строительства церкви. Известны предания о чуди как предках вепсов. Очень популярны былички о взаимоотношениях людей и «хозяев» дома, леса, бани, озера, их жен и детей, о проклятых людях, особенно детях. Считалось, что вернуть проклятого человека можно только с помощью колдуна, заговоров, принесения жертвы — подарка «хозяину» стихии. Подобные истории рассказывали детям в назидание, но

Праздник в д. Нюргойл.
Карелия. 1916

Возрожденная культура. Дети о. Киж. 1996

чество, обычно в зажиточных семьях, где положение зятя-примака (*кодивяву*) было довольно зависимым. Наряду с договорным браком, аналогичным русскому по сватовству, сохранялась еще в начале XX в. архаичная форма — брак «самоходкой».

они были популярны и среди взрослых. Рассказы о чертях примыкают к сказкам-анекдотам, это исключительно мужской жанр. Известны лечебные, магические, промысловые, оградительные заговоры. Их исполнение всегда сопровождается магическими действиями, в которых ис-

На реке близ д. Чайгл. 1916

пользуются вода, соль, вино, табак, сахар, носовые платки и полотенца, веники, а также амулеты (коготь рыси, медведя, кусочек смолы). В вепских деревнях существовали знахари (*нойдад*), которые специализировались в узких областях магии — лечебной, любовной, промысловой.

В традиционной музыкально-поэтической культуре вепсов прослеживаются параллели с архаичными пластами культуры прибалтийско-финских (эстонцы, водь, ижора, карелы) и других финно-угорских (коми-зыряне, северные удмурты, мордва, мокша, марийцы), а также балтийских (литовцы) народов. Наряду с причитаниями, свадебными, лирическими, протяжными, плясовыми, игровыми, колыбельными песнями бытуют так называемые календарные и лесные выкрики, призывы животных, сказки, дразнилки, потешки, короткие песенки, песни-романсы, заговоры.

Специфически вепским жанром являются короткие песенки с четырехстрочным стихом и протяжным медленным напевом. Обычно их пели девушки и женщины, как на русском, так и на вепском языке, в лесу во время сбора малины, на сенокосе.

Хранят вепскую музыкально-поэтическую традицию сейчас в основном пожилые женщины. В их песенных ансамблях до десяти человек.

Первые церковно-приходские школы для вепсов были открыты в Прионежье еще в 1805 г. Обучение проводилось на русском языке. Вначале учили только мальчиков. По данным переписи 1897 г., среди прионежских вепсов грамотных было 18,4 %, почти в два раза больше, чем у остальных групп вепсов (10,4 %). Доля грамотных вепсов везде была очень мала — около 2 %. Зато в Прионежье среди мужчин-вепсов грамотность была даже несколько выше (35,5 %), чем у окружающих русских (34,9 %). В 1913 г. в Санкт-Петербурге в помощь учителям, преподающим вепским детям, вышел Чудско-русский словарь, подготовленный учителем П.К. Успенским.

Первый этап национального возрождения вепсов пришелся на 20 — 30-е гг. XX в. Однако меры, предпринятые государственными органами для их национального развития, носили непоследовательный и ограниченный характер. Сохранялось административное разделение вепской территории. В Карелии для вепсов образовали Шелтозерский национальный район, в Ленинградской области — Винницкий. В соседних районах выделено 15 национальных вепских сельсоветов.

В 1931 г. была создана вепская письменность на основе латиницы. В 1932 г. в Ленинградской области 49 началь-

ных и 5 неполных средних школ начали обучение вепских детей на родном языке. С 1932 по 1937 г. было издано 30 учебных пособий на вепском языке. Одновременно велась подготовка учительских кадров. В г. Лодейное Поле в педагогическом техникуме училось 60 студентов-вепсов. В Карелии, где по решению местных властей национальным языком для карелов, вепсов и финнов был утвержден финский, в этот период вепсы в школе обучались на финском языке. И только в 1937 г. вепские школы перевели на обучение на родном языке. Но оно продолжалось всего два месяца. В конце 1937 г. деятельность по национально-культурному развитию была прекращена, многие представители вепской интеллигенции обвинены в национализме и репрессированы; вепскую письменность запретили; прекратилось преподавание на вепском языке, изъяты национальные учебники и литература. 50 лет вепский язык оставался бесписьменным. Винницкий национальный район и национальные вепские сельсоветы в Ленинградской области признаны «неправильно считающимися национальными». Часть вепских поселений из Ленинградской области передавались в Вологодскую область. С тех пор исконная вепская территория оказалась разделенной между тремя регионами. Внутри регионов районное деление буквально «разрезало» ее на части. В каждом районе вепские поселения стали окраинными и поэтому в период ликвидации неперспективных деревень в 1950 — 1970 гг. первыми подверглись переселению. В Вологодской и Ленинградской областях при проведении переписей 1970 и 1979 гг. вепсов стали записывать русскими, а при смене паспортов вепскую национальность «исправляли» на русскую. Численность вепсов быстро сокращалась: с 1926 по 1979 г. с 33 до 8 тыс. человек.

Перепись 1989 г. вернула этносу его права, численность вепсов составила 12 тыс. человек. С 1987 г. восстановлена вепская письменность, началось изучение родного языка в школах. К настоящему времени изданы учебная литература для начальной школы, словарь вепского языка, выходят художественные произведения, газета «Кодима».

В Петрозаводском государственном университете и Карельском государственном педагогическом университете открылись кафедры для подготовки специалистов и учителей вепского языка, регулярно выходят радио- и телепередачи на вепском языке, в Петрозаводске открыта финно-угорская школа, где получили возможность изучать родной язык дети городских вепсов. В Вепской национальной волости вепский язык как обязательный предмет изучают школьники 1 — 7-х классов.

Роль связующего звена между вепсами всех регионов взяла на себя общественная организация «Общество вепской культуры». Она стремится сделать доступными для всех вепсов книги и газеты на родном языке, помогает поступать в вузы Карелии абитуриентам из вепских сел Ленинградской и Вологодской областей, организует курсы для преподавателей вепского языка. С 1993 г. ежегодно при участии Общества проводится межрегиональный детский конкурс знатоков вепского языка, в 1999 г. в знании родного языка впервые соревновались семьи.

В 2000 г. вепсы были включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

ДОЛГАНЫ

Численность — 6945 человек.

Язык — тюркская группа алтайской семьи языков.

Расселение — Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ, Республика Саха (Якутия), Красноярский край.

Кроме этнонима — *haka* распространены также региональные самоназвания — *дулгаан, тыа кийитэ, тыалар*.

Долганы различаются по говорам: западные, восточные и попигайско-анабарские; в 1989 г. родным языком владели свыше 83% долган.

Долганская письменность на основе русского алфавита была официально принята в конце 1970-х гг., первая книга вышла в свет в 1973 г., первый долганский букварь — в 1981 г.

Долганы сформировались как этнос сравнительно недавно, в XVII — XIX вв., путем смешения и слияния групп других народов — эвенков (тунгусов), якутов, энцев (самодийцев) и русских (так называемых затундренных крестьян), а также усвоения отдельных элементов культуры соседей — эвенов, нганасан. В XVII в. тунгусские роды с названием Долган были известны в районах Анадыря, Гижиги, на Камчатке, Охотском побережье; роды Эджен (Эдян) — в бассейне р. Алдана, в районе Аяна на Охотском побережье и т.д. В конце XVII в. в бассейне р. Хатанги и на р. Хете появляются первые якуты-переселенцы, которые позднее образовали здесь Нижне-Затундринскую якутскую волость. Еще раньше, с первой половины XVII в., по рр. Пясины, Дудыпте, Боганиде, Хете, Хатанге селились русские «промышленные» люди (занимающиеся промыслом), положившие начало старожильческому русскому населению, известному в дальнейшем под названием затундренных крестьян. Эвенкийские роды, ставшие впоследствии ядром долган, в XVII — XVIII вв. контактировали с якутами-переселенцами и, приняв их язык, вместе с ними мигрировали (перемещались) по общей территории. В течение XVIII в. группы долган переселились на северо-запад, на рр. Попигаи и Хатангу, Донгот и Эджен — в район Норильских озер, Карынтуо — в бассейн Боганиды. Оставшиеся на р. Лене вошли в местные якутские наследи отдельными родами.

В XIX в. на Таймыре активно протекал процесс взаимного сближения различных групп населения. Якутский язык становился господствующим для тунгусских родов и большей части затундренных крестьян. Межнациональные браки все более стирали различия между ними. Накануне Октябрьской революции образовалось несколько родов, возглавляемых родовыми старостами: долгано-енисейский (собственно Долган), жиганско-тунгусский (Эджен), долгано-тунгусский (Долгот) и боганидско-тунгусский (Карынтуо). Хозяйство и культура отра-

жают сложное происхождение народа. Его традиционные занятия — оленеводство и охота, а в отдельных районах — рыболовство. Долганы вели кочевой образ жизни, не выходя за пределы лесотундры. Зимой норильские и попигайские долганы жили обособленно друг от друга, иные группы — совместно, по пять-шесть хозяйств, некоторые — оседло в постоянных избах. С наступлением весны образовывали кочевые группы из нескольких семей, владевших угодьями. Оленей охраняли круглосуточно караульные от каждого хозяйства. Осенью группы распадались, семья самостоятельно подготавливала к зиме песцовые ловушки-пасти и охотилась на диких оленей.

Оленеводство сочетало в себе традиции тунгусского верхового и приемы санного оленеводства, заимствованные у самодийцев (ненцев). Летом оленей использовали под седло и выюк, а зимой — в упряжке. Нарты в основном были косокопыльными, сходными с ненецкими и нганасанскими, но встречались и якутского типа, с низкими прямо поставленными копыльями. Передового оленя запрягали и управляли им вожжой справа, тогда как у ненцев, энцев и нганасан — слева. Как эвенки, долганы доили оленей и, как ненцы и нганасаны, использовали пастушескую собаку. Седла и способ езды верхом были тунгусского типа. Охотились на песцов, гусей, уток, куропаток. По преданиям, на диких оленей охотились с луком и стрелами, расставляли самострелы (большой лук, настороженный на звериной тропе). С конца XIX в. начали пользоваться огнестрельным оружием, часто с отравленными пулями. Яд извлекали из прогорклого жира дикого оленя. Большое значение имели осенние коллективные посылки оленя при переправах через реки (животных закалывали в воде копыями). Летом и осенью их выслеживали с помощью охотничьей собаки. Осенью, в период гона диких оленей, использовали прирученного оленя-манщика, которого подпускали к диким. Зимой охотились на оленей гоньбой: запрягали в легкие нарты четырех оленей и часами гонялись за выслеженным стадом. Подкрадываясь к стаду диких животных, охотники маскировались щитком, поставленным на полозья, передвигались на широких лыжах тунгусского типа (как у эвенков). Для водоплавающей дичи расставляли сети, силки, капканы, для песца — ловушки-пасти: зверь хватал приманку, вытягивал наживную палочку и ронял на себя бревно гнетка. Охота на песца

имела главным образом товарное значение.

При подледном лове применяли ставные сети-пушальни из ниток или конского волоса. Сети привязывали к жердям и пускали по течению. При ловле рыбы пушальнями, как неводами на горных речках, тягловой силой служили верховые олени. Крючки на щуку, хариуса, кунжу изготавливали кустарным способом из гвоздей. Лодки небольшого размера покупали у русских и якутов.

Суконный кафтан (вид спереди и сзади)

Традиционное кочевое жилище — конический чум тунгусского типа (как у эвенков), летом — укрытый покрывками из ровдуги (грубо выделанная оленья или лосиная замша), а зимой — оленьими шкурами. В старину устанавливали *голомо* и *балаганы* якутского типа (каркасные жилища из наклонных столбов, плах, досок, обложенные дерном), без окон и нар. С приходом русских начали жить в *балках* (нартяных чумах), домиках на полозьях. Балок — прямоугольный каркас, снаружи обтянутый оленьими шкурами, а изнутри — ситцем. Его устанавливают на больших санях, перевозят упряжкой из пяти — семи оленей. Окна в нем застеклены, есть железная печь, нары, стол, иногда стулья. Балком пользуются до сих пор, он удобен при перекочевках. Из хозяйственных построек сооружали лабазы-помосты и амбары на высоких столбах.

Мужская и женская одежда различалась. Верхнюю одежду шили из покупных тканей. Мужчины носили рубашки и штаны, женщины — платья, поверх которых надевали закрытые фартуки и пояса, расшитые бисером (мелкими стеклянными или фарфоровыми цветными бусинками); нижнего белья не было. Мужчины и женщины летом и зимой носили суконные кафтаны (*сонтан*), зимой — песцовые и заячьи шубы. Оленьи распахнутые (с разрезом спереди) парки похожи на эвенские, хотя полы у них сходятся. Носили парки с нагрудниками, похожими на эвенкийские. Характерная особенность мужской и женской одежды — несколько удли-

Праздничная обувь

ненный сзади подол. Шапки (*бэргесэ*) имели форму капора с верхом из сукна или лисьих камусов (шкура с ноги), расшитых бисером и цветными полосками ткани. Зимнюю обувь длиной до колен и выше изготавливали из оленьих камусов, расшивали бисером, летнюю шили из ровдуги. Праздничную одежду и обувь богато украшали бисером, аппликациями из цветных полосок ткани, вышивали подшейным волосом оленя по ровдуге, окрашенной в красный цвет отваром ольховой коры или охрой, а в черный — графитом. В прошлом на лямках и поясах оленьей упряжки встречались вышивки нитками из сухожилий. Мужским ремеслом была резьба по мамонтовой кости, для нее характерны резные нащечные пластины оленьего недоуздка, инкрустация черенков ножей оловом с оригинальным геометрическим орнаментом.

Ели в основном вареные и вяленые мясо и рыбу. Из мороженой рыбы делали строганину. Использовали в пищу коренья, ягоды, пекли лепешки, оладьи.

Счет родства у долган велся по мужской линии. Терминология была якутской. Родовая организация распалась к XIX в., но сохранились коллективные формы охоты на диких оленей и птиц, рыбной ловли и т.д. Добытых оленей и выловленную рыбу делили между родственниками и соседями, товарная пушнина оставалась собственностью охотника. Богатые хозяева — владельцы больших стад оленей в работниках использовали своих бедных родственников. Во второй половине XIX в. в среде долган

появились посредники для взаимодействия с русским и якутским купечеством, эксплуатировавшие своих сородичей.

У долган сохранялись анимистические воззрения. Боже-ства и духов они делили на три категории: невидимые су-щества, способные вселяться в любой объект (*иччи*); духи, доброжелательные к людям (*айыы*); духи, недоброжела-тельные к людям, обитающие в подземном мире (*абаасы*). У шаманов (*ойун*) костюм и бубен были якутского типа. Как и у соседних самодийских народов, долганские шама-ны различались по уровню владения магическим мастер-ством: «певцы-врачеватели» (*ырыахыт*), не имевшие кос-тюма с погремушками и бубна; «шаман, обращающийся за помощью к духам Нижнего мира» (*муолин ойун*); «шаман,

Мужская шапка-капор из сукна, расшитая бисером

имеющий удила» (*уостуган ойун*), т.е. обладающий комп-лектом ритуальных атрибутов. Как у эвенков и якутов, ша-маны долган могли быть «мелкими, слабыми» (*ылгын*), «средними» (*орто*) и «великими» (*атыыр*) из-бранниками духов. Народ почитал се-мейных и охотничьих покровителей (*сайтаанов*). Ими могли быть различ-ные предметы (причудливой формы камень, рога оленя и т.д.), в которые шаман вселил духа — *иччи*. Наряду с этим существовала культовая дере-вянная скульптура.

Покойников хоронили в земле. Вос-точные долганы делали над могилой сруб, украшали его затейливыми узорами, у могилы убивали оле-ня, а одежду и личные вещи по-койника оставляли тут же, на зем-ле, или вешали на дерево. Западные (но-рильские) — сруба не делали, но на земляной хол-мик сваливали дерево.

В долганском фольклоре самобытные черты соединены с элементами якутского фольклора *олонхо* (по характеру ис-полнения он — зародыш народной оперы), эвенкийских

Очаг в чуме — костер, обложенный дерном

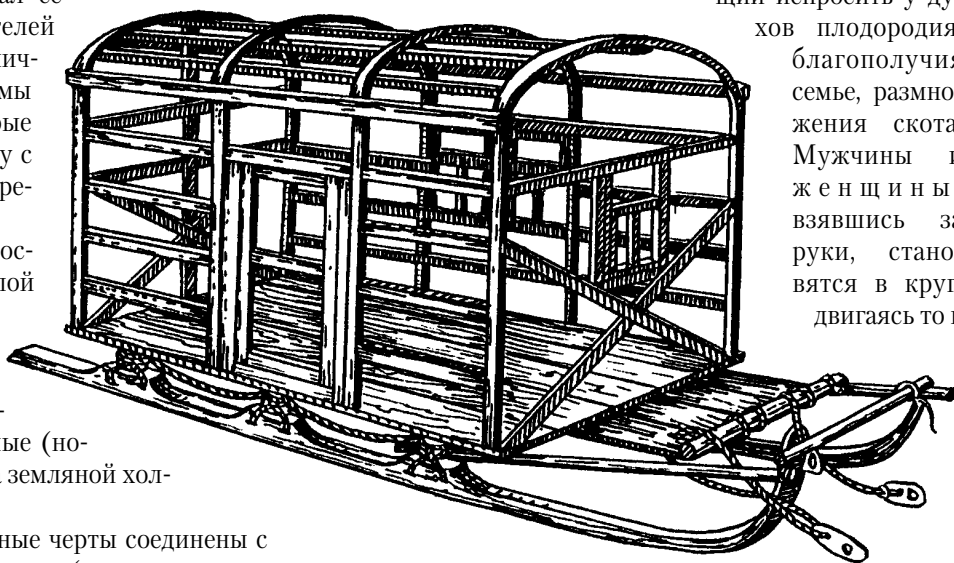
сказаний, русских сказок и т.п. В самобытных фольк-лорных жанрах отражены реальная природа Севера, кочевой быт. В заимство-ванных сюжетах описаны оседлая жизнь, иная приро-да, социальные отношения, не свойственные Северу.

Выделяют следующие жанры фольклора: загадки, песни, сказки, предания, рассказы-были. Сказки о животных, волшебные и бытовые — наиболее распространенный в на-ши дни жанр. Предания и рассказы-были отражают ста-ринные родовые, межплеменные и внутрисемейные отно-шения. Короткие лирические, любовные и длинные песни импровизируют «песенные люди». Загадки широко быту-ют у детей и взрослых. Пословицы и поговорки в основ-ном заимствованы у якутов.

Музыка в жанровом и стилистическом отношении пред-ставляет собой вариант культуры северных якутов и имеет родственные связи с музыкой эвенков, эвенов, нганасан, энцев, ненцев и северо-сибирских русских старожилов. Из жанров выделяют эпическую, обрядовую, инструменталь-ную и фоносигнальную музыку, а также песни. Они всегда связаны с персональной певческой традицией, характер-ной для тунгусских и самодийских этносов. Песни-обраще-ния юношей и девушек имеют важное значение в форми-ровании семейно-брачных отношений в традиционной этни-ческой среде. Пожилые исполняют песни-размышления о прожитой жизни, о человеке, об окружающей природе. Обрядовые жанры можно разделить на общеплеменные и шаманские. К первым относят круговые песни-пляски, ко вторым — ритуалы шамана (или шаманки) с песнопением, звукоподражанием, речитативом, возгласами, игрой на бубне, звуками подвесок-погремушек.

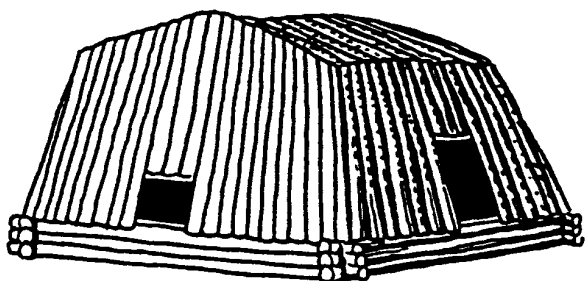
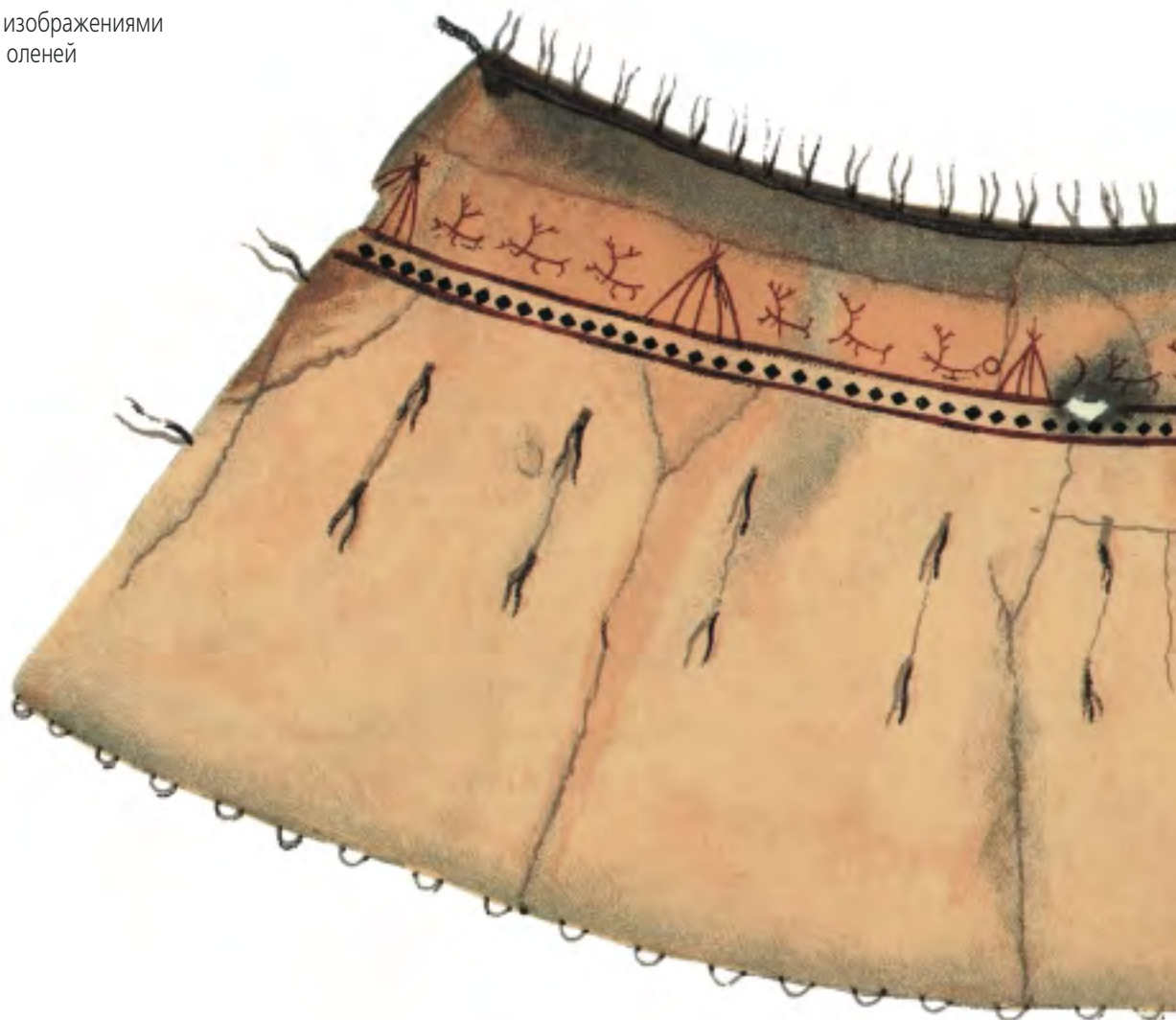
С начала XX в. играют на якутском самозвучащем щипко-вом варгане — металлической пластинке с вырезанным в ней язычком, к которому крепят веревочку. Распростра-нен также хороводный танец *Хэйро*, помогаю-

щий испросить у ду-хов плодородия, благополучия семье, размно-жения скота. Мужчины и же н щ и н ы , взявшись за руки, стано-вятся в круг, двигаясь то в

Каркас балка

Нюк – покрывало чума с изображениями солнца, луны, жилища и оленей

Балаган. Жилище якутского типа, каркасное, из столбов и бревен. В основании – трехвенцовый сруб

одну, то в другую сторону и припевая в такт ударам ног: «Ехорь-е, ехорь-е, чах, чех, чех, ехэрь-е» или «хэй-нан-хачу, хай-нан-хачу». Непременный атрибут танца — вбитый в землю или лед в центре круга шест (хорей), которым погоняют оленей.

Музыкальные инструменты отражают особенности хозяйственного уклада, обрядовые традиции и специфику художественного мышления: подвеска-ботало на рогах оленя (каангалда); ботало (колокол) на шее упряжного оленя для отпугивания волка (купулээн); погремушки-бубенчики на праздничной одежде детей (кобо), у женщин и в шаманском одеянии подвески (уостаак кобо), в оленеводстве металлические шары на оленях (каагыр кобо); колокольчики на детской колыбели и одежде (чуораан); звякающие

Во главе аргиша — глава семьи. Верховые олени везут имущество, последний олень — жерди для чума

украшения-подвески на одежде (*тингкинэс*). Особое место занимают шаманские атрибуты: бубен (*дингур*); подвески-погремушки, символизирующие кости и перья (*кыыраан*); ремень с тремя колокольчиками, за который шаман держится во время камлания (*ситим*) — ритуала общения с духами.

Долганы компактно проживают в поселках Хатангского и Дудинского районов Таймырского автономного округа и в г. Дудинке. По-прежнему занимаются оленеводством, с которым также связано народное художественное творчество и прикладное искусство — резьба по оленьей и мамонтовой кости, обработка одежды и обуви оленьим мехом и бисером, пошив национальной одежды, оформление домашней утвари для кочевой жизни.

Преподавателей долганского языка готовит педагогическое училище в г. Дудинке. Для начальной школы изданы учебники родного языка. Среди долган Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Республики Саха (Якутия) есть известные писатели, поэты, журналисты, профессиональные художники, ученые и специалисты в области языкознания, истории, географии, педагогических наук.

В Республике Саха (Якутия) популярен национальный детский ансамбль «Хейро». Гостелерадиокомпания «Таймыр» готовит передачи на долганском языке, а газета «Таймыр» публикует материалы, посвященные возрождению традиционного уклада жизни, развитию языка и культуры долган.

ИТЕЛЬМЕНЫ

Численность — 2480 человек.

Язык — чукотско-камчатская семья языков.

Расселение — Камчатская и Магаданская области, Корякский и Чукотский автономные округа.

Древнейшее население Камчатки. С конца XVII в. известно как камчадалы. В трудах путешественника С.П. Крашенинникова упоминаются названия локальных и диалектных групп: *кша-агжи*, *кыхчерен*, живших между рр. Жупанова и Немтик; *чуагжу* или *бурин* — между Верхним Камчатским о-вом (современным Верхне-Камчатском) и р. Жупанова; *лингурин* — между рр. Немтик и Белоголовой и *кулес* — к северу от р. Белоголовой. Самоназвание *итэн-мэн* — «тот, кто существует» — зафиксировано в конце XIX в. только у северо-западных ительменов. Это название в материалах Приполярной переписи 1926 — 1927 гг. применено к жителям одиннадцати селений северо-западного побережья, сохранивших родной язык. В восьми из них — Сопочное, Морощечное, Белоголовое, Хайрюзово, Ковран, Утхолок, Напана, Седанка — они составляли большинство населения и только в трех — Тигиль, Воямполка, Палана — были в меньшинстве.

В ительменском языке выделяют седанкинский, хайрюзовский, напанский диалекты. На современную лексику оказали влияние корякский и русский языки. В настоящее время народ двуязычен. Русский является языком внутри- и межэтнического общения и обучения. Лишь 18,8% населения, преимущественно представители старшего поколения, родным считают ительменский язык.

Попытка создания ительменской письменности (на основе латинской графики) была предпринята в 1932 г., но уже в 1935 г. от нее отказались, посчитав ительменов крайне малочисленными, поголовно владеющими русским языком. Сейчас работа по развитию письменности и методики преподавания в школах ительменского языка возобновлена.

До прихода русских на Камчатку часть предков современных ительменов на севере смешалась с оседлыми коряками, в некоторых поселениях южной оконечности полуострова происходил процесс смешения с айнами.

Первые контакты с русскими относятся к 1697 г., когда казаки основали на п-ове Верхнекамчатский Большерецкий и Нижнекамчатский остроги. В 1740-е гг. происходила хри-

стианизация народа одновременно с устройством русско-язычных школ. В 30 — 40-е гг. XVIII в. на Камчатке было около 100 камчадалских поселений. Ясачных камчадалов — мужчин в возрасте от 15 до 50 лет около 2,5 тысячи, русских служилого сословия — около 250 человек, а с членами их семей, преимущественно смешанного происхождения, — около 500. Русские в значительной степени заимствовали у аборигенов их традиционный образ жизни и культуру. По переписи 1926 — 1927 гг., на Камчатке в 62 селениях насчитывалось 868 ительменов, 3704 коренных жителя, записанных камчадалами, и около 3500 русских. Занимались в основном традиционным рыболовством. Основу жизнеобеспечения составлял речной лов. Промысловыми угодьями владела территориально-соседская община. Рыбу, в основном лососевых, ловили с апреля по ноябрь. Способы и орудия лова были традиционны — сети, невода, запоры — сооружения в виде изгороди или плетня из тальника, перегораживавшие речку или часть ее, с «воротами», в которые ставили плетеные ловушки в виде воронки (верши, морды) или мешкообразные сети.

Женщины занимались собирательством. Жители морского побережья промышляли ластоногих, шкуры и жир которых служили предметами товарообмена как среди местного населения, так и с оленными коряками. У последних выменивали олени шкуры, мясо, сухожилия. Охота носила подсобный характер. Добывали в основном снежных баранов, диких северных оленей, водоплавающую птицу в период линьки. С охотой на медведя и употреблением в пищу его мяса были связаны особые обряды. Пушнина служила предметом обмена. На соболя и лисицу ставили капканы и ловушки, а также гнали собаками. Летом передвигались на лодках-батах, выдолбленных из тополя, зимой — на собачьих упряжках с нартами, имеющими две пары дугообразных копыльев и седлообразное сиденье. Ходили на лыжах — длинных, скользящих и «лапках» — коротких ступательных. Утварь изготовляли из бересты, топоры делали из оленьей и китовой кости или камня (яшмы), ножи, стрелы, наконечники копий — из вулканического стекла — обсидиана. Огнестрельное оружие и металлические изделия заимствовали у русских. Холодной ковкой из металла изготавливали ножи, наконечники стрел и копий. Огонь добывали трением. У русских перенимали разведение крупного рогатого скота, огородничество, в особенности картофелеводство.

Зимним жилищем служили прямоугольные или оваль-

Традиционные орудия лова рыбы. Ловушки-воронки (верши, морды) ставили в запор

Грузовая нарта

Обряд выметания злых духов

Балаган — летнее свайное жилище на время лова и вяления рыбы

ные полуземлянки (юрты) с деревянным сводом, поддерживаемым столбами. Дым очага выходил через боковое отверстие. В юрту спускались по бревну с перекладинами через верхнее отверстие. Обычно в землянке зимовало от 5 до 12 семей. На летние промыслы каждая семья переселялась в свайную постройку из жердей с коническим верхом, рядом строили сооружения из жердей и травы, в которых чистили и варили рыбу. К концу XVIII в. у ительменов появились русские избы, из хозяйственных построек — срубные амбары и помещения для скота.

Зимней одеждой, как мужской, так и женской, были глущие шубы с капюшоном — *кухлянки* (ниже колен) и *камлеи* (до пят), которые шили из оленьего меха двойными — мехом внутрь и наружу. Зимой мужчины и женщины носили штаны мехом внутрь, летом — замшевые. Летней одеждой часто служила выношенная зимняя, которую на промыс-

лах дополняли плащами и обувью из выделанных рыбьих кож. Женской домашней одеждой был комбинезон, мужской — набедренная кожаная повязка. Зимнюю обувь шили из оленьих камусов, дополняя меховыми чулками, летнюю — из шкур ластоногих. Зимние меховые шапки имели вид капора, а летние, похожие на алеутские, делали из бересты или перьев и палочек. Белье, украшения, летнюю одежду заимствовали у русских.

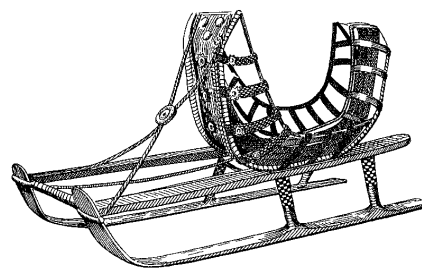
Рыба служила основной пищей и кормом для собак. Ее заготавливали впрок: вялили и квасили в ямах, реже запекали и коптили, зимой замораживали. Лососевую икру сушили и квасили. Реже употребляли в пищу мясо зверей и птиц. Мясо и жир морских животных парили в ямах, кишки и желудки использовали как емкости для хранения продуктов. С рыбой и мясом ели много различных трав, корней, клубней сараны, ягод. Собирали кедровые оре-

Осенний обрядовый праздник «Алхалалалай»

Срубный дом с четырехскатной крышей

Ездовая нарта чукотско-камчатского типа

Летнее стойбище со свайными жилищами*

Езда на собаках с бродовщиком, который прокладывает дорогу*

Кипячение воды в лодке раскаленными камнями*

* Иллюстрации на стр. 34 — 36 из книги С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». СПб., 1755.

хи, яйца водоплавающих. Пищу готовили и подавали в деревянной и берестяной посуде, запивали водой. У русских заимствовали различные способы копчения и соления рыбы, приготовление картофеля, мучных изделий, супов, чая с молоком. Из-за трудностей доставки на Камчатку соли и муки соление рыбы и употребление хлеба было ограниченным.

Религиозные представления и обряды ительменов основаны на анимизме — вере в подземный загробный мир, добрых и злых духов, тотемизме — вере в родство с тем или иным животным, почитании хозяев моря и лесных живот-

Камчадалка*

ных. После обращения ительменов в 1740 — 1747 гг. в христианство стали распространяться православные обряды — крещение, венчание, отпевание. Уже в первой четверти XIX в. путешественники отметили в камчадалских селениях православные кладбища. Установилась традиция при крещении давать детям русские имена. Ительмены числились прихожанами камчатских церквей, и первые русские фамилии получили по фамилиям духовенства и служилых.

Записи фольклора представлены мифами в русском пересказе исследователей XVIII в. и сказками, записанными на ительменском языке в XX в. В настоящее время мифологические сюжеты о сотворении мира сохранились только в сказках и обрядах, возможно, вследствие поголовной христианизации ительменов, а также резкого и быстрого падения их численности в результате эпидемий во второй половине XVIII в. и последующей ассимиляции.

В мифологии основным персонажем выступает Кутх, или Ворон. Он предстает как демиург (творец), создатель Камчатки и в то же время как трикстер — плут, обманщик, шутник, перевертыш, несущий в себе добро и зло, мудрость и глупость. В сказках он постоянно попадает в неблагоприятные ситуации, которые иногда приводят его к гибели. Раздвоение образа Кутха (демиург — трикстер) произошло достаточно давно, в мифологическом сознании оба образа существовали параллельно. Как и у соседей — коряков и чукчей, в фольклоре ительменов присутствуют животные, нередко в качестве племени (с «мышиным

Ительмен на лыжах-«лапках»*

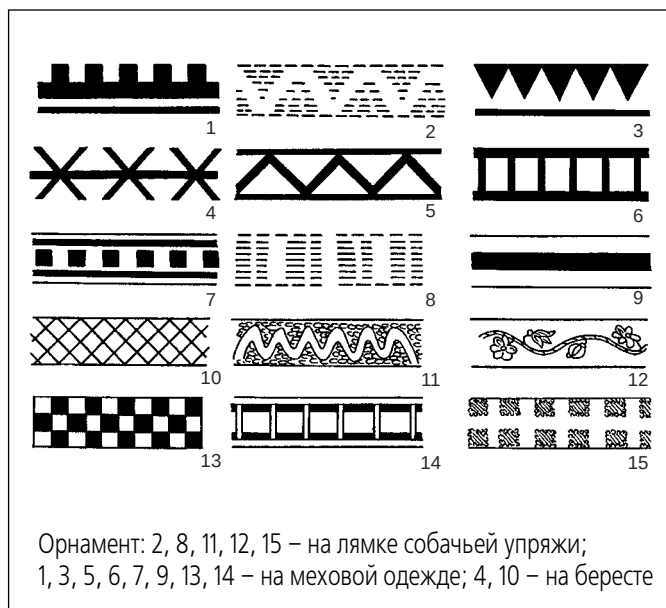
народом» Кутх вступает в конфликты или разного рода сделки).

Музыка характеризуется несколькими локальными вариантами, изученными неодинаково. К началу 1990-х гг. были известны три из них: два западных — *ковранский* и *тигильский* и один восточный — *камчадалский*. Музыка, инструменты и жанры взаимосвязаны с фольклорными традициями русских старожилов, коряков, курильских айнов и эвенов.

Музыку ительменов делят на песенную, танцевальную, инструментальную и повествовательную. Песенная мелодия сопровождается импровизированный текст. Песни с лирическим текстом у ковранцев называются *чака'лэс* (от *чак'ал* — «горло», «рот»), у тигильцев — *репнун* (от *репкү* — «напевать», «голосить»). Колыбельные песни, хотя и выделяются терминологически (у ковранцев — *корвэлу*, у тигильцев — *карвэлу*), собственных мелодий не

Добывание огня трением*

имеют, а поются на различные типовые мелодии. Тексты заговоров, обнаруженные только у ковранцев, поются на ритуальные мелодии (*кмали чинэх*).

У ительменов известно 16 музыкальных и звукопроизводящих инструментов под общим названием *ма'лйанон* — «играющий предмет». Ительменский бубен (*яяр*) родствен корякскому. Существовал и деревянный пластинчатый варган (*варыга*). Флейта из дудника с наружной свистковой щелью без отверстий для пальцев у ковранцев называется *ковом*, у тигильцев — *коун*.

Фольклорные музыкальные и художественные традиции ительменов в настоящее время ярко проявляются в ежегодном осеннем празднике «Алхалалалай». Это обрядовый календарный праздник, знаменующий собой завершение хозяйственного цикла. В празднике в обрядовой форме воспроизводятся элементы мифов о сотворении мира и ритуалы, связанные с благодарением природы.

В 32 школах Корякского автономного округа преподают родной язык. В пос. Ковран и Хайрюзово имеются восьмилетние школы, работают клубы, постоянно выступает детский ансамбль «Сузвай», а национальный ансамбль «Эльвель» известен не только в России, но и за рубежом. В 1988 г. выпущен букварь на ительменском языке, в 1989 г. — ительменско-русский и русско-ительменский словари. Изданы сборник ительменских загадок и стихотворений и другие произведения национальной литературы.

В пос. Палана ведется теле- и радиовещание на ительменском языке. Выходят газеты на русском и родных языках населения округа.

Совет возрождения культуры ительменов Камчатки «Тхсаном» был создан в 1987 г. Он представляет этническую общественную организацию ительменов в российской Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Камчадалы — этническая группа метисного происхождения — потомки от смешанных браков аборигенного оседлого населения и русских старожилов Камчатки. По переписи 1926 г., их численность составляла 3704 человека. По

данным Ассоциации коренных малочисленных народов Камчатки, в 1994 г. насчитывалось около 9 тыс. членов общин камчадалов. В 2000 г. камчадалы включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

В настоящее время потомки камчадалов, связанные с традиционным хозяйством, живут в Соболевском, Больше-рецьком, Мильковском, Ключевском, Усть-Камчатском и Елизовском районах Камчатской области. К камчадалам относит себя группа метисного населения г. Петропавловска-Камчатского. Небольшая часть населения смешанного происхождения, относящая себя к камчадалам, проживает в Тигильском и Пенжинском районах Корякского автономного округа, Ольском районе Магаданской области.

Группы метисного населения Камчатки начали складываться в середине XVIII в. и разрастались по мере увеличения русского населения полуострова. К началу XIX в. на Камчатке существовало 5 русских островов и 2 крестьянские деревни, а численность русских составляла более 1500 человек. В смешанных семьях женщины, как правило, были аборигенного или метисного происхождения.

Русские переселенцы перенимали у аборигенов их систему хозяйства и образ жизни. Культурно-историческое единство метисного населения Камчатки выражалось в двустороннем двуязычии: как русские, так и аборигены владели камчадалским (ительменским) и русским языками.

Двуязычие сложилось на Камчатке во второй половине XVIII в. благодаря появлению сети церковно-приходских школ и совместному обучению в них детей аборигенов и русских. На основе двуязычия возникло «камчатское наречие» русского языка. Оно, как и двуязычие, до последнего времени сохранялось у старшего поколения камчадалов. Интересно, что среди сказителей ительменских сказок, записанных на ительменском языке в советский период, половина по одной из родительских линий происходила из русских старожилов.

Ранняя поголовная христианизация оседлого аборигенного населения Камчатки, с одной стороны, усвоение камча-

Группа камчадалов. Фото В.И. Иохельсона. 1911

Стойбище на р. Ковран. Фото В.И. Иохельсона. 1911

дальского образа жизни и фольклора русскими колонистами — с другой, создали в мировоззрении камчадалов комплекс двоеверия, где основы православного вероучения и обрядности переплелись с политеистическими традиционными верованиями и промысловыми обрядами.

В последнее десятилетие XX в. в среде камчадалов наряду с возвращением интереса к православию происходит интенсивный процесс возрождения древних языческих элементов камчадалской культуры. На основе местных традиций, литературных данных, а также заимствований из культуры современных ительменов у камчадалов возрождаются обрядовые календарные праздники (весенний праздник Первой рыбы, осенний — «Алхалалалай»), музыкальный, песенный фольклор, прикладное искусство.

Собачья упряжка на р. Харюзова. Фото В.И. Иохельсона. 1911

На крыше балагана

КАРЕЛЫ

Численность — 130 921 человек, из них в России — 124 921, в том числе в Карелии — 78 928 человек.

Язык — финно-угорская группа уральско-юкагирской семьи языков.

Расселение — Республика Карелия, Тверская, Ленинградская и Мурманская области, Санкт-Петербург.

Общее самоназвание — *каръялани*. Карелы Средней, Северной Карелии, Тверской, Новгородской областей и других регионов РФ называют себя *каръялани*; приладожские и олонечские — *ливвикей*, *ливгилайне*, прионежские (западное побережье Онежского озера) — *лююдикой*, *лююдилайне*.

Племена *корела* — предки современных карел — сформировались в результате смешения местного, западно-финского, и пришлого, из Юго-Восточного Приладожья, населения в XI — XII вв. на северном и северо-западном побережье Ладжского озера. В новейшее время выдвинута гипотеза о более раннем формировании племени (начало первого тысячелетия н.э.) на основе прибалтийско-финского населения. По мнению большинства исследователей, современные карелы сформировались в процессе взаимодействия *корелов* и *весей* (предков современных вепсов) и, вероятно, *саамов* (лопь русских летописей). Древние карелы упоминаются в скандинавских сагах, хрониках, буллах папы римского, русских летописях.

По вероисповеданию — православные (крещены в 1227 г.). В XVI в. в регионе насчитывалось около 240 православных церквей и часовен, примерно 60 монастырей (в том числе Валаамский, Коневский) и скитов. После раскола православной церкви (1666 г.) многие карелы придерживались старообрядческих толков. На основе сочетания дохристианских (языческих) верований (культы «домашних» духов-покровителей, культа мертвых, охранительной, любовной магий и т.д.) и канонов православия (знание молитв, посещение церкви, венчание, ношение крестиков, соблюдение постов и т.д.) широкое распространение получило так называемое двоеверие.

К 1143 г. (первое упоминание о кореле в русских летописях) территория Корелы — Карельское Приладожье, а также погосты Иломанси, Саволак, Эврепя — входила в состав Новгородской республики, а позднее (с 1478 г.) — Русского государства как «Корельская земля», состоящая из «Передней Корелы», «Задней Корелы» и «Пяти родов корельских детей». Управляли землей назначаемые князья и наместники при некотором участии карельской знати. С XVI в. утвердилась воеводская наместническая система управления. В начале XVIII в. образован военно-заводской округ, в 1784 г. — Олонецкая губерния.

С XII в. западные территории расселения карел стали ареной русско-шведских войн. По условиям Ореховецкого договора 1323 г. к Швеции отошла часть погостов Северо-Западного Приладожья, населенных преимущественно карелами. По Столбовскому договору 1617 г. под власть Швеции перешли Ингерманландия (Ижорская земля) и Корельский уезд с городом Корелой — родовым гнездом древних карел. Из Корельского уезда в глубь России переселилось около 50 тыс. карел, образовавших тверские, тихвинские, валдайские, новгородские и другие группы.

До начала XX в. карелы вели натуральное хозяйство. Основное занятие — земледелие (трехполье с подсекой). Орудия труда: бесподошвенная соха колового типа, разные типы мотыг, борона-суковатка, серп, цеп для молотбы, коса-горбуша, с XX в. — железные плуги, бороны, коса-литовка.

Выращивали ячмень, рожь, овес, в южных районах — пшеницу; повсеместно — репу, редьку, горох, в южных районах — капусту; из технических культур — лен-долгунец и коноплю. Огородничество было развито слабо. Картофель стали культивировать с 40-х гг. XIX в., морковь, свеклу, брюкву, лук — с начала XX в. Собственным хлебом семья обеспечивала себя на 3 — 5 месяцев; на каждые 10 лет приходилось 3 — 4 неурожайных года.

Держали коров, низкорослых лошадей, грубошерстных овец, южные карелы — свиней, кур, северные — оленей. Выполнение работ сопровождалось различными обрядами (поклонение стихийным силам природы, обряд первого выгона скота, обычай жертвоприношения животных и др.). Важную роль в хозяйстве играло рыболовство. Основные снасти: сети, невода, мережи, морды, бредни, переметы, дорожки, удочки. В древности на реках устраивали заколы («заборы»), рыбу кололи острогой.

Промышляли медведя, лисицу, куницу, горностая, дикого оленя, лося. Охотились с собакой, используя лук и стрелы с костяными и железными наконечниками, позднее — самодельные ружья-самопушки, устраивали ловчие ямы, устанавливали самострелы, капканы, кляпцы. Дичь ловили силками, петлями из конского волоса.

Традиционными занятиями карел были бортничество (сбор меда диких пчел), курение смолы и дегтя. Железо

выплавляли из местной болотной руды в горнах и домашних печах-дымницах. Знали сварную технологию, ковку, в том числе художественную, горновую пайку, обмеднение, инкрустацию. С XVI в. «карельский уклад» (железо, близкое по составу стали) поступал во многие города России. В начале XVIII в. в Карелии возникли первые металлургические заводы, позднее — чугуноплавильные, медеплавильные, пушечный. С XVIII в. занимались отходничеством. Ос-

Северные карелы в национальных костюмах

Обмен подарками в доме невесты, д. Каменное озеро Вокнаволоцкого района*

Обряд приворота парня к девушке на перекрестке трех дорог, д. Вокнаволоок Кемского уезда

новой денежный доход крестьяне-карелы получали на лесных промыслах (рубке и сплаве леса, заготовке дров и др.), работая плотниками, столярами, камнетесами, кузнецами и т.д. Северные карелы вели торговлю вразнос (коробейничество) с финнами.

Основные средства передвижения — различные типы лодок (долбленки, шитики, карбаса), плоты, волокуши, дровни, сани, «лопарские сани» (*ахкиво*) — тип волокуши,

похожий на лодочку с обрезанной кормой, с полозом для транспортировки груза одним человеком. Для ходьбы по болотам использовали ступательные лыжи и лыжи с дырками. Зимние лыжи: узкие дорожные, широкие лесные, в том числе подбитые мехом. Специфический вид транспорта — олонеккая люлька: конные носилки, которые крепили гужами к хомутам и седлам двух лошадей, шедших в упряжке одна за другой на расстоянии двух метров. У саамов карелы заимствовали олений транспорт.

Поселения располагались в местах, удобных для лова рыбы, занятий земледелием и животноводством. Основные типы расположения селений: гнездовой (возник на рубеже первого-второго тысячелетий н.э.), когда

вокруг погоста — административного и религиозного центра — располагалась группа (куст) деревень, и хуторской (с начала XX в.). Основной тип селения — деревня (*кюля, хиеру*).

Развитие жилых построек шло от каркасного сооружения и землянки к наземному срубу. Древние карелы жилища каркасного типа ставили на землю, подкладывая под углы валуны, под первый венец — мелкие камни. Основной тип жилища конца XIX в. — срубная изба. Преобладал тип дома-двора, когда жилье непосредственно связано (одной крышей) с хозяйственными постройками. Способы связи имели локальные варианты, основной тип связи — однорядная (жилье и постройки расположены по одной линии) — был распространен повсеместно. Двор делали двухъярусным: сверху — сарай для сена, хранения орудий труда, куда въезжали на сани, внизу — хлев, конюшня, помещение для овец. До появления русской печи пользовались открытым очагом. На севере Карелии справа или слева от устья печи устраивали камелек (*пиизи*) — открытый очаг с крюком для подвешивания котла и отдельным дымоходом, соединяющимся затем с общей тягой. Печь обычно устанавливали справа или слева от входа устьем к боковой стене. Рядом с печью имелся голбец (*каржина*) — крытый вход в подполье. По диагонали от печи располагался «большой угол» с божницей и иконами — почетное место и мужская часть избы. Противоположный («задний») угол отводился женщинам и детям. Стол всегда ставили торцом к среднему окну фасадной стены. Над лавками вдоль боковых стен под потолком укрепляли бревно или тонкие жерди — для

* Фотографии на стр. 42 — 45 из музейных коллекций Карелии.

Сказитель К.М. Агоев, д. Ладвозеро Ухтинского уезда

Кантелисты д. Фомин Наволок. Южная Карелия. 1932

гнутия и сушки полозьев, неводов, сетей, белья. До конца XIX в. избу освещали лучиной. Отдельно от дома-двора строили амбары, обычно на коротких вкопанных в землю столбах, бани по-черному, риги — однокамерные или двухкамерные. Сооружали двухэтажные водяные, на юге — ветряные мельницы.

В древнекарельский женский костюм входили туникообразная льняная рубашка, юбка, передник, платок. Несшитая юбка (*хурстут*) состояла из трех полотнищ полосатого полусукна, завязываемых на талии или на плечах. Поверх надевали кофту туникообразного покроя с короткими рукавами. В XIX в. распространились рубашки, состоящие из нижней части — станушки, украшенной по подолу красным тканым узором, и верхней — лифа с короткими пышными рукавами. Носили сарафаны. Ранний тип (с

XVI в.) — глухой косоклиный со спинкой до шеи, круглым воротом, с прямым разрезом впереди, застежкой на медных пуговицах и широкими проймами для рукавов — в конце XIX в. был вытеснен сарафаном прямого покроя, собранным наверху по обшивке, с лямками. Сарафанный комплект дополнялся нарукавниками, короткой холщовой кофтой с разрезом на спине и передником. Комплект поперечно-полосатой или продольно-полосатой юбки с кофтой южные и средние карелы называли парой. На голову девушки надевали ленту, повязку или платок, женщины — повойник или сороку и платок. Носили много украшений: подвесок, бус. Традиция южных карел — свадебные и праздничные головные уборы девушек — *земчугат*: украшенная золотыми нитями корона с поднизью и широкой красной лентой, прикрепленной к короне.

Основные элементы костюма мужчин: холщовая рубашка с прямым или косым воротом, подпоясанная кушаком или ремнем, штаны с узким шагом, кожаные сапоги. Непременные атрибуты — нож в ножнах, брусок, кiset с огнем. На шею повязывали платки и шарфы из серой или крашеной шерсти. В начале XX в. зажиточные крестьяне поверх выпущенной рубашки с отложным воротником надевали жилет или пиджак городского покроя. Верхняя одежда: кафтаны из холста или домотканого сукна, приталенные шубы, полушубки, тулупы прямого покроя из овчины. Рукавицы вязали, шили из кожи и материи. Для зимней ловли рыбы в рукавицы, вязанные из шерсти, добавляли конский волос. Традиционная обувь — берестяная, кожаная, меховая: лапти косого и прямого плетения, сапоги из кожи и бересты, сапоги с загнутым носом (*нюпит*), удобные при ходьбе на лыжах, коты (сапоги без голенищ). Валяную обувь покупали.

Были развиты художественная вышивка — в древности медно-бронзовой проволокой, позднее льняными, бумажными, шелковыми нитками, шитье жемчугом и золотыми нитями. Южные группы карел знали сложную технику узорного ткачества, вязание на спицах и одной иглой. Получило развитие плетение из бересты (в том числе туфли, сапоги, шляпы), корней дерева (лапти), соломы; кузнецы-ювелиры изготавливали цепочки, фибулы, перстни, пряжки, подвески, медальоны.

Гробница с крестом, д. Пирттигуба Калевальского района

В питании особое место занимала свежая, соленая, сушеная рыба. Северные карелы употребляли рыбу с душком («весеннюю»). В праздники, на свадьбу обязательно готовили закрытые или полукрытые рыбники (рыба, запеченная в тесте), калитки различных форм и с разной начинкой. Рыбное жаркое, пареная рыба, жаркое из рыбы и мяса — старокарельские блюда. Хлеб пекли в основном из кислого теста. Пресный «хлеб с дыркой» засушивали и хранили на жер-

В Подужемье

Женская группа этнографического ансамбля
«Карельская горница»

дах до сенокосного времени. Пекли сканцы, крендели, пироги с горохом, репой, толокном, грибами. Круглые лепешки (колобы, шаньги) делали с толокном, картофелем, манной кашей. Закрытый праздничный пирог полукруглой формы (косовик) начиняли в несколько рядов блинами и пшенной кашей. Готовили ячневую, гороховую, толокняную, пшенную и другие каши, загусту из ржаной муки. Обрядовые блюда — овсяный кисель, пирог с творогом, кулага из пророщенной ржи (*иду, имель*), хлебный квас. Блинами встречали зятя. Молоко ели с простоквашей, использовали в стряпне, парили в печи, делали творог, местами домашний сыр. Первое после отела коровы молоко выпаривали в печи, получая продукт, похожий на сыр. Заготавливали бруснику, клюкву, морошку, чернику, мали-

ну. Готовили репной, солодовый квас. Лакомства детей — сушеная или пареная в печи репа.

У карел сохранялась большая семья, состоящая из 3 — 4 поколений (до 25 человек). Из больших семей выделялись малые. Семьи поддерживали родственные связи. Сохранялся обычай длительной гостьбы девушек у родственников (институт *адьво*). Члены большой семьи, подчиняясь главе (мужчине), имели равные права во владении земель, рыболовными и охотничьими угодьями, орудиями труда, имуществом. Угодья передавались по наследству.

Основная форма заключения брака — брак со сватовством (договорной), но иногда девушка выходила

замуж прямо с бесёды или игрища (брак уводом). Предсвадебные обряды северных карел: обмен молодых залогами, совет родственников жениха (*дума*), выбор сватов, посещения дома невесты и наоборот, согласования сторон на брак, прощания девушки с родственниками, сбор даров. Свадьба (*мат*) проходила вначале в доме невесты, затем в доме жениха. Свадебный обряд в доме невесты включал посещение девушкой бани, встречу свадебного поезда, смотрины невесты, обмен жениха и невесты дарами, пиршество «выводного стола», прощание с родными, расплетание косы, выдачу невесты жениху, проводы свадебного поезда. Продолжение обряда в доме жениха: встреча молодых с осыпанием их зерном, благословение молодых родителями жениха, смотрины невесты, свадебный пир, после-свадебная обрядность (бужение после брачной ночи, баня и др.). Прежде свадебников (жениха и невесту) «оберегал» знахарь (*патьяшка, тиедяя*), свадьба сопровождалась исполнением многочисленных плачей.

Основное назначение родильных обрядов — забота о ребенке и матери.

Похоронно-поминальный ритуал состоял из обрядов, связанных со смертью и подготовкой покойника к погребению, похоронных и поминальных обрядов. Родные покойника не обмывали. После кончины зажигали свечу, рот умершего покрывали лоскутом белой ткани, к изголовью ставили свечу. Прощалась с умершим не только родня, но и жители всей деревни. Плакать над умирающим и покойником не полагалось. Умершего в доме держали три дня, не оставляя одного даже ночью. Хоронили в первой половине дня. При выносе гроб трижды опускали на порог. На место, где стоял гроб, клали железный предмет или плескали воду, в порог вбивали гвоздь. После выноса тела пол и стены тщательно протирали. Близкие родственники

Художественная вышивка

гроб не поднимали и не несли. Похоронная процессия останавливалась на развилках дорог. Перед опусканием гроба в могилу, выкупая ее, бросали медные деньги, прежде — предметы труда. Крест и доску на могиле устанавливали при погребении. На крест вешали полоски белой ткани или полотенце — для отдыха души усопшего. Громкие голошения и плачи сопровождали весь похоронный ритуал. После возвращения с кладбища очищались можжевельным дымом, счищали с обуви землю, мыли руки, прикасались ими к печи. Поминки устраивали в доме усопшего, приглашая всех. Готовили крупяные калитки, пекли рыбники, ржаной или овсяный кисель. Для покойника ставили прибор без еды. Обязательные поминальные дни — девятый день, через шесть недель, годовщина. Накануне поминок топили баню. В течение шести недель умершего приглашали на завтрак. Поминовению предков посвящались Крещение, Радуница, Троицкая суббота, осенняя Поминальная суббота (первые дни ноября).

Календарная обрядность делилась на два цикла: зимний и летний. В октябре — начале ноября отмечали «день Кегри» — праздник окончания полевых работ, в этот день устраивали хождения ряженных (*хухляки*). Начинали обработку шерсти, льна, прядение, зимний лов рыбы. Период от Рождества Христова до Крещения (*виеристя, роштуа*) насыщен святочными гаданиями, угощениями, шалостями, хождением ряженных, обрядовыми запретами. Святки завершались купанием в проруби (*иордани*) для очищения от грехов. В период летнего солнцестояния (*вияндей*), от Иванова до Петрова дня, местами совершали жертвоприношения, гадали, очищались в бане, жгли костры, заготавливали целебные травы.

Фольклор карел представлен эпическими песнями (*рунами*), заклинаниями, причитаниями (плачами), лирической поэзией (любковыми песнями, песнями-жалобами, песнями-предостережениями), преданиями, балладами, сказками и т.д. Мифы карел о сотворении мира, ковке небесного купола, возникновении огня, начале земледелия, создании лодки, кантеле и др. считаются древнейшими в мировом фольклоре. Исполнение рун сопровождали игрой на *кантеле* — 5 — 7- и более струнном щипковом инструменте (похожем на гусли). На основе фольклора создан литературно оформленный эпос «Калевала», оказавший огромное влияние на развитие финского литературного языка.

Известные сказители — А. Перттунен, О. Малинен, М. Карьялайнен, Ю. Кеттунен, С. Мийхкалинен и др., сказительницы и плачи — Т. Перттунен, М. Ремшу, А. Ватчиева, М. Михеева, М. Хотеева, М. Панкратова, А. Михкалева, А. Толошина, А. Никифорова, А. Чеснокова, П. Савельева, Е. Галактионова и др.

Из множества танцев (их около 100) наиболее известны групповые: *кадриль* (более 20 вариантов), *крууга*, *хумахус*, *шинка*, игровые — на пятках, за руки, с платком, лучинами (*кизат*) и др. Карельской традиции присущи пластическая очерченность танца, равноправность партнеров, скромность. Игровые контрдансы исполняли на молодежных вечеринках. Вальс стал известен с начала XX в. Танцевали обычно под гармонь.

В последние годы приняты меры по развитию языка и культуры карел: воссоздана письменность (1989 г.), подготовлен ряд учебников и учебных пособий, карельский язык изучают в 52 школах, в Петрозаводске открыта специализированная финно-угорская школа, в Петрозаводском государственном университете начала работать термино-орфографическая комиссия, созданы факультет прибалтийско-финской филологии, кафедра карельского и вепсского языков, кафедра искусства финно-угорских народов. Принята республиканская программа по развитию финно-угорской школы. На диалектах карельского языка издаются газеты «Ома муа» и «Виенан виести», состоялись постановки пьес, работает национальное издательство «Периодика». Создано литературное объединение пишущих на карельском языке, на радио и телевидении ведутся на нем передачи. Выступают национальный хор «Ома паю», профессиональный ансамбль песни и танца «Кантеле», районные народные хоры, фольклорные и вокальные группы, проводятся фестивали, праздники и т.д. Из карел вышли известные деятели культуры, литературы и искусства: фольклористы В. Евсеев, У. Коннка, А. Степанова, этнографы Г. Богданов, Р. Тароева, прозаики Н. Яркола, О. Степанов, П. Пертту, П. Лукин, поэты Н. Лайне, Я. Ругоев, В. Брендоев, артисты Д. Карпова, М. Любовин, С. Бочарникова, П. Микшиев, В. Кеттунен, кантелист М. Гаврилов, танцовщик Ф. Козин, художники О. Бородин, В. Добрынин и др.

У ветряной мельницы с поворотным кругом

КЕРЕКИ

Численность — около 100 человек.

Язык — чукотско-камчатская семья языков.

Расселение — Чукотский автономный округ.

Аборигены северного побережья Берингова моря. В прошлом были известны как *коряки* (XVII — начало XIX в.), в конце XIX в. — как *чукмари* (от камчадальского названия чукчей), *кереки*, *кэрэки* (от чукотского *кэрэки́т*). Самоназвание — *анкалаакку* — «приморский», *карыкыкку* (от *кэрэки́т*). Делились на две группы: *ыйулааллаку* — «верхние», жившие в районе Наваринской бухты, и *путы-лаллаку* — «нижние» — в низовьях р. Хатырки.

Вероятно, кереки — представители самой древней народности на Крайнем Северо-Востоке. Их поселения известны на территории от Анадырского залива до Олюторского мыса. Долго находились в естественной природной изоляции. В 1897 г. кереков насчитывалось 600 человек. По В.В. Леонтьеву, они делились на 4 группы: туманские кереки, жившие на территории от Анадырского залива до мыса Барыкова (пос. Нигрин, Нигрунутэтэгин, Талкап-эргырган, Тапаньэргын, Элкытвээм), к XX в. были ассимилированы чукчами; наваринские кереки с ареалом обитания от мыса Барыкова до мыса Наварин (пос. Гачгатагын, Кайамамкут, Майнамамкут, Упанк, Амаамын, Каныйун), к началу XX в. жили только в пос. Мейныпильгына; опукинские кереки, занимавшие участок от устья р. Хатырки до бухты Наталия (пос. Ватыркан, Мыллан, Китана, Ягнасынон, Ильпин, Мимилвытгын), в XX в. ассимилированы чукчами; ковачинские кереки расселялись от бухты Наталия до мыса Олюторский.

Традиционное хозяйство, основанное на ловле птиц, рыболовстве, собирательстве, охоте, морском и пушном промысле, отличалось архайчностью.

На первом месте у кереков была охота на птиц и мелких зверьков. Пернатых промыслили на морских скалах и во время перелетов. Весной на птичьих базарах спускали со скалы сеть из жил кита (*пайинитын*), кайры пугались, слетали с гнезд и запутывались в снасти. Бакланов ловили, распуская сеть на поверхности моря или с помощью шестов с петлями, которые надевали на шеи сидящих пернатых. Птицу стреляли также из лука (*томары*).

Рыболовством занимались в летний период. Рыбу добывали с помощью остроги (*атчина*) и специальных тупых стрел, сооружали запоры и плотины с узким проходом и глушили специальными дубинками (*куп-лунан*). Сети изготовляли из жил кита, к концу XIX в. стали приобретать у коряков и чукчей снасти из крапивы. В XX в. распространились фабричные ставные сети. Во время хода на не-

рест нерки, горбуши, чавычи, кеты и гольца рыбу заготавливали впрок — вялили на вешалах и квасили в ямах. Для повседневной пищи ловили навагу, корюшку, сига в реках, палтуса и камбалу — в море.

Из крупных мясных зверей промыслили дикого оленя, горного барана, медведя. В охоте на волков использовали замороженные в жир пластинки китового уса. В голодные годы ловили мелких грызунов (мышей, сусликов, тарбаганов), добывали песцов и лисиц, раскапывая их норы. Ели также домашних собак.

Пушной промысел не играл существенной роли. Промыслили росомаху и речную выдру.

Большое значение имело собирательство: морской капуста, водорослей, моллюсков на берегу моря; шикши, голубики, брусники, морошки в тундре.

Разводили и специально выращивали собак для жертвоприношений.

Летом средством передвижения служили байдары коряцкого типа, которые были значительно короче и шире эскимосско-чукотских, зимой — собачьи упряжки с приземистой, многокопытной нартой, напоминавшей грузовую нарту чукчей и коряков. Собак запрягали попарно цепочкой. Непременным атрибутом являлись ступательные лыжи чукотско-камчатского типа, в конце XIX в. их заменили скользящими лыжами восточносибирского типа. Грузы перевозили волоком или несли на спине, обмотав специальным ремнем.

С первых заморозков жили в зимних поселениях на галечнике, на небольших сопках или косах. Поселения состояли чаще из одной землянки (*куймайаана* — «жилье с ответвлениями»). Яма имела глубину от 0,5 м. По углам вкапывали четыре столба, отстоящих друг от друга на 2 — 4 м и соединенных перекладинами. На перекладины укладывали толстые жерди, под наклоном закрепляя их в земле. Сооружение утепляли дерном и песком, зимой покрывали еще и слоем льда. Вверху оставалось светодымовое отверстие, закрытое кусочком льда. Во время сильных морозов перед входом устраивали длинный снежный коридор (*хуттуйун*). Пол землянки засыпали галькой. Земляной выступ вдоль стен использовали в качестве хозяйственного стола. Каждая семья имела свой полог, но пользовалась общим очагом. Спальные места располагали головой к восходу солнца. Кладовые были двух типов: *ачаан* — для хранения небольших запасов вне землянки и *илпахйакку*,

соединявшиеся ходом с землянкой.

Известен обряд, связанный с постройкой нового дома: четыре основные стойки землянки обмазывали смесью толченых ягод шикши, корешков клайтонии и жира. Затем эту смесь выносили из землянки на подносах-тарелках и разбрасывали в разные стороны, чтобы угодотворить духов. Кроме того, изготовляли пять-шесть стрелок и расставля-

Древний очаг в пос. Каныйун. Побережье Берингова моря

Костяной наконечник стрелы.
Побережье Берингова моря*

ли их вокруг жилища, настораживая против злых духов. Летом в местах рыбного промысла, на террасах рядом с нерпичьими и моржовыми лежбищами люди жили во временных постройках из жердей. Спасаясь от противника, укрывались на скалах, на мысах, сооружали укрепления. В XX в. основным жилищем кереков стали рубленые избы, с его середины началось переселение кереков в укрупненные новые пос. Мейныпильгыно и Хатырку. Люди старшего поколения предпочитали жить на местах промысла. Селения нового типа улучшили бытовые условия жизни, но привели к утрате традиционной культуры.

На одежду кереков в XIX в. сильно повлияла чукотская традиция. Мужская верхняя одежда — глухого кроя, расширяющаяся книзу кухлянка из двух оленьих шкур мехом внутрь. В подол вшивали полукруглые клинья, низко вырезанный ворот на груди закрывали меховым воротником-шарфом. Рукава и ворот оторачивали собачьим мехом. Широкие в проймах рукава суживались к кисти. Зимой поверх одной надевали вторую, верхнюю кухлянку — такого же кроя, но мехом наружу.

Женщины носили двойной комбинезон (*керкер*). Глубокий, до груди, вырез ворота завязывали ремешками. Рукава были опушены собачьим мехом. Штаны комбинезона собирали на вздержку ниже колен и застегивали ремешками поверх обуви. Летом носили только нижний керкер.

Обувь — поршневидная: к подошве из толстой моржовой кожи пришивали головку и голенище со швом спереди. К бокам крепились петли из шкуры нерпы и широкие завязки. Известна также башмаковидная обувь: союзки обгибали пятку и сходились на нет к носку, голенища, составленные из 5 — 6 полос камуса, вверху срезали прямо. Голенища женских сапог сшивали из четырех полос и делали узкую

союзку, окаймляющую подошву.

Головной убор мужчин — двойной капор из шкурок с лап собаки, росомачи, выдры. Состоял из трех частей: продольной (ромбовидной формы), которая покрывала темя и затылок, и боковых, закрывавших уши и щеки. Капор имел спереди и сзади опушку из меха собаки и завязывался над подбородком. Летом носили капор без подкладки. Женщины чаще покрывали голову капюшоном от керкера.

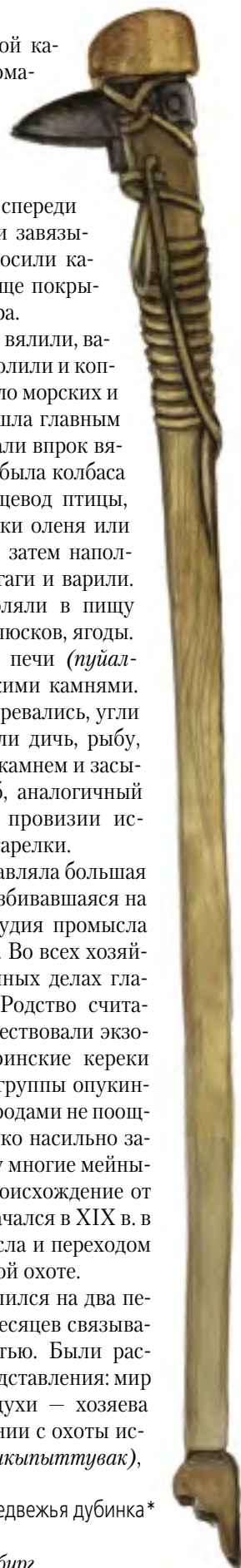
Питались рыбой и мясом, которые вялили, варили, морозили, а с конца XIX в. солили и коптили. Употребляли рыбий жир, сало морских и таежных зверей, из птиц в пищу шла главным образом кайра. Птицу заготавливали впрок вялением над костром. Лакомством была колбаса из птичьих яиц (*навалйаан*): пищевод птицы, предпочтительно чайки, или кишки оленя или медведя надували и высушивали, затем наполняли желтками яиц кайры, чаек, гаги и варили. Сырыми или вареными употребляли в пищу морскую капусту, водоросли, моллюсков, ягоды. Приготавливали пищу в земляной печи (*пуйлаккык*) — в яме, обложенной плоскими камнями. Разводили огонь, когда камни нагревались, угли вытаскивали, а в яму закладывали дичь, рыбу, мясо, сверху покрывали плоским камнем и засыпали песком или землей (способ, аналогичный ительменскому). Для хранения провизии использовали плетеные корзины и тарелки.

Основу керекского общества составляла большая матриархальная семья, на лето разбивавшаяся на малые семьи. Запасы рыбы и орудия промысла считались общей собственностью. Во всех хозяйственных, семейных и общественных делах главенствовала старшая женщина. Родство считалось по материнской линии. Существовали экзогамные объединения; так, наваринские керекы брали в жены представительниц группы опукинских кереков. Браки с другими народами не поощрялись. Керекских женщин нередко насильно забирали чукчи-оленоводы, поэтому многие мейныпильгинские чукчи ведут свое происхождение от кереков. Распад большой семьи начался в XIX в. в связи с упадком морского промысла и переходом от коллективной к индивидуальной охоте.

Астрономический год кереков делился на два периода — зиму и лето. Названия месяцев связывались с промысловой деятельностью. Были распространены анимистические представления: мир населяли добрые и злые духи, духи — хозяева природы и зверей. При возвращении с охоты исполняли обряд благодарения (*кликытыттувак*),

Медвежья дубинка*

* Из коллекции МАЭ. Санкт-Петербург.

хозяйка землянки хвалебной песней приветствовала охотника с добычей. Кости съеденного зверя собирали, позвонки нанизывали на ремень и торжественно относили на берег моря, где закапывали в песок или гальку. Туда же, задабривая дух убитого животного, клали вяленое мясо, юколу, шикшу. Встречая охотника после долгого отсутствия, в него бросали горящую головешку из очага: считалось, что это отпугнет злых духов, приставших к нему в пути. Сохранялись культы волка и медведя: их изображениям приносили жертвы, просили у них удачи, им поклонялись. Имеются сведения о праздниках, посвященных добыче медведя, кита. Существовали специальные места для жертвоприношений «хранителям деревни» — *камак*.

У кереков известно два способа погребения: зимой умершего бросали в море, летом закапывали в землю. Грудных детей хоронили под стеной жилища. Поскольку в детях видели новое воплощение предков, считалось, что кто-то из родственников не пожелал вернуться в мир живых. Детей, чей родственник умер, на время крепко связывали ремнями и сажали на привязь. После похорон их развязывали и заставляли выть и лаять по-собачьи. Погребальную одежду (*лумийан*) сшивали сухожилиями, не делая узлов. В ней не должно было быть прорех и дыр (иначе у детей и близких умершего появятся раны). Опушку на капюшоне, подоле и рукавах отделявали белым собачьим мехом. Капюшон затягивали, оставляя открытым только нос.

Было распространено шаманство. Шаманы предсказывали погоду, удачу в промысле, лечили больных и совершали другие обряды. Женщины могли колдовать. Шаманы имели специальную одежду — распашную, длинную, расшитую узорами, с краями, отороченными собачьим мехом. Керекам были известны пиктографическое письмо и двадцатиричный (по числу пальцев рук и ног) счет.

В фольклоре кереков преобладают сказки (волшебные и о

животных), заговоры и песни. Главный герой — Кукки (Ворон) — персонаж, характерный для фольклора народов Северо-Востока. Керекские сказки о Кукки сюжетно близки ительменским: Кукки выступает в них как трикстер, но в отдельных сюжетах он творит волшебство.

Некоторые детали в сказках отражают особенности духовной культуры народа: перед совершением какого-либо поступка герой просит разрешения у «бабушки» (*эллапиль*) — это является отголоском матриархата; младшие дети обычно умнее своих родителей и постоянно поучают их, что связано с представлением о возвращении предков в образе родившихся детей.

Музыка кереков исследована мало. Она родственна акустической культуре коряков и чукчей. Основные музыкальные инструменты — пластинчатый варган и круглый бубен с крестовидной держалкой, узкой обечайкой и тонкой мембраной из желудка нерпы. Шаманский бубен имеет еще и подвески-погремушки на обечайке. Пищалки и свистки являются прежде всего разнообразными охотничьими манками, но могут выступать и как собственно музыкальные инструменты.

Женские танцы сопровождаются «горловыми играми»; горлохрипение на вдохе и на выдохе изображает «голоса» прибрежных птиц и морских животных. Среди известных исполнителей музыки кереков — Екатерина Хаткана (Катыуканау), Анна Аткана, Иван Уваургин, Яков Гырголькау, Кэргытваль (Тутъет), Етынкеу, Турылькут, Кальвицанаут.

Экономические, культурные и социальные изменения в жизни кереков за годы советской власти привели к потере ими собственной культуры, ассимиляции. В марте 2000 г. постановлением Правительства РФ керекки внесены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

ТРАДИЦИОННАЯ СКУЛЬПТУРА КЕРЕКОВ*

Морж

Собака в упряжи

Сова

Байдара
с людьми

КЕТЫ

Численность — 1113 человек.

Язык — изолированный.

Расселение — Красноярский край, Эвенкийский автономный округ.

Живут на Среднем Енисее. Название от этнонима (самоназвания) *кет* — «человек» введено в 1920-е гг. Ранее были известны как «остяки», «енисейские остяки». В начале XVII в. и позже сами себя различали по родовой принадлежности и особенностям мест проживания («елогуйские люди», «верховские», «лесовые», «береговые» и др.).

Своеобразие кетов проявляется в том, что их национальный язык обладает самобытным строем, не имеющим аналогов у соседних народов. С середины XIX в. известны имбатский и сымский диалекты. Сымский (югский) сейчас чаще признается самостоятельным языком енисейской семьи, его сейчас знают только 2 — 3 человека. Кетский язык постепенно исчезает (в 1989 г. почти половина кетов родным назвали русский).

Происхождение кетов — сложный процесс взаимодействия различных по языку и культуре народов и групп, протекавший на разных территориях в течение длительного периода. Предполагают, что енисейцы принадлежат к древним носителям культур эпохи бронзы (третье-второе тысячелетия до н.э.). Более близкие этапы исторической судьбы енисейцев отмечены их дроблением на мелкие группы и слиянием их с тюрками, русскими, селькупам, эвенками. На рубеже новой эры кето-язычные группы жили в горно-таежных районах, где берут начало рр. Иртыш, Томь, Абакан и Енисей. Миграция (от лат. *migratio* — перемещения людей, связанные со сменой места жительства) части этого народа на север относится, видимо, к IX — XIII вв. Оставшиеся на местах постепенно растворились в иноэтничной, прежде всего тюркской, среде. Продвинувшиеся в район Среднего Иртыша — Васюгана какое-то время жили там в тесном контакте с предками селькупов и восточных хантов, затем переселились на восток. В XVIII — начале XIX в. кеты продвинулись на север к рр. Турухану и Курейке.

На территории Туруханского района сейчас живут четыре компактные группы: елогуйская, сургутихинская, пакулихинская и курейская. Пятая — подкаменнотунгусская — с начала 1960-х гг. причислена к Байкитскому району Эвенкийского автономного округа.

Хозяйство кетов комплексное. Кетский народный календарь отразил

главные занятия годового цикла: охоту на лося и линияющую водоплавающую дичь, массовый лов рыбы. Кетские лук и стрелы для охоты на зверей и птиц славились на Енисейском Севере и были предметом обмена. Силки и ловчие ямы служили для добычи крупных животных и боровой птицы. Ставные сети (закрепленные в реке, в отличие от плавных, с которыми передвигаются в лодке по реке) и котцы (загородки с плетеной ловушкой) применяли в рыболовстве и при охоте на линияющую дичь, сеть-обмет — на соболя, черкан (ловушка ущемляющего типа, похожая на настороженный лук) и пасть — на других пушных зверей. К 1920 г. в 33% хозяйств основным оружием оставался лук, окончательно вытесненный лишь к 1930-м гг. Для дальних переездов в некоторых хозяйствах использовали оленей. Однако значительная часть кетов, а подкаменнотунгусская группа целиком всегда были безоленными.

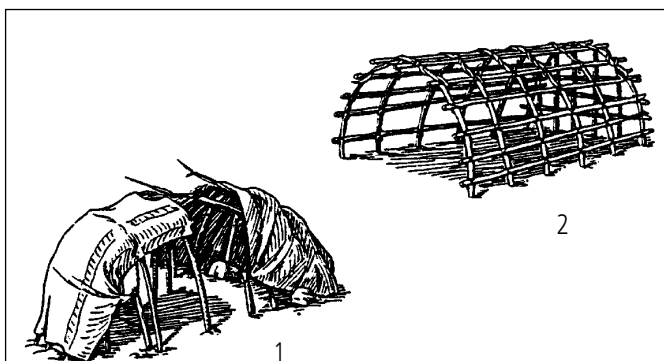
До распространения товарного пушного промысла семьи в течение девяти месяцев жили в землянках на поселениях-стойбищах, располагавшихся в верховьях рек, возле стариц. Сюда с мест летнего лова рыбы они переправлялись на больших крытых (с каютами) дощатых лодках-илимках в начале месяца «замерзания земли» (октябрь). До образования толстого слоя льда ловили рыбу небольшими котцами. Мужчины по мелкому снегу уходили с одной-двумя ночевками на охоту (в календаре это время примерно совпадает с ноябрем и именуется «малой ходьбой»).

Охоту прекращали с наступлением периода «коротких дней» — самого темного и холодного времени (декабрь, январь). В следующем месяце («длинных дней») мужчины отправлялись на «большую ходьбу» — охоту на отдаленных угодьях. Их могли сопровождать жены; дети и старики оставались на стойбище. На расстоянии дневного перехода ставили чумы и жили три-четыре дня, чтобы охотники успели освоить окрестные угодья, а женщины — перетащить груз с предыдущей стоянки. В феврале — месяце «сохатого» — промышляли копытных. С его завершением семья

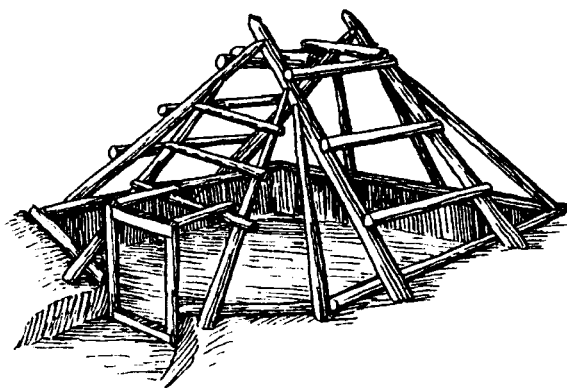
проходила большую часть зимнего пути и устраивала стоянку в месяц «орла» (в это время орлы возвращались на места гнездования). Охотники в поисках копытных и пушных зверей уходили на «маленькую ходьбу», как осенью. Женщины и старики проверяли расставленные ловушки на зайцев и глухарей. Удачную добычу копытных отмечали отдыхом и особым обрядом благодарения. Обратный путь к землянкам начинали в марте (месяц «бурундука»), восстанавливаясь только для ночевки. Возвратившись на стойбище, ждали появления пролетающих птиц и ставили сети в ожидании первого в ме-

Металлическая отливка

Сезонные каркасные жилища из жердей в виде сдвоенной полусферы (1) и рассеченного цилиндра (2) покрывают берестой, брезентом

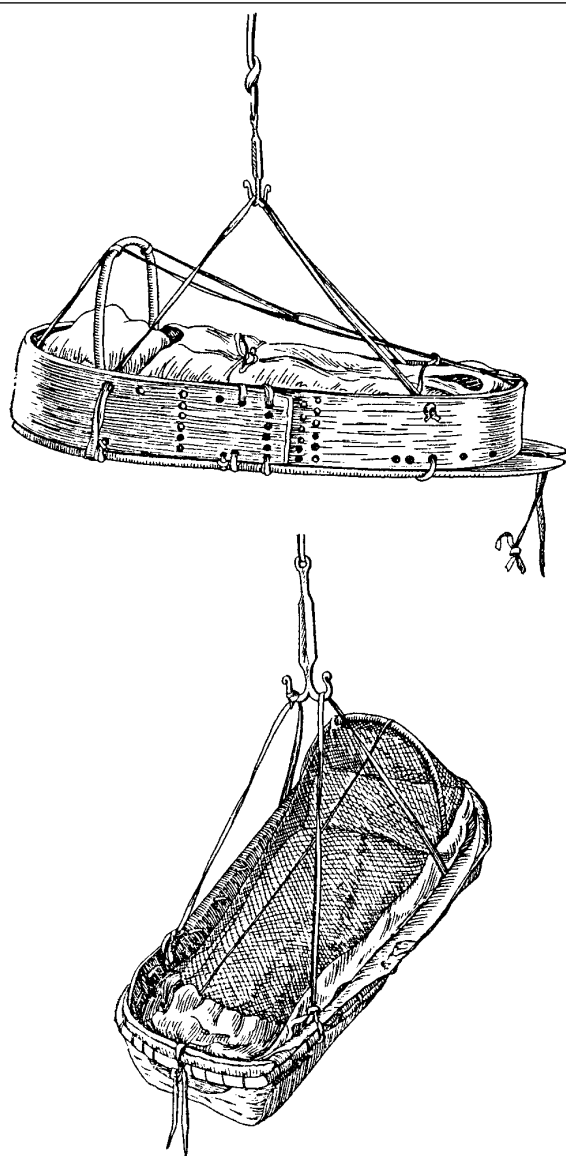

Каркас полуземлянки покрывают плахами, досками, дерном

сяце «шуки» улова. Вслед за ледоходом спускались с верховий на лодках-илимках. Кончался «лесовой» и начинался «береговой» период жизни (когда-то это время считалось началом нового года). Названия его этапов с мая по август — «котцовый», два «линьки уток» (различных пород) и «нельмы» — отражают главные хозяйственные занятия в это время. Семьи жили на берегу вплоть до начала периода «опадания листвы», добывая рыбу и боровую дичь. Мужчины чинили нарты, лыжи, женщины и подростки собирали ягоды, орехи, делали заготовки лекарственных трав, корней и ягод. Подходило время «замерзания земли», и люди отправлялись к своим землянкам.

Безоленные кеты совершали свои многокилометровые переходы и преследовали добычу на широких лыжах-подволоках из ели (*ас'лен*), оклеенных снизу камусом. По весеннему насту передвигались на узких скользящих лыжах-голицах. Груз перевозили на ручной нарте (*сул'*) — легкой, подвижной, с передней дугой-«бараном», защищающим от кустарника и валежника. Тащить нарту помогала собака. Различали мужские трехкопильные и женские четырехкопильные нарты. При перекочевках мужчины с легкой нартой прокладывали дорогу в снегу. Женщины транспортировали имущество, продукты, перевозили детей и больных. Женская ручная нарта была массивнее и имела спинку для перевозки малолетних детей или колыбели с младенцем. Наружную сторону спинки нарты хозяйки семьи украшала резьба с традиционным изображением Вселенной. При кратковременных переходах использовали волокушу — приспособление из жердей (или лыж) и шкуры, в которую завертывали добычу или вещи и тащили волоком по земле. Груз заворачивали в шкуру лося, стягивали ремнями и тянули волокушу за лямку (*данта*) из вываренной и простеганной в несколько слоев бересты, медвежьей или оленьей шкуры, прочной кожи налима. Аргиш (караван из нескольких оленных нарт) семьи состоял из трех — пяти однотипных по конструкции санок с высокими, косо расположенными на полозьях копыльями.

Большие лодки-илимки (*ас'ел*) с жилой частью и мачтой, заканчивающейся флюгером, — еще одно средство передвижения у кетов. Весной в илимках сплавлялись по притокам на Енисей, при попутном ветре шли под парусом из холста. В трудных местах, у водоворотов, порогов останавли-

Люльку из дерева и бересты передавали по наследству из поколения в поколение, ее сохранность связывали с благополучием ребенка

Илимка — большая лодка для перевозки грузов и дальних поездок. Чтобы ее построить, объединялась группа мужчин из разных семей.

Лодки изготавливали участникам объединения поочередно. Эта своеобразная форма коллективного производства сохранялась до недавних времен

Летом, во время рыбного промысла, на ночь семья размещалась в крытой лодке-илимке. Первые срубные дома у семей, осевших в деревнях, появились в начале XX в.

Остов чума составляли пять или семь основных шестов, скрепленных привязанным изнутри обручем и опирающихся на два опорных шеста. Верхний конец одного из них входил в развилку другого. При установке жилища сначала оборудовали очаг: на место кострища насыпали землю, смешанную с песком, очаг отгораживали поленьями. Таганом служила палка с зарубками, воткнутая наклонно над костром со стороны входа в жилище. Чум накрывали берестяными тисками, земляной пол — берестяными подстилками и пихтовыми ветками. Подвешенная дверь состояла из двух плотных слоев бересты. Наружную сторону двери украшали резным узором по верхнему слою бересты с подложенной цветной тканью. Это были — «глаза двери». Считали, что узор обязателен, иначе дверь будет «слепая».

Яма землянки была четырехугольной, с углублением со стороны входа. Основа каркаса состояла из двух пар стропил, вкопанных в землю. Каркас покрывали досками, дранкой, а затем засыпали землей и обкладывали дерном. Очаг оборудовали в средней части

жилища, несколько ближе к входу. Отапливали землянки открытым очагом типа камина — чувалом (*сонол*), сделанным из тонких жердей или реек, промазанных глиной. Дневной свет проникал через небольшое отверстие в крыше, закрытое льдом. Жилище устанавливали так, чтобы сторона, противоположная входу, была направлена на восток или юго-восток. Эту сторону и соответствовавшую ей внутреннюю площадь до очага считали «чистой», передней. Непременную часть убранства жилища составляли низкие столики из березы (*л'ам*). Обычно в семье было несколько столиков, за каждым ели два-три человека. Для мужчин, старших членов семьи и гостей их накрывали в передней части жилища. Постельные принадлежности состояли из меховой подстилки (оленья шкура) и такого же «одеяла», сшитого наподобие мешка. Под голову сворачивали парку, клали мягкие сумки или подушки из птичьего пуха. Летом спальные места отгораживали пологом из легкой ткани, представляющим собой четырехугольную палатку.

Жилищем кетов были конический чум (*кус*) и землянка (*бан, нус* — «земляной чум») — углубленная в землю постройка с каркасом из наклонных бревен и земляным покрытием. На летних стоянках ставили сводчатые сооружения из прутьев тальника, крытые берестой. Для ночевки на зимней охоте вырывали в снегу яму и устраивали из веток и тисков (сшитых берестяных полотнищ) заслон от ветра.

Традиционная одежда была распашной. Зимой носили парку из оленьей шкуры и стеганую одежду из ткани на подкладке из заячьих шкур (*бэсем*), летом — суконный кафтан (*котл'ам*) с характерными цветными бейками на плечах и у ворота. Крой женской и мужской одежды был одинаковый, но различался длиной: женская — до щиколоток, мужская — ниже колен. Женскую одежду шили из сукна более яркого цвета, ее украшали бусы на завязках и меховая окантовка пол (*бэсема*). Одежду запаховали на левую сторону (на правую запаховали на покойнике). Мужчины носили котл'ам и бэсем, низко подпоясавшись суконными поясами, украшенными вышивкой белым подшейным волосом оленя, медными бляшками, цветной окантовкой и бейками. Женские пояса из цветной, чаще всего красной, ткани имели длину до трех метров, ими обертывались несколько раз, добиваясь плотного прилегания одежды. Этикет требовал, чтобы в присутствии мужчин и старших женщин ноги и грудь молодой женщины были закрыты. За работой длинные полы заправляли за пояс, спускали одежду с плеча, высвобождая правую руку. До распространения рубахи и платья (рубахи, надставленной по подолу) из покупного ситца нательной одеждой служили натазники — короткие штаны из ровдуги у женщин и штаны из оленьей шкуры, ровдуги или плотной ткани у мужчин. Летом носили ровдужную обувь до середины голени или короткие кожаные туфли-черки. В дождливую погоду поверх ровдужной обуви надевали снятую

чулком шкурку гагары. Зимняя обувь была составной — с головкой из камуса и суконными голенищами. Ниже колен поверх голенищ мужчины надевали подвязки, вышитые бисером, подшейным волосом оленя. Зимой носили чулки из тонкой оленьей шкуры или сукна. В обувь вкладывали сухую болотную траву и обертывали ею как пор-

В прошлом спинки нарты с наружной стороны украшали резьбой

чулком шкурку гагары. Зимняя обувь была составной — с головкой из камуса и суконными голенищами. Ниже колен поверх голенищ мужчины надевали подвязки, вышитые бисером, подшейным волосом оленя. Зимой носили чулки из тонкой оленьей шкуры или сукна. В обувь вкладывали сухую болотную траву и обертывали ею как пор-

Зимние лыжи для ходьбы по рыхлому снегу, клеенные снаружи камусом оленя или сохатого, делают из ели. Мерой длины лыжи является рост человека, которому они предназначены, ширина средней части — два расстояния между вытянутыми большим и указательным пальцами (30 — 34 см). На концах лыжи сужены до 27 см

тянками ноги. Шкура с головы оленя составляла старинный головной убор. Позже начали носить капорообразную шапку из шкурок птиц и мелких животных, сукна и оленьего меха. Курейские кеты предпочитали меховые капоры эвенкийского образца. Но у большинства головным убором всех сезонов был покупной платок. Мужчины и женщины повязывали его одинаково: складывали по диагонали и завязывали под подбородком. Мужчины-охотники и зимой ходили в платках из ситца (он

позволял слышать малейший звук). Поверх платка, чтобы защитить лицо от ветра, а глаза от блеска весеннего снега, надевали налобник из плотно нанизанных на ремешок беличьих хвостов. Зимой при переездах на нартах охотники поверх одежды надевали еще глухую одежду самодийского типа, как у ненцев: малицу из оленьего меха шерстью внутрь, сокуй — шерстью наружу и длинную (до паха) обувь, сшитую из оленьих камусов.

Прическа зависела от возраста и социального положения: у детей — распущенные волосы, у подростков, юношей и девушек — одна коса с косоплеткой, у мужчин — коса, у замужних женщин — две косы с особым женским украшением. Вдовы некоторое время ходили с распущенными волосами.

Зимой ели мясо лося, оленя, пушных зверьков, боровую дичь, рыбные припасы. Из покупной муки пекли лепешки (*нан*) в глинобитной уличной печи или раскаленной золе костра. Летом питались рыбой, в конце сезона в рацион входила дичь. Мясо и рыбу варили, жарили на рожнях, ели в мороженом и сухом виде. Впрок заготавливали в основном рыбу. Готовили рыбную муку (*порсу*), вяленую рыбу (*юколу*), «варку» (вываренные в рыбьем жире рыба, икра и внутренности), рыбий жир. При успешной добыче копытных излишки мяса сушили или замораживали. В рацион

Таким мозаичным орнаментом украшали женскую одежду. Обычно подбирали светлые и темные шкурки с одинаковым по высоте ворсом. При подборе и сшивании меховых кусочков следили за ровным направлением ворса. Сшивали детали так, чтобы со стороны волосяного покрова не было видно ниток

включали ягоды, клубни сараны, черемшу, сушеные листья растений. В голодные периоды, особенно весной, когда кончалась мука, ели лепешки из порсы, смешанной с толченой еловой корой; чай заменяли отвары трав. С едой были связаны многочисленные запреты, особые требования к разделке, обработке и приготовлению добытого. Например, запрещалось есть мясо лебедя или орла, поскольку они воспринимались как давно жившие люди. При разделке туши нельзя было проливать

кровь животного, нарушать целостность костей (скелет расчленили по суставам). Это было связано с представлением о воскрешении добытых животных. Кеты верили, что через пищу можно получить желаемое (или нежелаемое) свойство или качество: съевший сердце глухаря приобретет особую осторожность; сумевший проглотить, не жуя, глаза медведя, будет долговечным и т.д. В отношении ритуальной еды особенно соблюдали половозрастные предписания: голову медведя, лося, рыбу первого улова ели только мужчины; некоторые части туши были запретны для женщин и т.д.

Еще в первой половине XX в. кеты обходились самодельной посудой и утварью. Покупными были медные котлы и чайники, реже фаянсовая чайная посуда (ее пользовались в особых случаях, считая предметом роскоши). Колыбель (*уй*) изготавливали двух видов: временная из березы предназначалась одному ребенку, на короткий срок; из кедра могла служить долго. Нередко в такой колыбели вырастало несколько поколений детей. Ее никогда не выбрасывали и не отдавали чужеродцам.

До начала XX в. у кетов преобладали поселения-стойбища из семей кровных родственников или свойственников (родственников по браку). Рыболовные и охотничьи угодья находились в наследственном пользовании семьи. Распо-

Охранитель семьи — *алэл*

Женский пояс, вышитый бисером

ряжался ими глава стойбища, который совмещал обязанности хозяйственного руководителя, военачальника, а иногда и шамана.

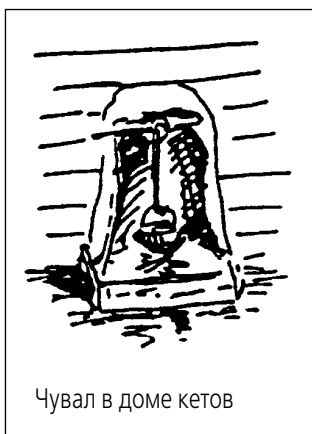
Для социальной организации кетов характерны деление на две группы (фратрии — от греч. *phratría* — братство), представителям которых были запрещены внутригрупповые браки; патрилинейный счет родства (по отцовской линии), особая роль кровнородственных (родовых) связей в производстве, распределении, наследовании и идеологии. В начале XVII в. елогуйская группа составляла одну экзогамную родовую половину, а жившие на Подкаменной Тунгуске и в низовьях Бахты — вторую. Члены первой вступали в браки с представителями второй и наоборот (дуальная экзогамия). В образовавшихся позднее смешанных территориальных группах представители обеих экзогамных половин выделяли себя по родовым самоназваниям. Для этих групп характерны общее самоназвание, экзогамия, представление об общих предках, родовых шаманах и семейных охранителях, право на совместное пользова-

ние угодьями, котцами, коллективное распределение добычи, взаимопомощь. Введенные русской администрацией с XVIII в. волости (управы) соответствовали локальным группам кетов и сохраняли черты их традиционных общественных отношений: выборный на суглане (сходке, собрании) глава («князец»); принцип круговой поруки при невыплате ясака, долгов; совет старейшин (глав семей), решавший конфликты и споры.

В конце XIX — начале XX в. преобладали малые, двух- и однопоколенные (5 — 7 человек) семьи. Особым уважением пользовались мужчины и люди старшего возраста (в том числе старухи), женщины сохраняли реальное равноправие. Семейное имущество наследовали по мужской линии. Оно переходило оставшемуся в отцовской семье совершеннолетнему младшему сыну (старших отделяли при женитьбе). Бездетному главе семьи мог наследовать брат, другой близкий родственник. В том случае, если не было мужчин, близких родственников мужа, хозяйкой признавали вдову. Часть общего имущества выделяли женщинам

Заготавливали бересту обычно во время первых гроз и цветения шиповника, как правило во второй половине июня, когда береста легко отслаивается от ствола. Для этого тщательно подбирали дерево: оно должно быть ровным, без трещин и наростов

Чувал в доме кетов

при замужестве или мужчинам, обзаводившимся собственным хозяйством. Оставшиеся в престарелом возрасте без кормильцев могли рассчитывать на кров и хлеб лиц, не состоявших с ними в реальном родстве. Браку предшествовало сватовство-сговор (сваты уговаривались о калыме и приданом, сроке свадьбы). Родственники жениха приносили в жилище невесты котел с по-

дарками (беличьи шкурки, платки). Если предложение отвергалось, котел переворачивали вверх дном. При согласии договаривались о «цене» невесты (калым). В день свадьбы жениху и невесте мыли головы, волосы девушки заплетали в две косы. Шаман связывал концы кос молодых, соединял их руки, что символизировало единство супругов. Родственники жениха и невесты во время обряда образовывали вокруг них два полукольца. Свадьба сопровождалась застольем, играми, состязаниями сородичей в стрельбе из лука и перетягивании каната.

Официально кеты считались обращенными в христианство, но фактически у них бытовали шаманская идеология и анимистические, тотемические, промысловые и семейные культы. В их представлениях об окружающем мире выделяются два временных этапа: первый — собственно сотворение мира, появление земли, первых людей, животных; второй включает прошлое, настоящее и будущее уже созданного мира. Есь — верховный персонаж, олицетворенное небо, бог; популярны мифический Альба и легендарный шаман Дох. Отрицательное начало представляют Хоседам (жена Еся), Доттет, а в сказках — злая Кэлбэсам.

Кеты верили, что среди людей находятся охранители семьи и сородичей — «старухи» (*алэл*), заместители умерших (фигурки, изображения усопших людей, в которых, как считалось, находилась одна из душ покойного, обычно возрождающаяся после смерти), а также многочисленные хозяева мест и промысловых объектов. Мир мертвых и вредоносных существ находится ниже каждого реального поселения; в верховьях реки обитает ведающий охотничьим счастьем Кайгусь в облике медведя и т.д.

Шаманство у кетов не было профессиональным. Известно несколько категорий шаманов. Сферой действия одних считались Земля и Нижний мир (шаманы, олицетворявшие при камлании медведя или медведеподобное существо), за другими, олицетворявшими важеньку (самку) оленя, признавалась способность достигать неба и Верхнего

мира. Облачение и набор атрибутов шамана соответствовали его силе. Полный набор облачения включал парку, нагрудник, обувь, головной убор, бубен с колотушкой, посох, иногда особую нарту-ящичек с железными изображениями духов-помощников.

Промысловые и семейные культы были связаны с кормлением, одариванием семейных охранителей, хозяев отдельных мест и жизненным циклом человека. Особое место занимал ритуал по случаю добычи медведя (медвежий праздник). Считалось, что в образе медведя в гости к родственникам является умерший.

Фольклор кетов включает мифы, предания, сказки о животных и бытового содержания, загадки. В бытовых сказках речь обычно идет о нерадивой невестке, злой свекрови, сиротах. Особый жанр — рассказы о случаях на охоте. Героические предания, сказки мифологического характера исполняли в повествовательной и песенной (иногда смешанной) форме.

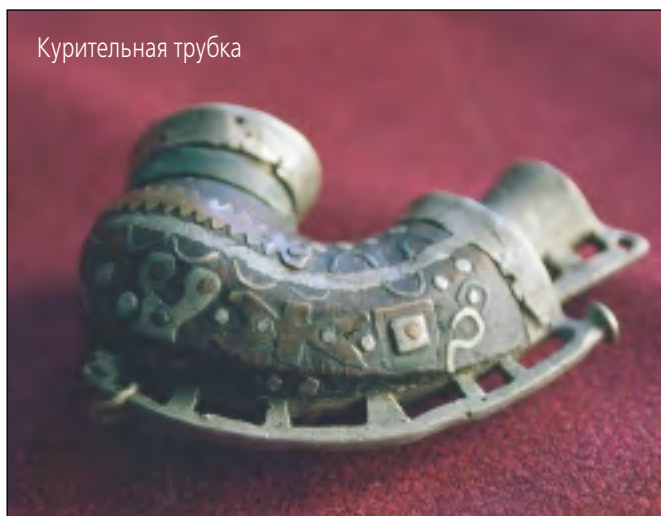
Кетскую музыку подразделяют на курейскую (северную), имбатскую (центральную) и сымскую (южную). Поют песни-приветствия, песни-плачи, жалобы, любовные высказывания и воспоминания о лирических событиях в жизни, колыбельные песни. Мифопоэтические напевы исполняют от лица персонажей сказок: водяного, покровителя лесных зверей, «Матери-огня», «Первого шамана» и др. Обрядовая музыка представлена шаманскими и праздничными песнями. У каждого шамана была своя песня, которую разрешалось петь только членам шаманской семьи и близким родственникам. Помощники шамана и присутствующие сородичи вторили шаману.

Музыкальные инструменты представлены пластинчатым варганом со ступенчатым язычком, играющей струной-жилой, музыкальным луком и двумя разновидностями коробчатого смычкового лютневого инструмента с овальным и восьмеркообразным корпусом.

По языковым и национальным особенностям ученые относят их к категории уникальнейших этносов мира. К сожалению, кеты не имеют своей автономной территории, а поэтому вопросы их самоуправления и закрепления за ними территорий традиционного природопользования остаются нерешенными.

В конце 1980-х гг. из-за низкой рентабельности почти исчезли традиционные виды хозяйственной деятельности, а в 1990-е гг. пришел в упадок и охотничий промысел.

Последние десятилетия кеты живут в больших многонациональных поселках, занимаются огородничеством и рыболовством. В Байkitском районе работают клуб и национальная библиотека. Однако традиционную культуру сохраняют исключительно энтузиасты — местные жители.

Курительная трубка

КОМИ-ЗЫРЯНЕ

Численность — 344 519 человек.

Язык — финно-угорская группа уральско-юкагирской семьи языков.

Расселение — в основном Республика Коми.

Самоназвание *коми*, возможно, восходит к общепермскому *комӧ* — «человек», «мужчина» или мансийскому *кум* (*хум*) — «человек», «родственник». Ранее были известны как «зыряне»; в русских летописях X — XV вв. именовались «пермью».

Выделяются десять диалектов коми-зырянского языка: нижневычегодский, присыктывкарский, верхневычегодский, среднесыольский, верхнесыольский, лузско-летский, вымский, удорский, ижемский и печорский. Литературный язык сложился в советское время на основе присыктывкарского диалекта. В 1989 г. 70,4% коми-зырян родным считали язык своей национальности, 29,5% — русский, которым кроме того свободно владеют 62,2%.

Предки коми — племена, обитавшие в бассейнах рр. Вычегды и Выми, были известны новгородцам с конца XI — начала XII в. В XIII в. вычегодские земли числились в составе новгородских волостей, а в начале XIV в. эти земли под названием Пермь Вычегодская попали в сферу влияния московских князей. После присоединения Новгорода к Москве (1478) Вычегодские и Вымские земли были окончательно включены в московские владения.

Во второй половине XIV в. среди зырян жил со своей миссией св. Стефан Пермский, уроженец Устюга. Он изобрел азбуку и перевел на пермский язык богослужебные книги, способствовал распространению христианства и стал первым епископом учрежденной Московской митрополией Пермской епархии, которая со временем приобрела большое политическое значение.

Заселив в XVI — XVII вв. территории на Верхней Вычегде, коми продвинулись на восток, а позднее, в XVIII — XIX вв., расселились по Печоре и Ижме. В XVII в. значительные группы ижемцев переселились в тундровые области, в XVII — XIX вв. — на Урал и в Сибирь, в последней четверти XIX в. — на Кольский п-ов. Контакты коми с коми-пермяками, ближайшими родственниками по происхождению (до середины второго тысячелетия н.э. они имели один язык), саамами, хантами, манси, ненцами, русскими способствовали

формированию в XVIII в. этнографических групп: удорцев (*удораса*) в верхнем течении Мезени и Вашки, вымичей (*емватас*) в бассейне р. Выми, пермяков в верхнем течении Лузы, сысоличей (*сыктылса*) в бассейне Сысолы, вишерцев (*висерса*) в бассейне Вишеры, печорцев (*печераса*) на Верхней Печоре, ижемцев (*изватас*) на Ижме. В жилище, одежде, обрядах и фольклоре коми прослеживались заимствования у русских. Отдельные группы, живущие на рр. Яренге и Выледи, слились с русскими. Давними являлись контакты с ненцами. У них ижемцы перенимали оленеводство и связанные с ним предметы материальной культуры.

Древнейшими занятиями коми были охота и рыболовство. С XVIII в. развивались земледелие и скотоводство. Из земледельческих орудий пользовались двухлемешной сохой, вязанной из прутьев бороной-суховаткой с деревянными зубьями и деревянной рамочной — с железными. Зерновые культуры и травы убирали серпом и косой-горбушей. Молотили цепями, в северных районах — деревянной колотушкой. Перед обмолотом зерно сушили в овинах и ригах. Мололи преимущественно на водяных мельницах или ручными жерновами. Сеяли в основном ячмень, рожь, лен, коноплю, сажали репу, лук, редьку, а с середины XIX в. — картофель. Животноводство имело подсобное значение. Разводили коров, лошадей, овец местных пород. Скот выпасали без пастухов. Свиной и птичь держали мало. Ижемцы занимались оленеводством.

В лесных, слабо населенных районах, в верховьях Печоры, Вычегды, на Выми и Мезени первостепенное значение имела сезонная охота. Осеннюю (сентябрь — ноябрь) называли охотой по путику. Путик, или *туй*, — тропа, вдоль которой расставляли плашки (*нальк*), слопцы (*чӧс*),

кляпцы (*кляпча*), кулемки (*тыльӧм*) и другие ловушки. Распознавали путики по зарубкам на деревьях, знакам собственности (*пасы*). В это время добывали боровую дичь. В январе — апреле на промысел белки уходили далеко от дома, жили во временных домах. Расстояние между двумя избушками составляло от 5 до 12 верст (1 верста = 1,06 км). Жители припечорских районов измеряли свой путь плесами (пространство реки между двумя излучинами). Передвигались на лыжах, обтянутых камусом оленя, и лыжах-голицах.

Рыбу били трехзубой острой, ловили вершами — ловушками, сплетенными из ниток и натянутыми на остов из прутьев. Известна верша в виде удлиненной

Перед кочевкой. Ямал

конусообразной корзины (*гымга*, по-русски — *морда*) из сосновых лучинок или ивовых прутьев, скрепленных обручами из ветвей или корней. В середину влетали раструб (*детыш*) с небольшим отверстием. Вершину гымги запирали берестяной или плетеной крышкой.

Обилие рек, озер, лесов обусловило преимущественное развитие водных путей сообщения. Старинную лодку (*тыж*) длиной от 3 до 5 — 6 м выдалбливали из осины. К бортам иногда пришивали по одной-две доски (лодка с надшивкой). Долбленную лодку, меньшую по размеру, называли *веткой*. Пользовались также лодками, сшитыми из еловых досок (*дощаником*, *шитиком*) с плоским или острым дном (*килевкой*), грузовой лодкой (*каюком*). Длина среднего дощаника с плоским дном 4 м. Дощаники с килевым дном были довольно крупных размеров и отличались большой устойчивостью. По Печоре, Ижме и Вычегде переправлялись на больших лодках (*шитиках*) и пароме (*карбасе*), а груз перевозили на плотках (*пур*). По трактовым дорогам, которые начали прокладывать лишь в XIX в., ездили на телегах: одноколках и тарантасах, санях, на севере — оленьих нартах. Летом грузы перевозили также на волокушах.

Экономические связи с Устьюгом поддерживали «торговые люди» из среды коми. В XVII в. на Нижней Выми возник солеваренный промысел. Во второй половине XVIII в. заработали два чугунолитейных завода и один железоделательный. Трудились на них крепостные из центральных губерний России; местных жителей привлекали лишь на подсобные работы. С конца XIX в. в крае начали осваивать лесные богатства. Заметную роль в хозяйстве играли отхожие промыслы — лесозаготовка и сплав леса. Многие из местных коми уходили на зиму на уральские заводы или в извоз по доставке руд, чугунных изделий и т.д. В Сибири отходники работали портными, валяльщиками и печниками. С развитием оленеводства у ижемцев появились мануфактуры по выработке замши.

Основные типы традиционных поселений — села (погосты), вокруг которых группировались деревни (*сикт*). В более северных и позднее заселенных районах существовал линейный (вытянутый в линию) тип расселения. Большинство селений располагалось на мысах рек. По характеру планировки их можно подразделить на беспорядочные (кучевые и разбросанные), рядовые (однорядные и многорядные), уличные и квартальные и селения смешанной планировки. Преобладал рядовой тип застройки: большинство изб было обращено фасадом на юг или юго-запад. Их ставили без фундамента, на земле. Сруб делали высоким (19 — 20 венцов), на высоком подполье. Дом (*коромина*) строили под общей крышей с двухэтажным двором и взвозом. Крышу крыли тесом, реже — дранкой. Выделяются два типа жилища. Дома первого типа состояли из летней и зимней избы и сеней посередине. Их строили параллельно улице. Печь в избе клали в дальнем от входа углу, ее устье было обращено к входу. Жилища второго типа состояли из двух изб, построенных перпендикулярно улице. Печь находилась в одном из углов около двери, а устье обращено к окнам передней стены, выходящей на улицу. Сзади к дому примыкали сени, по другую сторону которых находился двухэтажный двор под одной крышей

Сооружение кораля для отлова оленей

с избой. Вход в подполье иногда оформляли в виде пристройки с дверью рядом с устьем печи. Ее верхний настил, как и напечье, служил местом для сна.

В селах по рр. Выми и Вашке встречались старые постройки, в которых под одной крышей было более двух жилых изб, принадлежавших родственникам. На р. Ижме, в среднем течении Печоры у ижемцев сохранялись большие двухэтажные дома (на верхнем этаже — спальня и чистая комната — горница, на нижнем — кухня). Жилое помещение в них отделено от двухэтажного двора сенями.

Основным элементом традиционного женского костюма была рубаха (*дёрём*) длиной до колен. Верхнюю ее часть (*сос*) шили из холста лучшего качества, нижнюю (*мыг*) — из более грубого (с конца XIX — начала XX в. — из пестряди или фабричных тканей). В начале XX в. зажиточные зырянки и ижемки часто носили по две рубахи — нижнюю, длинную, и верхнюю, доходящую до талии. Поверх рубахи женщины и девушки надевали сарафан (*сарпан*) различного покроя. Наиболее старинный — косоклинный. Его еще называли шушунном, китайкой, клинником, штофником, дубасом, пестрядинником. Позднее сарафаны шили из крашеного холста, набойки (пестрокрашенной ткани), домотканой пестряди, сатина, шелка. Они были прямого покроя, на лямках и с лифом или корсажем. В первой половине XX в. начали носить юбки и кофты. Кофты шили на кокетке, со стоячим воротником; юбки — прямые или с клиньями, с нашитыми по подолу полосами из ткани другого цвета. Поверх сарафана или юбки женщины надевали *запон* — передник без нагрудничка (будничные запоны — из пестряди, праздничные — из хлопчатобумажной белой ткани с вышивкой и кружевами). Одежду подпоясывали различными поясами. Праздничная одежда зажиточных женщин — парчовая безрукавка — *коротенька*, *брокток*. Верхняя женская одежда по крою и материалу похожа на мужскую. Для работ на открытом воздухе надевали *сукман* прямого или приталенного покроя. Носили женщины и холщовый кафтан — *шабур*. Шубы (*нась*) шили из дубленых овчин. В сильные морозы поверх шубы надевали зипун и подпоясывали кушаком. Богатые ижемки имели шу-

бы из цветного бархата или атласа на беличьем или лисьем меху, с меховой опушкой.

Женские головные уборы отличались большим разнообразием: мягкие, типа чепцов, и на твердой основе. Почти все девичьи уборы представляли собой обруч или твердый околыш, облегающий голову, или полоску ткани в виде ленты, повязываемую вокруг головы. Женщины разных возрастов повязывали платок.

Основой традиционного мужского костюма были рубаха-косоворотка, подпоясанная тканым или кожаным поясом, и штаны, заправленные в сапоги; поверх рубахи — пиджак. Промысловая одежда — безрукавка охотников и лесорубов (*лаз, лузан*) и охотничья самодельная обувь (*кым*) с загнутыми сверху носами и цельной подошвой. Лаз делали из грубого толстого холста или прямоугольного куска домотканого сукна, серого в белую полоску, края обшивали кожей, на плечи пришивали треугольные куски ткани. На талии безрукавку укрепляли пришитым к ней поясом с пряжкой. На Печоре лаз часто делали с капюшоном. Во время осенних и зимних промыслов носили кафтан из домотканого белого или серого сукна (*дукёс*) длиной до колен. Мужчины и женщины-оленьеводы надевали малицу (*малича*) из оленьего меха, заимствованную у ненцев, с маличной рубашкой из разноцветной хлопчатобумажной ткани (*малича кышан*). Праздничную рубашку шили из более дорогой ткани. Осенние суконные малицы по крою аналогичны меховым. В морозы поверх малицы надевали совик. Наиболее распространенной обувью в прошлом были кожаные туфли. Зимой носили *ишим*, или *валеги*, состоявшие из валяных головок с пришитыми к ним суконными голенищами, или обычные валенки-катанки. В южных районах для работы в лесу или в поле служили лапти из березового лыка, в северных — обувь из оленьего меха (*кыс, туфли, пими, тобоки*). Ее шили оленьими сухожилиями. И мужчины и женщины носили длинные шерстяные чулки, связанные на спицах, с узорами из разноцветной шерсти (*сера чувки*). Раньше такие чулки были обязательной частью приданого. Невеста дарила их жениху на свадьбе. Носили и чулки без пятки, сшитые из сукна или холста.

Женщины вязали на спицах разноцветные чулки, перчатки, варежки и шарфы из овечьей шерсти. Скатерти, полотенца, женские рубахи украшали ткаными геометрическими узорами. В росписи прялок, шкафов для посуды, дверей, дуг саней наряду с геометрическим был распространен растительный орнамент, а также изображения человека, зверей и птиц. У ижемцев известны деревянные шкапулки с выемчатой резьбой, меховые орнаментированные одежда, обувь, мешки для перевоза грузов, отделанные кусочками оленьего меха и сукна, по технике шитья и орнаменту близкие ненецким.

В северных оленеводческих и охотничьих районах повседневной пищей была оленина. В южных, земледельческих районах говядину, баранину, свинину или мясо домашних птиц готовили в основном по праздникам. Употребляли также дичь: рябчиков, глухарей, гусей, уток. Осенью мясо и дичь заготавливали впрок. Большое место в питании занимала рыба, особенно в селениях по берегам рек и озер. Ели рыбу в соленом, мороженом, вяленом, вареном, жареном виде, запекали в хлебе, на промысле — сырой, слегка

Установка капкана на песца

Зверек пойман

подсоленной. Особой популярностью пользовалась кисло-соленая рыба печорского засола, которая при длительном хранении образовывала студенистую кислую массу. Ее ели ложками или наливали в чашки и макали в нее хлеб.

В районах развитого скотоводства — по берегам Печоры, Ижмы, Сысолы, Выгеды — использовали коровье и козье молоко, в тундре — оленье.

Молоко чаще сквашивали и подавали как третье блюдо или как приправу. Делали творог (*рысь*), сметану (*нёк*), сыр (в виде соленых подсушенных колобков), масло (*вый*), которое обычно перетапливали. В южных районах делали льняное и конопляное масло.

Овощи ели чаще сырыми. Репу и брюкву парили в печи и подавали к столу как третье блюдо. Капусту ели в свежем виде и засаливали впрок, причем солили чаще вареной. Соленую капусту подавали по праздникам в качестве закуски, а также к чаю.

Грибы варили и жарили, на зиму сушили и засаливали. Собирали щавель, борщевик, молодой полевой хвощ, дикую морковь. Весной ели в сыром виде молодые побеги ели. Кору пихты размачивали в молоке и пекли из нее лепешки. Бруснику, клюкву, голубику, чернику, морошку, землянику, красную и черную смородину, малину, рябину, черемуху ели в свежем виде с хлебом и молоком, пекли с ними пироги, варили кисели. Ягоды также сушили, замораживали, мочили. Чернику использовали в качестве лечебного средства.

Основной пищей был ржаной и ячменный хлеб (*нянь*) из кислого теста. В него нередко добавляли картофель, борщевик, листья и кору рябины. В праздники пекли пироги с ягодной, грибной, овощной (репа, капуста, редька), рыбной начинкой, блины, чаще из ячменной муки, реже картофельные или гороховые, сочни и шаньги (лепешки с на-

Игольница

чинкой), пельмени с начинкой из мяса, иногда капусты. *Черинья* — пирог с завернутой в него рыбой — обязательно подавали на свадьбах и поминках. Каша (*рок*), чаще из ячневой и овсяной круп, иногда из ржаных отрубей — традиционное блюдо. Впрок заготавливали так называемую сухую кашу — в виде колобков из ячменной крупы, замешанной на простокваше.

На промысле охотники варили из них густую похлебку. Готовили различные супы: из свежей и квашеной капусты, свежей и сушеной рыбы, грибов, в праздничные дни — суп с мясом или дичью. Делали похлебки из кваса с редькой и вареной картошкой или с квашеной капустой. Пили чай (часто с листьями брусники, цветами черемухи, березовым грибом и др.), квас, брагу, березовый сок. Любимый напиток ижемцев — крепкий чай с молоком и сахаром.

С конца XIX в. преобладали малые семьи, как правило, из пяти-шести человек, но были и большие неразделенные — из 30 — 40 и даже 50 человек. Главой большой семьи чаще всего являлся старик-отец, хотя иногда хозяйственной жизнью руководил его старший сын. Старшая в семье женщина (жена главы семьи) ведала домашними работами. В связи с частыми отлучками мужчин из дому на отхожие промыслы на женщинах нередко лежали также все сельскохозяйственные работы. Вместе с мужьями они нередко ловили рыбу и охотились. Поэтому женщина пользовалась уважением в семье, во многих семейных делах имела решающее слово. Вместе с тем она не принимала участия в общественной жизни села, не имела права голоса на сходах.

Родственные семьи обычно жили одним поселением или занимали часть села. Группу родственных семей (*котыр*) называли именем ее родоначальника. Они совместно владели лесными расчистками, охотничьими угодьями, имели свои сходы, главу, оказывали друг другу помощь, участвовали в семейных торжествах. Браки между ними, как правило, не заключались. Умерших хоронили на кладбище рядом. В определенные дни на их могилах устраивали поминальные трапезы.

В брак вступали в 20 — 25 лет. Существовало две формы заключения брака: по сватовству и умыканием. Похищение происходило с согласия невесты и было характерно главным образом для малообеспеченных крестьян. Молодежь знакомилась чаще всего на посиделках и играх. Свадьбы справляли зимой — от Крещения до Масленицы или весной, до начала полевых работ. Приданое состояло из одежды, тканей, включало также скот, иногда — часть пашни. Свадебные обряды коми во многом близки к русским.

Много обрядов было связано с рождением ребенка. Их цель — облегчить роды, уберечь ребенка и мать от болезней и сглаза. Большое значение придавали молитвам и заговорам, которые знала обычно опытная повитуха, помо-

гающая при родах. В случае трудных родов развязывали узлы на одежде роженицы, расплетали ей косу, расстегивали ворот рубахи, зажигали венчальные свечи. Иногда роженицу трижды обводили вокруг стола, творя при этом заговор. В случае тяжелого заболевания ребенка прибегали к его мнимой продаже: родители, выйдя на улицу, «продавали» его первому встречному за мелкую монету. А тот возвращал им ребенка как нового, чужого.

Для похоронных и поминальных обрядов характерны обычаи выносить покойника через заднее крыльцо, выкупать могилу, опускать в нее бытовые предметы, вешать в красном углу полотенце, в котором по поверью находится душа умершего в течение сорока дней после смерти, и др. После выноса покойника помещение обязательно мыли. Умерших и зимой и летом отвозили на кладбище на санях, которые оставляли на могиле. На 9, 20, 40-й день, через полгода и год после смерти совершали поминки по умершему. Общие поминки по умершим предкам устраивали в субботу перед Троицей, в Петров день, накануне Покрова и осенней Казанской богородицы.

Народные верования были связаны с поклонением силам природы, священным деревьям, зверям и птицам. Оляха почиталась как дерево жизни: верили, что в нее переселялись души умерших. Под священными деревьями совершали религиозные обряды, вешали на них кусочки меха и другие приношения. Мед-

вежьи клыки и когти носили как обереги, хранили около божницы. Из птиц наиболее почитаемой была утка. Ее грудную кость тоже хранили около божницы, а резное изображение прикрепляли как оберег на крышу дома. Челюсть щуки клали на косяк входной двери. Считали, что она оберегает женщину во время родов. Был распространен культ предков. Древние верования сочетались с христианскими.

Устное народное творчество представлено сказками, легендами, эпическими сказаниями, песнями, частушками, загадками, пословицами и поговорками. Герои волшебных сказок — колдуны, знахари, лешие, водяной, домовый — обитающий в подполье маленький старик с длинной бородой, медведь, который берет в жены девушку.

Богато песенное творчество: семейно-бытовые, свадебные, лирические, трудовые, солдатские, рекрут-

ские песни, русские хороводные и игровые песни, городские романсы, частушки.

Наиболее распространенные народные инструменты — баян и гармонь. В прошлом в селениях по Вычегде и Выми бытовал смычковый инструмент, напоминающий скрипку (*сигудёк*).

Музыкальная культура представлена архаическими вокальными жанрами (заклички животных), песнями-заклинаниями, сопровождающими обряды изгнания «Репейника-татарина» с хлебного поля или «Клопа Хлопотовича» из избы, бытовыми (по самым разным поводам) причитаниями, земледельческими и охотничье-оленьеводческими трудовыми импровизациями, масленичными, весенними обрядовыми (при встречах и проводах весны), жатвенными песнями, музыкальными формами эпоса (лироэпические импровизации, богатырский эпос, песни и баллады былинного типа), а также свадебными причитаниями и песнями, похоронными и поминальными причитаниями, рекрутскими песнями, рождественскими (святочными) и троицкими игровыми, круговыми и плясовыми песнями, качельными песнями, исполняемыми на Пасху.

Сейчас помимо традиционных занятий народ коми занимается лесозаготовками.

Национальные кадры готовят Сыктывкарский государственный университет, Коми государственный педагогиче-

ский институт, Сыктывкарский лесной институт, Ухтинский технический университет. В школах преподают родной язык. В конце 1990-х гг. издано много учебников, учебно-методической и художественной литературы на языке коми.

В Республике Коми работают Академический театр драмы им. В. Савина, Театр оперы и балета, фольклорный театр и др. Выступают ансамбли «Асья кыа», «Сигудёк», «Зарни ёль».

Огромный труд и ответственность за сохранение и возрождение национальной культуры взяла на себя интеллигенция — писатели А. Ванеев, И. Торопов, Е. Козлова, Г. Юшков, поэт В. Тимин, народная артистка СССР Г. Сидорова, этнолог В. Налимов, социологи К. Жаков, П. Сорокин и др.

На языке коми выходят газеты «Коми му», «Эскём», «Йёльога», а также журналы «Войвыв кодзув», «Би кинь», «Арт». Многие программы национального телерадиовещания посвящены традициям, обычаям, культуре народа. В защиту национальных культур, обычаев и языка граждан всех национальностей, проживающих в республике, выступают Исполком Съезда коми народа, Ассоциация «Изьватас», общественная организация «Коми котыр», а также Ассоциация коми-зырян Ханты-Мансийского автономного округа.

Оленеводы Байдарацкой тундры

ОЛЕНЕВОДСТВО

Оленеводство — один из важнейших видов хозяйственной деятельности саамов — на севере, коми-ижемцев, ненцев — на северо-востоке Европы, хантов, манси, кетов, селькупов, ненцев и энцев — в Западной Сибири, долган, нганасан, северных якутов, эвенков и эвенов — в Средней и Восточной Сибири, юкагиров, чуванцев, чукчей и коряков — на Северо-Востоке, эвенков и негидальцев — в Приамурье, ороков — на Сахалине, тувинцев-тоджинцев и тофаларов — в Саянах.

В тундре олень обеспечивает все жизненные потребности человека, определяет его образ жизни (кочевничество) и основные элементы культуры (поселение и жилище, одежду, утварь и пищу, транспорт, общественные отношения, духовную культуру). Домашнее крупностадное оленеводство — северный вариант кочевого скотоводства — сложилось в XVIII в. В таежной зоне Сибири оленеводство имеет только транспортное значение.

В Западной Сибири крупностадное оленеводство характеризуется протяженными сезонными перекочевками: летом — в тундру, зимой — к северной границе лесотундры, круглосуточным выпасом с использованием пастушеской собаки. На Северо-Востоке протяженность кочевок меньшая, нет традиции выпаса с пастушеской собакой.

В таежном оленеводстве практикуют оседлую систему выпаса, сезонный свободный выгул оленей. В период гнуса и высоких летних температур на стойбищах строят защитные сооружения — олений сарай, теневой навес, дымокур. В разные периоды года для ограничения подвижности на ноги животных надевают деревянные путы, на шею — колодки. Собак не используют.

Транспортное применение оленя в тайге и тундре различно.

В тайге Южной Сибири у тувинцев-тоджинцев, тофаларов, на восток от Енисея — у тунгусских народов распространен вьючно-верховой олений транспорт. В Южной Сибири оленя снаряжают конным седлом саянского типа со стремянами, в Восточной — «мягким седлом» сибирского типа без стремян. Вьючные сумы для оленей — одинарные или двойные ровдужные мешки с горловиной на вздержке или с клапаном; у эвенков, эвенов и ороков — твердые берестяные короба, часто обшитые камусом.

В тундре, от Кольского п-ова до Чукотки, основное средство передвижения — нарты, различающиеся по форме копыльев: в европейской части России и Западной Сибири — косокопыльные, в Восточной Сибири — прямокопыльные, на Северо-Востоке — дугокопыльные. В ездовую и грузовую нарту запрягают от одного до восьми оленей. На однооленной упряжке ездят ороки, чукчи, коряки и соседние с ними эвены, на двухоленной — эвенки, эвены, якуты, негидальцы, а также чукчи и коряки. Ханты, манси, кеты и долганы в ездовую нарту запрягают «веером» трех и более оленей. Эту упряжку называют самодийской. Двухоленная упряжка везет грузовую и женскую ездовую нарты, а передовой олень (тот, от которого идет поводок) находится слева. У чукчей, коряков, эвенов, эвенков, якутов, долган, негидальцев передовой олень идет справа.

Современная классификация выделяет несколько типов оленеводства: для саамского типа характерны использование оленя под вьюк и в упряжи, доение, выпас с собакой, олень-манщик; для западносибирского или самодийского — упряжное оленеводство, без доения; олень-манщик, пастушеская собака, для тунгусского (сибирского) — вьючно-верховое оленеводство с седлом без стремян, частично упряжное, олень-манщик, доение, от-

сутствие пастушеской собаки; для северо-восточного — упряжное оленеводство, использование манщика, отсутствие пастушеской собаки; для саянского типа — выючно-верховое оленеводство с седлом и стремянами, доение, отсутствие пастушеской собаки, манщик не используется.

Проведенные зоотехнические обследования животных во всех регионах России официально признали четыре породы северных оленей.

Самая многочисленная — ненецкая, распространенная в Мурманской и Архангельской областях, Республике Коми, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Таймырском автономных округах. Выпасают животных в тундре и лесотундре крупными стадами. Экстерьер оленей — внешний вид и телосложение (от лат. *exterior* — внешний): удовлетворительное развитие туловища в длину и ширину, передняя часть туловища развита лучше, чем задняя, небольшая высота в холке, конечности средней длины, голова недлинная, лобная часть широкая и хорошо развита. Взрослый самец весит 52 — 56 кг, самочка — 36 — 53 кг.

Поскольку оленей этой породы постоянно использовали на охотничьем промысле, окарауливании животных, перекочевках, вывозе рыбы, перевозке почты, грузов и т.д., в генотипе — наследственной конституции организма (от греч. *genes* — рожающий, рожденный и рус. — *тун*) закрепились следующие недостатки: задняя часть туловища в длину и ширину плохо развита; молодняк в молочный период медленно растет и к периоду промышленного убоя упитанность его недостаточна. В процессе селекционной работы отбор животных по мясным признакам практически не вели.

Частое использование самок как упряжных животных привело к снижению их воспроизводительных функций и измельчению потомства.

В Чукотском и Корякском автономных округах, на северо-востоке Якутии распространена самая мелкая — чукотская порода. При рождении самочка весит 5,4 кг, а самец — 6,4 кг. Однако в первые месяцы жизни чукотские олени интенсивно растут. За короткий вегетационный период в условиях, например, Чукотки способны полностью восстановить зимние потери в весе и уже в сентябре иметь высшую упитанность. Туша взрослого самца весит 58,8 кг, самки — 49,1 кг.

В Эвенкийском автономном округе, Тыве, Бурятии, южной части Якутии, Хабаровском крае, Амурской, Читинской и Сахалинской областях разводят эвенкийскую породу оленей. Они высокого роста, длинноноги и считаются самыми крупными в мире. Вес взрослых самцов 135 — 168 кг, самок — 108 — 120 кг.

Около 600 тыс. оленей эвенской породы распространено на большей части Якутии, в Магаданской и Камчатской областях. Эти олени относительно высокие, с глубокой, но узкой грудью, длинным тазом, крепким костяком. Взрослые самцы весят 110 — 125 кг, самки — 91 — 103 кг. Оленьи пастбища занимают 1/4 всей суши на планете. В мире 6,5 млн оленей, 60 % из них — домашние. В России оленьи пастбища составляют более 300 млн га, или 20 % всей площади страны.

КОРЯКИ

Численность — 9242 человека.

Язык — чукотско-камчатская семья языков.

Расселение — Корякский автономный округ Камчатской области.

К началу контакта с русскими в XVIII в. коряки делились на кочевых (самоназвание *чав'чу* — «оленовод») и оседлых (*нымылто* — «жители», «поселяне»), в свою очередь подразделявшихся на несколько обособленных групп: карагинцы (*каран'ынылто*), паренцы (*пойтылто*), каменцы (*вайкынэлто*) и т.д. Кочевые расселялись во внутренних районах Камчатки и на прилегающей материковой части, оседлые (береговые) — на восточном и западном побережьях Камчатки, а также в районе Пенжинской губы и п-ова Тайгонос.

Письменность существует с 1931 г. на латинской, а с 1936 г. — на русской графической основе.

Для кочевых коряков — *чавчувенов* характерно крупнотабунное оленеводство с численностью стада от 400 до 2000 голов. В течение года они совершали четыре главные перекочевки: весной (перед отелом) — на ягельные пастбища, летом — в места, где меньше гнуса (комаров, мошек и пр.),

осенью — ближе к стойбищам, где происходил забой оленей, и зимой — короткие перекочевки недалеко от стойбищ. Основными орудиями пастухов служили посох, аркан (*чав'ат*) — длинная веревка с петлей для ловли оленей, а также палка в виде бумеранга (особым способом изогнутая и после броска возвращающаяся к пастуху), с помощью которой собирали отбившуюся часть стада. Зимой чавчувены охотились на пушных зверей.

Жили кочевые коряки летом и зимой в переносных каркасных ярангах (*яяна*), основу которых составляли три шеста высотой 3,5 — 5 м, поставленные в виде треноги и связанные наверху ремнем. Вокруг них, в нижней части яранги, образуя неправильную окружность диаметром 4 — 10 м, укрепляли невысокие треноги, связанные ремнем и соединенные поперечными перекладинами. Верхняя коническая часть яранги состояла из наклонных жердей, опирающихся на попереч-

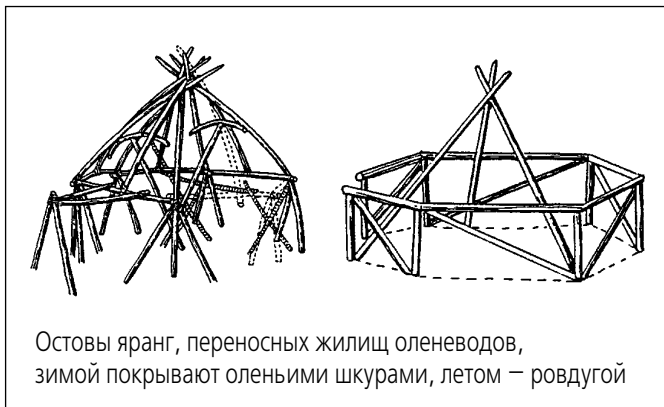
ные перекладыны, верхушки треног и верхние концы трех основных шестов. На остов яранги натягивали покрывку, сшитую из стриженных или потертых оленьих шкур мехом наружу. Внутри вдоль стен к дополнительным шестам привязывали меховые спальные пологи (*ёёна*), по форме напоминающие перевернутый вверх дном ящик высотой 1,3 — 1,5 м, длиной 2 — 4 м, шириной 1,3 — 2 м. Количество пологов определялось числом семейных пар, живущих в яранге. Пол под пологом застилали ветками ивы или кедровника и шкурами оленя.

В хозяйстве *нымылто* — оседлых коряков — сочетались морской зверобойный промысел, рыболовство, сухопутная охота и собирательство. Морской зверобойный промысел — основное занятие жителей Пенжинской губы (итканцев, паренцев и каменцев). Он также играл важную роль у апукинцев и карагинцев, в меньшей степени — у паланцев. Охота на морского зверя весной носила индивидуальный, а осенью — коллективный характер, начиналась в конце мая — начале июня и продолжалась до октября. Основными орудиями были гарпун (*в'эмэк*) и сети. Передвигались на кожаных байдарках (*култаытвыыт* — «лодка из шкур лахтака») и одноместных челнах-каяхах (*мытыв*). Добывали лахтака, нерпу, акибу, ларгу, крылатку. До середины XIX в. оседлые коряки Пенжинской губы охотились

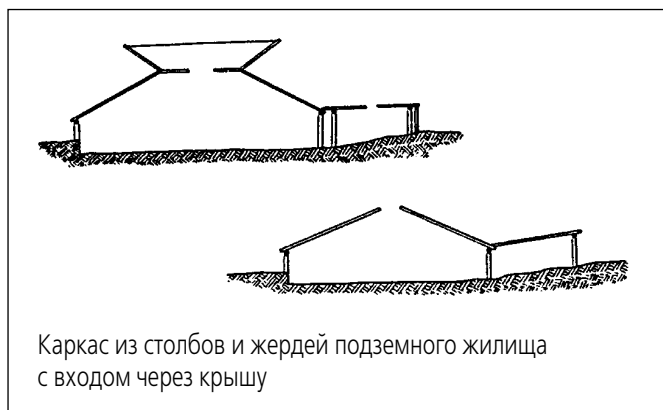
на китообразных. Добычей моржа занимались апукинцы и карагинцы. К концу XIX в. в результате истребления китов и моржей американскими китобоями промысел этих животных сократился, и первостепенную роль в экономике *нымылто* стало играть рыболовство. С весны до осени с моря в реки восточного побережья Камчатки шли огромные косяки лососевых рыб: гольца, нерки, чавычи, кеты, горбуши, кижуча, кунжи; в феврале — марте в заливы заходили корюшка, навага, в апреле — мае воды у берегов «кипели» от сельди, пришедшей для икрометания. Для ловли рыбы использовали запоры, сети ставного и сачкового типа, удочки и крючки на длинном ремне, напоминающие гарпун. Рыболовство дополнялось охотой на птиц, копытных и пушных зверей, собирательством дикорастущих ягод и съедобных корней. Из орудий охоты были распространены капканы, самострелы, сети, ловушки давящего типа (на-

Старейшина И. Кечгелхут открывает праздник

Остовы яранг, переносных жилищ оленеводов, зимой покрывают оленьими шкурами, летом — ровдугой

Каркас из столбов и жердей подземного жилища с входом через крышу

сторожка срывается, и бревно придавливает зверька), черканы и т.п., а с конца XVIII в. стали пользоваться огнестрельным оружием. Карагинцы и паланцы освоили огородничество и скотоводство.

Преобладающим типом жилища у оседлых коряков была полуземлянка (*лымгыян, яяна*) длиной до 15 м, шириной до 12 м и высотой до 7 м. При ее сооружении в круглую яму глубиной 1 — 1,5 м по окружности вкапывали восемь вертикальных столбов и четыре — в центре. Между наружными столбами вбивали по два ряда распиленных вдоль бревен, образующих стены жилища, сверху скрепленные поперечными балками. От квадратной рамы, соединяющей четыре центральных столба и образующей верхний вход и дымовое отверстие, к верхним поперечным балкам стен шли плахи восьмискатной крыши. Для защиты от снежных заносов коряки западного побережья сооружали вокруг отверстия воронкообразный раструб из жердей и плах, а коряки восточного побережья — заслон из прутьев или циновок. К одной из стен, обращенной к морю, пристраивали углубленный в землю коридор с плоской крышей. Законопаченные сухой травой или мхом стены, крышу и коридор жилища засыпали сверху землей. Очаг, состоящий из двух продолговатых камней, располагался на расстоянии 50 см от центрального бревна с зарубками, по которому зимой через верхнее отверстие попадали в жилище. В промысловый сезон входом служил боковой коридор. Внутри такой землянки на стороне, противоположной коридору, устанавливали помост для приема гостей. Вдоль боковых стен подвешивали спальные пологи из вытертых шкур оленя или выношенной меховой одежды.

В начале XIX в. под влиянием русских поселенцев у паланцев, карагинцев, апукинцев и коряков северо-западного побережья Охотского моря появились бревенчатые избы. К концу XIX в. карагинцы и частично паланцы начали строить наземные жилища якутского типа (балаган), в которых окна затягивали кишками морских животных или медведя. В центре таких жилищ устанавливали железную или кирпичную печь с трубой, вдоль стен сооружали деревянные нары.

Одежда у всех групп коряков была глухого покроя. Чавчулены шили ее обычно из оленьих шкур, приморские, наряду с оленьими, использовали шкуры морских животных. Украшением служил мех собак и пушных зверей. Зимой носили двойную (мехом внутрь и наружу), летом — одинарную одежду. «Всепогодный» мужской комплект состо-

Ритуал сопровождают деревянные маски

ял из меховой рубахи-кухлянки с капюшоном и нагрудником, меховых штанов, головного убора и обуви. Верхние штаны шили из тонкой оленьей шкуры или камусов оленей, нижние и летние — из ровдуги или кожи, вырезанной из старой покрывки яранги. До конца XIX в. береговые коряки-охотники во время промыслового сезона ходили в штанах из тюленьих шкур.

Защищая кухню от снега, надевали широкую рубаху — камлейку — с капюшоном из ровдуги или ткани, которую носили также и летом в сухую погоду. Для дождливой погоды служила камлейка из ровдуги, обработанной мочой и прокопченной дымом.

Зимняя и летняя мужская обувь — башмаковидного кроя с длинным (до колен) или коротким (до щиколоток) голенищем. Зимнюю шили из оленьих камусов мехом наружу, летнюю — из тонких оленьих, собачьих, тюленьих или нерпичьих шкур, ровдуги или непромокаемой продыmlенной шкуры оленя с подстриженным ворсом. Подошву делали из шкуры лахтака, кожи моржа, оленьих щеток (часть шкуры с длинной шерстью с ноги оленя над копытом).

Меховой мужской головной убор — малахай капорообразного кроя с наушниками — носили зимой и летом. В комплект зимней мужской одежды входили двойные или одинарные рукавицы (*лилит*) из оленьего камуса.

Женщины шили для себя меховой двойной комбинезон до колен. Для нижнего комбинезона чавчувенки подбирали однотонные тонкие шкуры молодых оленей, для верхнего предпочитали пестрые. У приморских корячек в одежде

преобладают чередующиеся белые и темные полосы оленьего камуса и меховая мозаика. Летние комбинезоны изготавливали из продыmlенной шкуры оленя или ровдуги, украшали их полосками красной ткани, вставленными в швы. Поверх комбинезона женщины зимой носили двойную или одинарную кухлянку, сходную с мужской, а весной, летом и осенью — меховую рубаху гагаглю (*кагав`лён*) мехом внутрь, значительно длиннее мужской кухлянки. Перед и спинку гагагли украшали бахромой из тонких ремешков, подвесками из крашеного меха нерпы, а также бисером. Специальных головных женских уборов не было. Во время перекочевков женщины оленных коряков носили мужские малахаи. Женскую обувь украшали аппликацией из тонкой белой кожи с шеи собак, но по крою и материалам она была идентична мужской. Зимой женщины носили меховые двойные рукавицы.

До пяти-шестилетнего возраста ребенку шили комбинезон с капюшоном (*калны`ыкэй,кэкэй*): зимой — двойной, а летом — одинарный. Рукава и штанины комбинезона зашивали, а после того как ребенок начинал ходить, к штанинам пришивали меховую или ровдужную обувь. В одежде детей пяти-шестилетнего возраста уже четко прослеживалось предназначение ее по половому различию.

Питались оленные коряки мясом оленя, чаще всего вареным, употребляли также кору ивы и морскую капусту. Береговые жители ели мясо морских зверей, рыбу. С XVIII в. появились покупные продукты: мука, рис, сухари, хлеб и чай. Мучную кашу варили на воде, крови оленя или тюленя, а рисовую ели с тюленьим или оленьим жиром.

Основой социальной жизни была большая патриархальная (от лат. *pater* — отец, *arche* — власть) семейная община, объединявшая близких, а у оленных — иногда и отдаленных родственников по отцовской линии. Во главе ее стоял старейший мужчина. Браку предшествовал испытательный для жениха срок отработки в хозяйстве будущего тестя. По истечении его следовал так называемый обряд «хватания» (жених должен был поймать убегающую невесту и дотронуться до ее тела). Это давало право на брак. Переход в дом мужа сопровождался обрядами приобщения жены к очагу и семейному культу. Вплоть до начала XX в. сохранялись обычаи левирата (от лат. *levir* — деверь, брат мужа): если умирал старший брат, младший должен был жениться на его жене и заботиться о ней и ее детях, а также сородата (от лат. *soror* — сестра): вдовец должен жениться на сестре умершей жены.

Типичное селение береговых коряков объединяло несколько родственных семей. Существовали производственные объединения, в том числе байдарные (пользующиеся одной байдарой), ядром которого была большая патриархальная семья. Вокруг нее группировались другие родственники, занимавшиеся промыслом.

Стойбище оленеводов, глава которого владел большей частью оленьего стада и руководил не только хозяйственной, но и общественной жизнью, насчитывало от двух до шести яранг. Внутри стойбища связи основывались на совместном выпасе оленей, скреплялись родственными и брачными

Пареньцы — знатные оленеводы

На стойбище

В традиционной одежде и стар и млад

Орнаменты для опушанов

ми узами и поддерживались древними традициями и обрядами. Начиная с XVIII в. у кочевых коряков имущественное разделение (расслоение), обусловленное развитием частной собственности на оленей, привело к появлению бедняков-батраков, которые могли и не состоять в родстве с другими жителями стойбища.

В начале XX в. происходит разрушение патриархально-общинных отношений среди оседлых коряков. Вызвано это переходом к индивидуальным видам хозяйственной деятельности: добыче мелкого морского зверя, пушной охоте, рыболовству.

Главные обряды и праздники оседлых коряков XIX — начала XX в. посвящены промыслу морских животных.

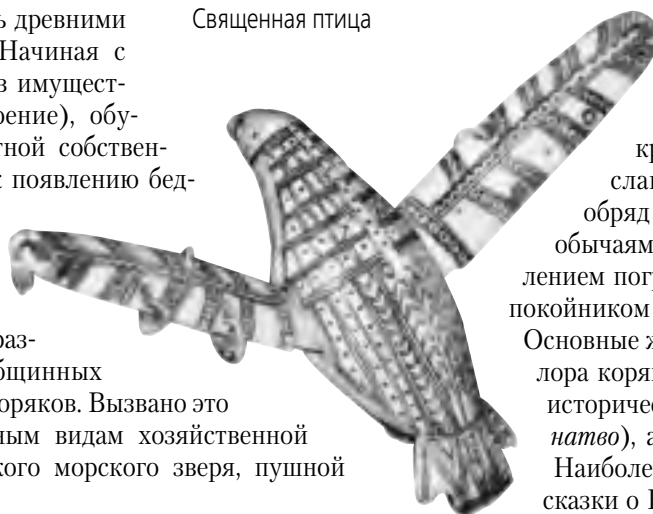
Основные их моменты — торжественные встреча и проводы добытых животных (кита, касатки и др.). После исполнения ритуала шкуры, носы, лапки убитых животных пополняли связку семейных «охранителей».

Главный осенний праздник кочевых коряков — *Коянайтатык* — «Перегонять оленей» — устраивали после возвращения стада с летних пастбищ. После зимнего солнцестояния оленеводы праздновали «возвращение солнца». В этот день они состязались в гонках на оленьих упряжках, борьбе, беге с палками, набрасывали аркан на движущуюся по кругу цель, взбирались на обледененный столб.

У коряков были развиты также обряды жизненного цикла, сопровождавшие свадьбы, рождение детей, похороны.

Для защиты от болезней и смерти обращались к шаманам, совершали различные жертвоприношения, носили амулеты. Преждевременный уход из жизни считали кознями злых духов, представления о которых нашли отражение в похоронно-поминальной обрядности. Погребальную одежду готовили еще при жизни, но оставляли ее недошитой, опасаясь, что имеющий уже готовую одежду умрет раньше. Ее дошивали крупным, некрасивым швом, пока покойник находился в жилище. В это время спать строго запрещалось. Основной способ погребения — сожжение на костре из кедрового стланика. С умершим на костер укладывали его личные вещи, предметы

Священная птица

первой необходимости, лук и стрелы, продукты, подарки ранее умершим родственникам. У береговых коряков южных групп, крещенных еще в XVIII в., православный похоронно-поминальный обряд переплетался с традиционными обычаями: сожжением умерших, изготовлением погребальной одежды, обращением с покойником как с живым.

Основные жанры повествовательного фольклора коряков — мифы и сказки (*лымньло*), исторические предания и легенды (*панэ-натво*), а также заговоры, загадки, песни. Наиболее широко представлены мифы и сказки о Куйкыняку (Куткыняку) — Вороне. Он предстает и как творец, и как трикстер-проказник. Популярны сказки о животных.

Персонажами в них чаще всего выступают мыши, медведи, собаки, рыбы, морские звери. В исторических повествованиях отражены реаль-

ные события прошлого (войны коряков с чукчами, с эвенками, межплеменные стычки).

В фольклоре заметны следы заимствований у других народов (эвенов, русских).

Музыка представлена пением, речитативами, горлохрипением на вдохе и выдохе. К лирическим относят «именную песню» и «родовую песню», воспроизводящие местные и семейные напевы.

Общее корякское название музыкальных инструментов — *г'эйнэч'ын*. Это же слово обозначает и духовой инструмент, похожий на гобой, с пищиком из пера и раструбом из бересты, а также флейту из растения борщевика с наружной щелью без игровых отверстий, и пищалку из пера птицы, и трубу из бересты. Характерны также пластинчатый варган и круглый бубен с плоской обечайкой и внутренней крестовидной рукояткой с позвонками на скобе с внутренней стороны обечайки.

В Корякском автономном округе — 18 национальных сел. Коренное население по-прежнему занимается оленеводством, охотой, рыболовством, переработкой мяса и рыбы, а также пошивом меховых изделий.

Одежда охотника и пастуха стянута поясом.

Напуск-«пузырь» дает возможность свободно поднимать руки

Корякский ансамбль «Ачачген»

Страница учебника нымыланского языка С.Н. Стебницкого

В школах дети изучают родной язык. В пос. Палана открыта школа искусств. При Доме культуры работают фольклорный коллектив, кружок корякского языка и национальный танцевальный коллектив «Взем» («Река»).

На местном телевидении и радио ведутся передачи на корякском языке.

Для защиты интересов коренных жителей округа образована общественная организация «Коренные народы Севера Корякского автономного округа», во всех национальных селах, а также в Тигильском и Карагинском районах имеются ее первичные ячейки. В Корякском автономном округе принимают законы, которые должны помочь сохранить и возродить национальный уклад жизни, традиционные формы хозяйствования.

Как особая этнографическая группа коряков долгое время рассматривались **алюторцы, олюторцы, алюторы** (по-корякски и чукотски — *алутальу, элутальу*). В русских источниках они впервые упоминаются с начала XVIII в. как

особый народ. Переписью 1989 г. выделены в качестве самостоятельного народа.

Названы по с. Алют (современное Алюторское), по другой версии — от эскимосского *алутора* — «заколдованное место». Самоназвание *нымылбу*, то же, что и у различных групп береговых коряков.

Численность 3500 человек. Живут в основном в восточной части Корякского автономного округа — в селениях по побережью Берингова моря, от залива Корфа на севере до с. Тымлат на юге, и по среднему течению р. Вивник, а также на западном побережье Камчатки, в с. Реккиники. Говорят на алюторском диалекте, близком к южной ветви диалектов береговых коряков. Некоторые лингвисты рассматривают алюторский диалект как самостоятельный язык.

По типу хозяйствования и традиционной культуре алюторцы весьма близки береговым корякам: так же занимались морским зверобойным промыслом, в том числе охотились на китообразных и моржей, рыболовством, собирательством, охотой, с XIX в. — оленеводством. Оленей обменивали на продукты морского промысла и товары первой необходимости, оленный транспорт использовали при перекочевках (собачьи упряжки — для повседневных хозяйственных нужд, при осмотре капканов и ловушек в период охоты).

Алюторцы имели аналогичные корякским жилища и одежду, одной из особенностей последней были непромокаемые камлейки из кишок моржа; отличало алюторцев также обыкновение пришивать штаны из оленьих камусов к зимним торбасам.

Верования и обряды алюторцев мало чем отличались от корякских. Христианство, распространявшееся среди них с начала XVIII в., не было ими воспринято.

Алюторцы и поныне продолжают сохранять ряд локальных этнографических особенностей.

В марте 2000 г. постановлением Правительства РФ они включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

МАНСИ

Численность — 8474 человека.

Язык — финно-угорская группа уральско-юкагирской семьи языков.

Расселение — Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономный округа.

На Оби и ее левых притоках (С. Сосьва, Конда) живут манси. Ближайшие родственники хантов и венгров.

Этноним *манси* — «человек» — самоназвание, к которому обычно прибавляют название местности, откуда происходит данная группа (*сакв маньсит* — сыгвинские манси). Соотносясь с другими народами, манси называют себя *манси махум* — манси народ. С хантами их объединяет общее название — «обские угры» (в отличие от венгров — дунайских угров). Устаревшее название «вогулы» происходит, по одной версии, от названия одного из приуральских племен *вокыл* (от хант. *выкли*), по другой — от коми-зырянского *вагол* — «иноплеменник», «дикий», «невежественный».

В 1989 г. мансийский язык считали родным 37,1% всех манси. Письменность существует с 1931 г. на основе латинского, а с 1937 г. — русского алфавита. Литературный язык базируется на сосвинском диалекте.

Выделяют несколько этнографических групп: северная (сосвинский, верхнелозьвинский и тавдинский диалекты), восточная (кондинский) и западная (пелымский, вагильский, среднелозьвинский и нижнелозьвинский). Язык и традиционная культура в настоящее время сохраняются у северных (сосвинско-ляпинских) и восточных (кондинских) манси.

Как этнос манси сложились в процессе слияния местных племен уральской неолитической культуры и угорских племен, двигавшихся во втором-первом тысячелетиях до н.э. с юга через степи и лесостепи Западной Сибири и Северного Казахстана. До сих пор у народа манси сохраняется сочетание культур таежных охотников и рыболовов и степных кочевников-скотоводов.

Первоначально манси жили на Урале и его западных склонах, но с появлением в тех местах коми и русских в XI — XIV вв. переселились в Зауралье. Самые ранние контакты с русскими, в первую очередь с новгородцами, относятся к XI в. С присоединением Сибири к Российскому государству в конце XVI в. влияние русских усилилось, столетие

спустя численность русских превысила численность коренного населения. Манси постепенно переселились на север и восток, частично ассимилировались, а в XVIII в. формально были обращены в христианство. В становлении и развитии этноса большую роль играли контакты с различными народами. В частности, прослеживаются параллели с культурами хантов (особенно северных), ненцев, коми, татар, русских, башкир и др.

Традиционная культура носит типично таежный облик, хозяйство комплексное. Основными занятиями были охота и рыболовство, частично оленеводство. На Оби и в низовьях Северной Сосьвы преобладающим занятием было рыболовство. Жители верховьев рек занимались преимущественно охотой на пушных и копытных животных, некоторые выезжали на Обь для сезонной рыбной ловли. Добыча белки, соболя носила товарный характер. На Конде промышляли оленей, лосей, боровую и водоплавающую дичь. Помимо ружей, которые появились в XVIII в., использовали луки и стрелы, последние имели длину около 50 см, древко, утолщенное к верхнему концу, на нижнем — развилка для тетивы, выше прикрепляли три пера из крыльев и хвоста орла или ястреба. Железный наконечник вклеивали в древко серой и обматывали ниткой. Конструкции их разнообразны: развилкой — на уток, копьем — на медведя и выдру, узкий копьеобразный — на птиц, с неглубокой развилкой и в виде ножа — на лося, с зубцами — на рыбу. Для охоты на белку использовали тупой наконечник, не портящий шкурку. Применяли самострелы, разнообразные капканы и ловушки, на просеках натягивали сети-перевесы, в которых запутывались птичьи стаи. На пу-

тях миграции животных ставили длинную, до нескольких километров, изгородь в две жерди, в ней оставляли проходы (*уам*) и настораживали луки-самострелы с большими стрелами и железными наконечниками в виде ножей. Чтобы отбить запах человека, лук натирали пихтовыми ветками. Лось задевал насторожку, стрелы спускались, и зверь становился добычей охотников. В проходах делали также «подрези» — балансирующие жерди с ножеобразным острием, ранившие животных при проходе.

Для рыбной ловли существовали различные ловушки, заграждения-запоры и сети. В верховьях Лозьвы, Северной Сосьвы и Ляпина северные манси летом в горах выпасали оленей, это было их основным занятием. Немногочисленных жи-

Для лета свои наряды

Пища и шкуры хорошо сохраняются в амбаре

вотных использовали преимущественно в транспортных целях.

Поселения (*пауль*) были постоянными (зимние) и временными сезонными (весенние, летние, осенние), до десяти домов с постройками располагались по берегам рек. Как правило, селения находились на расстоянии дня езды одно от другого. Основной тип жилища — срубный дом с двускатной крышей, часто без фундамента или с фундаментом в 2 — 4 бревна, если постройка находилась у воды. В низких местах срубы ставили на столбы-сваи. Крышу покрывали жердями, досками, бревнами, берестой или дерном, иногда засыпали землей или покрывали дерном. По краю крыши устраивали водосточный желоб из выдолбленного дерева, нередко с резной головкой зверя на конце. Вход в жилище, обычно очень низкий, находился во фронтонной стене, обязательно обращенной к реке. Жилище отапливалось и освещалось очагом-костром или чувалом. В качестве временных жилищ использовали каркасные постройки из жердей и коры, берестяные или крытые шкурами чумы. Для хранения имущества и съестных припасов служили наземные и свайные амбары, а также навесы-помосты на столбах. В стороне от жилища ставили глинобитные с остоном из жердей печи для выпечки хлеба. Собрания и праздники проходили в общественных зданиях размером больше обычных. Возводились специальные постройки (*мань кол* — «маленький дом») для беременных и рожениц. В труднодоступных местах в лесу ставили священные амбарчики, в них хранили изображения предков.

Традиционная женская одежда — платье на кокетке, халат хлопчатобумажный или суконный, зимой *саху* — двойная меховая шуба. Одежду богато орнаментировали бисером, аппликацией, цветным сукном и меховой мозаикой. Боль-

шой платок с широкой каймой и бахромой, сложенный неравным треугольником, носили свободно наброшенным на голову и плечи. Концом платка женщина (как и у хантов) закрывала лицо в присутствии мужчин — старших родственников мужа (свекра, старшего брата, дяди и др.) или зятя (обычай избегания). Мужчины надевали рубахи, по крою похожие на женские платья, штаны и пояса, к которым подвешивали мешочки и футляры с охотничьим снаряжением. Верхняя одежда из сукна или оленьих шкур —

Чтобы оленья шкура была эластичной и мягкой, специальным железным скребком снимается слой мездры

глухая с капюшоном (*малица, гусь*). В сильные морозы поверх нее надевали *парку* глухого покроя из шкурки оленя мехом наружу, капюшон которой обычно украшали оленьими ушами с прикрепленными к ним кисточками из разноцветного сукна. *Лузан* — мужская охотничья одежда — представляет собой прямоугольный кусок кожи на войлочной подкладке с круглым вырезом посередине для головы.

Зимнюю обувь (*ерн вай* — «ненецкая обувь») длиной выше колен шили из камусов мехом наружу и украшали меховой мозаикой и полосками сукна. Короткую обувь (*ня-ра*) делали из продымленных лосиных, оленьих, конских камусов или кожи, а верхнюю часть оторачивали сукном, подошвы выкраивали из прочных и нескользящих «щеток» и шкуры, снятой со лба оленя. Няры надевали на толстый длинный чулок (*вай*) из сукна, брезента или ровдуги либо вязанный из цветной шерсти по образцу

коми-зырянского, кожаные украшали аппликацией из ткани или бисером. Летом мужчины и женщины носили ровдужные или меховые сапоги с подошвой из лосиной кожи.

Традиционной пищей служили мясо и рыба, ее ели сырой, вареной, мороженой, вяленой, копченой, сушеной. Из внутренностей рыбы вытапливали жир, его употребляли в чистом виде или смешивали с ягодами. Мясо промысловых животных (преимущественно лося), боровую и водоплавающую дичь вялили и коптили. Домашних оленей забивали в основном по праздникам. Чернику, черную смородину, черемуху, морошку, бруснику и клюкву заготавливали впрок.

Манси делились на две экзогамные половины (*фратрии*) — Пор и Мось. Существовали также генеалогические (генеалогия — родословная) тотемические группы, близкие родовым, но отличающиеся от них характером экзогамии. Семьи были большими (из нескольких брачных пар) и малыми (из одной пары), брак патрилокальный (от лат. *pater* — отец, *locus* — место), когда жена уходила в группу мужа. Сохранялись и явления патрилокальной матрилокальности (от лат. *mater* — мать, *locus* — место), когда муж мог жить в семье жены.

Система религиозных представлений в целом традиционна — это вера в существование у человека нескольких душ: пяти — у мужчин, четырех — у женщин. Душа как жизненная субстанция представляется по-разному: тень, дыхание, призрак-двойник или дух

человека. Одна из душ (*ис, ис-хор*), душа-тень, могильная душа, идет в могилу после смерти человека, но может и покинуть тело умершего, вернуться в дом и увести с собой живую душу. Согласно верованиям, загробный мир находится на севере, вниз по реке. Вторая душа («уходящая вниз по реке») представляется в виде птицы, комара и будто бы живет в голове людей, покидая во время сна. Если она долго не возвращается, человек теряет сознание, заболевает, а затем умирает. Чтобы удержать душу, больному делают татуировку в виде птицы (трясогузки, синицы, ласточки, сороки, кукушки) на руке или плече. После смерти эта душа называется *урт*. Третья, «сонная душа» (*улэм ис*) представляется также в виде птицы (глухарки). В отличие от первых двух она живет в лесу и лишь на время сна прилетает к человеку. Ее долгое отсутствие приводит к бессоннице. На спинке колыбели ребенка изображали ее вместилище — птицу сна (*улем уй*), чтобы малыш хорошо спал. Четвертая душа (*лили*) живет в волосах и, если покидает человека, он становится усталым, бессильным, робким. С этим представлением связан известный по

фольклорным источникам обычай скальпирования врагов. Манси верят, что после смерти человека четвертая душа может возродиться в новорожденном. Для нее еще до похорон делают особое вместилище в виде деревянной или металлической куклы, в прошлом зооморфного (звероподобного) облика, в зависимости от тотемной принадлежности умершего. Такая кукла является как бы заместителем умершего на этом свете.

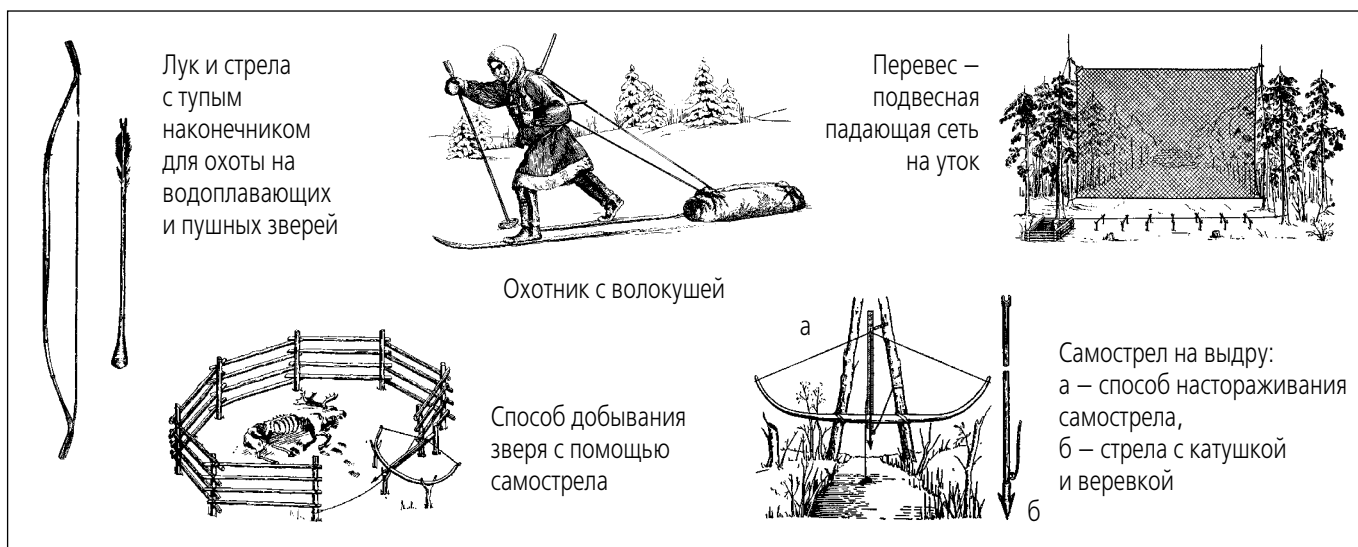
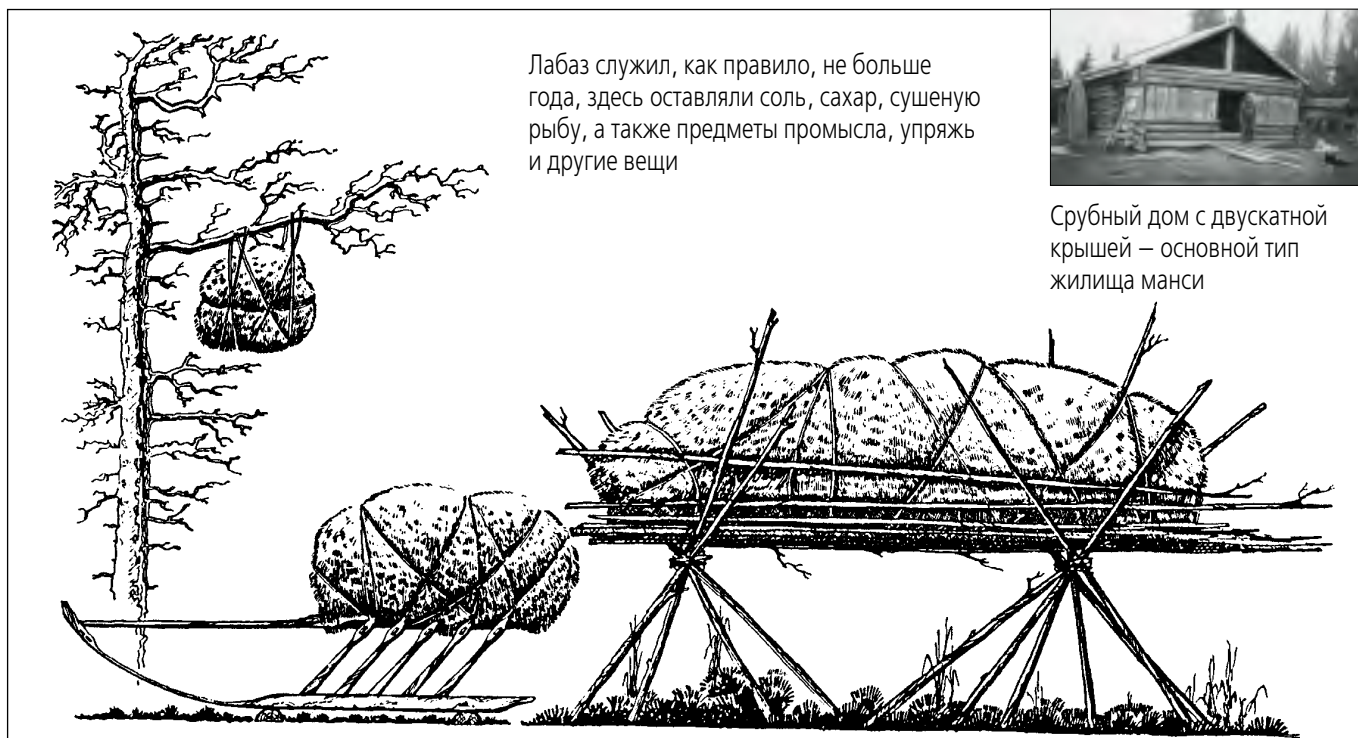
Сакральное (священное) значение чисел пять и четыре (по числу душ) проявлялось во многих других обрядах: в сроках хранения «вместилищ душ», днях траура, числе жертв, положенных поверх берестяного покрытия на могиле, в обряде медвежьего праздника и т.п.

Мифологическая картина делит мир манси на три яруса. На Верхнем располагается *Торум*, олицетворение неба, первопричина добра. На Среднем ярусе — земле — живут люди. Нижний ярус — подземный мир темных и злых сил.

Создание человека связывается с *Калтащ эквой* — Матерью Землей — женой или сестрой Торума, матерью его сыновей. Она прогневила Торума и была сброшена им на землю. С тех пор ей поручено следить за родами и давать душу новорожденному ребенку, назначать, кому и сколько жить, следить за здоровьем и судьбой людей. Сестры и братья Торума: богиня Солнца *Хотал эква*, бог Луны *Енхп анчх* (*Этпос ойка*), богиня Огня *Най эква*, хозяин Нижнего яруса *Куль Отыр* (носитель зла), Младший (седьмой) сын

Когда берестяная «набирка» на груди заполнится, ягоду пересыпают в заплечный туес

Скользкие лыжи-голицы и сачок для рыбы (им же вытаскивают лед, делая прорубь)

Во время рыбного промысла с притоков спускались на Обь и ночевали в крытой лодке-илимке

Торума *Мир Сусне Хум* — «За миром смотрящий человек» — покровитель людей, посредник между ними и богами, которого часто призывают шаманы. Его зооморфный облик — гусь. В то же время Мир Сусне Хум часто представляется как всадник на белом коне. Отсюда и распространенный у манси обряд жертвоприношения коня как один из элементов поклонения этому божеству (что свидетельствует о южном происхождении культа). Почитаются также духи — хозяева долин, лесов, рек и озер. Обычно это духи-предки, от которых зависит благополучие местных жителей.

Наиболее известное празднество у манси, как и у хантов, — медвежий праздник.

Многие торжества приурочены к датам православного календаря. Из весенних наиболее значителен *Урине хотэл эква* — Вороний день, отмечающийся на Благовещение (7 апреля). Считалось, что в этот день ворона приносит весну, выступает покровительницей женщин и детей. Этот праздник связан со стремлением к воспроизводству жизни, благополучию семьи, в первую очередь детей. В конце мая — начале июня отмечали дни рыбаков, включавшие соревнования на лодках, разжигание костра, жертвоприношения, совместные трапезы, шаманские камлания с целью выяснения, в какое время появится рыба и в каких местах ее лучше ловить. С охотничьим промыслом, особенно с началом пушной охоты, связаны осенние праздники, в первую очередь Покров (14 октября). У оленеводов наиболее почитаем был Ильин день (2 августа), совпадающий с окончанием линьки у оленей.

В богатом мансийском фольклоре жанры делятся на священные и обыденные. К первым относятся мифологические сказки и предания, рассказывающие о сотворении мира, мифологические «медвежьи песни» («*Пу апи-арых*», «*Уй-эрыг*»), исполняемые на медвежьем празднике, заклинания, молитвы-заговоры, исторические сказания. Героические и исторические сказания иногда выделяются в особую группу (*таргын-мойт*). Отдельный жанр составляют рассказы о фратриях Пор и Мось и их мифологических предках. Пограничное положение среди сакральных жанров занимают рассказы типа быличек и бывальщин о встречах с духами — *менквами* и *мис*, духами воды (*Вит-хон*) и леса (*Кумпэ-ленг*). Священные жанры чаще всего исполняли после захода солнца, преимущественно поздней осенью и зимой, приурочив к праздникам и ритуалам. Музыка представлена обрядовыми песнопениями и инструментальными наигрышами медвежьего праздника, шаманских ритуалов, а также повествовательными лирическими и эпическими жанрами. Генетически она родственна музыке хантов и тесно взаимодействует с музыкой тундровых ненцев, коми-зырян, сибирских татар и русских.

В жанровой системе центральное место занимает медвежий праздник *йалтын хотэл* (северный стиль) и *йал'пэн хэтэл* (южный стиль), включающий ритуально-обрядовые песни, наигрыши, танцы, театрализованные сцены. В первую половину ночи исполняют сакральные песни о медведе и мансийских богах: начальная песня-гимн для «пробуждения» медведя; призывная песня, обращенная к родовым духам и богам; «звериная песня» — песенная галерея мансийских тотемов; «танцы духов», представляющие ми-

фологические образы в песнях и пантомимах. Вторая половина ночи включает театрализованные сценки с песнями и танцами, составляющие профанный (обыденный) ряд действия. Последняя ночь медвежьего праздника — кульминация священнодействия. Здесь поются «тайные песни богов», при их исполнении женщин и детей удаляют из дома. В перерывах же между песнями звучат обрядовые наигрыши на цитре или арфе, которые повторяют мелодию исполненной песни либо «перестраивают» слух участников на новый музыкальный лад.

Шаманская музыка (*кайне эрыг* — северная, *кайх ерэы* — южная) является персональной формой общения с духами, напевы сопровождаются ударами в бубен.

Эпическое повествование включает мифологические песни о возникновении мира, богов, людей и героические — о подвигах племени, песенные вставки в сказки. Они могут сопровождаться игрой на цитре, арфе и смычковой лютне. Лирическая музыка представлена личностными песенными импровизациями, танцевальными жанрами и наигрышами.

Интенсивное развитие лесной промышленности и освоение нефтегазовых ресурсов в районах проживания манси существенно уменьшило площадь охотничьих и рыболовных угодий, оленьих пастбищ. У оленеводов нет средств для приобретения техники, радиостанций, медикаментов. Из-за сокращения вылова рыбы простаивают рыбокомбинаты.

По-прежнему сохраняются только промыслы по пошиву одежды, обработке меха, дерева, бересты.

Манси живут в городах, районных центрах и национальных поселках. В Сосьвинской, Саранпаульской, Няксимвольской, Ванзетурской, Шайтанской и Анеевской школах преподают мансийский язык.

Для детей открыты национальный колледж и Центр искусств. Центры национальной культуры работают в гг. Березове и Урае.

Руководители общественных организаций народов Севера постоянно участвуют в теле- и радиопередачах. В округе на мансийском языке издаются газеты «Луима Серипос» и «Манси-маа». Широко известно творчество Ю. Шесталова, М. Ромбандеевой, А. Коньковой, Е. Кузаковой, А. Сайнахова и др.

Изображения духов из дерева, завернутые в ткань

НАНАЙЦЫ

Численность — 12 023 человека.

Язык — тунгусо-маньчжурская группа алтайской семьи языков.

Расселение — Хабаровский и Приморский края, Сахалинская область.

На Амуре и Сахалине живут нанайцы. Это один из шести — негидальцы, ороки, орочи, удэгейцы, ульчи — близких по культуре родственных между собой тунгусо-маньчжурских народов. Около двух тысяч нанайцев (*хэчжэ*) насчитывается в Китае — в междуречье Амура, Сунгари, Уссури. Письменность существует с 1931 г. на латинской, а с 1963 г. — на русской графической основе. Распространен русский язык, в 1989 г. его называли родным 55,3% нанайцев.

Самоназвание — *нанай, нани* (от *на* — «земля», *най* — «человек») — «люди этой земли». Бытовали и другие самоназвания: на рр. Кур и Урми — *бира гуруни, бира бэйэни* — «речные люди», на Амуре — *хэдены* — «ниже по течению живущие», по берегам оз. Болонь — *баланкан* — «жители оз. Болонь», группы нанайцев по р. Бикин — *монай, мунэй* — «лесные люди». В русских источниках с XVII в. они известны как *ачаны, акани, нгатку, голди, гогди*, в китайских и маньчжурских — как *юйпитацзы* — «люди в рыбьей коже» либо *шитуаньбу* — «пользующиеся собаками».

Предки нанайцев — носители неолитических культур Нижнего Амура. В конце неолита (конец второго тысячелетия до н.э.) и позднее на Нижний Амур проникали тюркские, древнекорейские и другие группы племен из северо-западных районов. В III — VII вв. усилился приток разных народов с запада и юга, в XI — XIII вв. появились выходцы из внутренней Монголии. В XVII в., когда в регион проникли первые отряды русских казаков, нанайцы заселяли долину Амура между его притоками Уссури и Сунгари. Постепенно они перебрались на притоки Уссури, продвигаясь вниз по течению Амура; рядом с ними жили китайцы и корейцы. В середине XIX в. территорию Нижнего Амура стали заселять русские, оказавшие большое влияние на материальную культуру, хозяйственную деятельность и духовную жизнь аборигенов.

Традиционное хозяйство носило комплексный характер. Преобладало круглогодичное рыболовство, сочетавшееся с охотничьим промыслом. Важное значение имело собирательство. Массовый лов начинался с весенним вскрытием рек, когда добывали любую (свыше 120 видов) рыбу. В августе — сентябре на лососевых представляли ставные и плавные сети различной формы, малые невода (большая сеть с мешком-мотней), били гарпунами и острогами (орудием в виде вил). Зимой и летом сооружали запоры-заколы или заездки (изгороди в водоеме, часто в виде буквы «Г», с сетной ловушкой). Пе-

риод промысла лосося для семьи был самым напряженным: мужчины ловили рыбу, женщины разделявали ее, заготавливали впрок, посильную помощь оказывали дети. Лосося запасали в таком количестве, чтобы хватило на год. Готовили юколу, вытапливали рыбий жир, собирали кожи, впрок запасали всевозможные отходы для корма ездовых и охотничьих собак, которых держали до десяти на семью.

Мужчины круглый год охотились на лося, изюбря, медведя, кабана и птицу. Пушного зверя промышляли зимой группами, уходя в тайгу на 2 — 4 месяца. Разнообразны способы и орудия охоты: с помощью копья (*гида*), дротиков (*сугбэ*); по насту — с копьём и луком (*бури*); во время гона копытных подманивали манком — берестяной трубой; использовали ловчие ямы, изгороди — засеки, загородки, на крупных животных ставили самострелы (*тойгана*), на соболя — петли, сеточки, на других пушных зверьков — ловушки. В конце XIX в. охотились с ружьями, но продолжали использовать и луки. В тайге заготавливали лес для строительных и других надобностей, бересту для утвари и лодок, материалы для плетения. Занимались сооружением жилищ и хозяйственных построек, лодок, обработкой кости, кузнечеством. Изготавливали остроги, крючки, правили ножи, плели сети и невода, на сбыт добывали корень женьшеня. Женщины собирали дикоросы, обрабатывали кожи и шкуры животных и рыб, шили одежду, обувь, головные уборы, плели циновки, корзинки, сумочки. В случае необходимости охотились и рыбачили. Зимой, когда мужчин не было дома, им приходилось самим прорубать лед, ставить над прорубью укрытия, ловить мешкообразными сетями или удочками рыбу.

По рекам продвигались на дощатых большой грузоподъемности лодках-плоскодонках с острым носом и тупой кормой, а также на остроносых или с лопатообразным носом лодках-долбленках и берестяных лодках-оморочках (местный термин). Зимой — на лыжах-голицах и подволоках, подбитых мехом, а также на собачьих ездовых нартах амурского типа, легких, узких, с полозьями, загнутыми с двух сторон. На них садились верхом, поставив ноги на маленькие лыжи. Собак запрягали «змейкой» или «елочкой». В каждой семье непременно была и ручная нарта, по форме сходная с традиционной амурской. Тянула ее упряжка из двух-трех собак. В конце XIX в. у русских заимствовали низкие, широкие нарты с вертикальной и горизонтальной дугами и попарно запряженными собаками. На них перевозили казенные грузы и почту. В этот же период начали транспортировать грузы на лошадях.

Жили оседло в малых селениях, в среднем из одного — пяти жилищ. Более крупных селений — по 10 — 15 жилищ — было немного. Для зимы строили бревенчатые дома (зимники), похожие на ульчские *хагду* с низкими нарами. В южных районах стены делали из плетня, обмазанного гли-

Ритуальная скульптура «Всадник на медведе». Дерево. XIX в.

Так выглядит традиционная мужская куртка

Праздничный халат

Традиционная одежда с драгоценным нефритовым украшением *косо*, передаваемым по наследству. По поверью, в нем живет дух

Женские халаты из ткани делали широкими, левую полу двойной ширины застегивали на правом боку

ной. Каждая семья (в доме обычно их было 3 — 4) имела свой очаг и часть нар, на которых спали, питались, ставя на них маленькие столики, здесь же размещали личные вещи, утварь, детскую колыбель. Существовали также землянки и полуземлянки. В конце XIX в. появились срубные дома. Возле них — хозяйственные постройки — срубные амбары на сваях (*такто*), вешала из вертикальных и горизонтальных жердей для юколы, а ближе к берегу — вешала для просушивания сетей, неводов и лабазы-помосты для вещей. Из жердей на местах летних промыслов сооружали двускатные четырехугольные постройки (*дауру*), как у ульчей, или жилища полусферической или конической формы.

Традиционную одежду шили из рыбьей кожи, шкур оленя, лося, нерпы и ровдуги. Еще до XVII в. у китайцев и мань-

чжуров, позже у русских в обмен на пушнину приобретали ткани. Мужские и женские халаты из рыбьих кож и ткани делали широкими, левую полу двойной ширины застегивали на правом боку. Летние шили одинарными или на подкладке, зимние (тканевые) подбивали ватой. Женская одежда отличалась большей длиной и наличием орнаментов на концах рукавов, вокруг шеи, по низу подола. Зимняя — из ценных мехов — была доступна только женщинам из зажиточных семей. Мужчины, отправляясь в дорогу зимой на нартах, надевали шубы из оленьего меха, а сверху — юбку из нерпичьих шкур. Нижняя одежда мужчин и женщин состояла из коротких штанов (*нэру*) и ного-

Поздней осенью охотники отправляются на промысел, погрузив в лодку нарту

Традиционный халат и обувь,
с. Джуен

Мастерица Г. Киле

Орнамент ковра

Старинная свадебная шапка,
с. Верхний Нерген

виц (*горон*) из ткани на вате. Мужские длинные ноговицы из камусов лосей и оленей подвязывали ремнями к поясу на талии. Под халат женщины надевали длинные, до колен, нагрудники из ткани или ровдуги с вышивкой в верхней части и металлическими подвесками внизу.

Промысловая одежда охотника: куртка из шкур молодняка крупных животных, летом — халат, безрукавка, передник-фартук и маленькая шапочка с султаном из беличьего хвоста или фигурного узла. Ее надевали на белую тканевую накидку-шлем, закрывавшую голову, шею и плечи. Летнюю промысловую одежду рыбака изготавливали из рыбьей кожи. До середины XIX в. поверх халата надевали юбки из того же материала.

Головные уборы мужчин и женщин зимой — тканевые на вате или меховые, капорообразной формы, летом — берестяные плоскоконические шляпы.

Обувь амурского типа — поршневидную и тунгусского типа — башмаковидную для лета делали из рыбьей кожи, лосиной ровдуги, а для зимы — из нерпичьих шкур, лосиных камусов. В поршни из рыбьей кожи, которые надевали, отправляясь на подледный лов, вкладывали многослойные стельки из травы. Для обуви из лосиных камусов и шкур изготавливали меховые чулки.

Мужские и женские украшения обычно покупали. Среди них браслеты, в том числе ножные (их надевали маленьким детям в качестве оберегов), кольца и серьги в крыльях носа либо носовой перегородке носили только женщины. Рыбу ели в сыром, мороженом, вяленом, вареном, жареном виде. В XIX в. ее стали коптить и солить, заимствовав способы засолки у русских. Из рыбы, мяса зверей и птиц варили супы, приправленные дикорастущими травами. Головы некоторых пород рыб, большую часть тушек сазанов, печень, почки, селезенку и костный мозг крупных животных предпочитали только в сыром виде. Из ягод черемухи готовили тесто и пекли лепешки, из диких съедобных растений весной делали салаты. В обмен на пушнину приобретали муку, крупу и т.п. В конце XIX в. в южных районах начали выращивать овощи, картофель.

Нанайский род (*хала*) делился на поколения (*дялан*). Родство определялось по отцовской линии (патрилинейный

род — от лат. *pater* — отец, *linea* — линия). Численность родов могла варьировать от 70—100 до 450—900 человек. Впрочем, позднее многие из них уже не были настоящими родами, а состояли из «ветвей» различного происхождения. Между ними были возможны браки (т.е. родовая экзогамия не соблюдалась), но сохранились обычай *авункулата* и многоженство, особенно среди зажиточных людей. Жители национальных селений часто вступали в смешанные браки. «Осколки» родов объединялись и помогали друг другу, образуя союзы (*доха*). Отношения *доха* — «породненные» — предусматривали экзогамию внутри союза и помощь вдовам и сиротам.

Нанайцы жили территориально-соседскими общинами *нанкан* — «на одной территории живущие», в которых кровнородственные связи заменялись соседскими. При

Р. Горин в охотничьем национальном головном уборе

малой населенности региона (15 тыс. коренных жителей) рыболовных и охотничьих угодий хватало на всех, на этой почве конфликтов практически не было. В общине все были равны. При возникновении же серьезных споров созывали межродовой суд, в котором свою роль играли и головы женщин. Главными внутри общин были отношения взаимопомощи. По обычаю, каждый мог взять себе рыбу «на котел» из лодки вернувшегося с рыбалки односельчанина. Мужчины вместе строили дома, хозяйственные постройки, лодки, уходили бригадами по 5 – 6 человек на пушную охоту. Женщины помогали друг другу при родах, во время болезни, группами ходили в тайгу за дровами, дикоросами. В одиночку, без мужчин, месяцами промышлявших в тайге, женщины с детьми не смогли бы справиться с хозяйством. Поэтому в каждом зимнике жили 3 – 4 семьи, как правило неродственные. Родовые обряды (моления и т.п.) проводили совместно. Экономической единицей являлась семья, преобладали малые семьи. В конце XIX в. неразделенные семьи (с женатыми детьми, семьями женатых братьев) составляли 35%.

Рано возникшие и постоянно развивавшиеся товарные отношения вызвали резкое имущественное расслоение. Уже в XVIII в. появились богатые торговцы, владеющие дорогим товаром (пушнина, хрящи и вязига). С маньчжурских ярмарок они везли дорогую одежду, а в приданое дочерям — в услужение нищих китайцев. Кроме торговцев появились и другие привилегированные категории — «главы деревень», «главы родов» и лица, проводившие «учет своего населения».

Нанайцы имели подробную систему мер, знали пиктографическое (рисуночное) письмо и умели составлять простейшие карты местности. Временисчисление было связано с хозяйственной деятельностью, календарь определялся промысловыми сезонами или фенологическими явлениями («добыча соболя», «лов кеты», «прилет орла» и др.). Были развиты анимистические представления. Считали, что населенный духами мир делится на небесную (многослойную), земную и водную, подземную (с загробным миром *буни*) сферы. Главных небесных, верхних духов-богов называли *Боа Эндурины* и *Боа Ама*, *Акпан Ама*, а также заимствованными у маньчжуров именами — *Сангия*, *Лаои*, *Найму Эндур*, *Саньси* и др. Верхний мир населяли и мелкие духи, проникавшие на землю (их называли «люди»). Почитали духов — хозяев природы (промысловый культ), регулярно молились богу неба *Сангия Мана*, хозяину земли *На Эндурины*, хозяину тайги *Дуэнтэ Эдени* (медведю или тигру). Раз в год, перед началом зимнего охотничьего сезона, у священного дерева (*туйгэ*) совершали коллективные моления с кровавыми жертвоприношениями свиней. Каждый охотник приносил на этот ритуал своих деревянных божков-покровителей. Главной среди них была маленькая фигурка *эдехэ* — небесного покровителя, дарующего охотнику пушнину.

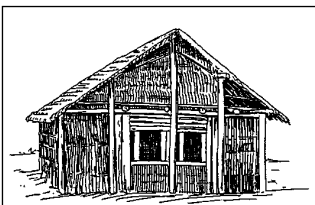
В нанайском доме обязательно хранили крупную, более метра, деревянную антропоморфную (человекоподобная — от греч. *anthropos* — человек) фигуру духа — охранителя дома (*дюлин*). О нем заботились, его кормили, чтобы он защищал обитателей дома от болезней, помогал ушедшим на

Г. Гейкер — шаманка, с. Даерга

А. Киле, жительница с. Джуен

Зимний каркасный дом
нанайцев с плетеными
стенами

промысел охотникам. В жилищах держали и другие крупные деревянные фигуры таежного и речного духов (в виде рыбы). Некоторые семьи имели свои деревья для молений (*пиухэ*), на толстых ветвях которого вырезали треугольное углубление, куда, как считалось, спускаются с неба боги. Приносили жертвы и от-

дельным крупным камням, с которыми связывали представление о «древнем прародителе», создавшем мир.

Широкое распространение имело шаманство. Становлению будущего шамана предшествовала тяжелая, иногда годами продолжавшаяся болезнь. После обряда посвящения он получал снаряжение для камлания: овальный бубен (*унгчуху*) с колотушкой (*гисил*), халат, кофту и юбку с нанесенными на них изображениями духов-помощников: змей, жаб, червей, драконов, птиц и др. Во время камлания шаман надевал кожаный пояс с металлическими коническими подвесками; к шее, поясу, локтям и голове прикреплял связки ритуальных стружек. Непременным атрибутом была деревянная 10–15-сантиметровая антропоморфная фигурка главного духа-помощника, его второго «я». Шаманы различались силой: слабые умели лечить себя и не имели бубна; средние лечили других, *хэргэнты* сама обладала силой «воскрешать» душу умершего. Шаман высшего ранга «перевозил» душу усопшего в загробный мир. Весной и осенью шаманы устраивали камлание (*унди*) и обходили жилища, очищая их от злых духов.

Во второй половине XIX в. миссионеры Благовещенской духовной миссии пытались обратить нанайцев в православие, однако принято оно было довольно формально.

Наиболее древние виды фольклора — мифы: космогонические (от греч. *cosmogonia* — происхождение мира) и этиологические (от греч. *aitiax* — причина и *logos* — учение). С ритуалом связаны шаманские мифы, беседы с душами умерших, плачи, молитвы, заговоры на удачу, от болезней, заклинания. Особый жанр составляют предания, посвященные топонимике (происхождению названия местности), возникновению родов и территориальных подразделений, различным событиям истории народа, выдающимся людям, а также сказки о животных, бытовые, волшебные, героические и детские.

Музыка нанайцев родственна музыке ульчей, удэгейцев, орочей, негидальцев, эвенков, эвенов и маньчжуров. Заметно влияние монгольских народов, а также нивхов, айнов, корейцев, китайцев и русских. Песенные жанры подразделяют на лирические, игровые и эпические.

Шаманскую музыку отличает повышенная эмоциональность пения (*йайан*), сопровождаемого

Заготавливать рыбу учатся с детства

игрой на бубне и звоном пояса с погремушками. Шаманские обряды предваряют попеременной игрой на бубне (*гон-гон*) помощники шамана и зрители.

Музыкальные инструменты — смычковая лютня с трубчатым резонатором, дуговые — металлический и пластинчатый варганы, а также духовые инструменты различной конструкции, изготовленные из всевозможных материалов.

Основные проблемы нанайцев связаны с отторжением территорий традиционного природопользования и загрязнением р. Амура. И тем не менее на начало 1999 г., например, в Хабаровском крае работают 75 национальных хозяйств и родовых общин.

Подготовку национальных кадров высшей квалификации ведут Хабаровский и Комсомольский-на-Амуре педагогический университет, Хабаровский государственный университет искусств и культуры и др. В начальных и средних школах Хабаровского края занятия проходят на родном языке. Изданы букварь, учебники на нанайском языке, а также нанайско-русский словарь.

Районная газета «Ануйские перекааты» ежемесячно выпускает приложение, местное радио транслирует передачи, а Гостелерадиокомпания «Комсомольск» выпускает программу «Мангбо Найни» на нанайском языке. В Хабаровском крае любимы народные ансамбли «Гивана» («Рассвет»), «Мангбо» («Амур»), «Сиун» («Солнце») и др.

Возрождению и сохранению традиций способствуют созданные в Нанайском, Ульчском и Комсомольском районах Ассоциации коренных малочисленных народов и общественный Фонд заслуженного артиста Российской Федерации Кола Бельды.

Верхняя часть сверла. Кость

ОХОТА

Народы Севера имели тысячелетний опыт добычи диких зверей и птиц, прекрасно знали биологию животных и особенности территории, на которой промыслили. Охота имела различные направления, способы и зависела от природно-климатических условий, сложившегося хозяйственно-культурного типа народа, его традиций, а позже — от спроса на некоторые виды охотничьей продукции.

Как правило, на охоту выходили мужчины, а у эвенков, селькупов, хантов и некоторых других народов — женщины и дети. Медведя, копытных, морских и других животных добывали коллективно. С развитием товарно-денежных отношений, специализацией хозяйства и появлением новых орудий промысла охотились в основном в одиночку с собакой, которая, догнав животное, удерживала его на месте до подхода охотника.

В XVII — XVIII вв. на российских рынках вырос спрос на шкурки пушных зверей. Ценные шкурки продавали, обменивали на другие товары, ими платили ясак. Пушная охота приобрела важнейшее экономическое значение.

Животных добывали выслеживанием, преследованием, подманиванием, устраивая засады, загоны и облавы. Часто эти способы комбинировали. У эвенков, например, любимым способом охоты на копытных была гоньба: охотник на лыжах преследовал животное до тех пор, пока оно не выбивалось из сил в глубоком снегу. Тропили след зверя верхом на олене или на нарте. Эвенки, удэгейцы и др. осенью, в период гона копытных, подманивали их манками-пищалками, имитирующими голос самца или самки. Животное, отвечая на голос, выходило на стрелков. Ненцы, нганасаны, энцы, долганы, орочи и др. в этот же период охотились с оленем-манщиком, выращенным человеком. К рогам манщика привязывали ремennую петлю и выпускали недалеко от стада диких оленей. Самец — вожак стада — выходил навстречу манщику, и они начинали бороться, сцепившись рогами. Ремennая петля затягивалась на рогах дикаря, охотнику оставалось лишь свалить его из ружья или лука. В другом случае охотник, прячась за манщика, приближался к стаду диких животных и с короткого расстояния поражал оленя. В хорошие годы такой промысел давал охотнику до 15 — 20 оленей. Нганасаны, ненцы, юкагиры, эвенки, долганы и др. добывали северных оленей на переправах (во время весенне-осенних миграций копытные переправляются через большие реки обычно в одних и тех же местах). Когда олени достигали середины реки, охотники на легких лодках выплывали из укрытий, окружали стадо, стараясь направить его вверх по реке, и кололи длинным копьем. Женщины и малоопытные охотники оставались на берегу и не давали оленям выйти на сушу. Благодаря густой шерсти, пустотелые волоски которой наполнены воздухом, туши не тонули. Их буксировали на веревках и разделявали на берегу. За день этим способом можно было добыть несколько сотен животных.

Эвенки, народы Нижнего Амура и др. били животных на солонцах, водопоях, в местах кормежки из засады, укрывшись с подветренной стороны на земле или на дереве.

На крупных копытных охотились скрадом при всяком удобном случае, особенно летом, когда звери держатся поодиночке. Охоту с прикрытием вели на промысле морских

зверей. Ненцы по льду подползали к животному под прикрытием продолговатого щита, а чукчи — в специальной шапке, имитирующей морду тюленя.

Промыслили животных с помощью разного рода ловушек: ловчих ям, петель, силков, пастей, кулем, плашек, самострелов, капканов. Ловушки могли быть стационарными и переносными, зачастую ими пользовались несколько поколений охотников.

Большинство ловушек — давящего типа. Кулема состояла из огороженного частоколом двора (куда закладывали приманку) и преграждающей вход в него кулемы, которая имела гнет, порожек и настораживающий механизм из трех деталей: две ставили вертикально одна на другую, а третью — горизонтально, скрепляя первые. Кулему устанавливали на земле у ствола дерева или на пнях. Разновидность кулемы — проскок.

Песцов охотники Восточной Сибири добывали пастью. Она состоит из коридора, образованного двумя стенками (из бревен, досок, вбитых в землю кольев) и длинного бревна, один конец которого при настораживании ловушки поднимается вверх. Внутри коридора находятся насторожка и приманка. Зверек, привлеченный приманкой, заходит в коридор и сдергивает насторожку, бревно падает и убивает его. Пасти строили преимущественно на путях миграций песцов и располагали либо цепью, в 50 — 200 м одна от другой вдоль морского побережья или по берегам рек, либо в шахматном порядке по тундре. Система этих ловушек, охватывающих какое-либо угодье, называется пастником. Один охотник строил, как правило, 50 — 100 пастей. Ловушками того же типа добывали и крупных животных, например медведей.

Самострел представлял собой простой или сложный лук, вмонтированный в деревянное ложе с прикладом (массивный, гладко обструганный, полукруглый снизу брусок), с одним или несколькими небольшими желобками, в которые вкладывали стрелы или деревянные (железные) болты. На одном конце ложа находился уступ, на другом — несколько зарубок. К ним привязывали планку треугольной формы, удерживающую тетиву в натянутом состоянии и служащую своего рода спусковым устройством. Оно соединялось с длинной веревкой, уложенной поперек тропы. Зверь задевал веревку и разряжал в себя самострел.

По такому же принципу действовали черкан, лук-ловушка, применяемые в пушном промысле.

Петли использовали для отлова лося, изюбря, дикого оленя, медведя, рыси, лисицы, боровой птицы. Их делали из широких толстых ремней из шкуры лося, веревок, конского волоса, других материалов. На мясных и пушных зверей петли устанавливали с потаском (бревном). Селькупы, ханты, манси, эвенки настораживали ловушки на боровую птицу. Народы Нижнего Амура и Сахалина использовали ловушки разных типов в пушной охоте (для эвенков это было нехарактерно).

Ханты, манси, кеты, эвенки, нанайцы, юкагиры, долганы, нганасаны, энцы и ненцы крупного и мелкого зверя загоняли в естественные или искусственные западни — ловчие ямы, вырытые на звериных тропах или в проходах специально сделанных изгородей (*засек*). Засеки из деревьев делали поперек путей миграций копытных. Изгородь могла

быть длиной от 6 до 20 км. Через 100 — 200 м в ней оставляли проходы, где и настораживали самострелы, сети, петли, копали ловчие ямы. Иногда строили две параллельные изгороди, отстоящие друг от друга на несколько километров. Осматривали их через 3 — 4 дня. Олень, подходя к изгороди и видя в стороне открытый проход, устремлялся в него и задевал протянутую поперек прохода сторожевую струну. Загонная охота на водоплавающих существовала у ненцев, нганасан, долган, селькупов. Они загоняли линных птиц в загоны или сети.

Вплоть до конца XIX — начала XX в. одним из основных орудий охоты был лук со стрелами. На Урале найден образец его, относящийся к четвертому — второму тысячелетию до н.э.

У народов Севера известно два вида луков — простой и сложный. Первый представляет собой гибкое, вырезанное из куска хвойного или лиственного дерева древко, согнутое в дугу, концы которого стянуты тетивой. Сложный лук состоит из нескольких деталей. Каждая его часть имеет свое название: середину древка называют рукоятью, концы — пальцами, длинные упругие части между рукоятью и концами — рогами или плечами, сторону, во время стрельбы обращенную к цели, — спинкой, а обращенную к стрелку — внутренней стороной. Места соединения деталей именуют узлами. Простой лук часто длиннее сложного, но обычно легче его. Древнейшей находкой сложного лука считается фрагмент его спинки из Эквенского могильника на Чукотке (начало первого тысячелетия н.э.).

Спинку лука делали из прочной смолистой древесины (*кремлинны*) хвойных пород (сосна, можжевельник, лиственница) с ровно расположенными слоями. Дерево рубили под корень, так как качество древесины лучше у корней. От нижней части срубленного ствола отделяли чурку длиной до 1,5 м, снимали внутреннюю, более рыхлую древесину и вытесывали заготовку половины спинки шириной до 10 и толщиной до 5 см. Так же делали заготовку внешней половины спинки, обычно из более упругой древесины (береза, черемуха). Нанайцы, орочи лук изготавливали из бука, нивхи — из ясеня, тополя и ивы, чукчи — из плавуна, собранного на морском или речном берегу. Заготовки спинки сушили 2 — 3 дня, обрабатывали топором, придав им форму планок с одной закругленной и одной плоской стороной, и выгибали на деревянной дуге (*гибале*). Для сохранения формы кремлину на гибале пропитывали кедровой смолой: нагревали над костром и втирали в нее *чипом* (мелкой древесной стружкой) растертую серу (смолу), пока она не переставала впитываться. Затем выгнутую кремлину отвязывали, очищали от лишней серы. Березовую и кремлевую половинки связывали плоскими сторонами при помощи кедрового корня (*сарги*), проклеивали, под привязь загоняли деревянные клинышки. Связанные заготовки сушили один день, после чего приклеивали к ним пальцы. Пальцы сложного лука делали из брусьев черемухи длиной, шириной и толщиной до 25 см. Места соединений прочно скрепляли сплошной обмоткой из сухожильных нитей. Весь лук обвязывали саргами и сушили, затем скоблили ножом, оклеивали для предохранения от сырости берестой, вываренной в рыбьем клее, и снова сушили. Высушенный ненатянутый лук выгибали в

сторону, обратную той, в которую его выгибают в натянутом состоянии. Лук усиливали костяными и роговыми накладками на концы и на рукоять. На рукоять иногда наносили орнамент и личные знаки собственности. Некоторые исследователи выделяют локальные типы сложных луков народов Сибири, например восточносибирский и арктический. У степных народов бытовала наиболее сложная конструкция «кочевнического» лука: на спинку наклеивали продольные сухожилия, придававшие ей большую эластичность, пальцы и рукоять закрывали костяными накладками сложного профиля, в результате чего лук получал характерную волнистую форму.

Существует несколько десятков видов классификации стрел по наконечникам и оперению. Наконечники стрел делали из камня (кварц, кремнь), кости, железа. Они могли быть втульчатыми (глухую коническую втулку укрепляли клеем на заостренном конце древка) и черешковыми (острый шиловидный или плоский черешок смазывали клеем, вставляли в торец древка, обматывали сухожильными нитками и тонкой полоской бересты). Стрелы могли быть без оперения (например, нанайские стрелы без наконечника с заточенным концом, чукотские — с костяными наконечниками; иногда оперение имитировали краской на древке) и с

оперением, защемленным, привязанным или приклеенным к древку. Для прочности его укрепляли винтообразной обмоткой по клею конским волосом или ниткой, а концы пера (длиной до 2 см) закрепляли сплошной обмоткой по клею. Оперение имело две, три, четыре, реже шесть лопастей — в зависимости от размера и веса стрелы. Все лопасти должны были быть одинаковыми и загигаться в одну сторону, что способствовало устойчивости стрелы в полете и придавало ей винтообразное движение. Длина и ширина оперения прямо пропорциональны длине и весу стрелы: чем массивнее стрела, тем больше оперение. Носили лук с левой стороны, в налучье — плоском футляре на деревянном, обтянутом кожей или плотной материей каркасе, а стрелы — в колчане — цилиндрическом, плоском, полукруглом или четырехгранном футляре (ненцы) из дерева, бересты, кожи. Орудиями охоты были также копья (у нивхов, нганасан, эвенков, удэгейцев, хантов, манси, чукчей). С XVIII — XIX вв. появляются ружья русского производства, сначала кремневые, затем нарезные, специальные китобойные. Благодаря распространению огнестрельного оружия повысилась эффективность охоты, перестали пользоваться примитивными орудиями промысла — метательными снарядами и др. Утратили свое значение некоторые способы промысла. Так, в конце XVIII — начале XIX в. ненцы уже не практиковали поволоки зверя и массовые загонны. У эскимосов в конце XIX в. почти полностью исчезли старинные способы охоты с прикрытием (маскировкой), с помощью метательных дротиков и гарпунов с каяка, гарпунами с берега. В советское время была запрещена охота с самострелами.

НГАНАСАНЫ

Численность — 1278 человек.

Язык — самодийская группа уральско-юкагирской семьи языков.

Расселение — Красноярский край, Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ.

Самый северный народ нашей страны, живущий в таймырской тундре, выше 72-й параллели. Подразделяются на западных (авамских) нганасан с центрами в пос. Усть-Авам и Волочанка и восточных (вадеевских) с центром в пос. Новая. Термин «нганасаны» введен в 1930-е гг. и образован от *нганаса* — «человек», «мужчина», самоназвание — *ня* — «товарищ». В дореволюционной литературе известны как тавгийские, авамские, вадеевские самоеды или просто самоеды.

Нганасанский язык признают родным 83,2%. Различают авамский и вадеевский говоры.

Археологический анализ данных дает основание полагать, что нганасаны сложились на основе древнего палеоазиатского населения Таймыра, смешавшегося с самодийскими и тунгусскими племенами. В XVII в. в состав нганасан входили различные по происхождению группы (пясидская самоедь, кураки, тидирисы, тавги и др.). Вплоть до второй половины XIX в. в эту общность включались новообразованные долганские роды.

Контакты с русскими начались в XVII в., когда казаки, стоявшие в остроге Мангазея, стали собирать дань с «тавгийской самоеды». Ясак платили ровдугой.

Главные традиционные занятия — охота, оленеводство, рыболовство. Счет времени вели по лунным месяцам (*китеда*). В течение солнечного года нганасаны проживали два года (*ху*) — летний и зимний.

Основная охота приходилась на летне-осенний период (с июля по ноябрь). Диких оленей добывали поклками на маршрутах кочевков и у переправ. В августе — ноябре охотники подстерегали стадо на переправе, давали ему войти в воду, заплыв достаточно далеко от берега и кололи животных копьями между ребер, чтобы они еще некоторое время могли проплыть и приблизиться к берегу. Другие охотники находились внизу по течению реки и подбирали убитых. Зимой оленя криками загоняли в сети, а также в загороди из кольев. Существовала и индивидуальная охота — с оленем-манщиком, с собакой, с маскировочным щитком (*лофо*), из укрытия, с нарт и т.д. Гусей добывали во время линьки. Птиц окружали на лодках и гнали к берегу, где были установлены сети (*депту бугур*). Сети расставляли также на уток и куро-

паток. На песцов настораживали каменные пасти (*фала денгуй*), зайцев ловили петлями.

Нганасаны бережно относились к природе. Существовал обычай, по которому запрещалось убивать самок зверей и птиц во время их беременности и выхаживания детенышей.

Для охоты использовали копье (*фонка*), лук (*динта*) со стрелами (*буди*), нож (*кюма*), а с XIX в. — огнестрельное оружие. Рыбу ловили сетями (*кол бугур*), железными крючками (*бату*), костяными спицами (*федир*).

Транспортное оленеводство зависело от основного занятия — охоты на дикого оленя. Животных приучали к упряжи уже на третьем году жизни. Для перекочевков каждой семье требовалось не менее 40 — 50 домашних оленей. Забивали травмированных или больных животных и в тех ис-

ключительных случаях, когда наступал голод.

Нганасанские олени низкорослы, не очень сильны, но выносливы и способны быстро восстанавливаться после истощения. Существовало более 20 слов для обозначения животного в зависимости от возраста, внешнего вида (ветвистости рогов), использования. Считали, что лучшие транспортные олени — яловые важенки (*бангаи*). Стада насчитывали 2 — 2,5 тыс. голов. Метили их тамгой (клеймом, знаком собственности) на шерсти или фигурным вырезом на ушах.

Нарты, в зависимости от назначения, были разных типов. В *ирянку* (легкие ездовые, обычно трехкопильные) запрягали 2 — 3 оленей, весной, когда животные сильно истощены, — 4 — 5. На такой нарте чаще ездили мужчины, поэтому с правой стороны к ней привязывали чехол для оружия. У *инсюдаконт* (женских трех- или пятикопильных) имелись спинка и передок, сверху — меховой полог, который защищал голову и спину при сильных морозах. На *кунсыбы́э* (грузовых) вещи укрывали полотнищем (*фантуй*) из оленьих камусов. Существовали специальные нарты для перевозки шестов (*нгоюся*) и нюков (оленьих покрышек) для чума, постелей, дров, лодок.

Стойбища нганасан располагались на невысоких холмах, а внизу, между холмами, находились олени. Осенью жилища устраивали недалеко от рек, чтобы охотники, ориентируясь на русло, в темноте могли вернуться домой. Весной зимние вещи, нюки укладывали на нарты, покрывали продымленной, не пропускающей влагу оленьей шкурой и оставляли в тундре до следующей зимы.

Традиционное жилище — чум (*ма*) по конструкции напоминал ненецкий. Размер его (от 3 до 5 м в поперечнике) зависел от количества живущих людей (обычно 1 — 2 семьи). Остов чума состоял из 20 — 60 длинных жердей, расставленных конусом и покрытых нюка-

Ритуальное изображение духа. Таймыр. Дерево, XIX в.

ми. Для летнего чума использовали старые, износившиеся нюки в один слой, зимой укрывали двойными. Дверь делали из двух сшитых изнанками оленьих шкур. Открывалась она, в зависимости от направления ветра, вправо или влево. Зимой у чума насыпали завалинку (*токеда*), служившую заслоном от ветра. В центре жилища помещали очаг (*тори*), над которым подвешивали крюки для чайников и котлов. В верхней части чума оставляли отверстие — дымоход. За очагом — «чистое место» (*сиенг*), куда женщинам ступать запрещалось. Места для них располагались у входа, здесь же укладывали домашнюю утварь. Правая от входа сторона была жилой, левая — для гостей и хранения хозяйственных предметов. Пол застилали циновками из тальника (*тола*) и досками (*лата*). На спальных местах поверх досок и циновок укладывали сначала невыделанные шкуры, а затем выскобленные подстилки (*хонсу*). На ночь над спальными местами опускали полог, концы его заправляли под подстилку. Утром полог снимали, тщательно выбивали, свертывали и укладывали под нюк.

С 1930-х гг. под жилище использовали балок — прямоугольный возок на полозьях с остовом, обтянутым оленьими шкурами или брезентом.

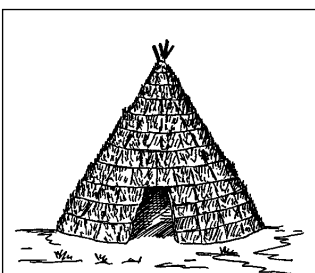
Традиционную одежду шили из оленьих шкур. Мужской костюм состоял из глухой двойной малицы (*лу*) из белой оленьей шкуры, отороченной белым мехом специально для этого разводимых собак. Зимой поверх малицы надевали сокуй (*хиэ*) с капюшоном и высоким султаном из меха надо лбом. В женский гардероб входил ровдужный комбинезон (*фоние*) с нашитыми на груди металлическими бляхами-лунницами (*бодямо*) и распахная парка (*лифарие*). Вместо капюшона надевали шапку-капор (*сьму*) из белой шкуры оленя с опушкой из черного собачьего меха. Одежду украшали аппликацией в виде геометрических орнаментов (*мули*), по которым определяли, к какой социальной или возрастной группе относится ее обладатель. Украшение одежды — трудоемкий процесс, поэтому аппликации спарывали со старых вещей и использовали несколько раз. Обувь (*файму*) шили из белых камусов, подошвы — из меха, снятого с оленьих лбов или подстриженных лесенкой (чтобы не скользили при ходьбе) камусов. Обувь не имела выема в подъеме и выглядела как цилиндрический чехол. Надевали ее поверх меховых чулок (*тангада*). У женской обуви более короткие голенища. Мужчины вместо штанов носили ровдужные или меховые натазники (*нингка*), поверх них — пояс с кольцами на боку, к которым привязывали голенища обуви, а также подвешивали огниво (*тууй*), нож в ножнах, футляр для курительной трубки, кисет. Весной для защиты глаз от слепящего света носили на кожаных ремешках снеговые очки (*сеймекунсыда*) — костяную или металлическую пластину с прорезью. Волосы женщины и мужчины заплетали в две косы, смазывая оленьим жиром. В косы вплетали металлические подвески (*няптухэй*).

Основу питания составляло оленьё мясо. Летом и осенью женщины заготавливали оленину впрок. Длинные полосы (ленты) вяленого мяса (*тириби*) развешивали на вешалах (*чиедр*) — нартах, поставленных друг на друга. Затем ленты резали на мелкие кусочки, смешивали с жиром и еще раз вялили на разостланных шкурах. Зимой заморажива-

Группа нганасан
в традиционной одежде,
сшитой из оленьих шкур,
отороченной белым мехом
специально для этого
разводимых собак

Земляной чум.
Каркас из жердей
обложен кусками дерна

ли оленю кровь и по мере надобности откалывали куски для приготовления похлебки (*дяма*). Сосудами для хранения жира служили снятая целиком шкура теленка, пищевод и желудок оленя, плавательный пузырь и кожа кунжи. Мясо, жир, рыбу нганасаны оставляли иногда осенью в тундре в ящиках из льда. Употребляли также мясо

гусей, куропаток, песцов, зайцев, снежного барана и птичьих яйца. Рыбу (чира, муксуна, кунжу, нельму) ели в сыром, замороженном, вяленом виде. Вяленую рыбу — юколу (*фака*) готовили почти таким же способом, как оленье мясо, хранили в мешках. Зимой ели строганину. Хлеба нганасаны раньше почти не употребляли. Пресные лепешки из покупной муки (*кириба*) считались лакомством. Среди любимых блюд были также *чирима кириба* — лепешки из муки с икрой и *чириме дир* — сало, сваренное с икрой. Чай и табак покупали.

Авамские нганасаны делились на пять патрилинейных родов, вадеевские — на шесть. Руководителями рода были старейшины, которых позже выбирали в «князцы». Они представляли свой род перед русской администрацией, собирали ясак, занимались разбором конфликтов. У родов существовал обычай взаимопомощи. Например, нетрудоспособных членов обедневшей семьи принимали на иждивение зажиточные хозяйства.

Места традиционных кочевий и покоев закрепляли за группами из 6 — 7 родственных семей. Их считали собственностью рода. Границы этих территорий тщательно соблюдали. Браки между родственниками по обеим линиям до третьего поколения запрещались, зато выплата калыма или отработка за невесту обязательны. Распространен был левират. Случаи многоженства редки и встречались в основном среди зажиточных людей.

Нганасаны верили в *нгуо* — добрых духов неба, солнца, земли и др., *коча* — духов болезней, *дямады* — духов — помощников шаманов, *баруси* — одноруких и одноглазых чудовищ. Все явления считались порождением Матери Земли (*Моу-нэмы*), Матери Солнца (*Коу-нэмы*), Матери Огня (*Туй-нэмы*), Матери Воды (*Бызы-нэмы*), Матери Дерева (*Хуа-нэмы*) и т.п. Почитались родовые и семейные покровители (*койка*) — в виде камней, скал, деревьев, антропоморфных и зооморфных фигур и т.п. У духов-покровителей спрашивали удачи на охоте, излечения от болезней и пр. Почти у каждой кочевой группы был свой шаман. Он общался с миром духов и просил обеспечить людям здоровье, счастье и благополучие. Важное место занимал праздник «чистого чума» (*мадуся*), проводившийся после окончания полярной ночи и длившийся от 3 до 9 дней. Иногда вместо праздника «чистого чума» устраивали праздник прохождения через «каменные ворота» (*фала-футу*). В течение трех дней шаман проводил камлания, и в завершение все присутствующие трижды проходили через специально устроенный каменный коридор. Во время летнего

Колыбель «тунгусского» типа с приподнятой головной частью, овальной формы с плоским дном. Все детали в них соединены сыромятными ремешками

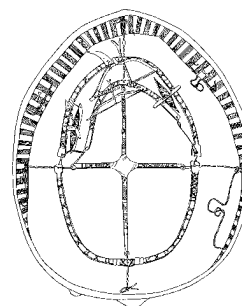
Балок — прямоугольный возок на полозьях с остоном, обтянутым оленьими шкурами или брезентом, используемый под жилище

солнцестояния проводили праздник *Аны'о-дялы*, которым руководила самая старая женщина, а молодежь в это время устраивала игры и состязания (метание копья, накидывание аркана и т.п.).

Нганасаны владели искусством гравировки по мамонтовой кости, инкрустации и штамповки металла, окраски кожи и узорного шитья подшейным волосом оленя.

Фольклор нганасан стали изучать с конца 20-х гг. XX в. В эпических сказаниях (*ситтабы*) воспевают подвиги богатырей. Ситтабы — длинные ритмизованные сказания — исполняли в долгие зимние вечера певцы-сказители. Слушатели наделяли их магической силой. Герои богатырского эпоса богаты и обладают сверхъестественными способностями. Остальные повествовательные жанры фольклора прозаичны и называются *дюрумэ* — «вести», «известия». Самая

Бубен, употреблявшийся при камланиях духам Верхнего мира

большая группа дюруме — рассказы с сюжетами о хитреце Дяйку или Оелоко (Оделоко), о великанах-людоедах (*сиге*), о смешном Ибуле. Среди малых жанров фольклора распространены иносказательные частушки (*кэйнэйрся*), загадки (*тумта*), поговорки (*боду*).

Мифологические предания, как и многие другие народы, считают достоверными историческими фактами. В них повествуется о создании мира, возникшего по воле «Матери всего, имеющего глаза» и «Бога земли» *Сырута-нгу*, сын которых — человек-олень — становится первым обитателем земли и покровителем людей.

В преданиях реальные взаимоотношения нганасан с ненцами, русскими, долганами, эвенками переплелись с мифическими представлениями о неведомых «безголовых» и «волосатых» людях.

Музыка, родственная мелодика ненцев, энцев и селькупов, сохранилась в наиболее древних фольклорных формах. Ее жанровая система представлена песенными, эпическими, шаманскими, танцевальными и инструментальными жанрами. Песенная традиция основана на принципе персонального сочинительства. Практически у каждого певца имеется несколько личных мелодий-песен (*балы*). Детские песни (*н'уона балы*) создают родители; по мере взросления дети разучивают их и поют как собственные. Колыбельные песни (*л'андырси́са балы*) являются семейной традицией и передаются по женской линии, как и песни-баюкания (*н'уо л'антеры*).

У взрослых популярны лирические иносказательные песни (*кэйнэйрся*, *кайна́руе*). Традицию поэтико-певческого состязания-диалога представляют сказания (*сита би*), которые исполняют на персональные мелодии главных героев, своего рода историческая энциклопедия нганасанских напевов. Круговые танцы сопровождают горлохрипе-

нием на вдохе и выдохе (*нарка кунты*). Важное место в музыкальной ткани эпических и лирических напевов, шаманских обрядов занимает звукоподражание голосам зверей и птиц.

Мелодии шаманских песен (*нада балы*) в процессе много часового камлания чередуются и, по представлениям нганасан, принадлежат различным духам (*д'амада*). Шаман запевает, а один или несколько помощников ему подпевают. У каждого шамана свои ритуальные песни, соответствующие различным этапам обряда: *набатчио балы* — созывание духов; *хоситанса балы* — гадание; *нантами балы* — обращение-просьба к духам. Обряды исполняют под аккомпанемент бубна (*хендир*) или посоха с колокольчиком (*чире*). Иногда пение шамана сопровождают удары палочкой с позвонками (*хета'а*), которую обычно используют для ударов по бубну, но иногда и как самостоятельную погремушку. Большинство подвесок-погремушек на костюме и других атрибутах шамана изображают духов (*койка*) и имеют соответствующую форму: *н'уоны* — гагары, *кокэры* — журавля, *денкуйка* — лебедя, *чедо* — луны и др.

Подвески-погремушки, имеющие форму кольца с нанизанными трубочками (*д'антудо*), пришивают к детской одежде в качестве звукового оберега. По дуге над колыбелью (*каптыси*) скребут палочкой либо трубочкой, успокаивая ребенка и одновременно аккомпанируя колыбельной песне. Жужжалка (*сани херы*) и вращаемая завывалка (*биахеры*), известные сейчас как детские игрушки, в прошлом были ритуальными.

В настоящее время нганасаны живут в смешанных поселениях, во многом утратили традиционный образ жизни.

Вещевая нарта. Так в тундре хранят и перевозят имущество

НЕГИДАЛЬЦЫ

Численность — 622 человека.

Язык — тунгусо-маньчжурская группа алтайской семьи языков.

Расселение — Хабаровский край.

Называют себя *нгегида*, *негида*, *нейдальцы* — от эвенк. *нгегида* — «береговые», «крайние». Известно также самоназвание *елкан бэйенин* — *на бэйенин* — «здешний», «местный» или *амнун бэйенин* — «амгуньский человек». До начала XX в. негидальцы были известны русским еще и под этнонимами *гиляки*, *орочены*. Некоторые именовали себя по названию рода (Аюмкан, Нясихагил и др.). В языке два диалекта — верховской (на Верхней Амгуни) и низовской (низовье Амгуни, Лиман, Амур). Особенности языка сближают низовской диалект с языком ульчей, нанайцев, орочей, а верховской — с эвенкийским. Почти 70% родным языком считают русский.

В середине XIX в. негидальцы жили преимущественно по Амгуни с ее притоками Немилен, Ольджекан и др., по рекам, впадающим в озера Чукчагир, Удыль, у озер Орель, Чля (левобережье Амурского лимана), по р. Тугур, впадающей в Тугурский залив южной части Охотского моря. Отдельные семьи жили по Амуру в селениях ульчей и нивхов. Культура, в силу тесных контактов с соседями, сходна с эвенкийской, ульчской и нивхской.

В конце XIX в. на Амгуни возникли русские золотые прииски, где селились также эвенки, корейцы и др. Более 85% негидальцев приняли крещение, тогда же была создана миссионерская школа.

Основы хозяйства — рыболовство и таежная охота. Верховские, жившие в горной местности, занимались и оленеводством. Рыбу ловили круглый год. Проходных лососей добывали заездами, неводами, летними сетями (*адил*) и зимними (*анга*) для подледного лова, четырехугольными и мешкообразными, ставными и плавными. Специальные сети ставили на самую крупную рыбу — тайменя (*саханамагда*) с шириной ячей в 15 пальцев, на горбушу (*элкунмагда*), на мелкую рыбу — чебака (*окоочомагда*) и др. использовали однозубые остроги (*дэбго*, *дябгы*), соскакивающие с древка, и трезубые (*чапка*), а также крюки (*элгу*, *умака*) и переметы на осетровых (*кивтэ*). Охотились на соболя, за которым уходили иногда на сотни километров. Промы-

словый период, начинавшийся с конца октября, продолжался 3—4 месяца. На соболя расставляли волосяные петли (*хойка*) и сеточки-«рукавички» (*адилкан*); на другого мелкого зверя — самострелы (*сэнму*) и ловушки (*канггулта*). Пушнина предназначалась в основном для обмена у торговцев (первоначально у маньчжурских, позднее — у русских) на ткани, муку, металлические инструменты, украшения и т.п. Лосей, медведей, оленей добывали в течение всего года самострелами (*туга*), луком (*бэи*) со стрелами (*богда*, *нэй*) с металлическими (*луки*, *лужи*) и костяными наконечниками. С копьем (*гида*) чаще ходили на медведя или на лося, которого загоняли по глубокому снегу или по насту. Копытных в период гона подманивали с помощью берестяной трубы (*туйавкан*).

С конца XIX в. распространилось огнестрельное оружие. Верховские охотились верхом на оленях, низовские — по насту на прямых лыжах-голицах (*тэтчэнну*), а по снегу — на подволоках, более коротких, гнутых и подклеенных камусами или нерпичьими шкурами (*соксила*). Обычно пользовались ручной нартой (*анаксагда*), иногда выдолбленной из лиственницы волокушей (*келчи*). К ручной нарте припрягали от одной до трех собак.

Женщины с детьми занимались собирательством. Издавна были известны мука, крупа, а с конца XIX в. — картофель, которые выменивали у русских. Низовские выращивали картофель сами. Близ южных границ Охотского моря эпизодически занимались морским зверобойным промыслом. Нерпу били гарпунами и огнестрельным оружием.

Хозяйственные занятия и явления природы нашли отражение в названиях месяцев: «времена добычи горбуши»

(июль), «осенней кеты» (сентябрь), «петель на соболя» (октябрь), «весенней добычи лося» (март), «месяц появления завязи у таежных ягод» (май) и т.п.

Низовские и отчасти верховские негидальцы держали ездовых собак. Семья обычно имела одну упряжку в 10 — 12 собак. Их запрягали попарно или «елочкой». Верховские разводили ездовых оленей, использовали верховые и выючные седла (*намэ*, *нэмэ*), оленью нарту (*торку*). Наиболее распространенным средством передвижения для дальних поездок и при добыче рыбы летом у низовских была дощатая остроносая плоскодонка амурского типа (*огда*), иногда с парусом. Верховские и озерные негидальцы пользовались каркасными берестяными (*алжагда*, *омочин*) и долблеными (*огдама*)

Традиционный орнамент

Негидальская женщина за выделкой бересты

лодками. Ими управляли двулопастным веслом (*олингки*) или короткими узкими веслами (*мэлбикэн*), а на мелководье отталкивались от дна двумя шестами. С конца XIX в. многие приобретали лошадей для занятия извозом.

Верховские вели кочевой образ жизни, жили в чумах, подобных эвенкийским, а позднее под влиянием русских стали строить примитивные полуземлянки. Низовские жили в больших домах (*хагдун, дё*), похожих на ульчские хагду и зимники нанайцев. Обычно дом стоял около реки, а рядом с ним амбар на сваях (*наку, нэху*) либо, на сваях же, более вместительное сооружение — *такту*. Между зимником и рекой размещали вешала из жердей для вяления рыбы, просушивания неводов и сетей; на свайных лабазах-помостах хранили орудия лова и утварь. Летники строили рядом с зимниками или в местах летнего лова рыбы. Это были четырехугольные сооружения из жердей и бересты (*огдан*) или конусообразные, крытые берестой или рыбьей кожей (*кхалты*). В тайге на местах промысла делали полуземлянки со срубным основанием в два-три венца, и двух- или четырехскатной кровлей, заваленной плахами, лапником и снегом.

Традиционная одежда негидальцев — амурского типа. Из ткани на вате и рыбьей кожи шили халаты с разноцветными орнаментами, выполненными красками. Носили нагрудник из заячьего меха (*уйтун*), фартук (*бэлгэпун*) поверх охотничьей куртки, шубы из собачьего меха (*ненанди*), куртки из шкур лося и оленя (*конгго*), а также шубы

(*сун*), юбки (*хоскан*) из шкур тюленя или собаки, короткие штаны из ткани или рыбьей кожи (*хэйки*) и ноговицы. Мужские шапки и рукавицы из меха, а женские — шелковые на меху или на вате.

Названий для обуви — в зависимости от покроя, материала, назначения, украшений — было много (*тэргэмэ, лобдирма, хэмчира, олот* и др.). Обувь с поршневидной головкой изготавливали из кожи рыб или сивуча, голенища кроили отдельно. Внутрь вкладывали стельку из травы. Обувь с подошвой шили из ровдуги или камусов оленей, лосей; она напоминала эвенкийские унты. В начале XX в. получили распространение русские мужские рубахи и сапоги.

Рыбу ели в вареном, жареном, печеном, сыром (строганина) и вяленом виде. Ее жарили на вертелах, а мясо — на проволочных сетках. Рыбные супы варили с приправами из трав. Рыбий и нерпичий жир добавляли почти во все блюда. На вешалах из жердей вялили юколу. Путем томления рыбы без воды в течение нескольких часов изготавливали жирную массу септулу, хранившуюся очень долго. Из голов и кишок вытапливали жир. Костяки, оставшиеся от заготовки юколы, сушили, толкли и кормили этой муккой собак. Кожу рыб разных пород использовали для изготовления одежды, обуви, сумок, парусов, покрышек для построек из жердей и т.п.

Поселения состояли из 2 — 4 домов. В крупнейшем на р. Амгуни селении Самнян в 1897 г. их было всего десять.

Фрагмент халата

Жили территориально-соседской общиной. В нее входили семьи различного родового и национального состава, например эвенкийские, реже — нивхские или ульчские. Основное назначение общины — взаимопомощь во всех сферах жизни: на промыслах, в сооружении дома, лодок, проведении праздников, свадеб, похорон, поминок, при родах. Возникавшие конфликты в общине разрешал меж-родовой суд.

У негидальцев насчитывалось 13 родов, главным образом эвенкийского происхождения. Они регулировали брачные отношения, проводили религиозные обряды и др. Крупные роды — Нясихагил и Аюмкан — включали до нескольких десятков семей. Малочисленные, состоящие из трех — пяти семей, объединялись в экзогамные союзы (*духа*), в которые входило 4 — 6 негидальских, иногда нивхских, ульчских и эвенкийских родов. Такие союзы сплачивали территориально-соседскую общину.

Члены рода, жившие в одном селении, молились в тайге у общей лиственницы (*тойо*, *торо*), на которой вырезали лицо Верховного Бога. Здесь ставили скульптурные изображения различных духов, приносили бескровные жертвы (*сугдэчэ*) хозяину тайги (*калгам*) и другим духам (неба, земли, рек, моря). Считалось, что по дереву духи поднимаются на небо и передают небесным божествам просьбы людей вместе с их дарами.

Проводили промысловые обряды: перед охотой к мольбищам приносили «кормить» орудия промысла, молились

духу — хозяину огня (*пудя*), духу — хозяину дома (*маси*) и другим духам. Аналогичные обряды совершали на месте промысла. Духа — хозяина тайги представляли в виде огромного медведя, в честь которого устраивали праздники, связанные с добычей этого зверя. Через каждые 3 — 4 года в честь умерших родственников устраивали медвежий праздник (*мгаска*), для которого выкармливали медвежонка. При этом член общины, вырастивший медведя в специальном срубе (*койчан*), должен был придерживаться многих правил и запретов. На медвежий праздник приезжали родня и друзья, устраивали игры, водили хороводы с песнями, слушали сказителей. Женщины в нарядной одежде пели и танцевали. Убивали медведя из лука на отведенной для этой цели площадке. При разделке туши строго следили, чтобы не повредить ни одной кости: их собирали и хоронили в особом срубе. Считалось, что содержащийся по всем правилам зверь после его ритуального убийства возвращался к своему «отцу» — духу — хозяину тайги.

Негидальцы неукоснительно соблюдали обряды похорон. В них обычно принимали участие почти все члены общины: мужчины делали гроб, женщины шили погребальную одежду (халат, фартук, ноговицы, обувь, а для богатых — шубу и шапку). Погребальную одежду украшали вышивкой белым подшейным волосом оленя по ровдуге. Дом умершего обвязывали веревкой, покойника клали на пол, у изголовья ставили еду, бутылки с водкой. Все члены об-

Вешала для вяления рыбы, просушивания сетей и неводов устанавливают рядом с жилищем

щины приносили покойному подарки. В гроб клали табак, мешочки с продовольствием, мужчинам — копье, лук, посох (*тийэвун*), нож, женщинам — посуду, принадлежности для шитья, ложки и др. Все вещи обязательно ломали, «чтобы там целыми стали». В некоторых селениях гроб обертывали берестой и ставили на землю, в других — на пни. В начале XX в. стали хоронить в могиле. На месте погребения разводили костер, бросали в него кушанья, лили чай. По-разному хоронили утонувших или погибших на охоте, детей, умерших до года, близнецов и др. Считалось, что судьбы душ покойных неодинаковы и зависят от обстоятельств смерти.

В шаманских костюмах и атрибутах многие детали совпадали с ульчскими и нанайскими: пояс с металлическими коническими подвесками (*нямка*), бубен овальной формы (*унтувун*), посох (*туде*), колотушка (*гесивун*), юбка (*упси*). Аналогично ульчам и нанайцам негидальские шаманы весной и осенью совершали обряд очищения жилищ и людей. В этот день они украшали себя и предметы культа «священными стружками».

У негидальцев было развито прикладное искусство. Мужчины резали по кости и дереву, женщины вышивали подшейным волосом оленя и изготавливали всевозможную берестяную утварь.

Жанры фольклора разнообразны: исторические предания о происхождении родов (*ульгу*), о жизни в прошлом, сказ-

ки (*тэлунг*), загадки (*нэнэвкан*), поговорки (*гумнев хэсэ*), ритуальные предписания-запреты (*одяви*), плачи, лирические, рыбацкие песни (*ихэн*), припевы в хороводе (*хэдэ*), заимствованные у эвенков или известные только негидальцам.

Сказки — героического содержания и о животных. В прежние времена, по воспоминаниям стариков, почти в каждом селении был свой сказочник. Повествование обычно начиналось вечером, а заканчивалось глубокой ночью, а то и утром. На охоте или рыбалке по вечерам рассказывали сказки о животных, мифы о духах-хозяевах. Сами негидальцы различают два крупнейших и постоянно противопоставляемых «жанра»: *талун* — род произведения с вымышленным содержанием и *улгу*, повествующий о реальных событиях в прошлом. В категорию *улгу* входят мифы, родовые предания, шаманские легенды, былички, охотничьи и бытовые рассказы. Среди космогонических мифов много вариантов амурского мифа о трех Солнцах, от жара которых плавилась даже камни. Но смелый охотник убил два светила и спас все живое. К жанру *талун* относятся героические сказания с пением (*икэвкэчи талун*).

Негидальские необрядовые песни (*ихэн*), как и у других тунгусо-маньчжурских народов, сугубо индивидуальные и сочиняются «по случаю». Условно их можно разделить на личные (биографические, лирические, шуточные, плачи), колыбельные, сольные импровизации и песню-танец, которую исполняют без инструментального аккомпанемента (за исключением ритуальных шаманских песнопений под звуки бубна).

Игрушки из бересты

Мелодии имеют интонационные связи с музыкально-звуковыми культурами северных тунгусов-оленьеводов (эвенков, эвенгов), амурских тунгусо-маньчжуров (ульчей, найцев и нивхов). Музыка медвежьего праздника (*наска*) уникальна. На протяжении всех обрядовых церемоний женщины маленькими палочками играют на ударном музыкальном бревне (*тумжэун*), подвешенном на козлах, и танцуют ритуальные танцы (*чово*). Наигрыши и танцы связаны с мифологическим контекстом, на который указывают их названия: «Гром гремит», «Дорога совы», «Собака лает» и др. Кульминация праздника — круговой танец (*хэзэ — хозо*) с возгласными напевами. В нем участвуют все мужчины и женщины, его относят к категории *эвин* — «игра, танец, развлечение, соревнование». В XX в. традиционное хозяйство и культура негидальцев существенно пострадали из-за потерь запасов рыбы в притоках Амура, а также многочисленных реконструкций и реформирований колхозов, переселений людей. Многие коренные жители уходили из исконных поселений в города и поселки на Амуре, на работу в лесную промышленность и другие отрасли. В рыболовецких колхозах остались люди преимущественно пожилого возраста. Традиционная культура почти утрачена, отдельные предметы обуви и одежды еще

можно встретить на стариках-рыбаках и охотниках, а в домах — старую утварь. Ее берегут, как и тканевые аппликации с традиционным амурским орнаментом.

По данным 1997 г. современные негидальцы живут в основном в Ульчском районе (209 человек) и в районе им. Полины Осипенко (167). Места их компактного проживания — с. Тыр и с. Белоглинка. Они занимаются животноводством, овощеводством на приусадебных участках; на зиму заготавливают консервы. Некоторые обрабатывают и выделывают шкуры, шьют одежду.

Погребальная одежда.
Материал для нее собирали долгие годы,
но шить и вышить ее следовало
только в день смерти до похорон
(до захода солнца)

НЕНЦЫ

Численность – 34 665 человек.

Язык – самодийская группа уральско-юкагирской семьи языков.

Расселение – Красноярский край, Архангельская и Мурманская области, Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономные округа.

Занимают обширную территорию Севера европейской части России и Западной Сибири от р. Мезень на западе до низовьев Енисея на востоке. Ненецкий язык признают родным 77,1% ненцев. Письменность существует с 1932 г. на основе латинской, а с 1937 г. — на основе русской графики.

Самоназвание *ненэць* — «человек», *ненэй ненэць* — «настоящий человек» было введено в официальное употребление в 1930 г. Первоначально ненцев называли самоедами или самоедами-юраками. Упоминание об этом имеется в древнейшей русской летописи «Повесть временных лет», относящейся к началу XII в. Происхождение термина «самоед» трактуется по-разному. Наиболее вероятным представляется его возникновение от *saam-jedna* — «земля саамов». Различают самоназвания *хасава* — у западных ненцев Ямала, *ненэй ненэць* — у восточных ненцев Ямала и Гыды, *ненец* — на многих других территориях.

По хозяйственно-культурному типу жизни ненцы делятся на три группы. Первую, и основную (90%), составляют тундровые ненцы, главное занятие которых оленеводство продуктивного направления. Они освоили самые северные районы. Вторая группа — лесные ненцы — населяет таежные части Обско-Енисейского водораздела, в основном по рр. Пур, Таз и Аган, занимается транспортным оленеводством, охотой, рыболовством. Они — связующее звено между самодийскими племенами Саянского нагорья и тундровыми ненцами, говорят на особом диалекте ненецкого языка. Третья группа — колвинцы — образовалась на европейском Севере в районе р. Колвы в XIX в. в результате смешанных браков между ненцами и коми. Говорят на ижемском диалекте языка коми. По наиболее распространенной гипотезе, самодийская общность сложилась в Южной Сибири. В первые века н.э. часть самодийцев продвинулась к северу, а другие вошли в состав тюркских народов Южной Сибири. В течение первого тысячелетия н.э. значительное число самодийцев переместилось по Оби, Енисею и их междуречью в зону северной тайги, а затем тундры, ассимилировав абори-

генное население. Затем предки современных ненцев распространились из низовьев Оби на запад до Белого моря, а к XVII в. — на восток до Енисея.

Уже в XI — XII вв. жители Припечорья платили дань Новгороду. С конца XV в. московское правительство посылало сюда военные экспедиции. Так, во время похода 1499 — 1500 гг. был заложен г. Пустозерск на Печоре, ставший важным торговым центром и военным пунктом за Уралом. В 1535 г. царь Иван IV пожаловал «самоядцам» грамоту, подтверждавшую их права на владение промысловыми угодьями.

В 1545 г. сольвычегодские промышленники Строгановы получили от Ивана IV жалованную грамоту на владение обширной территорией по р. Каме. После похода Ермака (1581) и постройки острогов Тюмень (1586), Тобольск (1587), Березов (1593), Сургут (1594), Обдорск (1595) и Мангазея (1601) Западная Сибирь была прочно закреплена за Московским государством. Специальные разделы документов, разработанных комиссией М.М. Сперанского, — «Устава об управлении инородцев» (1822) и «Об инородцах Архангельской губернии, именуемых самоедами» — дали ненцам права на землю и внутреннее самоуправление. Присоединение к Русскому государству снизило остроту межплеменных конфликтов среди местных жителей и познакомило их с русской культурой.

В 1825 — 1830 гг. на европейском Севере усилиями миссии архимандрита Вениамина распространилось православие, а на Обском Севере христианизация началась еще в XVIII в. В 1840-х гг. при церквях стали открываться миссионерские школы. К 1869 г. относятся упоминания о «туземцах»,

обучающихся в обдорской миссионерской школе, в которой позднее учились и дети шаманов. В Обдорске же была построена первая христианская церковь св. Николая.

Традиционное занятие ненцев — оленеводство. Национальные особенности этой отрасли: круглогодичная выпас животных под надзором пастухов и оленегонных собак, санный способ езды на оленях. Применяют легкие и грузовые нарты. Прямокопильные ненецкие (*хан*) состоят из кузова, крепящегося к загнутым спереди полозьям. Для устойчивости копылья книзу несколько разведены, так что расстояние между полозьями больше ширины сиденья. Мужские легкие нарты имеют только заднюю спинку у сиденья, женские — еще переднюю и боковую, чтобы было удоб-

Семья оленевода

но ездить с детьми. В легковые запрягают «веером» от трех до семи оленей. Садятся на них с левой стороны, управляют с помощью вожжи, прикрепленной к недоузду (уздечке без удили, с поводом) левого оленя, и шеста-хорея с костяной пуговкой на конце. Иногда на другой конец хорея надевают металлический копьевидный наконечник (в прошлом хорея наряду с луком служил оружием). Упряжь изготавливают из кожи оленя или морского зайца. В грузовые нарты запрягают по два оленя, а из пяти-шести грузовых нарт составляют караван (*аргиш*), привязывая оленей цепочками или ремнями к передней нарте. Каждый аргиш ведет седок на легкой нарте, часто это бывают девочки-подростки, а рядом — мужчины на легковых упряжках гонят стадо. Чтобы выловить с помощью аркана нужных животных, делают специальный загон (кораль), используя для этого нарты. Олень питается мхом — ягелем. По мере истощения кормовых запасов приходится менять пастбища. С оленьим стадом кочуют и пастухи с семьями.

К условиям кочевого образа жизни приспособлено разборное жилище — чум (*мя'*) — конусообразное сооружение, остов которого состоит из 25 — 30 жердей. Зимой чум укрывают в два слоя покрышками-нюками из шкур оленя, летом — из специально выделанной бересты. В центре чума раньше разжигали костер, сейчас растапливают железную печь. Над очагом укрепляли планку с крюком для чайника или котла, по обе стороны от него — спальные места, а против входа — предметы языческого культа, позднее — иконы, а также чистая посуда. При каждой перекочевке чум разбирают, покрышки, постели, шесты, посуду складывают на специальные сани.

Помимо выпаса оленей зимой охотились на песца, лисицу, росомуху, горностая, дикого северного оленя. Пушного зверя промышляли с помощью деревянных ловушек-пастей и железных капканов. Большая часть пушнины шла на уплату ясака. Добывали белых куропаток и гусей в период линьки, глухарей. Рыбу ловили в основном летом.

Выделкой шкур оленей и пушных зверей, пошивом одежды, сумок, покрышек чума занимаются женщины. Одежды и утварь богато украшали меховой мозаикой (из камусов белого и темного цвета), плели украшения из бисера, вышивали подшейным волосом оленя, резали по дереву.

В комплект традиционной мужской одежды входит малица с капюшоном (глухая просторная рубаша из оленьих шкур мехом внутрь), штаны, сапоги-*тимы* из камуса мехом наружу и чулки мехом внутрь. Для предохранения мездры поверх малицы надевают сорочку из ситца и подпоясываются сыромятным ремнем, украшенным медными ажурными бляхами или пуговицами. К ремню на цепочках прикрепляют нож в ножнах, точильный камень, а сзади — зуб медведя. В холодную погоду поверх малицы надевают совик — одежду с капюшоном, по покрою схожую с малицей, но сшитую мехом наружу.

Женская одежда в отличие от мужской распашная. В старину ее делали из шкурок лесных зверей с опушкой по подолу из собачьего меха. Позднее стали шить из оленьих шкур, с воротником из меха песца или рыжей лисицы. Полы одежды не запахивают, а завязывают ремешками из замши или тесемками и украшают орнаментированными вставками белого и темного меха. К сумочке для швейных принадлежностей, скроенной из шкурок со лбов оленей и

Ненец-оленеvod на лыжах отлавливает оленя арканом. Ямал

богато украшенной орнаментом, прикрепляют игольник и маленький мешочек для наперстка. Тканые из цветных шерстяных нитей пояса дополняли круглые пряжки диаметром до 20 см. Женские шапки имеют местные различия. Наиболее распространены капоры из оленьего меха с опушкой из песцовых хвостов, к которым сзади на цепочках подвешивают медные ажурные бляхи. Женская обувь отличается от мужской кроем. Для маленьких детей из мягких оленьих шкурок шили одежду наподобие комбинезона.

Основная пища — мясо оленей (в сыром и вареном виде), рыба, хлеб. Излюбленный напиток — чай. Его, как и металлическую утварь, в старину выменивали у русских торговцев. Деревянную посуду — миски, чашки, ложки — изготавливали сами.

У архангельских ненцев мужская меховая шапка с длинными ушами

Женский капор ямальных ненцев из оленьего меха с опушкой из песцовых хвостов

Подледный лов

Для ненцев характерен отцовский (патриархальный) род (*еркар*). При коллективных способах охоты и скотоводства большую роль играло стойбище (*нэсы*) — объединение семей, в котором мужчины принадлежали к одному роду, а женщины — к разным. В условиях родовой экзогамии молодой человек должен был искать будущую жену в другом роде. Обычно вопрос о женитьбе сына решал отец. Наметив невесту, засылали сватов, договаривались о размерах выкупа и приданого. Свадебный обряд включал имитацию похищения (умыкания) невесты.

Религиозные верования основывались на анимистических представлениях, согласно которым верховное небесное божество — демиург *Нум* — управлял миром при помощи других божеств и духов, а его жена *Я-небя* — Мать Земля — старуха-покровительница, рождающая и хранящая все живое, оберегала дом, семью и очаг. Антагонистом *Нума* выступает *Нга* — воплощенное мировое зло, дух подземного мира, божество, посылающее болезни и смерть. Каждое озеро, промысловое урочище имело своих духов-хозяев. Им приносили в жертву оленей, делали подношения (кусочки сукна, монеты, табак и т.п.), чтобы духи даровали здоровье, удачу в оленеводстве и промысле. На священных местах, которыми могли быть камни, утесы, рощи, ставили идолов в виде антропоморфных фигур. Священным деревом считали лиственницу.

По народным представлениям жизненная сущность человека (душа) проявлялась в виде крови, дыхания, тени, образа. Смерть — потеря одной из этих субстанций или же

следствие вселения в тело человека вредоносных духов (*нгылека*). Загробный мир находился на поверхности земли или под землей. Для ненцев характерны были наземные погребения. Гроб ставили на землю между вертикальными столбами, соединенными деревянными планками, или, оберегая от хищников, в ящик и клали на него бревно. Рядом с покойным помещали его орудия труда, посуду и т.п. На месте погребения убивали оленя, оставляли нарты, хорей. Однако с XIX в. под влиянием христианизации умерших стали хоронить в земле.

Шаманство тесно связано с древними религиозными представлениями ненцев. Обычно звание шамана передавалось мужчине или женщине по наследству. Камлание происходило в чуме шамана. В настоящее время его одежда с подвесками и железной «коронай» на голове сохранилась только на Енисее. У каждого шамана был особый набор культовых предметов: изображения духов-помощников (*тадебцо*) и ездовых животных, а также бубен с рукоятью на внутренней стороне и колотушкой. Свои атрибуты он хранил на специальных священных нартах.

Для ненецкого фольклора характерна персонификация (олицетворение, от лат. *persona* — лицо, личность, *facere* — делать) изложения, когда наряду с героями действующим лицом является и сам сказ (*мынеко*). Этот прием широко распространен в сказках, где одушевленное существо именуется *лаханако* — словечко.

Среди ненецких сказок (*лаханако*, *вадако*) есть сказки о животных, волшебные, легендарные и бытовые. Часто их персонажами выступают божества, духи — хозяева местностей. Они же являются главными действующими лицами и

Полозья нарт выгибают, предварительно разогрев их над огнем

Тундру – в наследство сыну

Ненцы использовали колыбель и в ночное, и в дневное время

В центре чума раньше разжигали костер, сейчас там железная печь

в других жанрах фольклора — преданиях, молитвах-заговорах, шаманских песнях.

Ритуальная музыка тесно связана с местом шамана в древней иерархии: «видящий вещие сны», «сопровождающий душу умершего в подземный мир», «обладающий даром гипноза». Бубен у восточных тундровых ненцев — *пензер* (соответствует якутскому типу), у лесных — *п'ен'шал* (угорский тип), у западных тундровых — *пензар* (обечайка — якутского, а рукоятка — угорского типа).

Шумовой музыкальный инструмент *выйко* (дощечка на сухожильной нитке) стал детской игрушкой. Подвески-погремушки, имеющие форму кольца с нанизанными трубочками, пришивают к детской одежде в качестве звукового оберега. По дуге над колыбелью (*каптыси*) скребут палочкой либо трубочкой, успокаивая ребенка и одновременно сопровождая колыбельной песне. Жужжалка и вращаемая завывалка, которые сейчас известны как детские игрушки, в прошлом были ритуальными.

Разработки газовых и нефтяных месторождений в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах ухудшили экологическую обстановку, негативно отразились на занятости аборигенов в традиционных отраслях хозяйствования, загрязнили десятки рек и озер, уничтожили тысячи гектаров нерестилищ, нагульных участков, лесов и пастбищ. От загрязнения вод ежегодно гибнет более тысячи тонн ценных сиговых и осетровых рыб.

Оленеводческие хозяйства округа также находятся в тяжелом экономическом положении. И все же некоторые из них продолжают развиваться. Например, в совхозе «Байдарацкий» Ямало-Ненецкого автономного округа построен завод по переработке пантов. Некоторые оленеводы начинают хозяйствовать самостоятельно.

В школах округов дети изучают родной язык. Издательства готовят к печати новые учебники на ненецком языке.

В этнокультурном центре Ненецкого автономного округа работают отдел ненецкой культуры, литературно-творческая группа, самодеятельный театр, национальная мастерская по производству изделий из кости, кожи, оленьего меха. В пос. Индига открыты Дом культуры, библиотека, организован кружок художественной самодеятельности.

В Новом Уренгое Ямало-Ненецкого автономного округа создан Центр национальных культур, в Салехарде — Дом культуры народов Севера, в пос. Яр-Сале, Тазовский, Самбург работают драматические кружки.

Заслуженной популярностью и известностью пользуются национальные писатели А. Неркаги, И. Истомина, Л. Лапцуй, педагог Е. Сусой, художники И. Худи и Л. Лар, композитор С. Няруй, первый профессиональный ненецкий певец Г. Лагей.

Газета «Нарьян Вындер» Ненецкого автономного округа публикует страницу «Ялумбд» на ненецком языке. В Ямало-Ненецком автономном округе выходит газета «Нарьяна нгэрм». Передачи на ненецком языке готовят Гостелерадиокомпании «Заполярье» и «Ямал».

Созданы Ассоциация ненецкого народа «Ясавэй» («Вперед идущий») и Ассоциация «Ямал — потомкам». В 1995 г. в г. Архангельске учреждено землячество Ненецкого округа.

Отлов оленя

НИВХИ

Численность – 4673 человека.

Язык – изолированный.

Расселение – Хабаровский край, Сахалинская область.

Самоназвание — *нивх* — «человек». В прошлом ульчи, негидальцы и некоторые другие называли их гиляками. Этот этноним был распространен русскими поселенцами на соседние нижеамурские народы — тех же негидальцев, ульчей и др. *Лампигу*, *лафинггу* — так сахалинские нивхи называют амурских. Ульчи называли амурских нивхов *орныр*, а сахалинских — *ороки* (*ульта*), вероятно, от тунгусского *орон* — «домашний олень». Этноним «нивхи» был официально утвержден в 1930-х гг.

Язык имеет амурский, северосахалинский и восточно-сахалинский диалекты. Письменность существует с 1932 г. на основе латинского, а с 1953 г. — русского алфавита.

Живут на Нижнем Амуре, а также на о-ве Сахалин. Контакты русских с нивхами начались в XVII в., когда здесь побывали казаки-землепроходцы. В 1849 — 1854 гг. на Нижнем Амуре работала экспедиция Г.И. Невельского, основавшего г. Николаевск. Год спустя здесь стали селиться русские крестьяне.

Рыболовством занимались круглый год. Добыча проходного лосося (горбуши — в июне, кеты — в июле и сентябре) была главным промыслом. В это время делали запасы вяленой рыбы — юколы, а сушеные рыбьи костяки заготавливали для ездовых собак. Ловили острогами (*чак*), крючками разных размеров и форм на поводках и палках (*кэлэ-китэ*, *чоспс*, *матл*, *чэвл* и др.), разнообразными удочками, сетями прямоугольными, мешкообразными, ставными (в том числе подледными) и плавными (*чаар ке*, *хурки ке*, *нокке*, *лырку ке*, *анз ке* и др.), неводами (*кыр ке*), сачками, летними и зимними заездками.

В хозяйственной деятельности нивхов Сахалина и Амурского лимана существенное место занимал морской зверобойный промысел, дававший местным жителям мясо и жир; шкуры нерп и тюленей использовались для изготовления одежды, обуви, подклейки лыж, выделки различных домашних предметов. Весной и летом нерп, лахтаков, сивучей добывали сетями, неводами, крючками, ловушками, гарпунами, острогой с плавающим древком и своеобразным рулем. Зимой с помощью собак отыскивали продушины во льду и ставили в них крючковые ловушки. Весной в низовьях Амура промышленно ловили нерп и дельфинов. Был развит и таежный охотничий промысел. На Амуре охотились вблизи дома, на Сахалине, напротив, промысловики уходили в тайгу на неделю. Мелких зверей добывали различными давящими ловушками,

петлями, самострелами, на медведей и лосей ходили с копьем, луком, а со второй половины XIX в. — с огнестрельным оружием. Пушнину обменивали на ткани, муку и др.

Женщины собирали и заготавливали съедобные и лекарственные растения, травы, ягоды, мужчины — строительные материалы. Различные корни, береста, прутья шли на изготовление домашней утвари, из крапивы делали волокно для плетения сетей и т.п.

Рыбачили и добывали морского зверя с дощатых плоскодонок (*му*) с острым носом и 2 — 4 парами весел. В середине XIX в. такие лодки из кедра нивхи Амурского лимана и Сахалина выменивали у нанайцев. На Сахалине пользовались также долблеными лодками из тополя со своеобразным козырьком на носу.

Зимой передвигались на нартах, запрягая в них до 10 — 12 собак попарно или «елочкой». Нарта (*му*) амурского типа — прямокопильная, высокая и узкая, с двусторонне загнутыми полозьями. Сидели на ней верхом, поставив ноги на лыжи. В конце XIX — начале XX в. стали применять широкие и низкие нарты восточносибирского типа, на них перевозили казенные грузы по подрядам. Позднее для этих целей стали обзаводиться лошадьми.

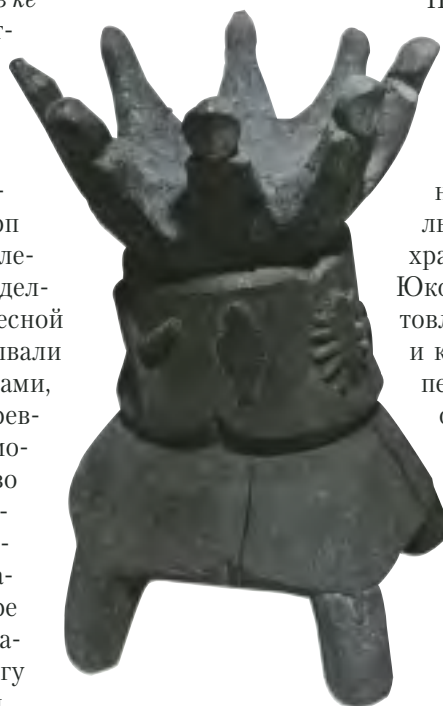
Лыжи, как и у других народов Амура, были двух типов: длинные голицы для весенней охоты и короткие подволоки, подклеенные мехом нерпы или камусами лосося, — для зимней.

В конце XIX — начале XX в. появились такие же, как у русских, конструкции крючков, неводов, капканов для пушного зверя, а русские крестьяне, в свою очередь, заимствовали у местных жителей распространенные здесь виды сетей, ловушек, лодок. С развитием рыбной промышленности добыча лосося приобрела товарный характер. Земледелие, которое в начале XX в. старалась внедрять русская администрация, успеха не имело.

Предпочитали свежую рыбу, которую ели сырой или варили и жарили.

Юколу при изобильном улове делали из любого сырья. Головы и кишки по несколько часов томили без воды на огне до получения жирной массы (типа негидальской септулы), из которой далее вываривали жир, хранившийся неограниченно долго. Юкола, свежая рыба и мясо шли на приготовление супов с добавлением в них трав и корней. Из покупных муки и крупы пекли лепешки, варили каши. Всю пищу обязательно заправляли рыбьим или нерпичьим жиром. В конце XIX в. у русских начали выменивать картофель.

Нивхи исконно вели оседлый образ жизни, многим их селениям на материке (Коль, Тахта и др.) сотни лет. Зимнее жилище (*тыф*) — большой бревенчатый дом с двускатной крышей, покрытой травой, имевший столбовой каркас и стены из гори-

Атрибут шаманского ритуала

Летнее свайное срубно-дощатое жилище ке-рыв. Жилая часть — сруб, в передней, дощатой — хранили имущество

зонтальных бревен, вставленных заостренными концами в пазы вертикальных столбов. Дома были однокамерными, без потолков, с земляным полом. Дымоходы от двух очагов обогревали широкие нары вдоль стен. В центре дома возводили высокий настил на столбах, на котором в сильные морозы держали и кормили ездовых собак. В доме обычно жили 2 — 3 семьи,

каждая на своем участке нар. С наступлением тепла семьи переселялись в индивидуальные жилища, которые строили из коры вблизи зимнего дома или в отдельном летнем селении у озера, протоки, вблизи промысла. Чаще всего их ставили на сваях. Они могли быть двускатными, коническими, четырехугольными с двускатной крышей, срубными или каркасными. Как и у ульчей, летники нивхов имели два помещения: переднее, из досок, служило амбаром, а заднее, бревенчатое, — жилищем с открытым очагом.

Для хозяйственных нужд делали срубные амбары на высоких столбах, разнообразные вешала для сушки сетей, неводов и юколы. На Сахалине до начала XX в. сохранялись старинные землянки с открытым очагом и дымовым отверстием, а в XX в. распространились срубные дома типа русской избы.

Одежду и обувь шили из рыбьей кожи, меха собак, кожи

и меха таежных и морских животных. Издавна пользовались также покупными тканями, которые получали за пушнину у маньчжурских, а потом и русских торговцев. Мужские и женские халаты (*ларик*) имели покрой кимоно и были левополыми (левая пола вдвое шире правой и закрывает ее). Более длинные женские халаты украшали аппликацией или вышивкой, по подолу — металлическими бляшками, расположенными в один ряд. К холодам тканевые халаты утепляли ватой. Праздничную одежду из рыбьей кожи расписывали замысловатым орнаментом.

Зимой ходили в шубах (*ок*) из собачьих шкур и мужских куртках (*пилах*) из нерпы. В зажиточных семьях шили женские шубы из меха лисиц, реже — рыси. Для езды на нартах, а иногда и во время подледного лова поверх шуб мужчины надевали юбки (*хоск*) из нерпичьих шкур.

Нижней одеждой были штаны из рыбьей кожи или ткани, ноговицы (женские — из ткани на вате, мужские — из собачьего или нерпичьего меха) и нагрудники (короткие мужские на меху; длинные женские из ткани, украшенные бисером и металлическими бляшками). Летом носили берестяные шапки конической формы, зимой — тканевые на меху с украшениями (женские) и из собачьего меха (мужские).

Поршневидную обувь шили из сивучьих или нерпичьих шкур и рыбьей кожи. Она имела не менее десяти различных вариантов и отличалась от обуви других народов Сибири высокой «головкой»-поршнем, причем голенища кроили отдельно. Внутрь вкладывали согревающую стельку из травы. Другим типом обуви были сапожки, похожие на эвенкийские, из оленьих и лосиных камусов и нерпичьих шкур.

Мужской пояс

Рыболовный крюк

Колотушка для рыбы

Корытце с веслом — жертвоприношение духу моря

Просушка нерпичьих шкур на рамах

Прополаскивание нерпичьей шкуры в воде

Обработка нерпичьих шкур

Женские халаты украшали аппликацией или вышивкой, по подолу – металлическими бляшками, расположенными в один ряд

Одежду, обувь, предметы утвари украшали тончайшим криволинейным орнаментом характерного амурского стиля, известного еще по археологическим находкам.

По данным 1897 г., средняя семья состояла из шести человек, однако встречались и по 15 — 16 человек. В целом же преобладали малые семьи из родителей с детьми, а также нередко младших братьев и сестер главы семьи, его старших родственников. Иногда женатые сыновья жили совместно с родителями.

Невесту предпочитали выбирать из рода матери. Существовал обычай кросс-кузенного брака: мать стремилась женить сына на дочери своего брата. Родители договаривались о браке, когда их детям было по 3 — 4 года, затем дети воспитывались вместе в доме будущего мужа. По достижении ими 15 — 17 лет брачная жизнь начиналась без каких-либо специальных обрядов. В тех случаях, когда жених и невеста не были родственниками, нивхи соблюдали тщательно разработанный обряд (сватовство, договор о калыме, вручение калыма, переезд невесты и т.п.). При переезде невесты исполнялся ритуал «топтанья котлов»: родители жениха и невесты обменивались огромными котлами для варки корма собакам, и молодые должны были поочередно ступать в них у дверей домов невесты и жениха. Со второй половины XIX в. зажиточные семьи стали устраивать многолюдные и многодневные свадебные пиры, подобные русским.

У нивхов насчитывалось свыше 60 патрилинейных родов (*кхал*). Они отличались по численности (состояли из 1 — 3 семей) и селились разрозненно. Со временем многие из них уменьшались и объединялись либо присоединялись к

более многочисленным, образуя роды с ветвями различного происхождения. Представители соседних народов — негидальцы, ульчи, нанайцы, айны, эвенки, вступая в браки с нивхскими женщинами, образовывали новые роды. Все роды конца XIX в. насчитывали не более 8 — 10 поколений.

Члены рода съезжались на медвежьи праздники, похороны, иногда на свадьбу. Они происходили от общего предка, помогали друг другу, имели «общий огонь» (огонь в домах зажигали от кремня, который хранился у старшего мужчины рода), общий амбар для ритуальных принадлежностей.

Существовали также союзы родов, объединявшие малочисленные роды для обеспечения обычая левирата: если вдова не могла найти нового мужа в пределах его рода, то община подбирала ей мужа из чужого рода. Оба брачующихся рода составляли экзогамный союз. Иногда к союзу примыкал и третий род, часто — иной по происхождению (ульчский, нанайский и др.).

В конце XIX — начале XX в. селение составляло территориально-соседскую общину, в которой семьи (особенно на Амуре) относились, как правило, к разным родам. При этом браки, заключавшиеся в пределах селения между семьями, относящимися к разным родам, укрепляли общину. Конфликты в общине разбирало собрание старейших членов, решение которых было обязательным для нарушителей порядка. Серьезные дела, касавшиеся убийств и имущественных споров, разбирал межродовой суд, возглавляемый признанным знатоком обычаев, лично не заинтересованным в споре. Он вы-

Для хозяйственных нужд делали срубные амбары на высоких столбах, разнообразные вешала для сушки сетей, неводов и вяления ююлы

слушивал всех желающих высказаться по делу и затем выносил решение. Слушание могло продолжаться несколько дней. Сохранялась традиция выплаты за убийство человека; причем плату вносил весь род. Известны и случаи кровной мести (обычай мщения за убийство сородича).

С 1850-х гг. началось имущественное расслоение нивхов. Появились торговцы, посредники в торговле с русскими промышленниками. С конца XIX в. русская администрация назначала старост из местных жителей, которые регулярно созывали собрания, охраняли от приезжих коммерсантов традиционные места добычи лосося.

Религиозные верования основывались на анимизме и промысловом культе, вере в обитающих повсюду духов — на небе («небесные люди»), на земле, в воде, тайге, каждом дереве. Духам-хозяевам молились, испрашивая успешную охоту, им приносили бескровные жертвы. Члены рода, жившие в одном селении, зимой со становлением льда устраивали моления духам воды, бросая в прорубь жертвоприношение — еду в ритуальной посуде. Весной, когда реки вскрывались, еду с украшенных лодок опускали в воду в деревянных корытцах, изображавших рыб, уток и т.п. Один-два раза в год в домах молились духу — хозяину неба. В тайге у священного дерева обращались к духу — хозяину земли: у него просили здоровья, удачи на промысле и в предстоящих делах. Духов — хранителей дома в виде деревянных идолов помещали на особых нарах. Им также приносили жертвы.

Главные хозяева — «горный человек», хозяин тайги *Палыз* в виде огромного медведя, и хозяин моря *Тол ыз*, или *Тайраадз*, — морская касатка. Каждый медведь считался сыном хозяина тайги, поэтому охота на него сопровождалась обрядами промыслового культа. Существовали ритуалы, характерные для медвежьего праздника: пойманного в тайге или купленного у нанайцев, негидальцев медвежонка растили 3 — 4 года в специальном срубе, после чего устраивали праздник в честь умерших родственников. Выкормить зверя и устроить праздник было почетным делом для человека, в этом ему помогали соседи и сородичи. В течение всего времени содержания животного соблюдалось множество правил и запретов. Например, к нему было запрещено подходить женщинам.

Медвежий праздник, на который собиралась вся родня, проводили зимой. Он продолжался до двух недель, мифы и предания звучали в исполнении сказителей, непременно

но устраивали собачьи гонки. Нарядные женщины на улице играли на «музыкальном бревне», танцевали. Медведя водили по домам, угощали из специальной резной деревянной посуды, хранившейся в родовом ритуальном амбаре, смельчаки играли с ним. Затем зверя убивали из лука на специальной площадке. Стрелка, как правило, назначал хозяин медведя из числа своих родственников. У головы убитого медведя ставили кушанье, «угощая» его. Затем его свеживали, соблюдая множество правил, череп покрывали копотью над костром и хранили в родовом амбаре.

В отличие от других народов Амура нивхи кремировали умерших, лишь некоторые группы переняли у соседей захоронение в земле. Обряд сожжения имел различия, но общее в его содержании преобладало. Труп и инвентарь покойного сжигали на огромном костре в тайге под ритуальные плачи. Пепел сгребали к центру кострища и огораживали срубом. К деревянной кукле прикрепляли косточку от черепа покойного, одевали и обували ее и помещали в маленький, около метра высотой, домик (*раф*), украшенный резными орнаментами. В дальнейшем на этом месте совершали поминальные обряды, бросая в костер пищу, предназначенную для умершего, особенно часто в первый месяц после похорон, затем в течение года — примерно раз в месяц, позднее — каждый год. Для человека, тело которого не нашли (утонул, пропал на охоте и т.п.), у нивхов существовал специальный обряд. Вместо тела хоронили большую, в размер человека, куклу из ветвей и травы. Ее одевали в одежду умершего и закапывали или сжигали, соблюдая все положенные обряды.

Фольклор нивхов включает тотемические мифологические рассказы, произведения реалистического содержания (о правилах поведения в быту и на промысле, о воспитании качеств, необходимых человеку родового общества, о наказании людей, нарушивших табу), сказки, героические поэмы, загадки.

Народная музыка — в русле музыкальных традиций соседних тунгусо-маньчжурских народов (орочей, ульчей, ороков и др.). На Сахалине известны песни-четверостишия, исполнявшиеся на медвежьем празднике, песни-плачи (*чыриуд*) у погребальных костров, необрядовые песни — лирические, колыбельные, которые сочиняла каждая мать.

Шаманское песнопение исполнялось во время обряда врачевания, на шаманских сеансах и при посещении домов с выражением благопожеланий всем жителям селения. Врачуя, шаман вызывал духов-помощников, которые отбирали украденную злыми духами душу больного и спасали его от смерти. Пение обязательно сочетали с игрой на бубне и металлических погремушках.

В инструментальной музыке центральное место занимают наигрыши на «музыкальном бревне», которые сопровождают медвежий праздник, бега и жертвоприношение собак, женские ритуальные танцы и мифологизированные речитативы. Своеобразно музицирование на однострунной смычковой трубчатой лютне.

Продолжается процесс вытеснения нивхов из мест традиционного проживания.

Дневная колыбель выдолблена из ствола дерева. Ножки ребенка остаются снаружи

В технологическом лицее г. Поронайска и других городах Хабаровского края детям аборигенов преподают родной язык, их обучают традиционным ремеслам. Для школьников выпущен учебник нивхского языка, разрабатываются новый нивхско-русский словарь и букварь.

В Сахалинской области созданы национальные ансамбли «Мэнгумэ-Илга» («Серебряные узоры»), «Пелакен» («Большое солнце»), «Арила миф» («Свежий ветер») и

др. В г. Поронайске — центр традиционных культур и Национальный музей.

С 1996 г. выходит газета «Нивх диф». Из национальных деятелей культуры известны писатели В. Санги, Г. Отаина, художник Ф. Мыгун и др.

Созданы Ассоциация коренных малочисленных народов Сахалина и общественное движение «Союз нивхов Сахалина».

Женские халаты имели покрой кимоно, левая пола вдвое шире правой и закрывает ее

ОРОКИ (УЛЬТА)

Численность — 350 — 360 человек.

Язык — тунгусо-маньчжурская группа алтайской семьи языков.

Расселение — Сахалинская область.

Ульта — народ на Сахалине. Самоназвание — *ультя, ульча, ольча* (возможно, от *ула* — олень). Айны, их южные соседи, называют их *ороко, орокхо*, нивхи — *оронгта, орнышку*. Этноним ороки, как и орочи, орочны — от *оро* (олень) — указывал на главное занятие этих народов. В настоящее время ороки зовут себя *ультя*.

С середины XIX в., а возможно и ранее, в языке существовал южный говор, отличный от северного. Создается письменность на основе кириллицы. В 1989 г. орокский язык считали родным лишь 44,7%.

К середине XIX в. сформировались две территориальные группы. Северная заселяла срединную часть Северного Сахалина, южная — включала 12 селений ороков, проживающих вместе с айнами в южной части острова от залива Терпения до залива Анива.

В формировании культур южной и северной групп многое зависело от контактов с другими аборигенными народами — нивхами, айнами, амурскими народами. Начиная с середины XIX в. для добычи уникального местного соболя на Сахалин ежегодно приезжали жители Нижнего Амура, поддерживавшие с ороками давние связи. Некоторые амурские охотники женились на орокских женщинах и оставались на Сахалине. В тот же период северная группа переселилась на Амур, в район расселения ульчей.

Хозяйство носило комплексный характер. Северные занимались оленеводством, охотой, рыболовством, морским зверобойным промыслом. Оленеводство имело в основном транспортное направление, оленей доили. Каждая семья держала 20 — 30 голов выючных, верховых или запрягаемых в нарты оленей, на которых зимой отправлялись на промысел в тайгу. Охотились с луками, копьями, позже — с огнестрельным оружием —

на медведя, северного оленя, с петлями — на соболя, с давящими ловушками (*капира, нангу*) — на других мелких зверей, с самострелом (*дэнггурэ*) — на лисиц. С наступлением весны перебирались на восточное побережье Сахалина и жили здесь до осени. Промышляли нерпу, сивуча, ларгу, а также рыбу, прежде всего лососевых. Морского зверя добывали гарпунами (*пара*) с костяной головкой и железным вкладышем, острогами (*дарги*) с очень длинным — до 15 м — древком и «рулем» — насадкой (*лаху*) на ее переднем конце. С

конца XIX в. в морском промысле стали широко применять огнестрельное оружие. Для ловли рыбы пользовались разнообразными сетями (*адули*), неводами (*кэрэку*), удочками (*лочо, умбу*) и острогами (*надари, дэзбо*), строили заборы-заездки (*пинди*).

На зиму запасали вяленую рыбу (юколу), рыбий жир, мясо лесных и морских зверей. Жир последних употребляли зимой для освещения, а шкуры — для пошива одежды и обуви. Занимались собирательством.

Поначалу южные ороки имели небольшое количество оленей, но со временем они их лишились и стали безоленными. Основными их занятиями были рыболовство, морской зверобойный промысел и охота в тайге с ручной нартой и одной-двумя собаками. В обмен на пушнину они получали муку, крупы, ткани, металлические инструменты (ножи, пилы, копы), огнестрельное оружие и боеприпасы.

Средством передвижения служили нарты. Оленья нарта северных ороков с широкими полозьями трехгранного сечения, с косыми копыльями. Садилась на нее верхом, поставив ноги на полозья. Нарты были грузовые (*дан оксо*) и ездовые (*нутти оксо*) для одного-двух оленей. В каждом хозяйстве имелся необходимый набор выючных и верховых седел, переметных сум. Южные ороки использовали ручную нарту амурского типа (*оксо*), узкую, с двусторонне загнутыми полозьями и прямыми копыльями, либо сохранившуюся старую оленью нарту, в которую припрягали одну-двух собак. Лыжи аналогичны амурским голицам (*кайма*), подволоки подклеивали снизу камусом или нерпичьей шкурой (*кумультэ, сунгилта*). По воде передвигались на лодках-долбленках, купленных у нивхов, или плоскодонках, приобретенных у айнов.

В течение многих лет жили в небольших летних и зимних поселениях. Когда-то зимой ороки обитали в землянках, при передвижениях возводя временные конические жилища из жердей и коры (*аундау*). Летние жилища (*каура*) двускатной формы сооружали из крупных хвойных деревьев. На расстоянии в несколько метров друг от друга ставили две бревенчатые треноги, а сверху укладывали го-

ризонтальную перекладину, конек. Наклонные жерди от конька до земли составляли каркас стен, который покрывали корой хвойных деревьев. Вокруг сооружали хозяйственные постройки — амбары на сваях (*далу*), лабазы — помосты на сваях, вешала. Зимними жилищами служили конические чумы (*каундау*), основной конструкции которых была тренога из массивных бревен со связанными верхушками. По кругу, диаметром до шести метров, к этой треноге крепили тонкие жерди. Сверху чум устилали покрывками (*гуйдэ*) из нерпичьих или

Девочка — ульта (южные ороки), с. Речное

оленьих шкур, рыбьих кож, бересты. В центре ставили очаг. В самые суровые зимние месяцы северные ороки перебирались с оленями в верховья горных незамерзающих рек, перевозили туда и свои чумы. В конце зимнего сезона их разбирали, жерди складировали в лесу, а покрывки сворачивали и увозили с собой. В отличие от северных южные ороки иногда оставляли свои зимники на местах. Зимой жили в четырехугольных каркасных домиках с двускатной крышей, покрытой берестой.

Комплект одежды ороков состоял из летнего тканевого халата (*покто*), коротких штанов (*нэру*) из ткани, рыбьей кожи или шкуры и ноговиц (*гару*) на пояске (*тэлэги*). Женские халаты из рыбьей кожи (*вэлтэли*, *уттэури*) сохранились лишь в памяти стариков, поскольку одежду стали приобретать на ярмарках. В начале XX в. начали носить мужские рубахи русского покроя из ткани, якутские суконные халаты на подкладке (*ульбаху*). Промысловая одежда — куртки (*нэтэгэ*), юбки до колен (*хоссэ*) из нерпичьих шкур, нагрудники (*ауту*, *даллу*) из оленьей шкуры. Зимняя верхняя одежда — мужские шубы (*сун*) из осенних шкур диких оленей, а женские — из лапок соболя, лисицы и оленьего меха. Мужские и женские головные уборы имели форму капора, по-разному скроенного. Непременной частью свадебной и праздничной женской одежды были нагрудники из сукна (*нэллу*) эвенкийского типа, украшенные бисером и вышивкой (иногда их использовали также как элемент погребального комплекта). В начале XX в. у северных ороков появились фартуки, украшенные пуговицами, бисером, подпоясанные поясом. Женщины носили серебряные украшения: нагрудные (*сэлтэ*), накосяники (*узи*), ушные и носовые серьги, ручные и ножные браслеты.

Обувь поршневидная (амурская) и башмаковидная (тунгусская). Для обозначения видов обуви существовало много терминов (*эмтирэ*, *монд*, *доки*, *муру*, *хосома утта*).

Традиционная пища — сырая, вяленая (юкола), мороженная, вареная, копченая и соленая рыба; мясо сухопутных и морских животных; ягоды, орехи, съедобные растения, морская капуста и др. Ритуальным блюдом считалось мясо собаки, которое отваривали и ели перед уходом на промысел.

Брюшко и наиболее жирные куски рыбы ели, обжарив на углях и обмакивая их в рыбий или нерпичий жир. Из юколы варили суп, заправляя крапивой, стеблями кувшинок, морской капустой и сдабривая рыбьим жиром. Из мяса нерпы, оленя, диких животных и раковин готовили бульон, добавляя в него листья молодой полыни, крапивы, борщевика. Морскую капусту разваривали до получения студенистой массы и ели с вареной рыбой. Делали рыбный или мясной шашлык, рыбный паштет, который ели с ягодами, черемшой, диким чесноком. Варили кишки кеты и толстые кишки оленей (*мину*,) наполненные кровью. Во время медвежьего праздника кроме отварного медвежьего мяса готовили из кожи горбуши и кеты студень (*мось*), а также варили супы, жидкие и густые каши, растительные блюда (отварные папоротник, борщевик, полынь, стебли и корни кувшинок, корни лопуха, черемшу, дикий чеснок и лук), ели также морошку, голубику, чернику, шикшу, бруснику, шиповник, кедровые и стланиковые орехи. В большом количестве употребляли рыбий и нерпичий жир, медвежье сало и масло, сбитое из молока оленей. Из ягод черемухи пекли лепешки.

У ороков насчитывалось 13 родов, восемь «парных» — «больших» (*дан*) и пять «маленьких» (*нутти*), например

Женщина в летнем левополом халате из японской ткани. Южный Сахалин

дан Баяуса — нути Баяуса. Некоторые из них находились в родстве с амурскими ульчами, удэгейцами.

Стараниями православной миссии в конце XIX в. ороки были обращены в христианство. Они посещали церкви, крестили детей, имели иконы, но сохраняли при этом прежние анимистические представления, промысловый культ: почитали духов-покровителей, духов-хозяев зверей, рек, тайги, сопков, обращались к ним с просьбами о благе, здоровье, об успешной охоте. Существовал культ морских животных. Согласно обряду черепа добытых животных бросали в море, как бы возвращая их главному хозяину — духу Тэуму. Ему же приносили жертвы весной и осенью, опуская в воду пищу из особой ритуальной посуды. Перед началом охоты на пушного зверя приносили в жертву собаку, мясо которой съедали, а кости помещали в сруб около места, где собирались охотиться. Широко известен у ороков культ медведя. Добытому в тайге зверю устраивали торжественную встречу в поселке: перед мордой уложенной на земле туши расставляли угощения. Пойманного в лесу медвежонка растили в срубе до двух лет, затем устраивали медвежий праздник.

В шаманстве ороков есть множество элементов, широко известных у нанайцев и ульчей, от последних во множестве заимствованы детали костюма и аксессуары шамана.

После русско-японской войны 1904 — 1905 гг. южная часть Сахалина почти на полвека отошла к Японии, поэтому южные ороки подверглись сильной японизации.

Из жанров фольклора можно выделить космогонические сюжеты о происхождении Вселенной, Земли, людей; тотемические — о происхождении орокских родов от животных (медведя, нерпы и пр.), а также героический эпос

(*нинма(н)*) о богатыре с оленьим копытом, о небесных женщинах-богатырках. Имеются бытовые, волшебные, детские сказки (*нинма(н)*) о животных (хитрой лисе-обманнице, жадной, злой вороне, о красных волках); сказки с заимствованным сюжетом (*сахури*); устные рассказы (*турпин*); предания, мифологические рассказы (*тэлуну*) — легенды о межродовой борьбе, переселении, родовой мести, сильных людях и выдающихся личностях рода, о тотемных животных; календарные, лирические, свадебные, колыбельные, ритуальные песни (*яя(н)*, *хэхэ-хэ-хеккэ*); частушки (*яята*); пословицы, поговорки, шутки, дразнилки, приметы, загадки (*гайаво*), запреты (*эннэври-эннэури*, *пану(н)*).

Главный персонаж космогонического сюжета — герой Хадау. Он творит Землю, спасает жизнь на Земле, создает культурные ценности и шаманские ритуалы.

В разнообразной по жанру музыке центральное место занимают песенные импровизации (*хээгэ*).

Общий термин для обозначения музыкальных инструментов — *тэккэрэ*. Известны *койо* — свисток из тальника (либо из кости), *пуна* — пищалка-манок из бересты, *буриккэ* — охотничий лук, *хули* — тетива, а также два типа варгана: *кунга* — деревянный пластинчатый и *мухан'е* — металлический дуговой. Шаманский бубен (*дали*) относится к амурскому типу. В число погремушек шамана входил и бронзовый зеркальный диск (*толи*), согласно преданию, отражающий стрелы злых духов.

Сейчас традиционная культура ороков находится на грани исчезновения. Живут они в основном в с. Вал и пос. Ноглики, южная группа — в г. Поронайске и на о-ве Южный. Готовится к изданию букварь орокского языка.

Верхом на олене (северные ороки)

РЫБОЛОВСТВО

Рыболовство занимает важное место в традиционном хозяйстве большинства народов Севера. Специализированной отраслью оно стало еще в неолите (в пятом — третьем тысячелетии до н.э.). В бассейнах Амура и Оби, Камчатско-Охотском регионе и на о-ве Сахалин рыболовство в значительной степени определяло материальную культуру коренных жителей. Рыба была основной пищей и кормом для упряжных собак, из рыбьей кожи шили одежду и обувь. Народы, занимавшиеся рыболовством, вели оседлый или полuosедлый образ жизни, совершая переселения на места летнего промысла. Рыбу, добываемую во время сезонного лова (особенно проходную), заготавливали на зиму в виде юколы, отходы шли на корм собакам.

Рыболовные орудия — костяные крючки, наконечники гарпунов — известны на Севере с палеолита (20 — 25 тыс. лет назад). Они подразделяются на простейшие (остроги, сачки, силки и т.п.), крючковые, сетные и запорные.

Острога — ударное или метательное орудие с втульчатым наконечником, имеющим от одного до шести концов с зазубринами. Преобладали остроги с тремя концами. Они были двух типов: метательные — с соскакивающим наконечником и ударные — с наконечником, наглухо прикрепленным к древку. Острогу с соскакивающим наконечником насаживали втулкой на древко. Ремень (или бечеву) от наконечника прикрепляли к колечку на противоположной части древка. Острогу бросали на 5 — 8 м. Попадая в рыбу, наконечник соскакивал с древка, которое становилось поплавком. Рыбак подтягивал рыбу и добывал ее специальной колотушкой. Острогой с глухим креплением наконечника били мелкую частиковую рыбу. Однозубая острога имела зазубрины, удерживающие добычу. Ею пользовались и тогда, когда надо было добить крупную рыбу, попавшую в сети. Двухзубой острогой орочи кололи кету, тайменя.

Было распространено лучение — ночной лов рыбы с помощью факела и остроги. На нос лодки, плывущей в темноте вниз по течению реки, прикрепляли горящий пучок бересты или лучин. Свет привлекал рыбу, и ее били острогой. Таким же образом добывали рыбу и зимой в проруби, куда она подходила подышать.

Около заездка рыбу доставали баграми — длинными шестами с несколькими крючками.

Эвенки, нанайцы, ульчи, нивхи и др. с лодки или берега ловили *мари́ком* — крюком, привязанным или вложенным в специальный желобок на длинном (до 6 м) шесте. От пяты крюка шел ремень, также привязанный к древку. Попад в рыбу, крюк выскакивал из древка и повисал вместе с добычей на ремне. У эвенков известен марик с неподвижным крюком.

Самостоятельную роль играли и сачки: чукчи с их помощью с байдар добывали навагу, нивхи, негидальцы и ульчи — корюшку.

Чукчи, шорцы пользовались силками. Лесные ненцы, ханты, манси, селькупы, эвенки били рыбу из лука. Ханты имели специальные стрелы для щук с вильчатыми костяными, а позже — железными наконечниками.

Крючковая снасть — удочка — состоит из одного или нескольких крючков, привязанных к леске, присоединенной к длинному шесту-удилищу. Нганасаны, долганы для

крупной рыбы в качестве крючка использовали заостренную с концов костяную спицу с отверстием посередине. Ниже крючка к леске привязывали грузило, выше — поплавок. Его можно было перемещать по леске и таким образом регулировать глубину лова. На Амуре были распространены примитивные удочки-махалки с крючком, насаженным на грузило, и коротким удищем. При ловле удище подергивали вверх-вниз. Коряки пользовались удочкой без поплавка. На одном конце удища находился костяной наконечник, на другом — изогнутая деревянная или костяная рукоять. Леску с крючком и грузилом продевали через отверстие в наконечнике, свободный ее конец наматывали на рукоять. Иногда удище заменяла дощечка с выемками на концах. Сходное строение имела крючковая снасть кетов, леску которой наматывали на подобную дощечку. Рыбу ловили с лодки. При движении забрасывали леску с кормы и при необходимости разматывали ее. Крючок имел два или три зуба. К нему привязывали приманку — клочок светлой оленьей шерсти или красный лоскуток.

Распространен был зимний подледный лов с удочкой. Часто над прорубью рыбак устанавливал укрытие.

К крючковым снастям относятся самоловные орудия — переметы и самоловы, заимствованные у русских: несколько десятков крючков привязывали на «поводках» к длинной веревке-«хребтине», протянутой по воде или под водой. Иногда «хребтина» удерживалась грузилами на дне, а крючки висели в воде благодаря поплавкам. Саамы укрепляли леску с крючком к шесту, вбитому в дно реки или озера (*алуви*). Обычно рядом ставили несколько таких шестов. Ими пользовались и при подледном лове. Народы Амура крупную рыбу добывали крючковыми ловушками: большой крючок вбивали основанием в брусok длиной до 0,5 м; иногда с магической целью бруску придавали форму рыбы. Основание крючка могло иметь на конце петлю, в которую вставляли поплавок. Крюк с поплавком привязывали к якорю из жердей с камнем-грузилом.

По принципу действия сетные орудия делятся на объячеивающие (сети) и отцеживающие (невода). В качестве приманки насаживали целую рыбу — кету или горбушу.

Объячеивающие сети опутывали рыбу. Их плели из очень тонких нитей — волокон крапивы и конопли, сухожилий оленя, у якутов, нганасан, долган, колымских эвенов — из конского волоса с помощью деревянной или костяной иглы. Требуемую величину ячеи отмеряли пальцами или меркой — четырехугольной дощечкой. Размер ячеи (от 1 — 1,5 до 30 см) зависел от размера рыбы, для которой предназначалась сеть. У нанайцев и ульчей сеть для ловли крупной рыбы с ячеями до 50 см достигала 50 м; поплавками ей служили бревна длиной 1,5 м.

По способу лова сети делятся на ставные и плавные, по форме — на четырехугольные и мешкообразные. На верх четырехугольной сети плотно насаживали веревку-подбор с поплавками, на низ — с грузилами. Мешкообразные сети (*мережи*) могли быть посажены на обручи.

Ставные сети использовали в открытой воде и подо льдом — с помощью длинного шеста. Амурские народы для подледного лова применяли мешкообразную сеть (*анга*), которую устанавливали специальным орудием в виде длинно-

го крюка. От сети отходил контрольный шнур к гибкому пруту, воткнутому в снег, по колебанию которого рыбак узнавал о пойманной рыбе и выбирал ее из сети. Разновидность сети анга — *хэру*, длиной около 6 м, нанайцы и ульчи применяли для ловли касаток.

Плавные сети сплавляли разными способами: один рыбак в лодке, два рыбака в двух лодках («поездами») или один плывет в лодке, а другой идет с сетью по берегу. У нанайцев один конец сети держал рыбак, а к противоположному концу привязывали поплавок, обычно берестяную коробку, в которую наливали воду: чем больше в ней воды, тем медленнее сплавляется по реке сеть.

Мешкообразная сеть коряков (*койнынген*), или черепашка, имела рукоятку, прикрепленную к ее устью. Стоя по колено в воде, рыбак держал сеть за рукоятку и, пуская по течению, вычерпывал рыбу. Мешкообразные сети более сложной конструкции образовывали особый класс сетных рыболовных ловушек (*калдан*, *сырп*, *важан* — у хантов). Отцеживающие сетные орудия или невода были заимствованы у русских. У них же покупали неводное полотно, или *дель*, из толстых нитей. Размер ячеей около 1 — 1,5 см. Невод состоял из центрального, большого мешка (*мотни*), сшитого из мелкой дели, и крыльев из дели с несколько более крупными ячейками. К верхнему краю невода пришивали поплавки, к нижнему — грузила. Обычно одно крыло — «речное» — рыбаки держали в лодке, другое — «береговое» — на берегу. Рыбаки постепенно сходились, загоня в мотню попавшую в невод рыбу.

Ханты, манси, лесные ненцы, селькупы, все народы Дальнего Востока широко применяли заездок, или запор, — сооружение в виде изгороди или плетня из тальника с «воротами», в которые ставили плетеные ловушки (морды, верши, гимги) или мешкообразные сети. Запоры устанавливали на небольших реках (их русла перегораживали целиком), а также на озерах, в заливах. На широких реках перегораживали часть русла. Заездки имели Г-образную форму. Для Амура характерны были зимние заездки на небольших протоках, их мешкообразные сети проверяли раз в несколько дней. У края зимнего заездка нередко рыбачили с удочками-махалками.

ОРОЧИ

Численность – свыше 700 человек.

Язык – тунгусо-маньчжурская группа алтайской семьи языков.

Расселение – Хабаровский край, Сахалинская область.

По рекам Татарского пролива, преимущественно в низовьях Тумнина с притоками, по р.Хунгари, притоку Амура, по Амуру и у оз. Кизи живут орочи. В языке выделяют тумнинский, хадинский, хунгарийский диалекты. Письменности язык не имеет.

В вопросе о самоназвании определенности нет. Ульчи и нанайцы издавна, а с XIX в. и русские именовали коренное население Амура орочами. Этот этноним в 1930-е гг. был внесен в паспорта. Позднее было выявлено бытовавшее у них самоназвание *нани* – «здешние жители», но этот этноним, по их же утверждению, «принесли» соплеменники, длительное время жившие среди амурских аборигенов.

Формирование орочей происходило на склонах Сихотэ-Алиня, на территории от залива Де-Кастри до р. Ботии, и участвовали в нем представители разных племен. В результате сложилось пять территориально-этнических групп: амурская, хунгарийская, тумнинская, приморская (хадинская) и коппинская.

Основными занятиями были охота и рыболовство, в меньшей степени – морской зверобойный промысел. В названиях месяцев отражены периодически повторяющиеся природные явления и промысловые занятия: *гуси биани* – «месяц прилета орла», *туя* – «месяц ворона», *зонка* – «месяц, когда течет с крыши», *илакта биани* – «месяц цветов», *нада биани* – «жаркий месяц» (7-й), *омо хукканку уни* – «первый месяц охоты с петлями», *амукин хукканкини* – «последний период охоты с петлями», *мийэ* – «месяц плеча», *ичэ* – «новый месяц» – январь.

Сезон пушной охоты продолжался с октября до марта. На промысел уходили артелями, но охотились индивидуально. Семьи оставались в зимних селениях. На месте промысла жили в

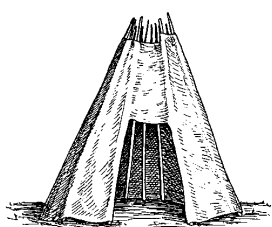
общем жилище, но каждый охотник имел свой амбар, в котором хранил снаряжение и продовольствие. Охотничье оружие состояло из лука (*бэн*), копья (*гида*), охотничьего ножа (*кучэн*) и самострела. Для охоты на водоплавающую и боровую дичь и белку применяли стрелы с различными наконечниками – костяными четырехгранными, ромбовидными, железными листовидными (*дюи матада*). Самострелы (*дэнгу*) использовали на соболя и лисицу, выдру (*усули*), медведя (*сэмми*). На пушного зверя ставили различного рода ловушки давящего типа (*хипитаока*, *дои*, *ланги*), черканы (*капаалана*), защемляющие – на лис (*касока*), на переправах через ручей – петли (*хукка*).

На лося, кабаргу, изюбря, косулю, кабана, оленя, а также на медведя охотились круглый год. Осенью лося и изюбря приманивали манком – берестяной трубкой (*ынггутанки*, *холбоока*), кабаргу – берестяным свистком (*пипу*, *пича*). Зимой и весной крупных копытных преследовали на лыжах.

Рыболовством занимались круглый год. Добывали частиковых, карповых, осетровых рыб, летом и осенью – проходных лососей. Пользовались острогами – двузубыми (*дюнгни*, *сээнгку*), трехзубыми (*мэньмэ*, *акигда*) и шестизубыми (*сичинки*), крючковыми снастями, удочками и приманками (*бэмэукэ*). Применяли сети из крапивных нитей – подледные мешкообразные (*анга*), плавные и ставные (*чидя*, *давамагда*). Лосося ловили и ловушками (*уки*), и неводами, заимствованными у русских. В море промыслили нерп и сивучей. Нерпу били четырехзубым гарпуном (*дэббо*). В заливе Де-Кастри охотились с берега или лодок при помощи гарпуна с многометровым составным или коротким древком. Известны были искусственные лежбища из плавающих бревен с крючьями, на которые напарывались животные. Охота с огнестрельным оружием прочно вошла в практику в конце XIX в. Из ремесел известны обработка дерева, бересты, шкур, выделывание ниток из крапивы, кузнечество. Ороческие кузнецы (*таучимди*) с помощью простейших инструментов и приспособлений – наковальни (*дэрэсу*), молота (*сазди ха-*

Распашной халат из шелка и сатина покроя кимоно с правой полкой, надставленной из другой ткани, украшенной орнаментом и медными бляшками

Каркас чума из жердей покрывали корой, брезентом, рыбьей кожей

луа), кузнечных мехов (кузэ) — из старых металлических предметов выковывали железные наконечники стрел и гарпунов, ножи, а из золота и серебра — украшения.

Средствами пешего передвижения зимой служили лыжи двух типов — широкие подволоки, подклеенные камусами (*суикта*), и голицы (*кингилэ*). Ездили на собаках, запряженных

«елочкой» в прямокопыльную нарту с передней, а иногда и задней горизонтальными дугами. С начала XX в. вошли в употребление восточно-сибирская нарта и попарная упряжка. Для перевозки грузов использовали нарты.

В ходу были большие долбленые лодки амурского типа (*ульмагда*), малые долбленки (*отонго*), большие морские плоскодонки (*тамтыэ*) и морские долбленые лодки-оморочки (*момми*). По горным рекам передвигались с помощью шестов, а на глубоких местах использовали весла и паруса. Берестяные лодки (*дяви*) к приходу русских вышли из употребления.

Постоянные зимние поселения располагали вблизи мест охотничьего промысла, как правило на реках. Некоторые селения существовали десятки и даже сотни лет, но все были малочисленны — в пять-шесть жилищ — и отстояли друг от друга на 15 — 20 километров. Зимние жилища (*ту-*

Берестяная колыбель

вэззэ) представляли собой срубные прямоугольные полуземлянки из плах. Двускатную крышу покрывали еловой корой, прижатой сверху толстыми жердями. Изнутри вдоль стен делали дощатые нары для сна, в центре — очаг-костер, а над ним — дымовое отверстие. Место за очагом напротив двери считалось почетным. Снаружи перед входом из коры сооружали небольшой коридор — «кладовую». Для утепления полуземлянку покрывали травой а зимой забрасывали снегом. В таких зимниках жили две-три семьи. Около зимника в амбарах (*дзали*) хранили юколу, домашнюю утварь, охотничьи и рыболовные снаряжения и одежду. Под навесами на столбах сушили юколу и проветривали одежду. В специальных срубах выращивали медвежат для медвежьего праздника. В конце XIX — нача-

У зимнего дома, крытого корой

Жители с. Акунка встречают шамана. Фотография из музейной коллекции

Лодкой-долбленкой управляют с помощью шестов и маленьких весел

Череп медведя, украшенный стружками *инау*

Череп медведя, украшенный стружками *инау*

ческий чум (*анга*), крытый еловой корой или берестой, служил временным жильем. Зимой на охоте промысловики жили группами в конических постройках из плах (*вэнтахэн*). На месте промысла строили помосты-лабазы (*дакка*), где держали снаряжение, запасы продовольствия, добычу. Во время перекочевков ставили ветровые заслоны и двускатные палатки (*майка*), покрытые рыбьей кожей.

Одежда и обувь — амурского типа: распашные халаты из ткани покроя кимоно, с правой полкой, надставленной из другого куска (левую полу скашивали от шейного выреза к правой подмышке) и боковыми клиньями. Рукава длинные, суживающиеся к концам. Застежка на три пуговицы с правой стороны. Оба борта, шейный вырез, подол и полы украшали орнаментом. Халаты шили без подкладки (*пекто*), на подкладке (*каптима*), зимний — на вате (*хокто*), на лисьем меху (*сулякима тэггэ*), из собачьих шкур мехом наружу (*эруэ*), женские — из рыбьей кожи (*умами, уккэди*). Нагрудники (*лэли*) оформляли металлическими подвесками и другими украшениями. Комплект женской одежды дополняли серьги (*ика*), ожерелья (*монголи*), носовые украшения (*сандэха*). Серебряные браслеты носили как женщины, так и мужчины. Для охоты шили куртки из ровдуги (*качуи*), из шкур кабарги, оленя (*конгго*), из двух шкур с голов лосей (*мята*), фартуки из рыбьей кожи (*бэти*). Одежду схватывали поясами (*уму*). У мужчин на поясе висели ножи, кресало, трут, пороховница, у женщин — нож для кройки (*гиресу*), костяной игольник. Нижней одеждой служили короткие штаны (*хооки*) из ткани, ровдуги или рыбьей кожи, женские — с малым нагрудником (*дыбба*). Женские короткие ноговицы делали из ткани на вате, а мужские длинные — из ткани, рыбьей кожи (*ойи*), лосиной шкуры (*такама ойи*) или шкур собак (*индахсама ойи*) и ровдуги (*носама амусю*). Их поддерживали специальные пояски (*тэлэ*). Деталью мужской праздничной одежды служили фартуки (*бэти*) из ровдуги, женской —

ле XX в. появились срубные жилища русского типа, которые поначалу строили русские.

Летнее жилище (*кава*) — наземное каркасное корье-вое сооружение из жердей с вертикальными стенами, двускатной крышей, покрытой еловой корой, и входом со стороны реки. Внутри располагали двухъярусный помост из жердей для хозяйственных нужд, вдоль стен — дощатые нары (*дамои*), на которых спали изголовьем к стене, укрываясь одеялом из собачьих шкур. На жердях, подвешенных внутри, сушили одежду, хранили юколу. Осенне-летнее жилище было двускатной постройкой (*болоджё*) из жердей. Конический чум (*анга*), крытый еловой корой или берестой, служил временным жильем. Зимой на охоте промысловики жили группами в конических постройках из плах (*вэнтахэн*). На месте промысла строили помосты-лабазы (*дакка*), где держали снаряжение, запасы продовольствия, добычу. Во время перекочевков ставили ветровые заслоны и двускатные палатки (*майка*), покрытые рыбьей кожей.

Шаманский столб

наплечные пелерины (*сини*) — съёмные круглые меховые воротники (*монгоско*). Наиболее состоятельные шили шелковые шубы на меху.

Летом женщины носили берестяную шапку конической формы (*ау*), зимой — ватную или меховую, а со второй половины XIX в. — платки. Мужчины-охотники на матерчатую накидку в виде шлема надевали круглую шапочку

(*ану*) из белого меха оленя. Шею закрывали шарфом из беличьих хвостов. Рукавицы (*коокто*) имели на ладони вырез, позволявший высвободить руку, не снимая их. Обувь, как и у других народов Амура, была поршневидная и башмаковидная. Для ходьбы на лыжах надевали *унты* — поршни амурского покроя с загнутым и заостренным носком и короткими голенищами из рыбьей кожи, шкур морского зверя или ровдуги. У женских поршней из рыбьей кожи (*пондоко*) носок был тупой. Поршни из лосиной ровдуги имели шипы и предназначались для ходьбы по льду. Башмаковидные сапоги тунгусского покроя (*торбаса*) шили из лосиных камусов. Голенища у мужских сапог выше колен, у женских — короткие. Верхний край оторачивали мехом, внутрь надевали меховые чулки.

Стричь волосы было не принято. Мужчины заплетали их в одну косу (*чохчо*), женщины — в две (*патучи*). Косы обматывали красным шнурком, женщины же вплетали нитки бисера и металлические бляхи.

Традиционная пища — рыба. Из нее варили бульон (*окто*), суп с перцем и черемшой (*улэты*). Кусочки отварной рыбы смешивали с ягодами и заливали нерпичьим жиром или, размяв в руках, смешивали их с мелко нарезанными головными хрящами кеты или горбуши, приправляя черемшой. Особенно популярной была *тала* — мелко нарезанная сырая кета или горбуша, калуга, ленок, таймень. Из лососевых готовили юколу, снимая с каждой стороны 4 — 5 тонких слоев филе: вялили на солнце, реже коптили и ели сырой, вареной и жареной. Любили *улаты* — кусочки вареной юколы, приправленные перцем и черемшой. Красную икру сушили. Большим лакомством считались

хрящи осетровых и носики лососевых. В конце XIX в. у русских научились коптить и солить рыбу.

Мясо ели сырым, отварным, жареным, мороженым, вяленным. Собачье мясо было только ритуальной пищей. Лакомством считались сердце, печень лося, медведя. Лучшим угощением был сырой костный мозг. Готовили студнеобразные блюда из разваренной мездры с лосиной шкуры, рыбьей кожи.

Важное значение имело собирательство: заготавливали голубику, клюкву, красную и черную смородину и другие ягоды, черемшу, клубни сараны. Из ягод черемухи пекли лепешки (*ияя*), десятки съедобных трав и корней добавляли к рыбным супам и мясной пище, ели. Лакомством считались чумиза, фасоль, которые покупали у маньчжурских и китайских торговцев. В конце XIX в. у русских приобретали крупы, овощи, картофель, научились квасить капусту, солить грибы, варить варенье и т.п. Из круп и муки делали жидкие каши, супы с клецками.

Утварь была в основном берестяная: ведра (*куккэ*), прямоугольные короба для хранения посуды, солонки (*капту*), ковши, туеса (*кондже*). Из дерева изготавливали блюда, чашки (*моко*), ложки (*уня*), шумовки для снятия пены (*явка*), столики для еды (*дэрэ*). Металлическую же посуду покупали. Пищу готовили в больших котлах, а на промысле — в котелках (*ико*), чай — в чайниках (*тянки*), а рыбу и мясо жарили на сковородках (*коворода*), картофель или овощи варили в чугунах (*тугунка*).

Орочи делились на патрилинейные роды. Между семьями отдельных родов, а иногда и с представителями других родов заключались дружеские экзогамные союзы (*духа*).

После починки бубен вновь зазвучал. Фотография из музейной коллекции

Основной формой социальной организации была территориально-соседская община, состоявшая из всех жителей селения, представителей разных народов. Существовали большие (*хигады*) и малые (*нугги*) семьи; каждая семья являлась самостоятельной экономической единицей. Как правило, все члены общины, состоящей из семей различной родовой принадлежности, были связаны родственными и брачными отношениями. Одной из форм заключения брака был взаимный обмен сестрами. Вплоть до начала XX в. бытовал левират. Заботу о воспитании детей брали на себя не только родители, но и дядя по матери (*авункулат*). Распространены были неравные по возрасту браки, многоженство, сохранялись родовая и общинная взаимопомощь, межродовые суды, кровная месть.

Хотя орочи были крещены еще в XIX в., их жизнь и поведение в обществе и в природе регулировала система тради-

рился с женой, и оба окаменели: Хадау превратился в почитаемую скалу на р. Кеппи, а его жена — в высокую гору на Сахалине. По народным представлениям Земля — это огромная лосиха, имеющая восемь ног, хребет ее — цепь гор, шерсть — деревья, пух — трава и кустарники, паразиты в шерсти — звери, а выющиеся вокруг нее насекомые — птицы.

Тигр — предок одного из родов. Его почитали как священного зверя, никогда не убивали. Дуэнтэ — «хозяин» медведей — также считался священным. Для медвежьего праздника, подобно другим амурским народам, орочи выращивали медвежат в специальных срубах, а во время праздника происходило ритуальное поедание мяса убитого медведя, устраивали различные состязания.

Посредниками между людьми и хозяевами Нижнего и Верхнего миров, а также между людьми и духами были

Унты амурского типа из ровдуги и ткани с аппликацией и вышивкой

Детская обувь из рыбьей кожи

ционных религиозных верований и запретов, в которой весь мир предстоял населенным добрыми и злыми духами (анимизм), у них просили удачи, принося жертвы. Существовал культ огня с рядом запретов. Нельзя было плевать в огонь, бросать в него что попало, прикуривать от него. Весьма почитались *Тэму* — хозяин (или хозяйка) водной стихии и касатка — священное животное, имеющее власть над морскими зверями и рыбами (промысловый культ). Известны были и другие духи — хозяин скал (*каггаму*), хозяин грома и погоды (*агди эзэни*). Космос представлялся состоящим из Верхнего, Среднего и Нижнего миров. Творец Верхнего мира (*буа, буа эндури*) — верховное божество, управляющее Вселенной с помощью множества помощников. Творцом Среднего мира, людей и животных, считался герой Хадау. Сотворив земной мир, он поссо-

шаманы, как мужчины, так и женщины. Каждый из них имел своего личного духа-покровителя и множество духов-помощников. Ритуальной одеждой и предметами культа служили бубен с колотушкой, юбка (*хосэ*), пояс с погремушками. К спинке халата прикрепляли крылья орла или другой птицы. На одежду, бубен и колотушку наносили изображения духов-помощников (змей, червей, лягушек, ящериц, птиц, рыб). Шаманов делили на добрых и злых; верили, что злой шаман (*амба самани*) поедает души зверей и людей.

Из жанров фольклора можно выделить мифы о тигре — помощнике верховного божества *Боа* или старике *Эндури*. Другим персонажем ороцкого пантеона является медведь, роль которого сходна с ролью тигра. Хозяин медведей и хозяин тигров живут на Луне, где каждый имеет

Сумка из рыбьей кожи

Шапка охотника

Мужская сумочка «секты» для хранения кремня и пр.

свою половину территории. На «тигровой» половине живут души людей и животных, а на «медвежьей» — только души людей. Жены медведя и тигра вскармливают души умерших, чтобы в виде детей вернуть их на Землю. Значительное место в мифологии занимают мифы о духах — хозяевах зверей, рек, моря, главным из которых является морская старуха *Тэму*.

К малым жанрам фольклора относятся формулы молитвенных обращений во время религиозных обрядов, шутки, анекдоты, прибаутки (*хримба*), загадки (*ганга*). Лирические песни-импровизации (*дяри*) всегда индивидуальны.

Музыка орочей — лирическая, эпическая, игровая, звукоподражательная, инструментальная, обрядово-

шаманская и ритуальная — всегда связана с медвежьим праздником. Музыкальные инструменты: *дудуманку* — однострунная смычковая лютня, *пупан* — тальниковая свистковая флейта, *тэнкэрэ* — тростниковый духовой язычковый, *муэнэ* — дуговой металлический варган, *кункай* — пластинчатый бамбуковый варган, *конокто* — бубенчик, *каухаракта* — колокольчик, *ачиан* — пластинчатые металлические подвески-погремушки, *пэайа* — круглые подвески-погремушки, *лэли* — набор разнообразных подвесок-погремушек на женском переднике.

В шаманских традициях главное место занимает ритуальное импровизированное пение (*йайа*), которое сопровождается «магическим» звучанием бубна (*унту*) и конусных подвесок на специальном поясе (*суса*).

Церемониальная музыка, звучащая на медвежьем празд-

Рукавицы из ровдуги с вырезом, позволяющим высвободить ладонь, не снимая их

нике, включает инструментальные наигрыши, исполняемые на ударном бревне (*узазинки*) в сопровождении скандированных напевов.

В наши дни традиционная культура орочей находится на грани исчезновения. И тем не менее в Ванинском районе Хабаровского края образованы национальные общины «Промысловик» и «Север», работает рыболовецкая артель «50 лет Октября».

В художественной мастерской пос. Ванино шьют национальную одежду, обувь; молодежь занимается резьбой по дереву. Некоторые старожилы ведут кружки вышивки, национальных ремесел.

В пос. Датта и Орочи открыты неполные средние школы. В основном дети учатся в Хабаровске. В 1994 г. педагог Г. Абрамова разработала учебник ороческого языка.

СААМЫ

Численность – 1890 человек.

Язык – финно-угорская группа уральско-юкагирской семьи языков.

Расселение – Мурманская область.

Самый западный из коренных малочисленных народов Крайнего Севера России. Живут также в северных районах Финляндии – 5 тыс., в Швеции – 17 тыс. и Норвегии – 30 тыс. (общая численность – 80 тыс. человек).

Самоназвание кольских саамов – *саммь*, *саммьеленч*. Этноним *sabme* – «земля», *zemas* – «низкий», «низменный». По другим данным, его связывают с уральскими этнонимами с основой *sa(a)m*, означающей «речные», «водные» (люди), с русским термином *самоядь*, с финским *Suomi* (Финляндия). Старое название саамов – *лопарь*, *лапландцы*, древнерусское летописное – *лопь*, упоминаются в Новгородской летописи 1216 г., финское – *lappi*, *lappalainen*. Тацит (98 г. н.э.) их называет *fenni*, современные норвежцы – *finne*. С IX в. коренное население Кольского п-ова известно как *terfinnas* – «терфинны», «охотники и рыбаки или птицеловы». В настоящее время этноним *тарпый sammь* (терские саамы) является самоназванием локальной группы на востоке Кольского п-ова. Термин *lappia* впервые встречается в XII в. у Саксона Грамматика. Саамский язык распадается на множество диалектов, на западную и восточную группы. Язык саамов Кольского п-ова относится к восточной группе. Он имеет четыре диалекта: иокангский, кильдинский, нотозерский и бибенский.

У кольских саамов алфавит (с 1982 г.) строился на основе русской графики, письменность развивалась на базе кильдинского диалекта. В 1985 – 1986 гг. изданы саамско-русские словари, учебно-методические пособия по саамскому языку для начальной школы.

По данным археологии, люди проникли на Кольский п-ов не ранее седьмого – начала шестого тысячелетия до н.э. В конце XIX – начале XX в. саамы вели полукочевой образ жизни, занимались рыболовством, оленеводством и охотой. В загонной охоте на дикого оленя с использованием ям принимали участие все мужчины общины. Для этого из сваленных стволов деревьев сооружали изгородь до десяти километров, в которой устраивали проходы с ямами, замаскированными снегом и мхом. До начала охоты строжайше запрещалось тревожить оленей. В назначенное время одна группа мужчин становилась за изгородь, не давая оленям вы-

браться, другая гнала их к ловушкам. Известна загонная охота с использованием силков-петель (*килл*), для этого в проходах изгороди настораживались ременные или веревочные петли. Их применяли и в индивидуальной охоте на оленьей тропе. Пользовались также луком (*юккс*) и стрелами (*нюлл*).

Рыболовством занимались как в изобилующих рыбой озерах и устьях рек, так и на морском побережье. Промышляли семгу, сига, форель, кумжу, хариуса, щуку, треску, палтуса. В начале XX в. добыча семги давала значительную часть товарной продукции. Озерную рыбу ловили для себя. Основными орудиями рыбной ловли были сеть (*саййм*), в том числе ее особый вид – гарва (*харрьв*), невод, острога (*кудтэль*), крючок (*вуннк*), ярус (*ёаррасс*), уда.

Первое упоминание о приручении оленя на Кольском п-ове относится к IX в. Оленеводство имело тогда транспортное значение: оленей использовали под выюк и в упряжке. Саамское оленеводство отличалось вольным выпасом в летнее время с применением изгородей (*айййт*), оленьих сараев и дымокуров (*сувас*), а также небольшими размерами стад (до 50 оленей). Своеобразна также конструкция выючного седла (*вагк*), не имеющего аналогов у других народов. Отсутствовала верховая езда. Известная у скандинавских саамов традиция доения важенков у кольских жителей почти не встречается. Упряжной оленный транспорт представлен однополосной бескопыльной нартой – керейей (*кересь*), запряженной одним оленем. К концу XIX в. получили распространение косокопыльные нарты, заимствованные у коми и ненцев. Пушной промысел в конце XIX в. являлся подсобным занятием. Добывали песка, куницу, горностая, бобра, лисицу, белку и др. Часть саамов охотилась на морских зверей – нерпу, морского зайца, гренландского тюленя.

К традиционным ремеслам относят обработку шкур, кожи, кости, рогов, дерева, а также прядение. Сохранились веретена (*ноальтэ*) с пряслищем из оленьей кости и дерева.

Зимой ходили на скользящих лыжах-голицах (*савехь*), камусных подволоках (*колас*, *калк*) и непарных лыжах. Последние были разными по длине (более короткая служила для лучшего отталкивания). Груз переносили за спиной в специальных приспособлениях. По воде передвигались на «спитых» древесным корнем дощатых лодках-челноках (*вэнс*) и больших дощаниках – карбасах.

С декабря по апрель население общины западных районов Кольского п-ова жило оседло на зимнем погосте (*талльв-сыййт*). Каждый 15 – 20 лет место погоста меняли. В весенне-осенний период саамы обходили свои сезонные промы-

Игольница (цветное сукно, бисер)

словые места. *Чеххи-сайй* — «осеннее место» было в наследственном владении нескольких семей, как правило родственных. На востоке п-ова на зимнем и летнем погостах оседло жили круглый год.

Традиционным жилищем саамов считают каркасную постройку пирамидальной формы — вежу (*куэдьт*), срубное однокамерное строение с плоской крышей, крытой дерном (*пэррт*), и переносное коническое сооружение из жердей, покрытое парусиной (*коавас*). Остов вежи состоял из четырех деревянных дуг, имеющих круглые отверстия в загнутых и несколько утолщенных верхних концах. В эти отверстия вставляли горизонтальное древко — «дымовое древко» и попарно соединяли дуги. Нижние, слегка заостренные концы дуг устанавливали в углубления в земле либо укрепляли в срубе из трех-четырех венцов. Известна конструкция вежи с прямыми, а не дугообразными жердями. Чтобы каркас был прочным, в верхней его части укрепляли еще две параллельные жерди. Остов крыли жердями или досками, корой и дерном. Наверху оставляли дымовое отверстие. Дверь «смотрела» на юг, а на противоположной стороне, где в прошлом находилась «священная дверь», в XIX в. стали делать небольшое окно. Его затягивали рыбьим пузырем, оленьей брюшиной или слюдой. Посредине вежи — очаг (*толл-сайй*) с приспособлением для подвешивания котлов (*аввъл*). Между очагом и входом отводили место для хранения дров. В передней части — «чистое место» (*луннс*), а боковые устилали березовыми и еловыми ветками и использовали для сна.

Основными хозяйственными постройками в поселениях и на промыслах были амбары на четырех низких столбах (*кокорках*) или на одной высокой свае (*нялл*).

Традиционная зимняя мужская одежда саамов практически не отличалась от женской. Зимой носили *пеццк* (*печок*) — верхнюю глухую одежду из оленьих шкур мехом наружу и *торрк* — глухую одежду из оленьих шкур мехом внутрь. Женский печок украшали по вороту, подолу и общагам цветным сукном и бисером. В конце XIX в. вместо традиционной глухой одежды прямого покроя со стоячим воротником (*юпы*) для мужчин стали шить кафтаны, для женщин — сарафаны, кофты и передники. К нижней одежде относят рубаху (*наййт*) туникообразного покроя с прямым воротом. Короткие штаны (натасники) из дубленой оленьей кожи надевали мужчины, редко — женщины. Непременным атрибутом одежды был пояс. На мужском кожаном крепили большой нож с загнутым острием, на плетеном из шерсти женском — игольницы, наперсток, ножницы, обереги. Особенностью традиционной обуви был узкий загнутый нос. Зимой носили высокие сапоги из оленьих шкур — яры (*еррь*), иногда с огузеньем — пришитыми к ним кожаными штанами (*цегкь*). Были распространены также каньги (*коаммэ*) — низкая обувь (зимние — из оленьих, летние — из нерпичьих шкур или кожи). Спереди к каньгам пришивали две длинные, сплетенные из шерсти завязки — «оборы», которыми обвязывали щиколотки. На промыслах мужчины надевали кожаные сапоги (*кунаги*). В обувь клали сухую болотную траву. Из овечьей шерсти

Чаепитие. Фотография из музейной коллекции

вязали чулки без ступни — мужчинам однотонные, женщинам полосатые — и летние рукавицы. Зимние рукавицы (*кыста*) шили из оленьих шкур мехом наружу и окантовывали сукном. Богато декорировали бисером, сукном и мехом девичий головной убор (*перъвесск*) — «перевязку» в виде берестяного цилиндра, обтянутого красным сукном, и женский из бересты и сукна — типа русского кокошника (*шамми*) — «шамшуру». Поверх перевязки и шамшуры надевали платок, завязывая его под подбородком. Мужчины носили суконные четырехугольные шапки, опушенные мехом, и старинный головной убор конусообразной формы — колпак (*колтехъ*). Головные уборы локальных групп саамов были непохожи и специфичны. В конце XIX в. после переселения групп коми-ижемцев и ненцев на Кольский п-ов саамы заимствовали малицы, совики и пимы.

Основная зимняя пища — оленина, водоплавающая и боровая дичь, летом и осенью предпочитали свежую рыбу. Щуку, треску, камбалу, сига, хариуса, семгу, налима варили, жарили, вялили, солили, запекали в тесте. Семгу в основном скупали норвежские и русские купцы.

Традиционным рыбным блюдом считали отварную размя-

Кисет (ровдуга, бисер)

тую рыбу с морошкой и рыбьим жиром (*нюввт*). Куски рыбы или мяса насаживали на палочки (*нипчэс*) и зажаривали над огнем.

Из растительных продуктов употребляли ржаную муку, крупы, сосновую кору. Пили крепкий чай или его суррогаты: *мурр-чай* — «древесный чай» из березового гриба-трутовика, заваривали листья березы, иван-чая.

Особенно любили чай с луком и куском оленьего сала. Впрок собирали ягоды.

Посуда для приготовления, хранения и употребления пищи была в основном деревянная, долбленная из березы или сосны. Интересны тарелки (*каррь*), чашки, ложки (*пасътэмь*), плоские ложки с дырками для вынимания вареной рыбы из котла (*коарэс*). Из бересты изготавливали прямоугольные или квадратные короба, корзинки, цилиндрические туеса, солонки. Примечательно «блюдо из бересты» (*пессь-каррь*), или «берестяная скатерть», состоящая из девяти квадратов, сшитых из нескольких слоев бересты нитками из сухожилий оленя. Чугун-

ные или медные котлы (*киммь*) покупали. Спальные мешки шили из оленьих шкур. Колыбели (*китткэмь*) выдалбливали из куска дерева и обтягивали дубленой оленьей кожей.

В поселке. Фотография из музейной коллекции

У кольских саамов основной социальной ячейкой была территориально-соседская община (*сыйит*), населявшая погост. Она имела общие промысловые угодья, культы и праздники. В общину входило от 60 – 70 до 200 – 250 человек. В конце XIX – начале XX в. были распространены как малая, так и расширенная отцовская (трехпоколенная) семья, но преобладали двухпоколенные, или братские (*шурр пирас*). Для обозначения прав собственности широко использовали тамги – клейма. Браки между родственниками запрещались до четвертого колена по обеим линиям. За невесту платили брачный выкуп – калым. После христианизации во второй половине XVI в. кольские саамы стали православными, а скандинавские приняли лютеранство. Саамско-русские этнокультурные контакты способствовали сосуществованию традиционных верований и христианских представлений. Согласно шаманской традиции, Вселенная делится на Верхний (небесный), Средний (земной) и Подземный (загробный) миры. Посредником между ними выступает шаман (*нойд*). У саамского шамана специального культового костюма не было.

Саамская мифология близка финско-карельской и испытала некоторое влияние скандинавской. Тотемический первопредок саамов – Мяндаш – человек-олень, научивший их искусству охоты. Верховное божество терских саамов – Каврай, покровитель шаманов, создатель оленьих стад. Следы тотемизма сохранялись в почитании оленя, лося, медведя, ворона, лебедя.

Фольклор представлен мифами, преданиями, легендами, сказками, песнями. Мифы (*ловты*) исполнялись преимущественно во время ритуалов со строгим соблюдением текста и мелодии.

В волшебных сказках (*майнс*) также отразились мифологические представления. Среди легенд и преданий – рассказы о нашествиях иноплеменников и борьбе с ними, военных походах, подвигах богатырей и народных героев.

Саамская мифология близка финско-карельской и испытала некоторое влияние скандинавской.

Тотемический первопредок саамов – Мяндаш – человек-олень, научивший их искусству охоты. Верховное божество терских саамов – Каврай, покровитель шаманов, создатель оленьих стад. Следы тотемизма сохранялись в почитании оленя, лося, медведя, ворона, лебедя.

Фольклор представлен мифами, преданиями, легендами, сказками, песнями. Мифы (*ловты*) исполнялись преимущественно во время ритуалов со строгим соблюдением текста и мелодии.

В волшебных сказках (*майнс*) также отразились мифологические представления. Среди легенд и преданий – рассказы о нашествиях иноплеменников и борьбе с ними, военных походах, подвигах богатырей и народных героев.

Наружная сторона бубна с изображением Вселенной

Песни подразделяются на ритуальные, повествующие о мифических временах и первопредках (*праудедках*), и бытовые.

Традиционная музыка саамов имеет параллели в музыке коми-зырян, манси, хантов, вепсов, карелов, ненцев, якутов, ряда народов Алтая и Монголии, этнокультурных групп русских Севера России (поморов, заонежан, пудожан), а также шведов. В свою очередь, саамская основа му-

зыки прослеживается в музыкальных традициях карелов и прионежских вепсов.

Из музыкальных инструментов наиболее известны шаманский бубен, свистковые флейты, а также колокольчики (*келл*), подвешиваемые на шею вожака оленьего стада. Большая часть саамов живет в сельской местности и занимается оленеводством, рыболовством, охотой и животноводством. Коренное население практически не рыбачит, поскольку многие реки в ловозерской тундре отданы в аренду различным фирмам, добывающим красную рыбу. Преподавание на саамском языке не ведется, родную речь изучают лишь в начальных классах. Однако саамы имеют довольно высокий уровень образования. Молодежь коренных народов Кольского Севера в основном обучается в техникумах и вузах, а также в странах дальнего зарубежья.

В 1994 г. в с. Ловозеро организованы национальный культурный центр, народные ансамбли «Луявр», «Ойяр» и «Воафсхэс», а также музей первой саамской поэтессы О. Вороновой.

Известны национальные поэты и писатели – А. Бажанов, В. Смирнов, член Союза писателей России Н. Большакова, П. Юрьев, С. Якимович, педагоги А. Антонова, Е. Коркина, Л. Юрьева, ученые Р. Куруч, С. Терешкин и др.

В 1989 г. созданы Ассоциация кольских саамов с отделениями в с. Ловозеро и пос. Ревда, в 1995 г. – Ассоциация малочисленных народов Севера «Родина», в 1998 г. – Общественная организация саамов Мурманской области (с. Ловозеро).

Костяные иглы для плетения сетей

Серебряная орнаментированная ложка с традиционным узором

На праздники молодежь надевает нарядную национальную одежду – суконный кафтан с нагрудным украшением

СЕЛЬКУПЫ

Численность — 3612 человек.

Язык — самодийская группа уральско-юкагирской семьи языков.

Расселение — Красноярский край, Томская область, Ямало-Ненецкий автономный округ.

Выделяют две группы селькупов — северные и южные. Живут в Западной Сибири, по Оби и ее притокам Тым, Кеть, Васюган, по рр. Пур, Таз и Турухан. Первоначально селькупы обитали на левых и правых притоках Оби, в том числе на р. Парабель с притоками Чузик и Кенга.

До 1917 г. селькупы назывались остяко-самоедами (по языку они близки к самоедам-ненцам, а по культуре — к остякам-хантам). Современное название получили в 1920 — 1930-х гг. по самоназванию северной группы *солькуп* на р. Таз или *шолькуп* — «таежный человек» на р. Турухан.

Язык имеет три диалекта — тымский и кетский (южные) и тазовский (северные). Около половины населения (47,6%) признают селькупский язык родным, остальные таковым считают русский, на котором, впрочем, говорят практически все селькупы.

Письменность возникла в 1930-х гг. сначала на латинской, затем на русской графической основе.

Происхождение селькупов на территории Среднего (Нарымского) Приобья связывают с местными неолитическими культурами третьего тысячелетия до н.э., которые были основой культур широкого круга племен Зауралья и Западной Сибири. К концу второго тысячелетия до н.э. здесь появляются пришлые племена с востока и юга. В результате слияния таежного коренного и пришлого лесостепного населения в первом тысячелетии н.э. формируется селькупская культура.

С помощью лука и стрел с костяными и железными наконечниками предки селькупов охотились на лося, оленя, водоплавающую и боровую дичь, соболя, белку. Ловили рыбу, ездили на лодках, имели железные орудия — топоры-тесла, ножи, знали литейное и кузнечное ремесла, ткачество, выделывали шкуры, кожи, шили меховую одежду и обувь, жили в укрепленных городищах в землянках.

Железные наконечники стрел для охоты на крупного зверя

В XVI в. русские познакомились с селькупами, известными тогда под названием Пегая орда. Во главе их стоял вождь-военачальник («князец») Воня. Пегая орда вошла в состав Русского государства после основания Нарыма в 1595 г. В Нарымском крае стали селиться казаки, служилые люди, «пашенные» крестьяне, промышленники и «вольница» (беглые крестьяне), позднее — ссыльные из европейской части России, контакты между пришлым и коренным населением были очень тесными.

В XVIII в. ханты начали теснить селькупов с Оби и ее левобережных притоков, а те, в свою очередь, оттесняли правобережных селькупов. Часть селькупов еще в конце XVI — XVII вв. переселилась из бассейна Оби к северу, на Таз, затем — на Турухан, а в XIX — XX вв. — на р. Пур. Так образовались южная и северная группы, разделенные хантами на р. Вах и кетами на р. Елогуй. В 1932 г. в бассейне Тыма был создан Тымский национальный район (вскоре расформированный), что вызвало переселение туда селькупов с рр. Парабель, Чая, Кеть, Васюган, Обь.

Основные занятия — охота и рыболовство. Орудия охоты — лук (*ыдде*, *ынде*) со стрелами, самострелы, ловушки. На медведя ходили также с копьем-пальмой (*чури-квезе*), у которого было длинное и широкое одностороннее, как у

ножа, лезвие. Петлями (*ча-зар*) ловили оленей и соболей, сетями — гусей, силками — куропаток, зайцев. Черкан (*латта*) обычно ставили на белку, горностая, колонка.

Много зверя, особенно белки, добывали луком со стрелами. Сложный клееный лук селькупов славился далеко за пределами их обитания и был предметом обмена. Его изготавливали в рост человека из трех пород дерева — березы, кедра и черемухи. Между двумя пластинами самой прочной части кедровой и березовой древесины вклеивали пластинку из вываренной кости и сухожилия, а утолщение в средней части лука и его концы делали из черемухи. Сверху лук обклеивали тонким слоем бересты, обматывая концы саргой (нитью из черемуховой коры). Клей, отличавшийся большой прочностью, варили из рогов лося. Тетиву из лосиных жил на такой лук натягивали четверо мужчин. При стрельбе на правую руку надевали перчатку с тремя пальцами (*муун-*

Оперенье стрел

Традиционное жилище
карамо

деревянные закругленные с тупым концом (чтобы не портить шкурку) — на пушного зверя, железные в форме острой лопаточки — на рыбу, вильчатые — на птицу и рыбу. С присоединением к России стала развиваться преимущественно пушная охота, основным объектом которой была белка. В XIX в. у селькупов появились ружья. Хороший охотник добывал за день не менее 20 белок. Для охоты специально выращивали «беличьих» собак. На белковку уходили всей семьей. Значение ее было так велико, что основной меновой единицей стала связка из 10 беличьих шкурок (*сарум*). Это слово вошло в состав всех селькупских числительных, означающих десятки, начиная с 20. Роль охоты на белку отразилась и в календаре: ноябрь называется здесь «беличьим» месяцем.

Традиции рыболовства — давние: добывали лососевых и сиговых (осетра, нельму, муксуна, омуля, стерлядь, чира) и чистиковых (щуку, окуня и др.). Рыбу ловили ставными (*ронкат-пок*) и плавными (*курдумты-пок*) сетями, удочками, дорожками, на озерах — жерлицами (поплавками с крючками), на Оби — неводами (*нагиджа-пок*), на маленьких речках и протоках ставили запоры с ловушками в отверстиях и котцы (*тавур*). Занятие рыболовством отражалось в названиях месяцев селькупского календаря: «месяц щучьей икры», «месяц нельмы», «месяц рыбных запоров» и др.

Северные селькупы традиционно занимались оленеводством, в основном для транспортных нужд, и ноябрь называли «месяц отпадения рогов оленей-самцов».

ла), от удара тетивы руку предохраняли костяной пластинкой в форме полуцилиндра, привязанной к кисти ремешком. Наконечники стрел были разные: длинные заостренные костяные и железные — для охоты на крупного зверя,

До начала XX в. было развито кузнечество. Кузнец (*чачурикум*) умел выплавлять металл из руды, которую привозили с Енисея, сыродувным способом с помощью специальной системы из семи горнов и четырнадцати мехов. Из полученного железа кузнецы изготавливали орудия труда, оружие, кольчуги, изображения духов. Одновременно были в ходу каменные и костяные скребки для выделки кожи, зернотерки, наконечники стрел, ножи, крючки, иглы и пр.

Селькупы умели обрабатывать крапиву, прясть из нее нитки при помощи веретена (*кетто*), а также ткать крапивные холсты для шитья одежды, одеял на оленьем меху (*тоит*), матрасов (*тан-где*).

Благодаря контактам с русскими таежные селькупы еще в XIX в. научились приемам земледелия и животноводства. В низовьях притоков Оби стали выращивать картофель, капусту, морковь, свеклу, огурцы, помидоры; на пойменных обских лугах пасли крупный рогатый скот, лошадей, держали свиней и овец.

Традиционными средствами передвижения были собачьи и оленьи упряжки, а также ручные нарты, лыжи, лодки, причем нарты чаще всего прямокопильные (с шестью копыльями). Тип оленьих нарт, упряжи, посадки на нарты у северных селькупов — самодийский. Лодки — долбленые разных типов (*анты*, *ронтык*, *паба квышанд*) и дощатые (*завозни* — из кедровых плах), для дальних переездов — крытые (*илимки*). У русских селькупы научились передвижению на лошадях.

Селения насчитывали от 2 до 10 хозяйств и располагались на высоких берегах рек, в устьях речек и проток. Древнейшим зимним жилищем селькупов была землянка (*карамо*), вырытая в обрывистом берегу, с входом-коридором со стороны реки. В такое жилище заезжали прямо в лодке. Чтобы землянку не заливало, пол от входа постепенно повышался. Очаг был расположен сбоку от входа, у передней стены. Упоминания о таких домах встречаются в селькупском фольклоре. Первые русские, попавшие в Нарымский

Семья в поселке

Короке — шапка шамана с рогами. С их помощью он «бодается» со злыми духами

Шаманская головная повязка

Гагара, вышитая бисером на костюме шамана, его дух — помощник

Деревянная колотушка для бубна, обшитая оленьим мехом. На тыльной стороне — изображение ящерицы, символизирующей духа — помощника шамана

край, отмечали, что там «люди ходят по подземелью». Но уже в XIX в. были известны каркасные полуземлянки с остовом из столбов и жердей (*карамо* или *чуль-мат*, *той мат*), жилища со срубными стенами (*мадет-мат*), углубленные в землю на полметра, с маленькими окнами, низкими дверями. Жилища отапливали чувалом (*шонгаль*) — открытым очагом с широкой трубой, сплетенной из жердей и обмазанной глиной, или печкой (*кор*, *шогор*) с основанием-срубом и широкой трубой из жердей, как у чувала. Вместо стекла в окно вставляли льдину либо брезину оленя или иного животного. Спали на земляных нарах, покрытых шкурами и циновками. Пол иногда был и деревянным, а окна застекленными; вместо чувала стояла русская печь. В XIX в. чаще жили в срубных избах русского типа с дощатыми или земляными крышами, русскими печами. Появились кровати, столы, полки, лавки.

Летними жилищами служили каркасные постройки из жердей, крытые корой деревьев, чаще всего берестой. Это мог быть чум — коническая постройка (*корель-мат*), либо сооружение из плах полусферической или двускатной формы (*пуй-мот*), либо полусферическая, односкатная постройка, либо прямоугольная с двускатной крышей.

Из бересты мастерили традиционную утварь: посуду (миски, тарелки), коробки для хранения продуктов, имущества и рукоделия, кузова, туеса и емкости для ягод (*патижа*, *сагалтамга*, *таига*, *коромдже*, *кито* и др.).

Основу питания составляла рыба в вяленом, вареном, жареном, сыром, мороженом виде. Заготавливая впрок, ее солили, сушили, заквашивали в ямах вместе с ягодами. Сушеную толкли, делая муку (*порс*), которую охотники брали с собой в тайгу, варили из нее суп. Из отходов и внутренностей вываривали рыбий жир, пили его зимой. Боровую и водоплавающую дичь — глухарей, куропаток, тетеревов, гусей, уток — и мясо лося тоже заготавливали впрок (в основном коптили). Позже в обиход вошла русская кухня — пельмени, пироги, супы, щи, грибы.

Зимой селькупы носили одежду из шкур (*порга*), летом — из рыбьей кожи (осетровой, налима), стерляжьей, щуц-ей) или тканей из крапивного волокна. Зимнюю одежду часто шили из маленьких кусочков меха разного цвета, так что она казалась пестрой, очевидно, поэтому селькупов в прошлом называли «пегими людьми» (Пегая орда). Старинную селькупскую зимнюю верхнюю одежду (*конспор-га*) покрывали крапивной тканью. Рубашки и штаны из

По звону подвесок, бренчанию блях и бубенчиков в косах девушки, юноши узнавали своих возлюбленных и шли на тайные свидания с ними

рыбьей кожи рыбаки носили вплоть до конца XIX в. Северные селькупы шили одежду и обувь из оленьего меха: парки с разрезом спереди, *сокуи* — глухую одежду мехом наружу с капюшоном, сапоги-пимы из камусов. Традиционной обувью считали кожаные туфли (*чирки*), сапоги (*лунтаи*) из кожи, унты из меха. В XIX в. среди селькупов широко распространились русская крестьянская одежда и обувь — тулупы, полушубки, меховые рукавицы, рубахи-косоворотки, валенки, сапоги-бродни, рубахи и штаны, сарафаны, платья, юбки, кафтаны, зипуны. Головными уборами служили картузы и шапки-ушанки, у женщин — платки.

Селькупы делились на три экзогамные группы, или класа: *лимбы-чуп* — «орлиный человек», *казель-чуп* — «кедровка человек», *сэнгыл-чуп* — «тетеревиный человек». Названия родов тоже были связаны со зверями и птицами. Основной экономической единицей в XVIII в. была территориально-соседская община, а внутри ее — большая патриархальная семья (отцовская или братская). Был распространен авункулат. Семья коллективно владела угодьями, охотилась, и лишь в конце XIX — начале XX в. стали выделяться малые семьи.

Заклучение браков было подчинено правилам экзогамии. Основной формой был брак с уплатой калыма. В конце XIX — начале XX в. свадебный обряд селькупов почти не отличался от русского.

Несмотря на христианизацию в XVII — XVIII вв., еще долго сохранялись анимистические представления, согласно которым мир делился на Верхний, Средний и Нижний миры. С Верхним миром (миром духов) общались через шаманов «темного чума» (*камьтырьль кун*) — «камлающий человек» и «светлого чума» (*сюмпыль кун*) — «поющий ритуальные песни человек». Имелись разные категории шаманов, например так называемые «медвежьи шаманы», которые использовали в камлании части медвежьей шкуры (костюм, колотушки, обшитые медвежьей шкурой). Шаманы лечили людей, предсказывали результаты

промыслов, совершали жертвоприношения духам, особенно перед началом промысла. Шаманский костюм состоял из парки, увешанной железными подвесками и фигурками зверей, птиц, пресмыкающихся, изображавших духов — помощников шамана. Неотъемлемая часть камлания — бубен.

Фольклор представлен в основном сказками, загадками, поговорками, преданиями, повествующими о войнах с соседями — ненцами и эвенками, а также с татарами. Союзниками селькупов выступают ханты и кеты.

В музыке два стиля: тазовский и нарымский. Лирические песни — индивидуальное творчество. В них поется о значительных событиях жизни, о родственниках, об удачной охоте и др. Эпические песни различны по содержанию. Это могут быть сказания о герое, героическое повествование, «напев паука-мизгиря, расставляющего сети в поисках жертвы» и др. Песни шаманов различались в соответствии с категориями «избранных духов».

Звукоподражания (сигнально-натуралистические, речеслоговые и напеваемые) связаны с тотемическими представлениями. Например, весной селькупы встречали лебедей подражательными возгласами, комментируя этот обычай словами: «Наши братья прилетели!»

Музыкальные инструменты: разнообразные ударные, смычковые, щипковые, духовые, лютни, цитры, арфы; свистки, пищалки из травы или толстого пера птицы, вихревые жужжалки, гуделки, детские погремушки из рыбьего пузыря и др., но главным остается шаманский бубен.

Характерные черты инструментальной музыки во многом определяются культурными связями с соседями: восточными хантами, южносибирскими тюрками, северными и западными эвенками и живущими по соседству кетами.

В поисках работы и жилья из разоренных нефтедобычей мест селькупы переселяются в районные центры и крупные поселки. Миграция населения и утрата национальных традиций связана с потерей традиционного землепользования и владения водоемами. Селькупы занимаются скотоводством (северные — оленеводством), рыболовством и охотой.

В 1998 г. в Ямало-Ненецком АО разработана и заложена в окружной бюджет программа «Сохранение этноса селькупов и обеспечение трудоузанятости коренных малочисленных народов Севера Красноселькупского района на 1999 — 2003 гг.».

Только в Каргасокском, Колпашевском, Верхнекетском и Парабельском районах Томской области есть педагоги, знающие селькупский язык. Родители, к сожалению, не учат детей родному языку. В Томском государственном педагогическом университете обучаются студенты-селькупы, там же изучают родной язык. В некоторых школах и школах-интернатах Ямало-Ненецкого автономного округа, в Салехардском педагогическом колледже проходят уроки на селькупском языке, но словарей и учебников не хватает.

В Красноселькупском районе Ямало-Ненецкого автономного округа выходит газета «Красный Север». В Томской области создана ассоциация коренных малочисленных народов Севера «Колта-Куп».

ТОФАЛАРЫ

Численность — 722 человека.

Язык — тюркская группа алтайской семьи языков.

Расселение — Иркутская область.

Тофалары — аборигены центральной части Восточного Саяна, самая малочисленная этническая группа, проживающая в Нижнеудинском районе Иркутской области. Населяют покрытые тайгой северные склоны Восточного Саяна в бассейне рр. Бирюса, Уда, левых протоков рр. Ока, Кан, Гутара, Кара-Бурень, в основном в пос. Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара.

Самоназвания *тофа*, *топа*, *тоха*, *тыва* восходят к этнониму *туба* группы тюркоязычных племен, потомков древних уйгур, упоминаемых как *дубо* в китайских летописях первого тысячелетия н.э. Прежнее название — *карагасы*. Современное название представителей этого народа — *тофалар* — тюркская форма множественного числа самоназвания — *тофа*.

В языке выделяют западные и восточные группы говоров. Первоначальным ядром предков тофаларов являлись кетоязычные, а также самоедоязычные племена. В конце первого тысячелетия н.э., продвигаясь из горно-степных районов Южной Сибири в Восточные Саяны, проникли тюркские племена, отюречившие предков тофаларов. Тюрки приспособились к новым природным условиям, заимствовали материальную культуру местного населения и внесли элементы своей. В конце XVIII в. в тех местах еще сохранялись группы самодийцев, но к середине XIX в. они уже были полностью тюркизированы. С XVII в. тофаларский язык испытывал сильное влияние русского языка.

Традиционное хозяйство основано на оленеводстве, охоте, собирательстве и рыболовстве.

Как правило, каждая семья имела несколько десятков оленей и лишь немногие — свыше 100 голов. Животных пасли поблизости от стойбища без присмотра пастухов; загоняли не делали. С середины сентября до конца октября происходила случка оленей. Ко времени их отела, в конце апреля — начале мая, оленеводы перебирались в места весенних стоянок вблизи речных долин. Летом перекочевывали высоко в горы — там прохладнее, меньше мошки и больше ягеля. Почти сразу после отела и до конца сентября — начала октября важенок доили 1 — 2 раза в день, подпуская к ним телят.

На оленях-быках или кастратах ездили верхом, на важенках перевозили, используя специальные выючные седла, переметные сумы (*барба*). Подобно тувинцам-тоджинцам, тофалары садились в седло (*эзер*) слева — как принято у коневодов при посадке на коня.

Главным объектом охотничьего промысла были крупные копытные, пушные звери, а также медведь и боровая дичь. Копытных добывали круглый год, кабаргу — ради мускусного мешка — «струйки». Косуль отстреливали вблизи стойбища, а за другими копытными уходили нередко за десятки километров, на несколько дней. Для промысла маралов в период гона (сентябрь) использовали специальные деревянные дудки (*мургу*), имитирующие крик самца перед боем с «соперником»; применяли самострелы и ловчие ямы. Существовали и облавные охоты с применением засек.

Белковали на оленях группами из двух — четырех человек с конца сентября по октябрь. Соболя промыслили по первому снегу, обычно в начале октября. Обнаружив след зверька, пускали собаку и преследовали по многу часов, иногда дней. В конце ноября — декабре, когда из-за глубокого снега собаки уже не могли гонять соболей, охоту прекращали. С этого времени вновь стреляли белок, но уже вблизи стойбища.

Осенью заготавливали на зиму сарану, съедобные корни, кедровые орехи, всевозможные ягоды, черемшу, ревен, дикий лук.

Рыбу ловили сетью (*четки*), били острогом (*сэрээ*), багром (*тыртнаа*), а также устанавливали ловушки-морды (*сыген*). Крупную рыбу били из ружья.

Кочевой образ жизни, оленеводство и коневодство, промысловая охота и заготовка дикоросов требовали постоянного передвижения по тайге. Для верховой езды и перевозки грузов на домашних оленях и конях пользовались ездовыми седлами (их конструкция сходна с бурятскими верховыми конскими седлами), для перевозки колыбелей и малолетних детей — детскими, для грузов — выючными седлами.

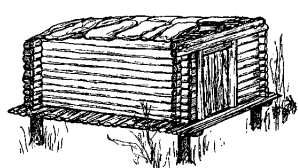
По воде тофалары передвигались на лодках-долбленках, изготовленных из стволов толстых тополей и осин, с наращенными из кедровых досок бортами. Для переправы через реки и ловли рыбы из стволов сухостойных деревьев сбивали плоты. По снегу ходили на лыжах, подбитых камусом, помогая себе одной палкой. На лыжах, не подбитых камусом, перевозили тяжелые грузы.

Зимой кочевали по долинам рек, летом уходили в горы. Зимнее стойбище состояло из 2 — 5, редко — из 6 — 7 чумов. Большее количество семей в это время года не могло обеспечить достаточный промысел на ограниченной территории. В летнем стойбище было до 10 и более чумов, но на одном месте стояли не более

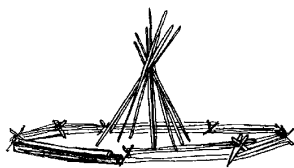
двух-трех недель, затем откочевывали на 8 — 20 км. Запасы продуктов и имущества оставляли у покидаемых стойбищ на небольших помостах-лабазах или в срубных амбарчиках на столбах. На летниках сооружали открытые лабазы (*арангас*). При переездах оленей связывали в длинные караваны (*аргши*). На первом олене обычно сидела женщина-хозяйка, на следующем везли выюк и ребенка,

Шаманская гробница близ горы Улаяха

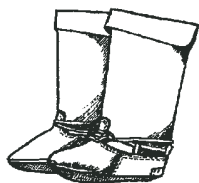
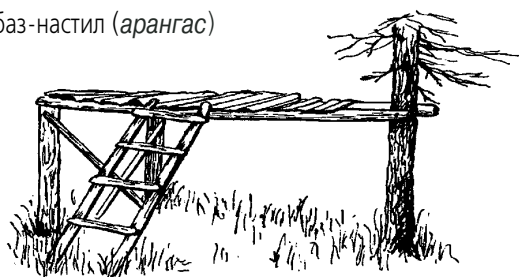
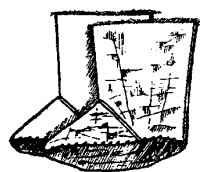

Лабаз

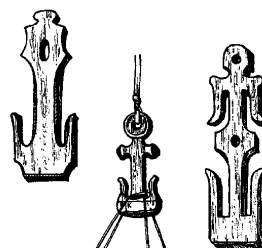
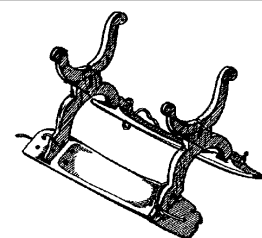

Остов и ограждение чума

Лабаз-настил (арангас)

Летняя обувь
(ичиги)Домашняя
меховая обувь

Детские унты

Колыбель (бедик)
и крюки (ахтанга) к ней

Детское седло (эрмеш)

Раздумье

далее шли вьючные олени. Хозяин и его взрослые сыновья ехали рядом. Жили в конических шестовых чумах (алажы), летом крытых вываренной берестой, а зимой — лосиными или маральими шкурами. Вход, ориентированный преимущественно на восток, прикрывали куском бересты, шкурой или тканью. Спали на земле, подстилая шкуры или берестяные полсти. У тувинцев и бурят выменивали войлочные кошмы. Вещи и продукты хранили во вьючных сумках. В чуме над очагом подвешивали на цепи бронзовый котел либо ставили на таган чугунный. Левая сторона от входа считалась мужской, правая — женской. В начале 1930-х гг. в поселках начали строить срубные дома, а чумы полностью исчезли. Мужская, женская и детская одежда существенных различий в крое не имела. Зимнюю шили преимущественно из шкур лося, марала, оленя. В конце XIX — начале XX в. уже покупали сукно, плис, китайскую ткань далембу, выделанные овчины. Состоятельные люди приобретали русскую одежду. Зимой носили шубу мехом внутрь, собранную у ворота и по поясу в сборку с глубоким запахом направо. Левую полу, обшлага и подол часто обшивали красным или черным сукном либо мехом соболя или бобра. Летом ходили в халате из выношенных оленьих шкур или из козульей осенней ровдуги. Он был прямым, со вставными клиньями по бокам и прямыми рукавами с глубокими прямоугольными проймами. Мужчины летом носили кафтан из ткани, подпоясывали его кожаным ремнем, к которому крепили нож, огниво, трут, кисет. Вплоть до XIX в. нижней одежды не было. Женщины зимой надевали шапку из оленьих шкур мехом наружу, летом — платок. Из украшений предпочитали серебряные или оловянные серьги, браслеты, кольца, а также серебряные наконечники.

У тофаларов были распространены кузнечество, обработка дерева, рога, бересты, кожи. Орнаментальной резьбой покрывали передние луки вьючных седел; декоративной вышивкой украшали сумки, кожаные игольники.

Повседневной пищей кочевых тофаларов было вареное мясо, соленый зеленый чай с оленьим молоком и печенная в золе лепешка. Дополнением служили ягоды, черемша, рыба. Мясо обычно варили крупными кусками, бульон заправляли сараной, сушеным луком. Ели печень, почки и сердце диких животных. Из крови домашнего оленя готовили кровяную колбасу. Жарили рыбу и беличье мясо. Для детей варили сарану на молоке, делали из оленьего молока творог, сметану и масло.

Западные и восточные этнотерриториальные группы тофаларов делились на восемь кровных экзогамных родов. Каждый род происходил от общего предка, имел свою территорию расселения, родовые святилища. Группы совместно кочевавших родственных семей образовывали патронимии (*аалы*). Родовая экзогамия сохранялась до середины XX в., а обычаи взаимопомощи, в частности раздел охотничьей добычи, бытуют до сих пор. К концу XIX в. со-

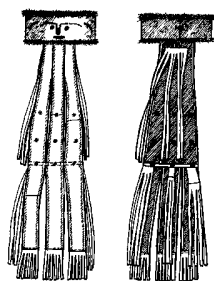

Охотники на изюбров. Фотография из музейной коллекции

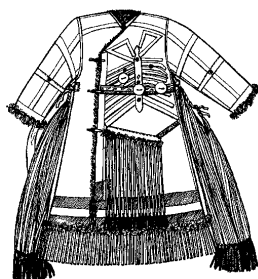
Здесь живут тофалары. Северные склоны Восточного Саяна

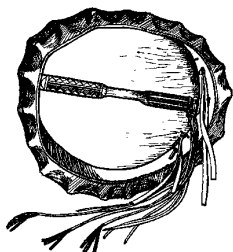
ОБРЯДОВЫЕ ВЕЩИ ШАМАНА

Головной убор

Шуба (вид спереди)

Бубен и колотушка

ществовали ритуальные запреты и ограничения. Например, приходя к родителям мужа, невестка не должна была перешагивать через орудия промысла, обязана стоять и лишь отвечать на их вопросы и т.п.

Захоронения совершали в небольших срубах в 2 — 3 венца. Летом сруб с покойником закапывали в землю, зимой устанавливали на земле. Считалось, что дух покойного отправляется в подземный мир, поэтому с умершим клали его вещи, предварительно поломав их. Через 6 — 7 дней на месте погребения забивали верхового оленя, принадлежавшего умершему. Мясо съедали, шкуру вместе с головой и ногами вешали на толстую горизонтальную ветвь дерева головой на запад.

Вплоть до XX в. у тофаларов сохранялся шаманизм. Шаманами становились по наследству как мужчины, так и женщины.

В XVIII — XIX вв. распространилось православие. На большом суглане (общем собрании) при участии священника, приехавшего из с. Солонцы, освящали браки и отпевали тех, кого хоронили по христианскому обряду.

Фольклор тофаларов включает предания, легенды, сказки

Камлание. Предгорья Восточного Саяна

крашение численности пушного зверя привело к ежегодным переделам охотничьих угодий. Среди тофаларов ускорило социальное расслоение. Русские купцы скупали пушнину, завозили охотничьи припасы, а также спирт. Для тофаларов характерна малая семья (*ёг ишти*). Патрилокальный брак заключался по воле родителей, часто в детском возрасте. За невесту выплачивали калым. Свадьба обычно длилась два-три дня. Для замужних женщин су-

(о животных, волшебные, социальные), песни, пословицы, поговорки, загадки.

Музыка исторически связана с музыкальными традициями кетов, южносибирских тюрков — хакасов, алтайцев, шорцев и тувинцев, а также бурят и эвенков. Среди оленеводческих народов музыка тофаларов — одна из наиболее архаичных. Один из основных жанров — песни (*ыр*). Их пели на свадьбе, на охотничьем празднике, во время отды-

Тофалар с балалайкой. Река Б. Бирюса.
Фотография из музейной коллекции

щипковой цитры с кожаной декой, на щипковой лютне, двухструнной смычковой (коробчатой или трубчатой) пико-лютне. На этих инструментах аккомпанировали эпическому и лирическому пению. Из духовых известна флейта. Металлический варган считался женским инструментом. В XIX — XX вв. в музыкальную культуру тофаларов проникли некоторые русские инструменты.

Шаманские обрядовые предметы культа — бубен с деревянной рукоятью и бугорками-резонаторами на широкой обечайке, колотушка для ударов по бубну; особый посох — его применяли вместо бубна начинающие шаманы и женщины-шаманки, а также особый костюм. На охоте использовали современное охотничье оружие, манки — деревянную либо берестяную длинную духовую трубу — на изюбря, пищалку из бересты — на кабаргу, свисток из тальника — на рябчика, сетки с колокольчиками при ловле скрывшегося на дереве или в камнях соболя.

В настоящее время происходит быстрое размывание этноса: свыше 60% детей, считающих себя тофаларами, происходят из этнически смешанных, преимущественно с русскими и бурятами, семей.

Хранительницы очага

ха на промысле, в пути при перекочевках. Песни сопровождали игры во время общих праздников два раза в год. Особое место в песенной традиции занимают шаманские песнопения. Эпические песни давно не исполняют, но известно, что некоторые сказания сопровождали пением в особом музыкальном жанре двухголосого горлового пения.

Инструментальная музыка (*хобус*) богата наигрышами на

охотники-браконьеры. Резко сократились добыча пушного зверя, численность оленьих стад. Многие тофалары живут только за счет выращенных овощей на своем огороде, домашнего скота и птицы, сбора дикорастущих растений и охоты на копытных.

В марте 2000 г. постановлением Правительства РФ тофалары внесены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

В 1986 г. создана письменность. В 1989 г. издан букварь и начато изучение тофаларского языка в начальных классах. В том же году тофаларский язык считали родным 44,5% представителей этого народа.

Предпринимаются попытки возродить этническую культуру. Создан фольклорный ансамбль «Тыырак ибилер» («Быстрые олени»), а также организован Центр этнической культуры. С начала 90-х гг. в тофаларских поселках стали регулярно проводить летние игры, возродив их старинное название «Аргамчы ыры» («Арканские песни»). Традиционное хозяйство с большим трудом приспособляется к современным рыночным отношениям. Шкурки соболя, белки и других пушных зверьков нередко скупают за бесценок коммерсанты, в угоду бесчинствуют приезжие

ТУВИНЦЫ- ТОДЖИНЦЫ

Численность — около 5500 человек.

Язык — тюркская группа алтайской семьи языков.

Расселение — Республика Тыва.

Тоджинцы (восточные тувинцы) — субэтническая группа в составе тувинцев, населяющая Тоджу — горно-таежные районы Восточного Саяна и его предгорий, бассейны верхнего течения рр. Бий-Хем (Большой Енисей) и Каа-Хем (Малый Енисей). Тоджинцы состоят из двух хозяйственно-культурных групп. Одна из них — скотоводы-охотники, живущие в долине р. Бий-Хем в Тодже, другая — охотники-оленоводы, жители горной тайги. Охотники-оленоводы близки по происхождению и культуре к тофаларам. Тоджинский диалект делится на говоры охотников-оленоводо- и охотников-скотоводов. Как и все тувинцы, они называют себя *тыва*, в некоторых из говоров — *тува*, *туха*. Тувинцы, живущие в степях Западной и Центральной Тувы (западные тувинцы), именуют тоджинцев *тожу кижилер*, *тожулар* — «тоджинские люди».

Вероятно, в древности Восточные Саяны населяли племена, промышлявшие преимущественно охотой и рыбной ловлей. Возможно, уже в те времена или несколько позднее здесь появились самодийские и кетские кочевники, оставившие след в местных названиях рек. В первом тысячелетии до н.э. (скифские времена) в долину верхнего течения Бий-Хема проникли племена, близкие ираноязычному населению степных районов Тывы. В начале нашей эры в Тодже появились кочевники-скотоводы, родственные гуннам Центральной Азии. Несколько столетий спустя сюда из степных районов бассейна Верхнего Енисея продвинулись кочевые скотоводческие тюркские племена, имевшие самоназвание *туба*, *тыва*. В условиях горной тайги они перешли от кочевого скотоводства к охоте, рыбной ловле и собирательству. Китайские летописи называют их *дубо* и сообщают, что живут они в чумах, покрытых берестой, имеют лошадей, шьют одежды из оленьих шкур, ходят на лыжах. На рубеже второго тысячелетия н.э. восточные тувинцы начали заниматься оленеводством и все дальше проникали в глубинные территории горной тайги, тюркизируя местные кетские и самодийские племена. Но вплоть до второй половины XIX в. еще сохранялись группы тувинцев, говорившие на самодийских языках.

В 1207 г. Туву захватили войска Чингисхана, позже, в XIII — XIV вв., она находилась под властью мон-

гольской династии Юань, правившей в Китае, а с конца XVI в. входила в состав монгольского государства Алтын-ханов. В начале XVII в. русские послы на пути в ставку Алтын-ханов описали жителей «Саянской земли», отметив, что ездят они на оленях и конях, основным жилищем им служит чум, а главное их занятие — охота. К середине XVII в. большая часть Тоджи оказалась в составе Русского государства; ее жители вносили ясак в Красноярский и Удинский остроги. Правителями Тоджи были представители родовой аристократии.

В 1914 г. Тува, включая Тоджу, приняла протекторат России, а в 1921 г. была образована суверенная Тувинская Народная Республика, которая в 1944 г. вошла в состав СССР на правах автономной области РСФСР. С 1990 г. Республика Тува (Тыва) — субъект Российской Федерации.

Основным источником существования охотников-оленоводо- была и остается охота. Ею занимались мужчины. Женщинам по сложившимся традициям запрещалось даже прикасаться к оружию. Нередко вместе со взрослыми в промысле зверя участвовали мальчики, начиная с десятилетнего возраста. Добывали лося, косулю, марала, белку, соболя, выдру, лисицу. На промысел белки, обычно в конце сентября, выезжали группами по два — четыре человека на оленях или лошадях с собаками. Охота на соболя начиналась с первым снегом, обычно в середине октября, и продолжалась до конца ноября — декабря, когда снеговой покров становился непроходимым для собак. Еще на рубеже XIX — XX вв. соболя добывали только на родовых территориях. На копытных охотились круглый год. Косулю добывали, как правило, недалеко от стойбищ, для промысла крупных копытных уходили в «далекую тайгу», нередко за десятки километров. Передвигались на лыжах (*хаак*), подшитых мехом, и голицах, упираясь в землю палкой (*даяк*), имевшей на верхнем конце лопатку или металлический крюк. Весной, покидая охотничьи стоянки, лыжи вешали на деревья и оставляли до осени. В первой половине XIX в. наряду с ружьями, главным образом кремневыми,

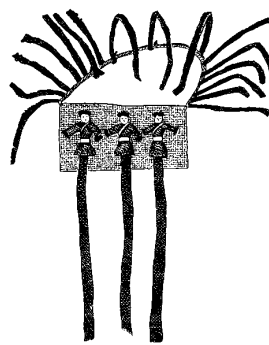
еще применяли лук (*ча*), но к началу XX в. им уже не пользовались. Единственным самодельным оружием оставался лук-самострел (*ая*), которым добывали копытных, соболя, белку, лисицу, медведя, волка, бобра и др.

Таежные тоджинцы разводили оленей карагасской породы, более одомашненных, чем все другие. В 1931 г. из 568 хозяйств тоджинцев оленеводством занимались только 386. В среднем в каждом хозяйстве было несколько десятков оленей. Имевшие менее десяти голов считались бедняками. В конце апреля — начале мая, перед отелом,

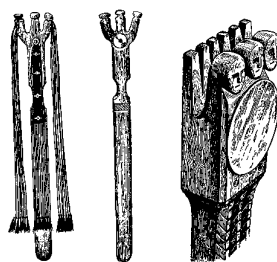
ОБЯДОВЫЕ ВЕЩИ ШАМАНА

Обувь

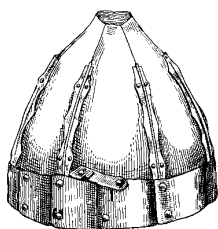

Вместилище
духов
(ээрэн)

Жезл

Верхняя часть жезла
с изображением голов

Средневековый железный шлем. Долина р. Ий

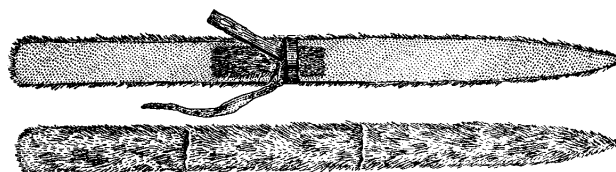
откочевывали в горы, в места весенних стоянок. После отела важенок доили один-два раза в день. Забивали оленей редко: только очень старых или в голодные времена. Использовали их прежде всего для езды верхом и перевозки грузов выюком. Было известно три типа седел: верховое, вьючное и детское. Седло клали почти

на середину спины оленя, лишь передняя часть его ложилась на лопатки. Взирались в седла с различных возвышений, иногда с деревянных кольев. Недоуздок (*баг*) состоял из ременной обороти на морде оленя и двух ремешков-вязок, охватывавших затылок. От нижней части обороти отходил ременный повод, пропускаемый при езде с левой стороны животного. Аргиш — караван (*кожуглуг мал*) состоял из нескольких, обычно трех-четырех, оленей. Лошадей оленеводы держали очень редко.

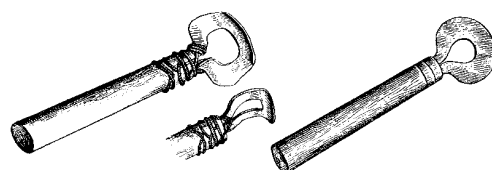
Важную роль играло собирательство, в основном лукович сараны. Женщины выкапывали их корнекопалкой. Луковичи сушили на помосте из тонких планок, под которым разводили костер, хранили в кожаных сумках. Рыболовство имело сравнительно небольшое значение. Рыбу ловили весной и осенью; зимой — в полыньях волосяной сетью (*четки*), острогой (*серээ*), багром (*тыртпа*), ловушками-мордами (*бара*).

Тоджинцы, населявшие долины, занимались охотой, разводили лошадей и крупный рогатый скот, реже — овец и

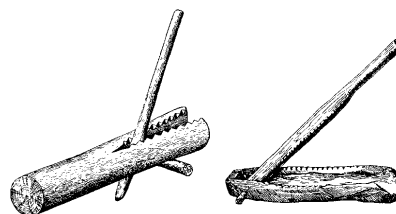
ПРЕДМЕТЫ ПРОМЫСЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Лыжи

Скребки

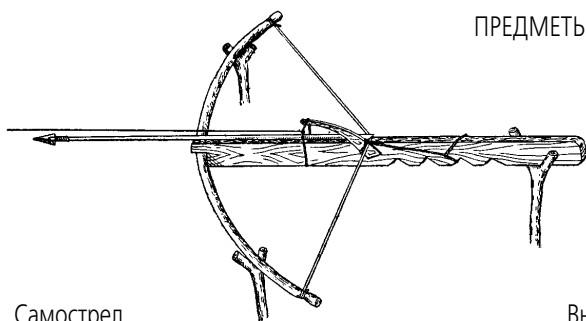

Кожемялки

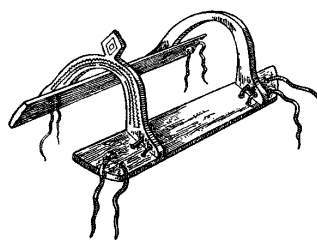
На оленеводческом стойбище в Тодже

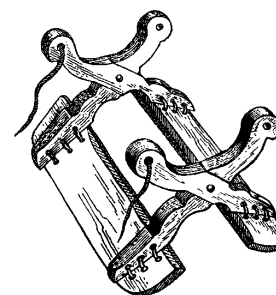
ПРЕДМЕТЫ ТРАДИЦИОННОГО БЫТА

Самострел

Выючное седло

Детское седло

коз, оленей не держали. В хозяйственно-культурном отношении охотники-скотоводы были как бы промежуточным звеном между тоджинцами-оленоводами и западными тувинцами-скотоводами.

Основным жилищем служил чум (*алажы-ог*) с коническим остовом из жердей. Оленеводы с мая по октябрь, а жители долин — скотоводы круглый год накрывали чумы берестяными покрывками (*тос шывыг*), последние с 1920-х гг. — лиственничной корой. Зимние покрывки оленеводы шили из кожи лося, марала или оленя. С конца XIX в. у скотоводов появляются четырехугольные каркасные постройки из жердей и коры (*борбак-ог*) и примитивные однокамерные срубные жилища без окон, с открытым очагом на земляном полу. Богатые скотоводы жили в войлочных юртах. С начала XX в. тоджинцы стали строить и многоугольные (5 — 6 углов) срубы, заимствованные у бурят.

В центре чума над очагом висел бронзовый котел на цепи (*илчирбе*), которую крепили к специальным жердям (*чай-ан*). Правая половина жилища считалась женской (*наштаныр чюк* — «сторона котла»), где хозяйка готовила пищу и выполняла другие домашние работы. К жердям чума на крючках из оленьего рога подвешивали берестяные сосуды, кожаные мешки с молоком, пузыри из внутренностей животных и мешочки из шкур для муки, чая, соли. Левая половина, в которой лежали оружие, сети, считалась мужской (*эр чарык*). Сторона напротив входа (*тёрлуг чюк*) была почетной: здесь сидели хозяин и наиболее почетные гости. Спали на земляном полу, подстелив шкуры. Большую часть имущества хранили в парных выючных сумках (*барба*) из лосиных камусов. Из утвари характерны берестяные конусовидные ведерки для молока (*соо*), на которые наносили орнамент, надкусывая бересту зубами. Для хранения жидкости служили также цилиндрические сосуды (*хуунг*) из березы или тополя. Из березовых наростов изготавливали чашки (*аяк*) для чая и мясного бульона. У скотоводов в центре жилища помещался железный таган, на который ставили железный котел. Справа от входа располагали посудные полки (*юлгююр*) на ножках, напротив входа — деревянные сундуки (*аптара*), на женской половине рядом с сундуками — кровать (*орун*) для супругов. Остальные члены семьи спали на полу.

Мужская и женская одежда не имела существенных различий. Основной вид верхней одежды оленеводов — шуба (*хаш тон*). Летняя — из изношенных оленьих шкур или косульей ровдуги, прямого кроя со вставными клиньями у пояса, прямыми рукавами и глубокими прямоугольными

проймами. Одежду запаховали направо. Зимой носили также шубы из шкур лося или косули мехом внутрь. К левой доле летней и зимней одежды иногда пришивали полосу темной ткани или кожи с головы лося, служившую карманом (*оорук*). На промысле подпоясывались ремнем, нередко из кожи косули с копытцами на концах. К поясу подвешивали различные охотничьи принадлежности (*саадак*). Во время оттепелей надевали короткую доху мехом наружу (*чагы, хевенек*). Летом носили рубашки из ткани, штаны из косульей ровдуги, реже — из ткани, зимой — из шкуры оленя мехом внутрь. Оленеводы предпочитали капорообразный головной убор, сшитый из двух половинок, мехом наружу, скотоводы — меховую прошитую шапку с высокой тульей. С конца XIX в. женщины стали носить платки из китайской ткани дадембы. Зимнюю обувь шили из камуса мехом наружу с голенищами до колен (*бышкак идик*). Летом у оленеводов в ходу была ровдужная обувь (*хаш идик*), а у скотоводов — монгольского типа (с загнутым кверху носком и косым срезом голенища) из коровьей кожи. Весной и осенью надевали чулки из косульей ровдуги (*ук*); в стужу — два чулка: внешний — длиной до колена, мехом наружу; внутренний — длиной около 20 см, мехом внутрь.

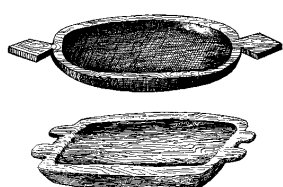
Украшениями служили серебряные перстни — по нескольку на пальце, серьги из серебряной проволоки, чеканные серебряные браслеты.

Мужчины вплоть до начала XX в. сбрасывали волосы с передней части головы, а на темени заплетали косу, бороду выщипывали; женщины носили косы, иногда вплетая черные шелковые нитки (*бежинкара*).

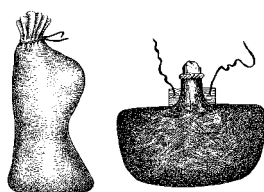
Основная пища — мясо копытных, сваренное в подсоленной воде или жаренное на палочках, воткнутих в землю у очага. Вялили мясо очень редко. Оленеводы заправляли чай оленьим молоком. Из него готовили также сыр (*быштак*), простоквашу (*тарак*), а с наступлением холодов его замораживали в очищенных кишках животных. Молочная пища в рационе скотоводов имела большее значение, чем у оленеводов. Из молока сбивали масло (*саржаг*), готовили блюда из пенки, снимая их с кипяченого молока, делали молочную водку (*арага*). Масло ели с жареным толченым просом (*тараа*) и ячменем (*арбай*). Сушеные луковичи сараны заправляли чаем; из толченых клубней варили густой суп, иногда с добавлением молока (*айлыг будаа*). Сушеную сарану брали на охоту. Часто пили подсоленный чай.

В начале XX в. большинство тоджинцев, особенно оленеводы, продолжали жить на своих исконных родовых территориях, сохраняя деление на родовые группы и занима-

ПРЕДМЕТЫ ТРАДИЦИОННОГО БЫТА

Деревянная посуда

Кожаные сосуды

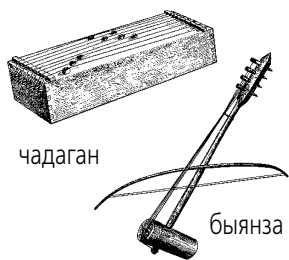

Срубное жилище на зимнике

Шестиугольная срубная юрта

Музыкальные инструменты

чадаган

быанза

ясь охотой и оленеводством или скотоводством.

До середины XX в. сохранялись родовая экзогамия, преимущественное право охоты на родовых территориях, обычай уравнительного раздела добычи среди жителей стойбища. Каждое стойбище имело свою традиционную территорию кочевков, выпасов и промысла. В конце XIX — начале XX в.

на стойбищах, особенно весной и летом, жили не только близкие родственники, но и представители других родовых групп. Существовало имущественное расслоение: в начале XX в. были и богатые оленеводческие семьи, которые держали до 300 — 400 животных, и бедняки, имевшие до десяти голов, а также сравнительно большое число безоленных семей.

В свадебный обряд входило сватовство (нередко малолетних), в процессе которого договаривались о калыме (*ха-*

лын), размер его зависел от состоятельности родителей жениха. В середине XX в. калым мог состоять из нескольких оленей, лошади, ружья, бронзового котла, других предметов утвари, а иногда — лишь из нескольких мешков сушеной сараны и дюжины беличьих шкурок. Если родители жениха не могли выплатить калым до свадьбы, то муж жил в семье жены до окончательного расчета (отработка за жену). Нередко и при выплаченном калыме жених до месяца жил в чуме родителей невесты, помогая им по хозяйству. Случаи многоженства были редки.

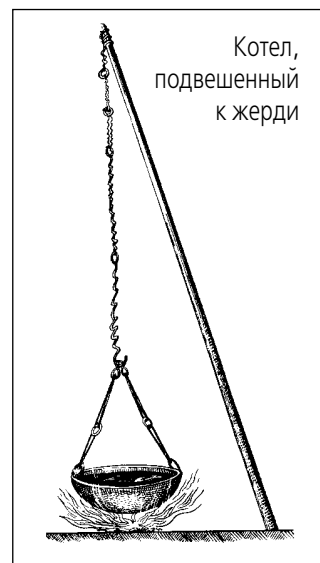
Женщины по традиции рожали не лежа, а полусидя или стоя на коленях. Колыбель (*кавай*) отец ребенка делал из бересты (у оленеводов) или дерева (у скотоводов). Детей никогда не били, рано приучали к труду.

У оленеводов было известно два способа погребений: воздушные — на помостах (*арангасах*) и на земле, в невысоких срубах, подобных тофаларским. Скотоводы хоронили умерших по обрядам ламаизма, оставляя их на земле в местах, выбранных ламами.

С XVII в. официальной религией тувинцев (в основном скотоводов) была тибетско-монгольская форма буддизма — ламаизм, но его влияние в Тодже существенно ослабляли преобладающие шаманизм и дошаманистские культы. Шаманство, за редким исключением, было наследственным.

Богатый фольклор тоджинцев (легенды, предания, сказки, песни, пословицы, поговорки и загадки) сохраняется до сих пор. Предания имеют в своей основе подлинные исторические факты. Таково, например, повествование о Хурулмае — одном из наиболее влиятельных тувинских князей XVIII в., восставшем против маньчжур и бежавшем в Тоджу. Сказки (*то-ол*) рассказывали только после захода солнца.

Широко распространены лирические песни (*ыр*). Как и у тофаларов, они в основном одноголосны и нередко сопровождаются игрой на музыкальных инструментах. Одним из любимых мужчинами инструментов была дудка с тремя небольшими отверстиями (*шоор*). Для ее изготовления из пищевода марала извлекали внутреннюю оболочку и натягивали на кору тальника.

Котел, подвешенный к жерди

Оленевод в короткой дохе (*чагы*)

Летняя одежда богатых скотоводов

Деревянная люлька

Головной убор
(маактыг бэрт)

На деревянном или железном варгане играли преимущественно женщины и подростки. Известны также двухструнный смычковый инструмент (*игил*), струнный щипковый инструмент (*чадаган*) с корытообразным корпусом, выдолбленным из кедра, и 4 — 8 волосяными или сделанными из

кишок животных струнами. Под каждой струной имела подставка из лодыжки животного, передвижением которой производили настройку. На чадагане играли преимущественно мужчины.

Современные семьи охотников-оленоводов живут в Тоджинском, Кызылском и Каа-Хемском кожуунах (районах) Республики Тыва. Этнического размывания тоджинцев не происходит, смешанные браки с русскими и представителями других национальностей редки. Однако постепенно,

начиная с 1950-х гг., утрачивается их традиционная культура. Преподавание в школах по-прежнему ведется на тувинском и русском языках. В последние годы тоджинцы пытаются вернуться к традиционным формам хозяйствования: образуются аратские (фермерские) единоличные хозяйства с промысловым укладом, создаются родовые охотничье-промысловые общины, одна из крупных — «Одуген». Свою роль в развитии экономики и культуры тоджинцев должна сыграть строящаяся в настоящее время дорога Тоора-Хем — Кызыл.

Среди тувинцев-тоджинцев есть писатели, учителя, медики, представители местной администрации, депутаты Верховного Хурала Республики Тыва, получившие высшее образование в Кызыле и других городах России. На родном языке издаются книги, транслируются передачи и программы по радио и телевидению.

В марте 2000 г. постановлением Правительства РФ тувинцы-тоджинцы включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, создана Ассоциация тувинцев-тоджинцев.

В родной стихии

УДЭГЕЙЦЫ

Численность — 2011 человек.

Язык — тунгусо-маньчжурская группа алтайской семьи языков.

Расселение — Приморский и Хабаровский края.

В конце XIX в. впервые выявлено самоназвание — *удэ, удээ, удэхэ*. Язык делится на говоры, объединяющиеся в диалекты: самаргинско-хунгарийский, хорско-анюйский и бикинско-иманский. Письменности удэгейцы не имеют.

Живут по притокам Уссури (Бикин, Хор и др.), в бассейне южной части Татарского пролива, по притокам Амура — рр. Анюю, Хунгари и Тунгуске. Ближайшими соседями были орочи, с которыми они до конца XIX в. считались одним народом.

Древнейшее население со времен палеолита и мезолита жило на р. Уссури и было представлено группами, происходившими из Юго-Восточной Азии. В различные периоды их пополняли поселенцы с запада, а на более поздних этапах — и с северо-запада. В результате формировались новые культуры, включавшие реликты предшествовавших культур. Этническая история отражает влияния средневековых тунгусо-маньчжурских государств VIII — IX, XII и XVI — XVII вв. В языке, наряду с сильным эвенкийским влиянием, проявляются следы чжурчжэньского, монгольского, тюркского, айнского, нивхского, возможно, и древнекорейского языков.

Основные занятия — охота и рыболовство. С луком и стрелами, копьями (*гида*) и самострелами (*тэгэ*) охотились на крупного зверя — лосей, изюбрей; применяли также *пальму* — нож-копье на длинной рукояти. Весной копытных загоняли по насту, зимой — по глубокому снегу. На изюбрей охотились и с трубами-манками из бересты (*бунику*). Панты (рога молодых особей) сбывали. На косуль и кабаргу ставили петли на тропах, приманивая их звуками бунику. Зимой добывали пушного зверя. На охоту уходили в октябре группами по 5 — 6 человек на лыжах и с ручными нартами. На промысле сооружали общее зимовье. Каждый член группы самостоятельно готовил давящие ловушки (*дуи, кафалу*) на белку, колонка, соболя, ставил самострелы (*сэнми*) на лисиц и выдр. Главной добычей был соболь, на которого представляли волосяные петли (*хука*). Ловили его и сетью-вентером цилиндрической формы, предварительно загнав под пень. На белку и пернатых охотились первоначально с луком и стрелами, а с середины XIX в. — с огнестрельным оружием. Добытую пушнину обычно меняли у торговцев на ткани, муку, металлические инструменты и т.п. В конце XIX в. появились купцы, увозившие товар на армарки.

Рыбу ловили в основном летом на крупных притоках Амура, Уссури, Хунгари и реках, впадающих в Татарский пролив. Большое значение имел проходной лосось, которого вялили, готовили юколу, а позднее стали засаливать. Из рыбьей кожи делали одежду и обувь. Зимой и летом рыбу добывали острогами различных видов (*мэймэ, дёгбо* и др.), удочками с наживкой в виде костяной рыбки, сетями (*ади-ли*). Жители притоков Амура заимствовали некоторые виды сетей (*чидян*) у нанайцев. В узких речках, впадающих в море, ставили заграждения (*ха*) с ловушками (*укэ*), а также большие ловушки, сплетенные из прутьев.

Занимались собирательством. Женщины заготавливали ягоды, съедобные корни, лекарственные растения, камыш для плетения циновки, траву для стелек в обувь, мужчины — древесину, бересту. Запасали впрок и дикie травы, корни, листья, клубни, ягоды, орехи. Огородничество, перенятое у китайцев, было распространено в основном на притоках Уссури.

С XVI в. у китайцев на пушнину обменивали ткани, металлические изделия, муку, крупы, растительное масло и т.п. Летом передвигались на долбленных из тополя лодках двух видов. Маленькие омороки с острыми носом и кормой (*утунги, угда*) предназначались для одного-двух человек. На такой лодке охотились на копытных, рыбачили с сетью или острогой. Вверх по мелкой воде продвигались с помощью небольших шестов, а во время охоты, подкрадываясь к зверю, гребли короткими, меньше метра, веслами. Вместительные, широкие и длинные (*баты*) с лопатообразным носом использовали для дальних поездок и перевозок грузов. Ими управляли с помощью длинных шестов и весел. Иногда при движении вверх по течению использовали собак, припряженных к лодке и бегущих по берегу. Приморские удэгейцы плавали по морю на дощатых плоскодонках. Зимой по снегу передвигались на подволоках (*сугала*), а по насту — на прямых лыжах-голицах (*кингилэ*). При ходьбе на лыжах пользовались одной палкой-посохом. Осенью, отправляясь на промысел, везли груз на ручной прямокопыльной нарте. С левой стороны привязывали длинную жердь-правило, с ее помощью направляли движение нарты или тормозили при спуске с горы. Охотник впрягался в нарту, используя лямку и подпругая иногда

двух-трех охотничьих собак. Ездовое собаководство существовало в основном по притокам Амура, но было развито слабо. Число собак в упряжке не превышало пяти — семи.

Постоянные (зимние) и временные селения удэгейцев десятками лет стояли на рр. Хор, Бикин, Самарга. Постоянные жилища (*тудэзя, хумала* и др.) в основном имели двускатную форму. Их сооружали из толстых жердей, деревянных плах и нескольких слоев коры кедр или листвен-

Маски шамана

Шапочку из камусов
с наушниками и султаном из
хвоста белки носили охотники

Мужская башмаковидная
обувь с отдельно выкроенной
подошвой

Фрагмент одежды

ницы. Внутри перегораживали на две или три части, средняя из которых с одним-двумя очагами была жилая, а боковые — хозяйственными. На р. Хунгари строили неглубокие полуземлянки со срубными стенками из двух-трех венцов, двускатной крышей и отапливаемыми нарами (*каном*). В конических чумах из плах и коры (*тоза*) обитали зимой немногие. Весной переезжали на промысловые места, во временные жилища двускатной и полуцилиндрической (*хумала*) формы или же в четырехугольные домики из коры с двускатной крышей (*кава*). С такой же крышей или в форме цилиндрического свода — небольшие срубные амбары на сваях (*дяли*), помосты на сваях для хранения различных предметов и запасов пищи, сушила для сетей и ююлы в виде жердей на треногах.

Основную утварь делали из дерева, бересты или лозы. Для приготовления пищи служили покупные металлические котлы, вмазанные в очаг или подвешенные над костром, большие глиняные корчаги и керамическая посуда.

Одежду и обувь изготавливали из шкур и кож копытных, ровдуги, отчасти из меха, рыбьей кожи, а также из покупных тканей. Распространена была халатообразная одежда кроя кимоно (*тэгэ*) с запахом на правую сторону. Женские халаты были длиннее мужских, отличались большим количеством украшений (рукава, полы, подол украшали вышивкой, аппликацией и т.п.). Пользовались спросом халаты из рыбьей кожи (*аану*, *акуми*, *амукта*). Праздничные халаты часто шили из шелка, с равными по ширине полами, иногда отрезные по талии. Вниз надевали короткие штаны-натазники, причем женские были чаще из рыбьей кожи или ткани и с маленькими нагрудниками. Женщины также носили большие нагрудники тунгусского типа из ткани с большим количеством украшений (*олэли*). На ноги надевали ноговицы (женские — немного выше колен, а мужские, поддерживаемые специальным пояском, — до бедер). Обувь была двух типов: башмаковидная с отдельно выкроенной подошвой (у мужчин обычно с высокими голенищами), и поршневидная с высокой цельной головкой. Летнюю шили из ровдуги, зимнюю — из камусов и рыбьей кожи. Одежду и обувь, даже повседневную и промысловую, часто украшали орнаментом. Зимние головные уборы капорообразного кроя шили из меха. Летом иногда надева-

ли плоскоконические берестяные шляпы. Охотники носили куртки из шкур или безрукавки со съемными рукавами из двух шкур, снятых с голов лосей. Поверх халата или куртки надевали нарукавники, фартук или юбку (*бабухи*) из кожи или шкур, на голову — шлемовидное покрывало (*помпа*) из белой ткани, защищающее шею зимой от снега, а летом — от комаров, и маленькую шапочку из камусов с наушниками и султаном из хвоста белки. К поясу подвешивали огниво, нож и др.

Летом в основном питались рыбой, а зимой — мясом. Рыбу ели круглый год — вареной, жареной, сырой, в супе с дикими растениями, потребляли много рыбьего жира, в разных видах мясо оленя, изюбря, кабарги, лося, кабана, а почки, печень, костный мозг предпочитали есть сырыми. В таежных районах рацион дополняли дикорастущие растения, а в бассейне Уссури — овощи.

Основной социальной единицей были территориально-соседские общины с непостоянным составом, не имевшие ни фиксированной территории, ни управления. Конфликты разрешали судом из представителей многих родов, приезжавших из различных селений. Существовали патрилинейные дисперсно расселенные роды, объединявшиеся иногда в экзогамные союзы (*дямугла*) типа нанайских доха. Семья была в основном малая, но известны и расширенные или неразделенные семьи. Отношения экзогамии соблюдались строго. Роды объединялись также общими ритуалами: совместно проводили свадьбы, перед началом промысла молились верховному хозяину Вселенной *Буа* и др.

Религиозные представления, основанные на анимизме и промысловом культе, различались даже у соседних групп. Повсеместно были распространены культы Буа, духа-хозяина гор и тайги, которому приносили жертвы в горах, а также его помощников — тигра и медведя. Добыв медведя, устраивали коллективную трапезу с соблюдением различных ритуальных запретов. Охота на тигра запрещалась, его следы молились, есть мясо этого животного запрещалось. Если, защищаясь, тигра убивали, то его торжественно и с почестями хоронили. Успех на охоте зависел от покровительниц зверей *Самгия-мама*, *Тагу-мама* и др. У приморских и амурских удэгейцев важную роль играл хозяин вод *Ганихи*, ему помогали касатка *Тэму* и хозяйка

Жители с. Красный Яр Пожарского района Приморского края в повседневной одежде

лососей *Мамаса Давани*. Почитали духа-хозяина огня *Пудя Азани*. Духам приносили в жертву еду, табак, кусочки ткани.

Было развито шаманство. Во время камланий шаман пользовался бубном, посохом, жезлом.

Фольклор включает сказки, мифы, главным образом космогонические, а также предания, повествующие об истории родов, песни, пословицы, поговорки и сказки — волшебные, шаманские, бытовые, о животных. Праздники сопровождались танцами, игрой на однострунной скрипке, флейте. В орнаментах на бересте, дереве, кости просматриваются древние мотивы: завитки, спирали, дуги, зооморфные сюжеты (рыбы, птицы, драконы, личины, напоминающие местные петроглифы), известна техника вышивки гладью по ткани и аппликации, роспись кожи и замши амурским криволинейным орнаментом.

С точки зрения сохранения традиций наибольший интерес представляют погребальные обряды удэгейцев, которые отличаются большим разнообразием. Даже в пределах одной группы они были неоднородны. Так, обитатели рек, впадающих в Татарский пролив, хоронили усопших и в земле, и на земле, и в бревенчатых срубах, и на помостах, устроенных на сваях. Немало было захоронений в гробах в виде долбленной лодки, поставленной на два пня, например у жителей р. Анюя.

Обитатели р. Сукпая, притока р. Хора, впадающей в Уссури, гроб (*огдиха*), покрытый берестой или тканью, ставили в двускатные сооружения (*сзудэлэ*). Рядом на высоком шесте помещали деревянную фигуру кукушки. Однако здесь

же, на р. Сукпае, некоторые удэгейцы совершали погребения и в земле. Около могилы сооружали невысокий амбарчик на сваях, куда складывали вещи умершего, а невдалеке — под навесом на горизонтальной жерди — развешивали его одежду. Детей хоронили в долбленных гробах среди ветвей деревьев. На р. Бикине удэгейцы издавна хоронили в земле.

На р. Сукпае погребение шамана представляло собой сруб на высоких сваях, покрытый корой, а дощатый гроб был завернут в бересту. На переднем конце крышки гроба вырезали зооморфные изображения в виде кукушек, тигров. Перед гробом на пяти шестах также изображали птиц, рыб. Вблизи мест захоронений удэгейцы никогда не охотились, не стреляли, не рубили деревьев.

Музыка представлена несколькими местными стилями: иманским, бикинским, хорским, анюйским, самаргинским. В интонационном отношении она заметно отличается от музыки соседних народов — нанайцев, ульчей, орочей, хотя и включает родственные мелодии и жанры. Все мелодии называют *дзага*. Это понятие обозначает, что у каждого исполнителя имеется своя форма звукового поведения в лирических песнях, в сказаниях с песенными вставками, шаманских импровизациях, наигрышах на музыкальных инструментах и звукоподражании зверям и птицам. Свои отличительные «мелодии-знаки» (*дзага*) имеют люди, животные, духи, ритуальные предметы, музыкальные инструменты.

Песенную лирику обозначают общим термином *йэхэй*, при этом у каждой локальной группы есть своя система напевов.

Песенные вставки в сказаниях самаргинских, анюйских и хорских удэгейцев называются *яваний*, иманских и бикинских — *янгу* или *ййти*. Напевы являются «прямой речью» героев, их самохарактеристикой, а также олицетворяют магическое действие: шаманское камлание, перемещение в иной мир, демонстрацию магической силы перед соперником, предсказание будущих событий.

Шаманские напевы исполняли как бы голосом духа, вселившегося в шамана. При этом практиковали специфические способы звуковоспроизведения: тремолирование («клокотание в горле»), своеобразное гудение с подключением носового резонатора («замогильный голос») и др. Некоторые виды женского шаманского пения звучали без инструментального сопровождения и назывались *хаундэ* — «песня сумасшедшего». Это была короткая мелодия, многократно повторяемая с постепенно нарастающей силой и эмоциональностью. По традиции шаманское действие предваряли игрой на ритуальных инструментах, в которой участвовали все желающие.

Среди музыкальных инструментов — труба из стебля какалии с резонирующей банкой, прикрывающей раструб,

дуговой металлический и деревянный (или бамбуковый) пластинчатый варганы, тростниковая одноязычковая дудочка с пальцевыми отверстиями, свистковая деревянная флейта из тальника или орешника, однострунный смычковый лютневый инструмент. Наигрыши на музыкальных инструментах не сопровождают пение и не имитируют вокальные мелодии, так как традиционно считаются самостоятельными «голосами» (*дзага*).

В местах традиционного проживания ныне сокращаются охотничьи и рыболовные угодья, и коренное население все реже может заниматься охотой, рыболовством и сбором дикоросов. В результате частых перемещений, снижения рождаемости, увеличения смертности, преобладания смешанных браков и других социально-экономических причин утрачивается национальная культура и забывается язык. Учебников и художественной литературы на родном языке нет. Большинство удэгейцев говорят на русском, на найском и ороческом языках.

Устойчивость самосознания в значительной степени поддерживается национальной интеллигенцией и общественными объединениями.

Цилиндрические коробки для хранения домашней утвари и прочих мелких вещей изготавливали из бересты прямоугольной формы. Ее свертывали в виде цилиндра. Края, заходящие друг на друга, сшивали. Снизу к полюму цилиндру пришивали берестяное круглое дно. Верх и низ коробки обрамляли тонкими деревянными обручами и сухожилиями, украшали резным орнаментом, окрашенным в красный, черный и голубой цвета

УЛЬЧИ

Численность — 3233 человека.

Язык — тунгусо-маньчжурская группа алтайской семьи языков.

Расселение — Хабаровский край.

Самоназвание *нани*, *нанисали* происходит от *на* — «земля», *ни* — «человек», «люди» — буквально «местные люди». Орочи, удэгейцы Татарского пролива называли ульчей *мангуны*, от *Мангу* — Амур, *Мангу най* — «люди Амура». Их и нивхов местные русские ошибочно называли гиляками. Этноним ульчи, образованный по названию одного из родов — ольчи, стал официальным названием с 1930-х гг.

Письменность была создана в 1970 — 1980 гг. на основе русского алфавита.

Происхождение ульчей неразрывно связано с происхождением их соседей в бассейне Нижнего Амура. Неолитические стоянки рыбаков и охотников размещались во многих местах современного расселения амурских народов. На протяжении нескольких тысячелетий здесь появлялись небольшие группы различной этнической принадлежности. В последние века до н.э. — первые века н.э. наиболее значительными были племена *мохэ*, принесшие на Амур тунгусо-маньчжурские языки и культуру, а до их прихода и позднее в разные периоды — тюркские, монгольские, айньские. В процессе взаимодействия всех этих групп формировалась нижеамурская культура. И в начале XVII в., и в середине XIX в. в самом близком соседстве здесь жили нанайцы, ульчи, удэгейцы, негидальцы, орочи и нивхи. В результате многовековых контактов этих народов, издавна существовавших у них межэтнических браков и межродовых союзов образовалась сходная материальная и духовная культура.

Как и у других народов Приамурья, сложная этническая история ульчей сказалась на их родовом составе. Роды Ангин, Холгой, часть Дуван, Дяксуа имели нивхское происхождение, другие — нанайское, орокское, орочское, негидальское, эвенкийское или айньское.

Важнейшим занятием было круглогодичное рыболовство, отраженное в названиях месяцев календаря: «месяц лова горбуши» (*уоро бени*), «месяц летней кеты» (*сильчи бени*), «месяц осенней кеты» (*дава бени*). Летом и осенью добывали проходных лососей, ловили также частичковых и осетровых. Основные орудия рыбной ловли: невода (*арга*, *боямагда*, *дагдали*), ставные сети (*нэмдэ*, *чидя*), четырехугольные и мешкообразные плавные

сети, сети для подледного лова (*анга*). Сооружали зимние заборы-заездки (*сипси*) на частичковую рыбу и летние (*мэнггэн*) — на лосося. Осетровых ловили сетью (*ээнгу*). С помощью крючковых снастей (*куйтэли*) добывали частичковых, снастью (*на куйтэли*) — калуг. Зимой у заездки делали прорубь, в ней добывали рыбу удочками-махалками (*умбу*), а также багром (*тэмули*) — шестом с металлическим крюком и острием. Железной острогой (*дэгбо*) кололи рыбу с лодки в разное время суток, в том числе ночью при свете факелов.

Подсобное значение имела добыча морских животных в Татарском проливе. В конце марта — начале апреля небольшие артели отправлялись с Амура на добычу тюленей, сивучей. До места промысла дощатые лодки тащили по снегу собаки, возвращались в мае по воде. Животных били гарпунами (*дарги*). С начала XX в. применяли и огнестрельное оружие. Важную роль в жизни и хозяйстве играл круглогодичный промысел лося, оленя, кабарги, косули, медведя, сезонной птицы и др. Копытных добывали гоним по насту и скрадыванием, летом применяли манки — берестяные трубы и др., на переправах кололи животных с лодок. На путях их миграций сооружали длинные изгороди (*хо*), в «воротах» устанавливали большие самострелы (*уату*). Повсеместно пользовались простым прямым луком (*пила*), реже — сложным (*бури*). В середине XIX в. главным объектом промысла стал соболь, его добывали петлями (*пуча*) (октябрь — «месяц петель»). Широко применяли ловушки (*нангу*, *капали*), самострелы (*дэнггурэ*) на лисиц, белок, колонков, горностаев, выдр и др., на лисиц устанавливали также ловушки-рогатки (*кантау*). Охотники за пушным зверем объединялись в небольшие артели и, оставив семьи в зимних селениях, на три-четыре месяца уходили далеко — в долины Амгуни, Тумнина, Горина, ездили на Сахалин. Пушнину обменивали у китайских, маньчжурских, японских, позднее — якутских и русских купцов на ткани, металлические инструменты, сельскохозяйственные продукты, украшения и др. С торговлей пушниной было связано начало имущественного расслоения. Некоторые торговцы ездили не только в Сансин (на Сунгари в Маньчжурии), но и на Сахалин, где торговали с айнами.

Существовало семейное разделение труда. Женщины в осенне-летний лов рыбы нередко управляли лодкой, заготавливали юколу, рыбий жир, жирный порошок (*сентулу*), сухой корм для собак; занимались собирательством, обработкой кож и шкур, пошивом одежды и обуви, изготовлением берестяной утвари, циновки, корзин. Мужчины ру-

Головной убор *тугдема апу* — шапка из шкуры, снятой с головы рыси

Хагду с кановым отоплением

били деревья разных пород для жилищ, хозяйственных построек, нарт, лодок и всевозможной утвари; помогали женщинам в заготовках бересты, занимались кузнечеством: из старых китайских и японских инструментов выковывали наконечники стрел, острог, копья, ножи. Из кости делали резные рукоятки ножей, игольники и др. Из крапивы или дикой конопли при помощи веретена (*поорту*) изготавливали нитки, из коры тальника и других растений — веревки для сетей.

Традиционное зимнее жилище — однокамерный (без перегородок) бревенчатый дом (*хагду*) со столбовым каркасом и земляным полом. В пазы вертикальных столбов вставляли заостренные концы горизонтальных бревен (стен). Внутри дома между центральными опорными столбами сооружали невысокий помост (*уйчэу*), на котором зимой кормили собак. Во время медвежьего праздника на этом месте, сняв помост, привязывали медведя. Отапливали дом двумя очагами: «огнем таежного бога» (*дуэнтэ тава*) и «огнем водяного бога» (*тэму тава*). Под низкими нарами (*канами*), согревая их, по трубам проходил дым из очагов и выходил через вертикальную трубу в трех-четыре метра от дома. В начале XX в. под влиянием русских стали появляться срубные жилые дома, первоначально в них устраивали традиционное кановое отопление. В зимних селениях близ жилых домов возводили хозяйственные постройки на сваях — срубные амбары (*такту*), вешала для сушки юколы — открытые (*сан*) и с навесом (*пэулэ*). Летники делали на сваях (*генгга*): задняя половина представляла собой сруб, где хранилось имущество семьи, переднюю, жилую, строили из плах. В этой части летом спали на дощатых нарах, коптели рыбу над небольшим очагом, зимой хранили юколу.

Во время летних промыслов жили в квадратных четырехугольных корьевых домиках (*даура*) с двускатной крышей и очагом в центре дома. На местах морской охоты селились в конических постройках (*наму аундяни*), крытых полотнищами из рыбьих кож. На рыбалках жилища чаще были двускатной формы (*аундя*) либо полуцилиндрические (*хомора*). Для зимних промыслов в тайге охотники сооружали дома (*лангали*) из плах с двумя параллельными матицами.

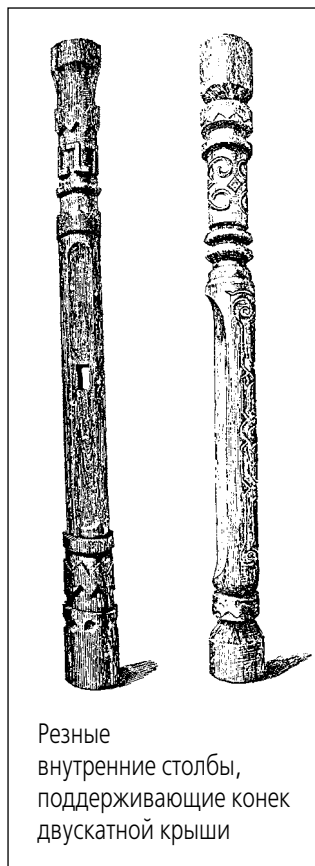
Зимой по замерзшему Амуру, его притокам и протокам ездили на нартах и ходили на лыжах, подклеенных камусом или нерпичьей шкурой (*сульта*), и голицах (*кунгульта*). Летом передвигались на дощатых (составных), берестяных (каркасных) и долбленых лодках. На дощатых плоскодонках (*угда*) рыбачили, перевозили грузы по Амуру, совершали дальние переезды. На лодках-оморочках гребли одним двупластным веслом либо двумя короткими, до метра длиной. На мелководье отталкивались одним шестом либо двумя короткими палками типа лыжных. При попутном ветре, плывя вдоль берега против течения, ста-

вили парус из рыбьей кожи или парусины, иногда припрягали двух-трех собак.

Существенную роль в хозяйстве играли ездовые и охотничьи собаки. В середине XIX в. каждая семья держала до 12 ездовых собак. Использовали собачьи нарты амурского типа — узкие, с двусторонне загнутыми полозьями, собак запрягали «елочкой». С появлением русских распространились нарты восточносибирского типа — широкие, с вертикальной дугой. Собак в них запрягали попарно. Лошадей начали приобретать для зимнего «приработка» — грузовых и почтовых перевозок.

Традиционная одежда и обувь — амурского типа. Женские (*арми*) и мужские (*хэтэ*) халаты из рыбьей кожи мало различались по покрою. Женские по подолу украшали металлическими бляшками в один ряд, а праздничные — разноцветной аппликацией, особенно на спинке. Мужские охотничьи куртки (*боодо*) изготавливали из шкур нерп, *качуи* — из оленьей или лосиной ровдуги. Для зимней рыбалки женщины и мужчины использовали шубы из собачьих шкур, под которые надевали меховые безрукавки. В дальнюю зимнюю поездку на нартах поверх шуб мужчины надевали *хоси* — юбки из нерпичьих шкур; на рыбалку и различные работы — передники (*бэли*) из рыбьей кожи. Такую же одежду, но из ровдуги, украшенную вышивкой шелками и подшейным волосом оленя, мужчины надевали на свадьбу. Нижняя одежда — короткие штаны из ткани, рыбьей кожи и других материалов, едва доходившие до бедер; женские — с четырехугольными нагрудниками без украшений (*дэлба*). Ноговицы (*ои*) делали из ткани, рыбьей кожи и прикрепляли к пояску (*тэлэ*). Для зимы их шили из ткани, на вате, для охотников — из ровдуги, оленьих камусов, собачьих шкур.

Под халатом женщины носили длинные — от шеи до колен — нагрудники эвенкийского типа (*лэлуэ*), богато украшенные вышивкой из бусин и бисера с резными металлическими бляхами. Короткие, меховые, без украшений мужские нагрудники (*урунту*) предназначались для поездок в сильные морозы. К середине XX в. их ввели в комплект погребальной одежды. Дополнительные элементы одежды: пояса кожаные охотничьи и женские, плетенные из разноцветных ниток. В праздники женщины надевали вышитые тканевые или меховые пелерины (*сини*), а также съемные круглые меховые воротники (*монгоско*). Богато орнаментировали наруканники из ткани. Укра-

Резные внутренние столбы, поддерживающие конек двускатной крыши

Колыбель нивхского типа выдолблена из куска дерева

Старинный женский нагрудник *лэлуэ*, с. Койма

шения для шеи, ушей, рук были покупными. Головные уборы — как и у других народов Амура: капорообразные из ткани на меху, из собачьих камусов или оленьих шкур; женские «рысьи» шапки (*тугдема апу*) со стоячими на макушке ушками рыси и хвостиком сзади; охотничьи маленькие шапочки (*порогдо*) из шкур нерпы или белых камусов собак со съёмными наушниками на меху (*дява*) поверх шлема-покрывала из белой ткани (*гальмасу*), защищавшего от снега шею; и плоскоконические берестяные шляпы (*талума апу*). Обувь отличалась большим разнообразием (для нее имелось более 10 названий), но в основном была двух типов: поршневидная амурского типа из шкур и кож морских животных и рыб со стелькой из сухой травы и башмаковидная тунгусского типа, с отдельно выкроенной подошвой из ровдуги или камусов и пришитыми длинными для мужчин и короткими для женщин голенищами. Такую обувь носили с меховыми или тканевыми, на вате чулками.

Традиционную пищу в основном составляла рыба. Из мякоти лососевых, осетровых и частиковых рыб заготавливали юколу, оставшийся костяк использовали на корм собакам. Юколу ели сырой или, размачивая, поджаривали на углях, варили из нее суп с дикорастущими травами, кореньями и клубнями. Охотники брали ее на промысел. Любимое

блюдо — сырая рыба (*тала*). Из нее варили супы без соли с приправой из дикорастущих растений, жарили на узкой длинной решетке из проволоки (*дялдяку*), заготавливали впрок рыбную муку (*септулу*). На промысле запекали рыбу целиком на вертеле. Весной ели *каси* — вареную, мелко изрубленную и перемешанную с диким луком вяленую корюшку (*хэдюктэ*). Из кожи кеты, ленка, сазана, амуре готовили *моси*: сухую кожу вымачивали, соскоблив чешую, и варили до полного разваривания. Затем деревянным пестиком растирали с теплой водой и рыбьим жиром, добавляли ягоды черемухи, стланиковые орехи, бруснику, сарану, толченые желуди и разливали в деревянные чашки, где масса застывала в виде студня. Из мяса диких животных чаще всего ели медвежатину, лосятину, оленину, зайчатину, в большом количестве — диких уток, гусей, рябчиков, куропаток; во время пушного промысла — мясо белок, соболей, рысей. Мясо чаще всего варили; сырыми ели легкие, печень, мозг, мясо с ног оленей, лосей; сушеное толкли в порошок и варили с травами или, размочив, жарили на вертеле. Мясо нерпы любили только свежим, широко использовали сырой нерпичий жир. Важное место в питании занимали съедобные растения — черемша, дикий лук, сарана, крапива, лишайники, желуди, брусника, голубика, малина, черная смородина, шиповник и пр. Из толченых

Сикэ — свадебный мужской халат (вид спереди и сзади), с. Ухта

ягод черемухи делали тесто, пекли лепешки. Древесные грибы клали в суп или жарили. На побережье Татарского пролива собирали морскую капусту, варили из нее студень или суп. Из чумизы варили *баду* — жидкую кашу без соли, летом и осенью в нее добавляли свежую икру кеты или горбуши. Из привозных муки и пшена на стенках котла пекли лепешки. Со второй половины XIX в. в рацион стали входить сахар и картофель, которые выменивали у русских на рыбу. Пищу готовили в покупных котлах, а ели палочками, сидя за маленькими столиками. Посуда, берестяная и деревянная, чаще была собственного изготовления, но пользовались и покупной. В начале XX в. у русских научились засаливать рыбу, сажать картофель.

Издавна ульчи жили территориально-соседскими общинами, включавшими в свой состав представителей разных родов и народов. Основной экономической ячейкой была семья. В начале XIX в. преобладали малые семьи, состоящие из родителей с детьми; неразделенных семей (родители с женатыми сыновьями, женатые братья) было около 20%. В общинах представители иноэтничных семей вступали в смешанные браки. Укреплению взаимоотношений общинников способствовали и союзы (*доха*), заключавшиеся между семьями различной родовой и этнической принадлежности. Взаимопомощь, гостеприимство были

главными правилами общежития. Жизнь общины регулировали нормы обычного права, основную стабилизирующую роль играло общественное мнение, а возникающие конфликты разрешали с помощью межродового суда, причем в судьи приглашали представителей «нейтральных» родов. Род, как и община, имел большое значение при заключении экзогамных браков и отправлении религиозных родовых культов.

Во всех сферах жизни важнейшую роль играли религиозные верования. Рождение и смерть человека сопровождались множеством магических обрядов.

Согласно анимистическим верованиям и промысловому культу, духами, которые обитали в тайге, воде, любом другом месте, и богами, которых называли «люди», был наполнен весь мир от Верхнего *бакта* (*ба* — небо), Среднего (*мун-на* — земли) до Подземного мира (*буни*), куда уходили души умерших, чтобы жить там обычной «земной» жизнью.

Духом-хозяином земли считался *На эдени* — «земли хозяин», помогавший охотникам на промыслах. Ему молились в тайге. Но чаще всего моления обращали к небу, где жил *Хадау* (*Ундё*) — устроитель мира, природы, человека, который давал охотникам души промысловых зверей в обмен на подарки и кровавые жертвоприношения в виде курицы или свиньи. Главный небесный бог *Ба эндури* обладал человекоподобным видом. Остальным небесным богам, та-

Одежда в наследство от мам и бабушек. Река Амур

Подледный лов неводом

ким как *Сангия мапа*, поклонялись все роды, а два отдельных рода имели еще и своих особых богов. В случае болезни молились солнцу и звездам. Важными считали сферы, с которыми соприкасались охотники и рыбаки, где главными были представления о «хозяине» водяного мира (*тэму эдэни*), огня (*пудя*). Им молились, приносили жертвы, «угощали» различной пищей, любимыми растениями, старались не обижать своим поведением. Считалось также, что и другие животные, например соболь, добыть которого мечтал каждый, имели «хозяев». К животным из почтения к их «хозяевам» относились бережно. От духов-хозяев зависела не только удача в промысле, но и здоровье охотника, его близких. Как и у других амурских народов, особое место в жизни ульчей занимал медвежий праздник — религиозно-мистическое действо, посвященное «хозяину» всех медведей. Большой сложностью отличались взаимоотношения с духами воды. Их почитали, регулярно «кормили», но в то же время боялись. В промысловых культах широко применяли различные зооморфные и антропоморфные фигурки из дерева, трав и т.п., которые изображали различных духов, «помогавших» на охоте, в рыболовстве, их хранили, регулярно «кормили». Характерен был также культ близнецов (*адау*). Считалось, что в рождении близнецов были «повинны» таежные и водяные духи. Близнецов и их мать воспринимали как необыкновенных людей; их поведение (и погребение) регламентировали строгие правила.

Религиозные верования нашли отражение и в свадебном обряде. Отец невесты ходил в тайгу молиться духу-хозяину Земли о счастье дочери, «угощал» его особой пищей, потом этой «освященной» пищей кормил новобрачных. Символический смысл придавали угощению в доме жениха новых родных пища, привезенной невестой из родного дома, приготовленной на огне ее отца, и т.д.

Погребение обычных людей связывали с представлениями о подземном мире, о судьбах душ после смерти. С начала XX в. умерших, особенно после эпидемий второй половины XIX в., стали хоронить в земле, но традиционными были наземные захоронения в срубных домиках для гробов. Детей до года-двух хоронили на ветвях деревьев, и этот обычай соблюдали довольно долго, вплоть до XX в. После погребения регулярно совершали малые поминки, через год — большие, а последние поминки (*каса*) — с участием большого шамана (*касаты*). Он умел переправлять души умерших в загробный мир (*буни*), используя для этого специальное снаряжение, унаследованное от предков. Особые обряды соблюдали при погребении утонувших.

Шаманов различали по степени силы: *хоракача* — слабые, лечившие только себя; *суилмэ сама* — простые шаманы, мужчины и женщины, ставшие шаманами «по наследству», после обряда посвящения. Все шаманы имели духов-помощников (*аями*), переходивших по наследству. Помимо лечения больных шаманы занимались сохранением душ младенцев, что было особенно важно для семей, где часто умирали новорожденные. Сохраняемые души детей шаманы держали в *дюасу* — «потусторонних» хранилищах, особые у каждого шамана. К аксессуарам помимо бубна, костюма с изображениями духов-помощников и

Башмаковидная мужская обувь

Шаман Чоло Дятала, с. Дуди

множества фигурок духов относился столб (*дару*), через который шаман «попадал» в Верхний и Нижний миры. К *дару* по первому звуку бубна «слетались», иногда за сотни километров, помощники, здесь заканчивалось каждое камлание.

Хотя ульчи были крещены, традиционные верования оказались устойчивыми.

Фольклор включает мифы о происхождении Вселенной, мифологические и бытовые рассказы, исторические предания о происхождении родов, рек, озер, поверья о возникновении обычаев, волшебные сказки, загадки. Различают следующие жанры: рассказы (*тэлунгу*), сказки (*ниманку*) и загадки (*нагбусинку*).

Разнообразно представлен ритуальный фольклор: шаманские песнопения, благопожелания, обращения к духам, плачи, проклятия (вредоносная магия), свадебные, погребальные песни, запреты.

Музыка родственна музыке нанайцев, орочей, негидальцев и нивхов. В ней — лирические песенные импровизации, песни-диалоги, женские сакральные речитативы, песенные вставки в мифы, сказки, предания, ритуальные напевы шамана, женские мелодии медвежьего праздника, инструментальные наигрыши и сигналы.

Среди музыкальных инструментов — трехструнная щипковая коробчатая лютня, тростниковая одноязычковая дудочка, свистковая флейта, деревянный или бамбуковый

Женская обувь из нерпичьей кожи *мандлюрака ута* с голенищами из ткани, с. Монгоол

пластинчатый и металлический дуговой варган, охотничьи манки.

Шаманские обряды сопровождались звуками бубна с погремущками на ободу, конусных подвесок-погремущек на поясе, бубенчиков, колокольчиков, металлического диска, позвонков на шаманском посохе. На медвежьем празднике играли на «ударном бревне» из ели.

Современные ульчи — оседлые рыболовы, живут в поселках. В Ульчском районе Хабаровского края за последние годы были созданы национальные предприятия и крестьянско-фермерские хозяйства. Развиваются традиционные художественные ремесла.

Уникальным центром сохранения и развития культуры является с. Булава Ульчского района. Здесь созданы детская художественная школа, музейный исторический комплекс, национальные товарищества по прикладному искусству. Особой любовью пользуются фольклорные ансамбли «Гива» («Рассвет») и «Диро» («Пуночка»), исполняющие народные песни и танцы.

В школах изучают родной язык, однако молодежь владеет им плохо.

Традиции и культуру ульчей развивает национальная интеллигенция.

Газета «Амурский маяк» периодически издает страницу на ульчском языке, а местное радиовещание готовит передачи о жизни, быте, культуре народа.

Ассоциация малочисленных народов Севера и Приамурья активно выступает за создание национальных сел, развитие традиционных и современных видов хозяйствования коренного населения.

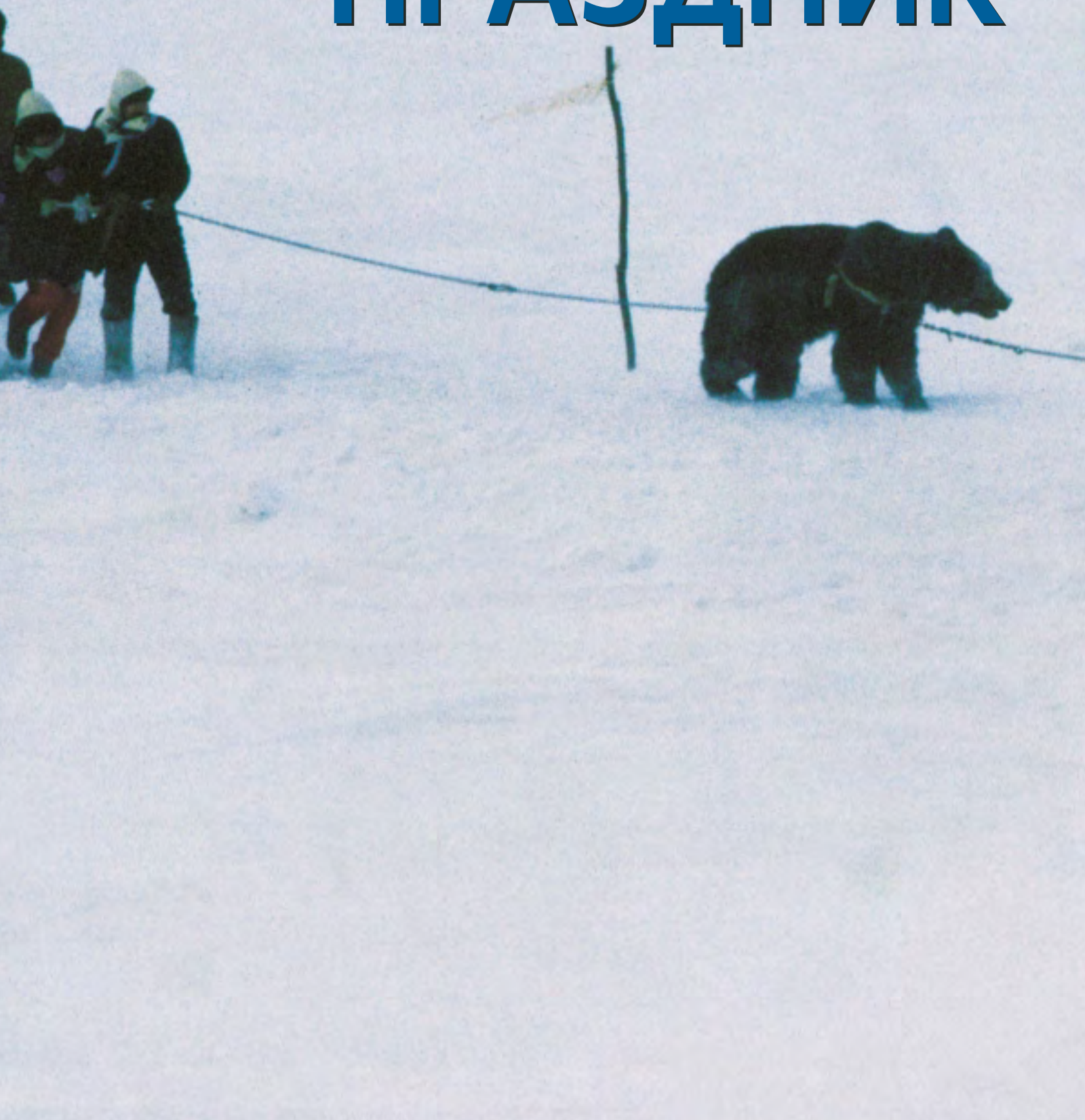
Свою технику плетения женщины передают по наследству

Фрагмент женской одежды:
аппликация, шитье нитками, пуговицы, бляшки

МЕДВЕЖЬИЙ ПРАЗДНИК

Медвежий праздник (манс. *яны йикв* — «большие пляски», нивх. *чхыф леранд* — «медвежья игра») — комплекс обрядов, связанных с культом медведя. Обряды сопровождаются игрой на музыкальных инструментах, ритуальными и развлекательными плясками, пением. Условно медвежий праздник состоит из нескольких частей: ритуальной, с соблюдением всех правил и запретов охоты или инсценированной охоты на выращенного для этого медведя (иногда — хранение медвежьей шкуры для праздника), с соблюдением правил, запретов и ритуалов свежевания его, доставки освежеванной туши и шкуры с головой в селение, где медведя встречали как гостя, одаривали его и угощали, извинительных обрядов (отведение вины за убийство на «русское ружье», а за поедание мяса — на ворон); воспевания зверя как предка рода, фратрии или родственника (медвежий фольклор); звериных и птичьих плясок, драматических сценок и инсценировок, в некоторых случаях — и спортивных состязаний; ритуального приготовления медвежьего мяса и трапезы; обрядов захоронения костей, черепа, призванных возродить медведя; хранения шкуры, черепа, норки (части морды), губ и лап в качестве священных.

Существуют мифы о том, как зародились ритуалы медвежьего праздника. В эвенкийском мифе рассказывается о девушке, которая пошла в лес, упала в берлогу к медведю и провела там зиму. Весной она вернулась к родителям и родила медвежонка, которого они воспитали. Позже девушка вышла замуж за человека и родила мальчика. Оба брата выросли и решили померяться силами. Младший брат — человек убил старшего — медведя. Умирая, медведь поведал, как надо на него охотиться и как хоронить. В мифе хантов и манси медведица, съевшая растение *порих* и родившая двух медвежат и девочку, говорит дочери: «Завтра придут люди. Меня, твоего брата и сестру они убьют, а тебя возьмут с собою. Когда люди будут варить мое мясо, ты, смотри, не ешь, а к ночи приходи к заднему углу дома». Так и случилось. В условленном месте девушка встретила мать-медведицу, которая три ночи наставляла ее, как надо себя вести и как поступить с мясом и костями. У кетов Кайгусь-медведь хочет жениться на девушке и похищает ее. Но его преследуют, он отпускает девушку и рассказывает ей, что надо делать для его возрождения после смерти.

Культ медведя (особое отношение, поклонение, служение ему) характерен для всех народов Севера, медвежий праздник — лишь для части из них. Условно можно выделить три основных варианта медвежьего праздника: 1 — общего характера (условно), свойственный эвенкам, эвенам, кетам, северным якутам и др., 2 — обско-угорский (у хантов и манси), 3 — амуро-сахалинский (у нивхов, ульчей, удэгейцев, орочей, ороков).

Первый вариант наиболее ярко представлен у эвенков и кетов. Он приурочен к охоте на медведя, и главное в нем — трапеза. Медвежье мясо едят ночами в течение всего праздника (до трех дней), а в промежутках между приемами пищи устраивают танцы, игры, поют.

У эвенков медведя убивал старший из охотников, а свежевал свойственник (*нимак*). Снимая шкуру с головы медведя вместе с шейными позвонками, приговаривали: «Дед

(бабка), шубу снимать станем, много муравьев бегают, они кусаться станут». Отделяли сало, делили его между семьями, тушу доставляли в селение на нартах, которые затем ломали. В селении продолжали свежевать добытого зверя: отрезали голову, вынимали легкие, сердце, печень, глаза, вырезали уши, язык, нос, половые органы (их хранили до окончания праздника). Чтобы приобрести свойства медведя, нимак — родственник охотника — съедал сырое мясо.

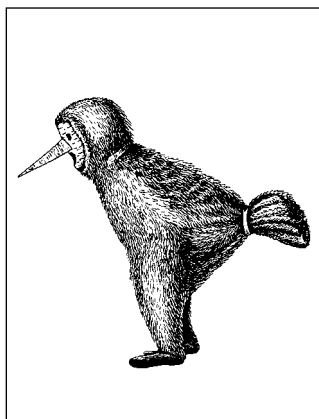
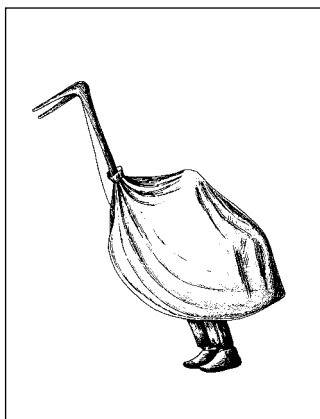
У большого дерева разводили костры. В первый день варили шейную часть. Молодежь играла, плясала и водила хороводы. В полночь «крик ворона» возвещал начало трапезы. Ели молча у костра и расходились. На второй день варили мелко нарезанные сердце и внутренности, в других котлах — мясо. Молодежь снова развлекалась, водила хороводы. После полуночи опять раздавался «крик ворона», все отвечали «птице», мазали лица сажей и, называя друг друга *оли* — ворон, садились вокруг костра. Нимак раздавал ложки и пускал сосуд с сердцем и внутренностями по кругу. Медвежье мясо ели, разойдясь по чумам. На третий день продолжали варить мясо и проводили обряды с головой, половыми органами медведя, мясо с головы съедали в полночь. Череп завертывали в бересту и хоронили. Шкуру медведя получал нимак (в ответ он дарил охотнику оленя), ее окуривали и хранили в семье вместе со святынями. Лапу вешали в чуме как талисман или отдавали шаману для изготовления колотушки.

У хантов и манси медвежьих праздники были не только спорадические (по случаю удачной охоты на медведя), но и периодические. В далеком прошлом, когда убивать медведя, предка фратрии Пор, и есть его мясо запрещалось, очевидно, проводили только периодические праздники, на которые допускали лишь членов фратрии Пор. Со временем, когда запреты ослабли, на празднике позволяли присутствовать чужеродцам, а позднее — и иноплеменникам. Для возрождения зверя и отведения вины стали добывать медведя, съедать его мясо и проводить спорадические медвежьих праздники.

Периодические праздники — «медвежьих игры» — устраивали зимой в течение семи лет, с последующим семилетним перерывом. Начинались они в декабре, с периода зимнего солнцестояния, а заканчивались в марте, в период весеннего равноденствия. Сначала «играли» подряд четыре ночи, затем через 5 — 7 дней перерыва в течение января и февраля — по 1 — 2 ночи, по мере того как из окрестных селений собирался народ. В начале марта «играли» семь ночей, перед полнолунием «игры» завершались.

Праздник проходил в центре фратрии Пор — д. Вежакоры на Оби. Медведя представляла его шкура, которую обычно хранили в священном амбаре. Первая часть праздника включала песни, сказания о медведе и о происхождении людей Пор, танцы предков. В «медвежьих песнях» рассказывалось о происхождении медведя, установлении обрядов. Затем следовала священная часть — «призывные песни» и «птичьи танцы», во время которых обращались к общим божествам, вызывали предков, мужчины исполняли танцы с саблями или мечами. Впрочем, песни и интермедии также поручали исполнять мужчинам, одетым в специальные костюмы (лисицы, петуха, журавля и др.), с берестяными и деревянными масками на лицах. Костюмы и ак-

сессиуры праздника (сабли, мечи и др.) хранили в священном амбаре или в специальном общественном доме — «танцевальной избе». В последнюю ночь праздника разыгрывали священные представления, изображая главных духов — Большого духа, Калтащ-экви, Мир Сусне хума, исполняли посвященные им танцы. Традиционные пляски и интермедии изображали противоборство медведя, предка фратрии Пор, и Журавля, представляющего фратрию Мось. На медведя и всех присутствующих нападали также комары, филин, огненная лисица, ворон. Танец огненной лисицы исполняли в зимней одежде, к которой привязывали хвост из соломы. Во время танца хвост поджигали — это должно было привести к очищению помещения и участников праздника. Танцевали и пели под аккомпанемент пятиструнного музыкального инструмента *сангультапа*. Заключительный эпизод праздника — приход семи лесных духов — *мэнквоов* (духи фратрии Пор) за искупительной жертвой в виде двух деревянных фигурок мужчины и женщины. Их уносили в тайное святилище и сжигали. Позднее этот обряд принял форму кукольного представления. Куклы выступали антагонистами медведя, и гибель куклы, которой заканчивался спектакль, воспринималась как искупительная жертва. Если убивали медведя, то медвежий праздник обских угров длился пять ночей, если медведицу — четыре, а если медвежонка — то 2 — 3 ночи (столько же исполнялось и «медвежьих песен» в начале праздника). Спорадический праздник являлся сокращенным вариантом периодического. В нем было больше развлекательных элементов. Когда тушу медведя привозили в селение, устраивали обряд очищения: летом всех обливали водой, зимой обсыпали

снегом. Праздник проходил в доме охотника, добывшего медведя. Шкуру с головой и лапами укладывали в переднем углу на столе в жертвенной позе — голова положена на вытянутые лапы. Голову медведицы покрывали платком, на глаза клали кружки из бересты или монеты, лапы украшали кольцами, ленточками. Перед головой ставили угощения, фигурки из теста, изображавшие жертвенных оленей (раньше приносили в жертву оленей и лошадей), для окуривания — дымящуюся чагу. Все, кто приходил на празднование, кланялись медведю, целовали его лапу (женщины — через платок). На празднике пели песни о медведе, его жизни в лесу, о том, как его добывали. Важное место занимали обряды «отречения»: охотники обращались к медведю и говорили, что они не виноваты в его смерти. Сначала вина отводилась на членов фратрии Мось, позднее — на иноплеменников («виновато русское оружие»). В течение нескольких ночей исполняли медвежий фольклор, танцы, песни и представления — инсценировки в масках (*тули лап*). Они имели как сакральное, так и развлекательное значение. Все роли, в том числе и женские, исполняли мужчины. Женщины танцевали, закрыв от медведя лица и руки большим платком. Назидательно-сатирический характер носили сценки, изображавшие хвастунов, трусов, воров, лентяев, нерях. Объектом интермедии мог стать любой человек, в том числе присутствующий на празднике. Никто не обижался на актеров. Тем более что всем известные актеры были как бы анонимны: когда после представления и переодевания они возвращались в дом, хозяин спрашивал их: «Люди здесь веселились, где вы были весь вечер?» На что они отвечали: «Нам это совершенно не известно: мы все время крепко спали».

Кульминация праздника — представление с тряпичными куклами, укрепленными на ногах лежащего на спине артиста, либо с деревянными фигурками, которыми управлял музыкант, играющий на сангультале. Мясо медведя ели лишь в последнюю ночь праздника. Варили его только мужчины, в особом месте и в специальных котлах. Ели руками или особыми палочками (нельзя было использовать металлические предметы), кости разделяли по суставам. Мужчины ели мясо от передней части туши, женщины — от задней. (Голову, лапы и сердце варили мужчины позже, в лесу, и ели отдельно). Во время еды каркали по-вороньи, отводя от себя вину. Говорили: «Вороны пришли, вороны едят». Очищались: обливались водой, зажигая стружки, ртом захватывали пламя, проводили руками над огнем, лезвием ножа постукивали по зубам. После этого человек с горящим трупом обходил все углы жилища и кричал по-птичьи; открывал дверь, «выгоняя» птиц на улицу, — дом очищался от нарушителей запрета. Затем гасили свет и делали вид, что засыпают. Раздавался голос: «К верхнему духу поднимается» (медведь). Кости медведя хоронили в лесу или озере, череп вешали на высокий пенек или хранили завернутым в платок в священном сундуке.

Амуро-сахалинский медвежий праздник также устраивали периодически или по случаю удачной охоты на медведя. Наиболее ярко он представлен у нивхов. В охоте на медведя участвовали члены рода во главе со старейшим охотником. Он садился на спину убитого медведя и кричал: «У-у-у-у!» три раза, если убит был самец, и четыре —

если медведица. Чтобы задобрить зверя, в его левое ухо клали табак. Освежаяв тушу, доставляли в селение — везли головой вперед, предупреждая сородичей криком. Женщины встречали медведя игрой на музыкальном бревне. Тушу клали в амбар, шкуру с головой — на помост, где уже хранились кости, черепа, половые органы добытых ранее медведей. Тут же складывали охотничье снаряжение. Ставили всевозможные угощения, жареное мясо медведя раздавали присутствующим. Трапеза сопровождалась игрой на музыкальном бревне.

Гораздо больше у амурских народов разработан ритуал периодического медвежьего праздника — с выращенным в клетке медведем, который проводили в январе — феврале, в период полнолуния. С одной стороны, он был связан с промысловым культом (сопровождался обрядом кормления хозяев земли, леса и гор), с другой — с поминками по умершему родственнику, душа которого якобы перешла в медведя.

Медвежонка, найденного в лесу, выращивали три года в клетке. Хозяйка первое время даже кормила его грудью, называя «сыноком». Праздник делился на несколько этапов: 1 — изготовление священных стружек *инау*, 2 — убийство медведя, 3 — водворение головы зверя на помост, 4 — кормление медвежьим мясом гостей, 5 — принесение в жертву собак, 6 — разъезд гостей.

В назначенный день хозяин медведя наливал вино домашнему духу и обращался к нему с просьбой извинить за то, что не может больше держать медведя, хотя все время обращался с ним хорошо. Затем с гостями он шел к клетке и угощал животное. Медведя водили по селению, его радостно встречали в каждом доме, угощали рыбой, специальным студнем из рыбьей кожи, вином, кланялись ему — это должно было принести благополучие дому. Под звуки музыкального бревна все плясали, пантомимой изображая будущее путешествие медведя к прародителям.

Убивал медведя зять (или зятя) на специально подготовленной площадке («стрельбище»). Медведя свеживали, шкуру с головой спускали в дом через дымовое отверстие. В жертву приносили собак. Начинали угощаться приготовленными блюдами. Между трапезами устраивали танцы, гонки на собаках, фехтование на палках, стрельбу из луков, женщины играли на музыкальном бревне. На огне, разведенном с помощью родового огня, варили медвежье мясо, вынимали его специальным черпаком с изображением медведя, подавали в деревянных ковшах, сделанных к празднованию. Медвежьей голову и мясо украшали стружками *инау*. Кости собирали и отдавали хозяевам, прикрепляя к ним какой-либо дар (копье, нож, ремень, даже собак, женщины — чашку с едой). Все дары вместе с костями якобы отсылались «лесным людям» — медведям. Перед окончанием праздника старики сидели целую ночь около черепа медведя, ели ритуальные кушанья и разговаривали с ним.

Череп хранили в амбаре или на дереве, весной и осенью, начиная промысел, «кормили» их.

Медвежий праздник народов Севера соединил в себе элементы тотемизма (обряды возрождения медведя — предка и хозяина зверей) и промыслового культа. В нем также нашел отражение широко распространенный миф об умирающем и воскресающем звере.

ХАНТЫ

Численность — 22 520 человек.

Язык — финно-угорская группа уральско-юкагирской семьи языков.

Расселение — Тюменская и Томская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

В бассейне Оби, Иртыша и их притоков живут ханты. Раньше населяли более обширные территории — севернее (р. Северная Сосьва), западнее (р. Конда) и южнее (рр. Демьянка, Тура, Тавда).

Выделяют три этнографические группы: северную (самоназвание — *ханты*), обитающую на Нижней Оби с притоками Казым, Куноват, Сыня, Войкар, южную (*хантэ*), расселенную в низовьях Конды, на Иртыше и части Средней Оби, и восточную (*кантэк*, *кантэх*, *кантага-ях*, *канта-ях*, *канты-ях*), живущую на Средней Оби с притоками Аган, Пим, Тромъеган, Большой и Малый Юган, Вах, Васюган. Для каждой из этих групп характерны диалекты, расценивающиеся как самостоятельные языки (северные ханты не понимают языка южных и восточных). В свою очередь, васюганские, казымские, салымские и другие ханты различаются говорами или наречиями, а также особенностями хозяйства и культуры. Среди них распространены локальные самоназвания: *казым ех*, *сыня ях* (*ях* — «народ», «люди» — «люди Казыма», «люди Сыни» и т.п.). Северные ханты по культуре близки к манси.

Этноним ханты связывают либо с названием р. Конды (*Хунтэ*, *Контэх*), либо с терминами тюркского происхождения *хан*, *хондихо* — «ханские люди», либо с самоназванием гуннов (*хунну*), финским *кунта* — «община» или венгерским *хад* — «войско». Скорее всего, этноним происходит от самоназвания *хантэ*. До 1917 г. русские называли хантов остяками (от хантыйского *ас-ях*, где *ас* — «большая река», согласно другим толкованиям — от татарского *истек*, *иштек*, *иштяк*, *иштек* — «иноплеменник»). До XIV в. хантов, как и манси, в русских документах и летописях называли *югрой*, *югричами* от общего термина «угры». Отсюда современный термин «обские угры» (в отличие от венгерских угров).

Первые попытки создать письменность на хантыйском языке (перевод Евангелия) относятся к XIX в. Современная письменность создана в 1930-х гг. для казымского диалекта, легшего в основу литературного языка. В 1950-х гг. появились буквари и учебники на восточных диалектах. Ныне хантыйская письменность существует на пяти диалектах — обдорском, казымском, шурышкарском, ваховском и сургутском. В 1989 г. хантыйский язык считали родным 60,5% хантов.

В основе национального образа жизни лежит культура аборигенных неолитических племен Урала и Западной Сибири, во втором тысячелетии до н.э. подвергшихся влиянию пришлых с юга кочевых скотоводческих угорских племен. Южные черты сохранились в мифологии, обрядах, распашной халатообразной одежде, низкой кожаной обуви, которую носят с длинными шерстяными носками, в культе коня, почитании некоторых духов, близких к индоиранским, в ритуальных танцах с саблями или мечами. Северные элементы — в традиционных занятиях (охота и рыболовство), орудиях труда, системе питания, одежде глухого покроя и обуви (сапоги), жилищах (землянки со стенами из столбов и жердей в форме простой или усеченной пирамиды), в средствах транспорта (собачьи нарты, лодки, особенно долбленые, лыжи, подбитые камусом), в деревянной и берестяной утвари, геометрических орнаментах, промысловых культах, в культе медведя и др.

Формирование этноса происходило с середины первого тысячелетия до н.э. до второго тысячелетия н.э. Судя по археологическим и топонимическим данным, предки хантов в это время жили на более обширной, чем теперь, территории. Они изготавливали керамику, костяные, медные и бронзовые украшения, предметы вооружения из бронзы и железа (мечи, топоры, шлемы, панцири, луки со стрелами, кинжалы, секиры и др.), вели торговлю с южными соседями, обменивая пушнину на бронзовые зеркала, медные и бронзовые котлы, украшения, оружие.

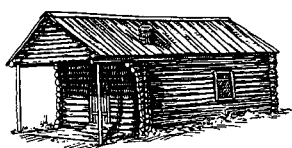
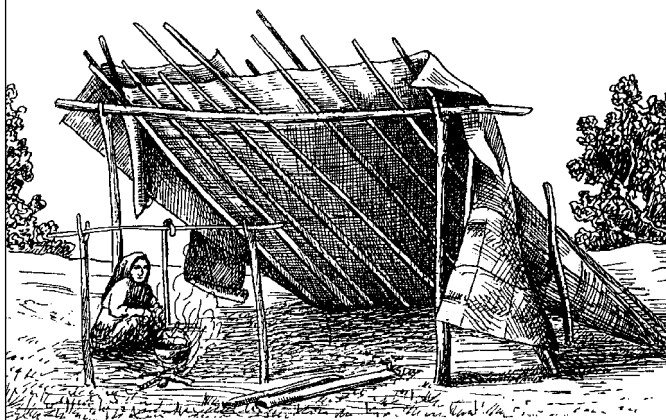
В XI — XIV вв. за Урал из Прикамья и Приуралья стали переселяться коми-зыряне, русские и манси. С юга хантов теснили тюркские племена. В конце XV в. Московское государство, присоединившее к себе Новгород, послало военные экспедиции за Урал. Хантыйские вожди (князцы) обязались платить ясак великому князю Московскому, который стал именоваться «князем Югорским». После завоевания Ермаком Сибирского ханства (в 1582 г.) были основаны многочисленные остроги (городки). К XVIII — XIX вв. на рр. Пельме, Конде (кроме ее низовий), Северной Сосьве и частично в низовьях Оби уже жили манси. Часть хантов-оленоводо- низовий Оби и ее притоков была ассимилирована

ненцами. В Барабе, по рр. Тавде, Туре, Иртышу ханты были тюркизированы. На Иртыше, Оби, Конде, Демьянке интенсивно происходило их обрусение. С присоединением к Московскому государству прекратились межплеменные войны (с ненцами), ханты получили огнестрельное оружие, начали покупать или выменивать у русских купцов за пушнину посуду, топоры, ножи, хлеб, соль, ткани, бисер и т.п. Осваивая русскую культуру, заимствовали дощатые лодки, рубленые избы, стали разводить скот, выращивать овощи.

Из всех народов Северной Сибири только у хантов и манси были струнные музыкальные инструменты типа арфы. «Лебедь» — 9- или 13-струнная арфа

Летнее сезонное жилище-укрытие рыбаков

Срубный дом с чувалом, двускатной крышей и навесом над входом. Горизонтальные бревенчатые стены в таких жилищах сплошные, соединенные на углах вырубленными в полдерева углублениями

Жизнь хантов определялась сменой сезонных занятий, отразившихся в названиях месяцев года: «большого или малого наста», «падающих листьев», «заморозков», «прилета орла», «вороний», «больших» или «малых заповров», «по беличьему следу» и т.п. В тундре и лесотундре основным занятием было кочевое оленеводство в сочетании с охотой. В таежной зоне большое значение имела мясная охота, дополняемая таежным оленеводством. В

южных районах Прииртышья, а в XX в. и на Оби разводили овец, коз, свиней, домашнюю птицу, ныне выращивают картофель, овощи. Во всех районах важное значение имело рыболовство. Кочевым оленеводством ханты стали заниматься, вероятно, во втором тысячелетии н.э., заимствовав его у ненцев. Оленей использовали в основном как транспорт. Тип нарт, упряжи, способы запряжки и управления оленями — самодийского типа. До XVIII — XIX вв. был распространен также собачий транспорт.

На Оби, Иртыше, в низовьях их притоков ловили рыбу ставными и плавными сетями, неводами, мешкообразными ловушками (*сырт*), а в среднем и верхнем течении, на мелких речках ставили запоры. Сети, ловушки в запорах проверяли на легких лодках, в таежных районах — долбленках (*обласах*), в лесотундре и северной тайге — с днищем, выдолбленным из дерева, и пришитыми бортами (*калданка*). Использовали и большие дощатые лодки-неводники. На «экспедиционный лов» рыбы на Обь отправлялись с семьями и имуществом на больших дощатых лодках с каютами, крытыми берестяными полотнищами (*каюки*). Ловили осетра, стерлядь, нельму, муксуна, сига, чира, сырка, щуку и др.

На лося и дикого оленя охотились на лыжах, гоном по насту, с помощью ловчих ям, загородей, луков-самострелов; на белку — на оленьих нартах или на лыжах с ружьем и собакой, на водоплавающих — с ружьем и чучелами (*имэт*),

на медведя — с ружьем или копьем. На соболя, колонка, горностая, лисицу, зайца ставили ловушки, петли и капканы. Летом и осенью заготавливали на зиму ягоды и кедровые орехи.

До середины XX в. зимние капитальные постройки были каркасными либо срубными. На коньке сруба и сейчас иногда укрепляют рога оленя, в деревнях на Оби на конце охлупня вырезают коня или птицу. Полуземлянки, сохранившиеся у восточных хантов вплоть до 1950-х гг., отапливались глинобитными открытыми очагами наподобие камина (*чувал*) или железной печкой. Вдоль стен ставили нары. Места для женщин в срубном доме находились у входа, а напротив, в красном углу, — для мужчин и почетных гостей. Там же — места хранения священных сундуков с изображениями духов-предков и покровителей.

Сезонные жилища — каркасные, из жердей, покрытые корой, чаще всего берестой, — возводили различной формы: одностатные, двустатные, конические, полусферические, прямоугольные с двустатной и одностатной крышей. Обогревали их открытым очагом, разводили дымок от комаров, пищу готовили обычно на воздухе. Оленеводы и рыбаки на летних сезонных поселениях жили в чумах.

У северных хантов-олленеводов зимой мужчины носили глухую малицу из шкуры оленя мехом внутрь с ситцевым чехлом сверху (маличная сорочка), капюшоном и пришитыми рукавицами. В дорогу поверх нее надевали *совик* (*гусь* или *кумыш*) — глухую одежду мехом наружу. Летний наряд был такого же кроя, из черного сукна; промысловый — распашной и более короткий. Женщины носили платья, суконные или хлопчатобумажные халаты (*шешкан-сах*), украшенные аппликацией на манжетах, подоле и полах. Зимние меховые шубы у северных групп шили из оленьего меха, распашные, двухслойные, у других — из меха белки или сукна (раньше — с подкладом из птичьих шкур). Из рыбьей кожи шили одежду и обувь («рыбьи кожанишки»), теперь делают мешки для хранения соли, пороха и т.п. Одежду и обувь украшали аппликацией, мозаикой из меха или сукна, бисером. Характерны зоо- и растительноморфные мотивы орнамента — «ветви березы», «заячьи уши», «след соболя», «оленьи рога», «щучьи зубы» и др. Женские меховые капорообразные шапки отделявали цветным сукном, металлическими бляшками, но сейчас эти головные уборы заменили на цветастые шерстяные платки. Украшения нагрудные, головные, накосные (прикрепляемые к ложным косам) делали из бисера, женщины носили серьги, кольца. Мужчины также заплетали косы. И мужчины и женщины наносили татуировку.

Хантов называли «рыбоядцами», в их пище преобладала рыба. Ее вялили, сушили, коптили (в XX в. стали солить), варили, жарили, ели сырой. Белую замороженную рыбу мелко строгали (строганина), кости сушили и толкли на корм для собак, из кишок вываривали жир, его заготавливали, смешивая с ягодами. Лакомством считались варка — икра, вываренная в рыбьем жире, и желудок белки, наполненный кедровыми орехами. Мясо только что убитого оленя ели сырым и отварным, а мясо лося всегда варили. Традиционные деревянные долбленные корыта и блюда для рыбы, мяса и теста, ложки. Берестяная утварь украшена

Оленьи косокопильные нарты

Черки — традиционная женская обувь

Берестяные изделия мастериц вызывают восхищение разнообразием форм и украшений. В узорах по бересте встречаются прямолинейное и криволинейное исполнение, симметричное и асимметричное расположение, частичная и полная орнаментация предмета, построение по прямоугольной и косоугольной сетке, бордюры и розетки, узоры с названиями и без них

геометрическим орнаментом, выскобленным на темном слое или вырезанным и наложенным на закопченный слой бересты либо на полосу темной ткани.

В общественных отношениях до середины XX в. было немало пережитков первобытно-общинных отношений. Среди них дуальное деление на фратрии *Пор*, ведущую свое происхождение от медведя, и *Мось* — от зайчихи или гусыни. Предками генеалогических подразделений фратрий считались лягушка, тетерка, лось, бобр и др. До середины XIX в. ханты жили большими патрилинейными семьями, был распространен левира́т. В конце XIX — начале XX в. стали формироваться территориально-соседские общины.

Сохранились анимистические представления, промысловые культы, культ фратриальных, генеалогических и семейных предков-покровителей, священных деревьев, в которых обитали духи. В XVIII в. началось обращение в христианство, в значительной

степени формально. Культ верховного бога *Нуми-Торума* соседствовал с почитанием Николая Чудотворца, изображения духов-покровителей — с иконами и т.д. По представлениям хантов мир состоял из трех сфер — Верхней, Средней и Нижней. В Верхнем мире обитали духи-покровители, в Среднем — люди, в Нижнем — злые духи, приносящие болезни и смерть.

Духов-покровителей представляли в облике животных, их изображения хранили в священных местах — амбарах в лесу или на окраине селения. Особым почитанием пользовался медведь, предок фратрии *Пор*. Культ медведя стал у хантов общеплеменным. Клятва на шкуре, голове или лапах медведя считалась самой сильной. С этим культом был связан комплекс обрядов, получивший название медвежьего праздника (медвежьих игрищ).

В мифологической системе обских угров медведь выступает, с одной стороны, сыном или братом Торума — верховного божества, с другой — сыном прародительницы. Поэтому обские угры воспринимали медведя и как предка, и как хозяина тайги. В медвежьем празднике нашли отра-

Долбленная лодка-калданка, сшитая кедровым корнем

жение представления тотемизма, промыслового культа и древнего культа умирающего и воскресающего божества. Когда с течением времени богатое мифологическое осмысление праздника стало утрачиваться, необходимость его проведения стали объяснять бытовыми причинами (опасностью охоты на медведя и т.д.). Медвежий праздник до сих пор воспринимается как важнейший элемент национальной культуры обских угров, он популярен и любим.

Шаманство у хантов в XIX — XX вв. представлено слабее, чем у их соседей. Вероятно, его потеснили христианство и фратриальные культы. Основными функциями шаманов оставались гадание и лечение.

Хантыйский фольклор включает в себя священные сказания, песни-мифы, героические песни, старинные рассказы (эпос, предания), бытовые рассказы (былички) и бытовые сказки.

Тексты каждого жанра определяли место и время их исполнения. Например, мифы рассказывали редко, обычно на общественных празднествах (мифы о происхождении медведя — на медвежьем празднике), героические песни звучали лишь на культовых празднествах, свадьбах, героические сказания или сказки можно было услышать вечером, во время отдыха.

Музыка представлена лирическими и эпическими песнями, танцевальными и инструментальными наигрышами, мелодиями шаманских камланий и медвежьего праздника. Шаманская музыка довольно разнообразна и определяет-

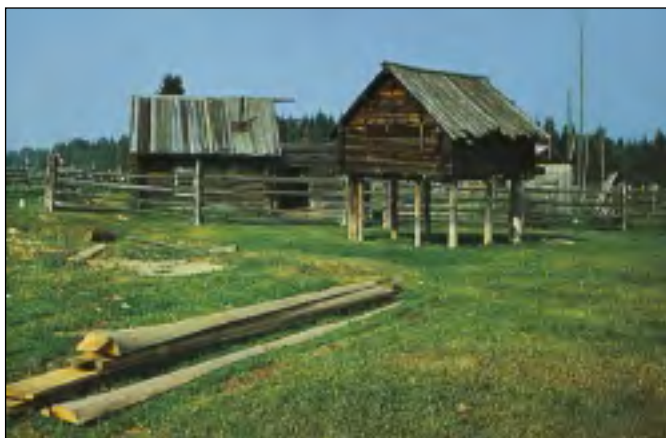
На поминках.
Обряды погребального комплекса сохранились до наших дней

Намогильное сооружение с нартами и веслом,
принадлежащими покойному

Ура — место хранения вместилищ душ людей, умерших
неестественной смертью

Хозяйственный амбар на сваях для хранения имущества

ся призыванием шамана — лекарь, предсказатель, мухоморщик, шаман-маг, т.е. камлающий. Свое пение шаман сопровождал игрой на бубне (*пензер*), передавая «напевы духов».

Центральное место в музыкальной культуре занимает медвежий праздник — грандиозная многодневная музыкальная композиция, состоящая из обязательной части —

«медвежьих песен» и дополнительной, включающей лирику, эпос, инструментальные наигрыши и даже камлания. Различные по жанрам «медвежьи песни» являлись своеобразным каркасом всей композиции праздника. Среди них: «пробуждающая медведя песня», звучавшая каждый день, как бы готовила медведя к восприятию музыкального действия; «возгласная сакральная песня» о божественном происхождении зверя, его жизни и смерти; «профанные (бытовые) песни-инсценировки», исполняемые в специальных костюмах и масках, «мифологические песни» о богах, охраняющих землю и людей. «Великие священные песни» поют в заключительный день праздника, сопровождая игрой на колокольчике; «вечерняя песня-усыпление» звучала в конце каждодневного ритуального цикла. В «медвежьих песнях» не принято было менять мелодию или слова, пели их только мужчины. В конце программы дня исполнялись необрядовые танцы, личные песни и имитации шаманских песен. Наигрыши на струнных инструментах звучали между обязательными и необязательными песнями и являлись своеобразной интермедийной разрядкой в строгой ритуальной композиции.

Музыкальные инструменты хантов — варган, струнные щипковые инструменты — цитра типа гуслей в форме лодки, арфа в виде птицы (лебедь, гусь), лютия.

Большинство хантов (70%) живут в сельской местности — новых поселках, традиционных селениях постоянного и сезонного типа. За годы рыночных реформ в связи с промышленным освоением территорий, отторжением и загрязнением пастбищ и промысловых угодий почти все колхозы в Ханты-Мансийском автономном округе распались. Численность оленьего стада резко сократилась. Коренное население значительно меньше занимается оленеводством, охотой и рыбной ловлей. Однако по-прежнему развиваются кустарные промыслы — художественная обработка дерева, меха. Женщины шьют одежду, обувь, изготавливают сувениры из оленьего меха, замши, бисера.

В школах преподают родной язык.

В центрах национальных культур Ханты-Мансийского автономного округа организуют национальные праздники,

Подвеска к косам, нагрудное украшение
и женская сумочка из бисера

имеются фольклорные коллективы. Из интеллигенции особенно известны Е. Айпин, А. Тарханов, Р. Ругин, художники Г. Райшев, В. Игошев, Н. Талигина, скульптор Г. Хартаганов, педагог П. Хатанзеев, ученые Н. Сережкин, Е. Немысова, Т. Молданова.

В Институте возрождения обско-угорских народов изучаются проблемы мировоззрения, духовного развития и образования хантов. Сотрудники Института работают в контакте с Ассоциацией «Спасение Югры».

Окружная газета «Новости Югры» периодически выпускает вкладыш «Национальный вестник». На хантыйском языке выходит газета «Ханты Ясанг»

Длинные ложные косы из цветных суконных лент, украшенные подвесками и бусами, привязывали и к коротким волосам

Способ повязывания платка при обряде «избегания»: женщина стыдилась показывать волосы и лицо старшему брату мужа и его отцу, поэтому при них низко опускала на лицо платок. Это делалось и в присутствии чужих мужчин. Будучи рядом с ними, она вела себя очень сдержанно, не говорила громко, не смеялась

ЧУВАНЦЫ

Численность — 1511 человек.

Язык — юкагирская группа уральско-юкагирской семьи языков.

Расселение — Магаданская область, Чукотский автономный округ.

В русских источниках упоминаются с середины XVII в. как один из юкагирских родов. Жили на Чукотке в районе Шелагского мыса, в бассейнах нижнего и среднего течения Палаваама, в верховьях Амгуэмы, Чауна, Большого и Малого Анюя. Есть мнение, что слово *чуванцы* происходит от названия р. Чауна. Самоназвания — *этэль*, *атал*. В числе других юкагирских родов одними из первых среди коренных жителей региона чуванцы были обложены ясаком. Они перевозили на оленях казенные грузы и становились посредниками между русскими и чукчами: обменивали пушнину на изделия из металла (наконечники стрел, копий, топоры, ножи, медные котлы и пр.).

В конце XVII — начале XVIII в. участвовали в военных походах казаков против чукчей и коряков. Эти совместные выступления способствовали сближению с русскими.

В конце XVII в. около 10% чуванских женщин проживали вне своих родов в женах или наложницах казаков и промышленных людей. Уже в этот период начался процесс обрусения. В 1740 — 1750-х гг. после массированных набегов чукчей на чуванские стойбища большая группа переселилась в Анадырский острог под защиту русского гарнизона, а с упразднением его в 1771 г. — в Гижигу. Гижигинские чуванцы испытали культурное и языковое влияние коряков. В конце XVIII в., после прекращения военных столкновений между чукчами и русскими, группы чуванцев вновь начали переселяться на р. Анадырь.

К середине XIX в. сформировались две этнические группы: марковцы — оседлые чуванцы, расселившиеся в районе с. Марково, и кочевые, оленные, живущие в верховьях Анадыря, по образу жизни и культуре близкие к оленным чукчам и корякам. По Всероссийской переписи 1897 г., насчитывалось 452 чуван-

ца, из них 275 — оседлых, 177 — кочевых. В первые годы советской власти марковцев стали именовать камчадалами, и только кочевое население в течение нескольких десятилетий называли чуванцами. До 1989 г. этот народ не учитывали в переписях; его представителей причисляли либо к русским, либо к чукчам. Современные кочевые и оседлые группы смешались между собой и соседними народами, но сохраняют культурные особенности и самосознание.

Хозяйство и культура оседлых и кочевых групп существенно различаются. В конце XIX в. оседлые были самыми многочисленными в Анадырской округе по сравнению с Ламутским, Юкагирским и двумя русскими — Мещанским и Крестьянским обществами. Все они говорили на «марковском» диалекте и называли себя марковцами, анадырцами, анадырщиками.

Для оседлых чуванцев был характерен юкагирский тип хозяйства — рыболовство, поколки дикого оленя на переправах, разведение ездовых собак. Весной промышляли нельму, чира, горбушу, вострыя, в июле — августе — кету и горбушу. В ожидании хода красной рыбы в июне всей семьей на лодках-карбасах перекечевывали к рыбным тоням на летники, где жили в юртах якутского типа (балаган). Рыбу ловили се-

тями, неводами, удочками, сачками. Неводов не хватало, поэтому для рыбного промысла объединялись в артели, состоявшие из владельцев невода и нескольких пайщиков, в том числе женщин. Добычу хранили в амбарах — маленьких срубках на сваях с двускатной крышей. Красную рыбу вялили и в больших количествах заготавливали на зиму себе и собакам. Часть рыбы квасили в ямах. В годы неурола население голодало, большинство собак гибло. Спасали своих оседлых соседей оленеводы — чукчи и чуванцы, безвозмездно снабжая их оленьим мясом.

Осенью на одноместных долбленых лодках-каяхках охотились на диких оленей с помощью пик (*поколог*). Мясо сушили и складывали на зиму в мешки. Из шкур изготавливали ровдугу. С ружьем и капканами добывали белку, волка, зайца, песца, лисицу.

Кочевые чуванцы, подобно тундровым чукчам и корякам, занимались крупнота-

На рыбалку на одноместной долбленной лодке

бунным оленеводством. Основным средством передвижения марковцев была собачья упряжка, обычно из 8 – 12 ездовых собак, запряженных попарно в легкие березовые санки, все части которых скреплялись ремнями. Зимой кормили собак юколой или похлебкой из рыбы и муки. Летом они сами добывали себе пищу. В начале 1930-х гг. в Маркове насчитывалось до 300 собак, 260 из которых были ездовыми. К 1980 г. упряжное собаководство здесь почти полностью исчезло.

Жили вместе с русскими старожилыми, юкагирами и эвенками в общих селениях. Возводили срубные дома, обычно с плоской крышей без потолка, с деревянным или земляным, застланным оленьими шкурами полом. Вместо оконных стекол использовали китовые кишки, покупаемые у чукчей, или скобленные оленьи шкуры (*окончины*). Во время зимних морозов для сохранения тепла к окнам примораживали вырубленные в форме квадрата льдины. Дома обогревали чучалами – каминами из тонких жердей, скрепленных плетнем и обмазанных глиной. Спали на деревянных кроватях (*урунах*), лавках, нарах, на полу на перинах, подушках, укрывались одеялами из заячьего меха. В некоторых хозяйствах были бани. Кочевые чуванцы жили в ярангах.

Одежда оседлых была сходна с русской, а кочевых – с чукотской: зимой – двойная меховая кухлянка и двойные меховые штаны, летом – камлейка из ровдуги или ткани.

И. Шитиков и М. Березкина – жители пос. Марково Анадырского района

Уголок пос. Марково, где с середины XIX в. расселились оседлые чуванцы. Не так давно по сохранившимся в музее рисункам для православных чуванцев построили новую церковь

Торбаса (*култы, сутуры, калипьяки, соткари*) и сары — род сапог с мягкими подошвами изготовляли из нерпичьей кожи, камусов, ровдуги.

Оседлые ели в основном рыбу и оленье мясо без соли, с приправой из кореньев. Обыденное рыбное блюдо — юкола (вяленая красная рыба). По праздникам пекли хлеб, пироги. Из напитков предпочитали брагу (*бурдук*), в больших количествах пили чай. Пища кочевых состояла в основном из мяса домашнего оленя.

Жили неразделенными семьями по 8 — 9 человек. Вдовы с детьми иногда объединялись в общие семьи для совместного ведения хозяйства, оставаясь в отдельных домах.

Культура и социальные отношения оседлых чуванцев испытали русское влияние. Они православные. Отмечали христианские праздники, в домах имели иконы и церковные книги. Свадьбы играли по русскому обычаю. Перед свадьбой в доме жениха устраивали мальчишник, а в доме невесты — девичник, на которых брачующиеся обменивались подарками. Жених обычно дарил свадебную одежду.

Среди кочевых чуванцев наряду с православными бытовали и дохристианские обряды. Они отмечали сезонные праздники, связанные с хозяйственным оленеводческим

циклом, сопровождаемые забоем оленей, жертвоприношениями и анимистическими ритуалами. Распространено было гадание на оленьей лопатке, антропоморфных и зооморфных фигурках из дерева, кожи, кости и камня.

Умерших хоронили по православному обряду, но в гроб мужчине клали табак, спиртное, а женщине — принадлежности для рукоделия.

Из музыкальных инструментов предпочитали гармони и балалайки. Во время досуга играли в лапту, в мяч из оленьих шкур. В 1883 г. в Маркове на средства православной миссии была открыта первая на Чукотке церковно-приходская школа, учителем в которой стал один из первых представителей чуванской интеллигенции А.Е. Дьячков, автор известной работы по истории и этнографии Анадырского края.

До настоящего времени сохраняются старинные русские былины, песни, известна драматическая игра «Лодка», воспринятая от камчатских казаков в XIX в.

В фольклоре кочевых чуванцев ярко выражено влияние юкагиров, коряков, чукчей.

Чуванцы продолжают заниматься традиционным хозяйством. Часть кочевых чуванцев вместе с чукчами и эвенками работает в оленеводческих хозяйствах, оседлые — ловят и перерабатывают рыбу. Многие марковцы заняты в животноводстве и огородничестве. Кочевые и оседлые группы смешались.

Издrevле кочевые чуванцы занимаются крупнотабунным оленеводством

ЧУКЧИ

Численность — 15 184 человека.

Язык — чукотско-камчатская семья языков.

Расселение — Республика Саха (Якутия), Чукотский и Корякский автономные округа.

Название народа, принятое в административных документах XIX — XX вв., происходит от самоназвания тундровых чукчей *чаучу*, *чавчавыт* — «богатый оленями». Береговые чукчи называли себя *анк'альыт* — «морской народ» или *рам'аглыт* — «прибрежные жители». Выделяя себя из числа других племен, употребляют самоназвание *лыо'равэтли* — «настоящие люди». (В конце 1920-х гг. название *лыураветланы* бытовало в качестве официального.)

В чукотском языке различают восточный, или *уэленский* (легший в основу литературного языка), западный (певекский), энмыленский, нунлингранский и хатырский диалекты. Письменность с 1931 г. существует на латинской, а с 1936 г. — на русской графической основе.

Чукчи — древнейшие обитатели континентальных областей крайнего северо-востока Сибири, носители внутриматериковой культуры охотников на диких оленей и рыбаков. Неолитические находки на рр. Экытикывээм и Энмывээм и оз. Эльгытг относятся ко второму тысячелетию до н.э.

К первому тысячелетию н.э., имея прирученных оленей и частично перейдя к оседлому образу жизни на морском побережье, чукчи устанавливали контакты с эскимосами. Переход к оседлости наиболее интенсивно происходил в XIV — XVI вв. после проникновения в долины Колымы и Анадыря юкагиров, захвативших места сезонной охоты на диких оленей. Эскимосское население побережий Тихого и Ледовитого океанов континентальные охотники-чукчи частично вытеснили в другие прибрежные районы, частично ассимилировали.

В XIV — XV вв. в результате проникновения юкагиров в долину Анадыря произошло территориальное отделение чукчей от коряков, связанных с последней общностью происхождения. По роду занятий чукчи подразделялись на «оленных» (кочевых, но продолжающих охотиться), «сидячих» (оседлых, имеющих небольшое количество прирученных оленей, охотников на диких оленей и морских животных) и «пеших» (оседлых охотников на морского зверя и диких оленей, не имеющих оленей).

К XIX в. сформировались основные территориальные группы. Среди оленных (тундровых) — индигир-

ско-алазейская, западноколымская и др.; среди морских (береговых) — группы Тихоокеанского, Берингоморского побережий и побережья Ледовитого океана.

Издавна сложилось два типа хозяйства. Основу одного составляло оленеводство, другого — морской зверобойный промысел. Рыболовство, охота и собирательство носили вспомогательный характер.

Крупнотабунное пастушеское оленеводство развилось лишь к концу XVIII в. В XIX в. стадо насчитывало, как правило, от 3 — 5 до 10 — 12 тыс. голов. Оленеводство тундровой группы имело в основном мясное и транспортное направление. Оленей выпасали без пастушеской собаки, в летнее время — на побережье океана или в горах, а с наступлением осени продвигались в глубь материка к границам леса на зимние пастбища, где по мере надобности совершали перекочевки на 5 — 10 км.

Во второй половине XIX в. хозяйство абсолютного большинства чукчей сохраняло в основном натуральный характер. К концу XIX в. увеличился спрос на продукты оленеводства, особенно у оседлых чукчей и азиатских эскимосов. Расширение торговли с русскими и иностранцами со второй половины XIX в. постепенно разрушало натуральное оленеводческое хозяйство. С конца XIX — начала XX в. в чукотском оленеводстве отмечается имущественное расслоение: обедневшие оленеводы становятся батраками, у богатых владельцев растет поголовье, обзаводится оленями и зажиточная часть оседлых чукчей и эскимосов.

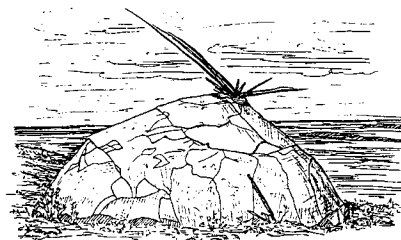
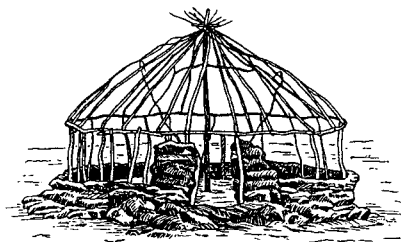
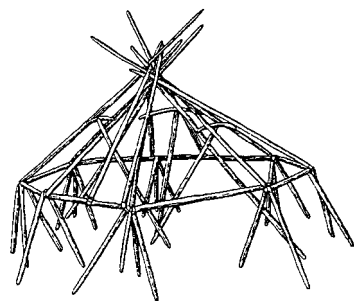
Береговые (оседлые) традиционно занимались морским зверобойным промыслом, достигшим к середине XVIII в. высокого уровня развития. Охота на тюленей, нерп, лах-таков, моржей и китов давала основные продукты питания, прочный материал для изготовления байдар, охотничьих орудий, некоторых видов одежды и обуви, предметов быта,

жир для освещения и отопления жилища. На моржей и китов охотились в основном в летне-осенний, на тюленей — в зимне-весенний период. Орудия охоты состояли из разных по размерам и назначению гарпунов, копий, ножей и пр. Китов и моржей добывали коллективно, с байдары, а тюленей — индивидуально. С конца XIX в. на внешнем рынке бурно растет спрос на шкуры морских животных, что в начале XX в. приводит к хищническому истреблению китов и моржей и существенно подрывает экономику оседлого населения Чукотки.

И оленные и береговые чукчи рыбу ловили сетями, сплетенными из китовых и оленьих сухожилий или из кожаных ремней, а также

Чукотский бубен круглой формы, диаметром от 35 до 90 см, с тонкой мембраной из пленки моржового желудка или шкуры трехмесячного оленя. Ее натягивают с помощью жгута на брусчатый обод-обечайку. С внешней стороны к обечайке крепят рукоятку. Звуки из бубна извлекают тонкой палочкой из китового уса

Переносная (у оленеводов) или стационарная (у морских зверобоев) яранга. Ее покрывают оленьими шкурами

сачками и удилами, летом — с берега или с байдар, зимой — в проруби.

Горных баранов, лосей, белых и бурых медведей, росомх, волков, лисиц и песцов вплоть до начала XIX в. добывали луком со стрелами, копьем и ловушками; водоплавающую дичь — с помощью метательного орудия (*бола*) и дротиков с метательной дощечкой; гаг били палками; на зайцев и куропаток ставили петли-ловушки.

В XVIII в. каменные топоры, наконечники копий и стрел, костяные ножи были почти полностью заменены на металлические. Со второй половины XIX в. покупали или выменивали ружья, капканы и пасти. В морском зверобойном промысле к началу XX в. стали широко применять огнестрельное китобойное оружие и гарпуны с бомбами.

Женщины и дети собирали и заготавливали съедобные растения, ягоды и корни, а также семена из мышиных нор. Для выкапывания корней пользовались особым орудием с наконечником из рога оленя, который позже был сменен на железный.

У кочевых и оседлых чукчей развились кустарные ремесла. Женщины выделывали мех, шили одежду и обувь, плели сумки из волокон кипрея и дикой ржи, делали мозаику из меха и тюленьей кожи, вышивали подшейным волосом оленя, бисером. Мужчины обрабатывали и художественно резали кость и моржовый клык. В XIX в. возникли косторезные объединения, которые продавали свои изделия.

Основным средством передвижения по санному пути были олени, запряженные в нарты нескольких видов: для перевозки груза, посуды, детей (кибитка), жердей остова яранги. По снегу и льду ходили на лыжах-«ракетках»; по морю — на одноместных и многомestных байдарках и вельботах. Гребли короткими однолопастными веслами. Оленьные, в случае необходимости, строили плоты или выходили в море на байдарках зверобоев, а те использовали их ездовых оленей. Способ передвижения на собачьих упряжках, запряженных «веером», чукчи позаимствовали у эскимосов, цугом — у русских. «Веером» обычно запрягали 5 — 6 собак, цугом — 8 — 12. Запрягали собак и в оленьи нарты.

Стойбища кочевых чукчей насчитывали до 10 яранг и были вытянуты с запада на восток. Первой с запада ставили ярангу главы стойбища. Яранга — шатер в виде усеченного конуса высотой

в центре от 3,5 до 4,7 м и диаметром от 5,7 до 7 — 8 м, похожий на корякский. Деревянный остов покрывали шкурами оленей, сшитыми обычно в два полотнища. Край шкур накладывали один на другой и скрепляли пришитыми к ним ремнями. Свободные концы ремней в нижней части привязывали к нартам или тяжелым камням, что обеспечивало покрытие неподвижность. В ярангу входили между двух половин покрытия, откидывая их в стороны. Для зимы шили покрытия из новых шкур, для лета использовали прошлогодние.

Очаг находился в центре яранги, под дымовым отверстием. Напротив входа, у задней стенки яранги, устанавливали спальное помещение (полог) из шкур в виде параллелепипеда. Форма полога поддерживалась благодаря шестам, пропущенным через множество петель, пришитых к шкурам. Концы шестов опирались на стойки с развилками, а задний шест крепился к каркасу яранги. Средний размер полога — 1,5 м в высоту, 2,5 м в ширину и около 4 м в длину. Пол застилали циновками, поверх них — толстыми шкурами. Постельное изголовье — два продолговатых мешка, набитых обрезками шкур, — находилось у выхода. Зимой, в периоды частых перекочетов, полог делали из самых толстых шкур мехом внутрь. Укрывались одеялом, сшитым из нескольких оленьих шкур. Для изготовления полога требовалось 12 — 15, для постелей — около 10 больших оленьих шкур. Каждый полог принадлежал одной семье. Иногда в яранге бывало два полога. Каждое утро женщины снимали его, раскладывали на снегу и выбивали колотушками из рога оленя. Изнутри полог освещался и отапливался жирником. За пологом, у задней стенки шатра, хранили вещи; у боковых, с двух сторон от очага, — продукты. Между входом в ярангу и очагом имелось свободное холодное место для различных нужд.

Для освещения жилищ береговые чукчи применяли китовый и тюлений жир, тундровые — вытопленный из раздробленных оленьих костей жир, горевший без запаха и копоти в каменных лампах-жирниках.

У приморских чукчей в XVIII — XIX вв. было два типа жилищ: яранга и полуземлянка. Яранги сохраняли конструктивную основу жилища оленьих, но каркас сооружали как из дерева, так и из костей кита. Это делало жилище устойчивым к натиску штормовых ветров. Покрывали ярангу моржовыми шкурами; дымового отверстия у нее не было. Полог делали из большой моржовой шкуры до 9 — 10 м в длину, 3 м в ширину и 1,8 м в высоту, для вентиляции в его стенке имелись отверстия, которые закрывали пробками из меха. По обеим сторонам полога в больших мешках

Лампа-жирник

В оленнюю нарту чукотско-коряцкого типа запрягают одного-двух оленей

Стойбище семьи в долине Олая

Доска для добывания огня

Наскальные рисунки древних художников у р. Пегтымель

Лыжи, подшитые мехом, — идеальное средство передвижения

из шкур тюленей хранили зимнюю одежду и запасы шкур, а внутри вдоль стен протягивали ремни, на которых сушили одежду и обувь. В конце XIX в. приморские чукчи в летнее время покрывали яранги парусиной и другими прочными материалами.

В полуземлянках жили в основном зимой. Тип и конструкцию их заимствовали у эскимосов. Каркас жилища сооружали из китовых челюстей и ребер; сверху покрывали дерном. Четырехугольное входное отверстие располагали сбоку.

Домашняя утварь кочевых и оседлых чукчей скромна и содержит лишь самые необходимые предметы: различного вида чашки собственного изготовления для бульона, большие деревянные блюда с низкими бортами для отварного мяса, сахара, печенья и пр. Ели в пологе, сидя вокруг столика на низких ножках или непосредственно вокруг блюда. Мочалкой из тонких древесных стружек вытирали руки после еды, сметали остатки пищи с блюда. Посуду хранили в ящичке. Оленьи кости, моржовое мясо, рыбу, китовый жир дробили каменным молотком на каменной плите. Кожу выделывали каменными скребками; съедобные корни выкапывали костяными лопатами и мотыгами. Непременной принадлежностью каждой семьи был снаряд для добывания огня в виде доски грубой антропоморфной формы с углублениями, в которых вращалось лучковое сверло (огнивая доска). Огонь, добытый таким способом, считался священным и мог передаваться родственникам

У родного очага

только по мужской линии. В настоящее время лучковые сверла хранят как культовую принадлежность семьи.

Одежда и обувь тундровых и береговых чукчей не имели существенных различий и были почти идентичны эскимосским. Зимнюю одежду шили из двух слоев оленьих шкур мехом внутрь и наружу. Береговые также использовали прочную, эластичную, практически непромокаемую кожу тюленей для пошива штанов и весенне-летней обуви; из кишок моржа делали плащи и камлейки. Из старых продыmlенных покрытий яранги, не деформирующихся под воздействием влаги, оленные шили штаны и обувь. Постоянный взаимный обмен продуктами хозяйства позволял тундровым получать обувь, кожаные подошвы, ремни, арканы, сделанные из шкур морских млекопитающих, а береговым — оленьи шкуры для зимней одежды. Летом носили выношенную зимнюю одежду.

Чукотская глухая одежда подразделяется на повседневную и празднично-обрядовую: детскую, молодежную, мужскую, женскую, стариковскую, ритуально-похоронную. Традиционный комплект чукотского мужского костюма состоит из кухлянки, подпоясанной ремнем с ножом и кисетом, камлейки из ситца, надеваемой поверх кухлянки, дождевика из моржовых кишок, штанов и различных головных уборов: обычной чукотской зимней шапки, маляха, капюшона, легкой летней шапки. Основа женского костюма — меховой комбинезон с широкими рукавами и короткими, до колен, штанами.

Типичная обувь — короткие, до колен, торбаса нескольких видов, сшитые из шкур нерпы шерстью наружу с поршневой подошвой из кожи лахтака, из камуса с меховыми чулками и травяными стельками (зимние торбаса); из нерпичьей шкуры или из старых, продыmlенных покрытий яранги (летние торбаса).

Традиционная пища тундровых людей — оленина, береговых — мясо и жир морских животных. Мясо оленей ели мороженым (в мелко нарубленном виде) или слабо отваренным. Во время массового забоя оленей заготавливали соевое оленьих желудков, проварив его с кровью и жиром. Употребляли также свежую и мороженую кровь оленя. Готовили супы с овощами и крупой.

Приморские чукчи особенно сытным считали мясо моржа. Заготовленное традиционным способом, оно хорошо сохраняется. Из спинной и боковых частей туши вырезают квадраты мяса вместе с салом и шкурой. В вырезку закладывают печень и другие очищенные внутренности. Края сшивают кожей наружу — получается рулет (*к'опалгын-кымгыт*). Ближе к холодам его края стягивают еще сильнее, чтобы предотвратить чрезмерное закисание соевое. К'опалгын едят в свежем, подкисшем и мороженом виде. Свежее моржовое мясо варят. В сыром и вареном виде едят мясо белухи и серого кита, а также их кожу со слоем жира.

В северных и южных районах Чукотки большое место в рационе занимают кета, хариус, навага, нерка, камбала. Из крупных лососевых заготавливают юколу. Многие чукчи-оленьеводы вялят, засаливают, коптят рыбу, солят икру.

Мясо морских зверей очень жирное, поэтому к нему требуются растительные добавки. Оленные и приморские чукчи традиционно употребляли в пищу много дикорастущих трав, корней, ягод, морской капусты. Листья карликовой

Фрагмент вышивки по мандарке
подшейным волосом оленя и шелковыми нитками

ивы, щавель, съедобные корни замораживали, квасили, смешивали с жиром, кровью. Из корней, толченных с мясом и моржовым жиром, делали колобки. Из привозной муки издавна варили каши, жарили лепешки на тюленьем жире.

К XVII — XVIII вв. основной общественно-экономической единицей была патриархальная семейная община, состоящая из нескольких семей, имевших единое хозяйство и общее жилище. В состав общины входило до 10 и более взрослых мужчин, связанных узами родства. У береговых чукчей производственные и социальные связи складывались вокруг байдара, размер которой зависел от количества членов общины. Во главе патриархальной общины стоял старшина — «лодочный начальник». У тундровых патриархальная община объединялась вокруг общего стада, ее также возглавлял старшина — «силач». К концу XVIII в. вследствие увеличения численности оленей в стадах возникла необходимость дробления последних в целях более удобного выпаса, что привело к ослаблению внутриобщинных связей.

Оседлые чукчи жили в поселках. На общих участках селилось несколько родственных общин, каждая из которых размещалась в отдельной полуземлянке. Кочевые чукчи жили на стойбище, также состоящем из нескольких патриархальных общин. Каждая община включала две–четыре семьи и занимала отдельную ярангу. 15–20 стойбищ образовывали круг взаимопомощи. У оленных существовали и патрилинейные родственные группы, связанные кровной мезтью, передачей ритуального огня, обрядами жертвоприношений, и начальная форма патриархального рабства, исчезнувшая вместе с прекращением войн против соседних народов. В XIX в. традиции общинной жизни, групповой брак и левират продолжали сосуществовать, несмотря на появление частной собственности и имущественного неравенства. К концу XIX в. большая патриархальная семья распалась, ее заменила малая семья.

В основе религиозных верований и культа — анимизм, промысловый культ. Структура мира у чукчей включала три сферы: земную твердь со всем сущим на ней; небеса, где живут предки, умершие достойной смертью во время сражения или выбравшие добровольную смерть от руки родственника (у чукчей старики, неспособные промышленно); подземный мир — обиталище носителей зла — *кале*, куда попадали люди, умершие от болезни.

По поверью, промысловыми угодами, отдельными местами обитания людей ведали мистические существа-хозяева, им приносились жертвы. Особая категория благодетельных существ — домашние покровители, в каждой

Фрагмент вышивки белым подшейным волосом оленя

яранге хранились ритуальные фигурки и предметы. Система религиозных представлений породила соответствующие культы у тундровых, связанные с оленеводством; у береговых — с морем. Были и общие культы: Наргынэн (Природы, Вселенной), Рассвета, Полярной звезды, Зенита, созвездия Пэгиттин, культ предков и т.д. Жертвоприношения носили общинный, семейный и индивидуальный характер.

Борьба с болезнями, затяжными неудачами в промысле и оленеводческом хозяйстве была уделом шаманов. На Чукотке их не выделяли в профессиональную касту, на равных они участвовали в промысловой деятельности семьи и общины. От других членов общины шамана отличало умение общаться с духами-покровителями, разговаривать с предками, имитировать их голоса, впадать в состояние транса. Основной функцией шамана было врачевание. Он не имел специального костюма, его главным ритуальным атрибутом был бубен. Шаманские функции мог выполнять глава семьи (семейное шаманство).

Основные праздники были связаны с хозяйственными циклами. У оленных — с осенним и зимним забоем оленей, отелом, откочевкой стада на летние пастбища и возвращением. Праздники приморских чукчей близки эскимосским: весной — праздник байдара по случаю первого выхода в море; летом — праздник голов по случаю окончания охоты на тюленей; осенью — праздник хозяина морских животных. Все праздники сопровождали состязания в беге, борьбе, стрельбе, подпрыгивании на шкуре моржа (прообраз батута), в гонках на оленях и собаках, танцы, игра на бубнах, пантомима. Кроме производственных были семейные праздники, связанные с рождением ребенка, выражением благодарности по случаю удачного промысла начинающим охотником и т.п. Обязательны при проведении праздников жертвоприношения: оленей, мяса, фигурок из оленьего жира, снега, дерева (у оленных чукчей), собак (у морских). Христианизация почти не затронула чукчей.

Основные жанры фольклора — мифы, сказки, исторические предания, сказания и бытовые рассказы. Главный персонаж мифов и сказок — Ворон Куркыль, демиург и культурный герой (мифический персонаж, который дает

людям различные предметы культуры, добывает огонь, как Прометей у древних греков, учит охоте, ремеслам, вводит различные предписания и правила поведения, ритуалы, является первопредком людей и творцом мира). Распространены также мифы о браке человека и животного: кита, белого медведя, моржа, тюленя. Чукотские сказки (*лым'ыл*) подразделяются на мифологические, бытовые и сказки о животных. Исторические предания повествуют о войнах чукчей с эскимосами, коряками, русскими. Известны также мифологические и бытовые предания.

Музыка генетически связана с музыкой коряков, эскимосов и юкагиров. Каждый человек имел, по меньшей мере, три «персональные» мелодии, сочиненные им в детстве, в зрелом возрасте и в старости (чаще, правда, детскую мелодию получали в подарок от родителей). Возникали и новые мелодии, связанные с событиями в жизни (выздоровлением, прощанием с другом или возлюбленной и т.п.). Исполняя колыбельные песни, издавали особый «курлыкающий» звук, напоминающий голос журавля или важенки. У шаманов были свои «персональные напевы». Они исполнялись от имени духов-покровителей — «песни духов» и отражали эмоциональное состояние поющего.

Бубен (*ярар*) — круглый, с рукояткой на обечайке (у береговых) или крестовидной держалкой на тыльной стороне (у тундровых). Различают мужскую, женскую и детскую разновидности бубна. Шаманы играют на бубне толстой мягкой палочкой, а певцы на праздниках — тонкой палочкой из китового уса. Ярар являлся семейной святыней, его звучание символизировало «голос очага». Другой традиционный музыкальный инструмент — пластинчатый варган *ванны ярар* — «ротовой бубен» из березовой, бамбуковой (плавун), костяной или металлической пластинки. Позднее появился дуговой двуязычковый варган. Струнные инструменты представлены лютнями: смычковой трубчатой, выдолбленной из цельного куска дерева, и коробчатой. Смычок делали из китового уса, бамбуковых или тальниковых лучинок; струны (1 — 4) — из жильных ниток либо кишок (позднее из металла). На лютнях в основном играли песенные мелодии.

К 1998 г. в совхозах и общинах численность оленей сократилась с 500 тыс. до 112 тыс. Морским зверобойным промыслом заняты жители поселков восточного побережья Чукотки. Культурные различия тундровых и береговых чукчей стираются, а в Шмидтовском, Беринговском, Чаунском и Анадырском районах практически исчезли. Расширяются контакты с русскими и другими народами, растет число смешанных браков. В национальных селах до восьмого класса изучают чукотский язык, но в целом национальной системы образования нет.

На чукотском языке печатается приложение «Мургин ну-тэнут» к окружной газете «Крайний Север», Гостелерадиокомпания готовит программы, проводит фестиваль «Эйнет» (горловое пение, поговорки и др.), телеобъединение «Энер» снимает фильмы на чукотском языке.

Проблемами возрождения традиционной культуры занимаются чукотская интеллигенция, Ассоциация коренных малочисленных народов Чукотки, этнокультурное общественное объединение «Чычеткин вэтгав» («Родное слово»), Союз каюров Чукотки, Союз морских зверобоев и др.

ЭВЕНКИ

Численность — 30 163 человека.

Язык — тунгусо-маньчжурская группа алтайской семьи языков.

Расселение — Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия, Красноярский, Хабаровский, Приморский края, Иркутская, Читинская, Амурская, Томская, Тюменская и Сахалинская области, Эвенкийский и Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономные округа.

Наиболее широко расселились в Средней и Восточной Сибири между правыми притоками Оби на западе и Охотским побережьем и островом Сахалин на востоке, побережьем Северного Ледовитого океана на севере, Забайкальем и р. Амуром на юге. За пределами России, в Северо-Восточном Китае (в Маньчжурии, по отрогам Хингана) и в Монголии (верховья р. Иро и оз. Буир Нур) живут примерно 20 тыс. эвенков.

Самоназвание — *эвэнк, эвэн*. Местные группы называют себя также *орочон* — от р. Оро или от *орон* — «олень» (забайкальско-амурские), *илэ* — «человек» (катангские и верхнеленские), *мата* (олекминские), *килэн* (жители Охотского побережья) и др.

В XIX — XX вв. они были известны как тунгусы. Это слово возводят к древнему (первые века до н.э.) центрально-азиатскому этнониму *дун-ху* — от монгольского *тунг* — «лесные» либо якутского *тонг уос* — «люди с мерзлыми губами», т.е. говорящие на непонятном языке.

Эвенкийский язык делится на три большие диалектные группы: северную, южную и восточную. Внутри их выделяют территориальные группы — илимпийскую, амурскую, охотскую, подкаменнотунгусскую и др. Говорят также на русском (свободно владеют — 55,4%, считают родным — 28,5%) и якутском языках. Эвенкийская письменность была создана в 1931 г. на основе латинского, а с 1937 г. — на основе русского алфавита.

О происхождении тунгусов существуют различные гипотезы. Одна из них связана с Забайкальем и Верхним Приамурьем первых веков н.э. Согласно китайским источникам, на рубеже н.э. в некоторые южные районы Большого Хингана продвинулось немногочисленное племя скотоводов (*уваней*), которые смешались с аборигенами Забайкалья и Приамурья — уральцами по языку, знавшими транспортное оленеводство. Периодически к уваням присоединялись новые выходцы с юга, главным образом

тюрки, а также группы чжурчжэней и монголов. В IX в. выход в Забайкалье тюркоязычных курыканов, южных предков якутов, дал первый толчок к расселению тунгусов по сибирской тайге на запад и восток от Байкала и на север по р. Лене. Объединение монгольских племен и образование монгольского государства в XII — XIII вв. стало вторым толчком к продвижению народов из При- и Забайкалья вниз по Лене и Алдану к Охотскому морю. В результате этих миграций сложились различные хозяйственно-культурные типы: «пешие» (охотники), «оленные», *орочен* (оленоводы) и *мурчен* — «конные» (коноводы). Последние были известны в Забайкалье как хамниганы, солоны, в Среднем Приамурье — как бирары, манегры и др. Контакты с русскими возникли с начала XVII в.

Главными отраслями хозяйства были охота на копытных, пушного зверя, сезонное рыболовство и транспортное таежное оленеводство, обусловившие полукочевой и кочевой образ жизни.

Основными орудиями охоты служили ружье (*пэктырэ-вун*), самострел (*бэркэн, алана*), копье (*гида*), большой нож на длинной рукояти (*кото, уткэн*), различные ловушки — петли, плашки, черканы и др. Охотились скрадом, гоним на лыжах-голицах (*кингэн, киглэ*) и подбитых камусом (*суксилла*), с собакой, верхом на оленях, загоним с ловчими ямами, изгородами, с оленем-манщиком, манками, с сетью, подкарауливали зверя у водопоя и переправы.

Оленеводство в основном имело транспортное направление. Олени стада были небольшими (от 15 до 100 голов). Уход за животными заключался в постоянной смене пастбищ, сооружении изгородей во время отела, дымокуров, тeneвых навесов, холощения и лечения. Забивали домашних оленей на мясо только в случаях неудачного промысла или когда семье угрожал голод.

Рыболовство носило сезонный характер, лишь в ряде районов рыбу ловили круглый год. На Енисее, Верхней Ангаре, Витиме добы-

Шапка шамана

вали тайменя, карася, окуня, щуку, налима, на Охотском побережье и Амуре — кету, лосося, осетра, белугу, сазана. На Байкале и Охотском побережье промыслили тюленя трезубой острогой (*кирамки*), сетью (*адыл*), а дальневосточные — гарпуном (*дэбгэ, элгу*). Ороحوны били рыбу из ружья, использовали удилище (*налума*). Зимой над прорубью сооружали небольшое укрытие и ловили рыбу на удочку (*хинда*) или острогой с приманкой в виде костяной рыбки (*печер*). Осенью мелкие реки перегораживали запорами (*укикит*) с плетеными ловушками-мордами. Летом рыбу лучили с лодок-берестянок (*дэв*) или долбленок (*онгочо*), некоторые группы имели дощатые лодки, как на Нижней Тунгуске. У ороحوнов для переправы через реки служили лодки из лосиной кожи на каркасе (*мурекэ*). Собираательство имело подсобное значение. Собирали сарану, черемуху, черемшу, дикий лук, ягоды и кедровые орехи.

Степные группы «конных» были кочевыми скотоводами, разводили лошадей, верблюдов, овец. В местах контактов с русскими занимались земледелием и огородничеством, владели кузнечным делом, обрабатывали кость, рог, шкуры животных, делали домашнюю утварь из дерева и бересты, плели сети из крапивы. Изготовление лодок-берестянок, покрывшек на чум, седел, нарт, лыж, одежды, ковров, переметных сум имело товарное значение.

Зимние стойбища — зимники (*мэнэйен*) состояли из одного-двух чумов и размещались рядом с пастбищами диких оленей, весенние (*пенгнеркит*) и осенние (*хиголоркит*) — с местами отела и гона животных. Летние стойбища — летники (*дюворкит*) насчитывали до 10 чумов и располагались у рек в местах рыбной ловли. Зимники и летники

служили двум-трем и более поколениям. Вдоль кочевых троп устраивали кратковременные стоянки (*урикит*).

Основное жилище — переносной конический чум (*джу, дю, дюкан*) с каркасом из 40 шестов, крытый летом берестой, зимой — ровдугой. В центре устраивали очаг, над ним — жердь для котла (*икэптун*). Места за очагом напротив входа (*малу*) предназначались для гостей, справа и слева от входа (*чонга*) — для хозяйки, дальше (*бе*) — для остальных членов семьи. Был также известен коревой чум, летом крытый дерном, зимой — еще и снегом (*голомо, утэн*). Кроме того, у различных групп (*манегры, бирары*) бытовали чум, крытый тростником и травой, четырехугольные дома из жердей и коры (*угдан*) — к востоку от Витима и на Охотском побережье, полуземлянки (*калтамни*) — у непских. У русских эвенки заимствовали срубное жилище (Катангский район, Приамурье, Забайкалье, Верхняя Лена), у якутов — бревенчатую юрту (балаган) и летнюю *урасу*, у бурят в Забайкалье — войлочную юрту. В Приамурье было известно жилище типа ульчского хагду (*калта*). Хозяйственные постройки — свайные настилы (*дэлкэн*), срубные амбары и лабазы-помосты на невысоких сваях (*нэку*), вешала (*меван, капиталги*).

Из бересты изготавливали сосуды (*чуманы* — квадратные и плоские емкости, *чумашки* — мелкие чашки, *туясы* — высокие сосуды для воды и др.), коробка для запасов, одежды, инструментов, женских принадлежностей, выючные сумы, мешочки для пищи, табака и др., имели также деревянную долбленную посуду. В XIX в. вошла в обиход покупная утварь — медные котлы, чайники, фарфоровые чашки, хранившиеся в «чайном» ящике.

Ели мясо диких животных и рыбу. Предпочитали вареное

Изгородь сооружали во время отелов

Украшение на голову оленя

мясо с бульоном, обжаренные на рожнах мясо и рыбу, толченное вяленое мясо, заваренное кипятком и смешанное с голубикой (*кулнин*), копченое — с брусникой (*тэлик*), густой мясной суп с кровью (*нимин*), колбасу с жиром (*кучи*), кровяную колбасу (*буюксэ*), суп из сушеного мяса, заправленный мукой или рисом с толченой черемухой (*щерба*), мороженую рыбу (*та-лака*), вареную рыбу, рас-

тертую с сырой икрой (*султа*). Охотские, или импийские и амурские эвенки делали юколу, толкли ее в муку (*пурча*), употребляли с нерпичьим жиром, конные предпочитали конину. Летом пили оленьё молоко, добавляли его в чай, ягоды, мучную кашу, сбивали из него масло. Чай пили также с брусникой, шиповником. Курили листовой табак. Мука была известна задолго до прихода русских, но забайкальские скотоводы делали из нее похлебку или жарили с жиром. Хлеб научились выпекать у русских.

Зимнюю одежду шили из шкур оленя, летнюю — из ровдуги или ткани. Мужской и женский костюм включал распашной кафтан (летний — *сун*, зимний — *хэги́лмэ*, *мукэ*) с двумя широкими складками сзади (для удобства посадки на оленя), завязками на груди и глубоким вырезом без воротника, нагрудник с завязками сзади (женский — *нэлли* — с прямым нижним краем и мужской — *хэ́лми* — углом), по-

Вьючное седло

Оленья узда

Охотники, подманивающие трубой изюбря

Бакари – длинная обувь из камуса

Нагрудники шили из ровдуги, вышивали бисером, отделывали бахромой, металлическими бляшками и обшивали, как правило, козьим мехом. По вышитому орнаменту определялся эвенкийский род

родов (*тэгэ*). В среднем род насчитывал до 100 человек, связанных единством происхождения, общим культом огня. Род обычно называли именем предка с окончанием «гир», например Самагир, Калтагир и др. Во главе его стоял либо авторитетный старейшина-вождь («князец»), либо лучший охотник-воин из молодых (*сонинг*), либо шаман (он же мог быть и вождем), либо кузнец (*тавин*), либо просто богатый оленевод. Имелось небольшое количество домашних рабов из военнопленных. В особо важных случаях, например при межродовых конфликтах, собирали совет старейшин (*суглан*, *сукхен*). В XVII – XIX вв. тунгусские роды делились на патриархальные (от лат. *pater* – отец, *arche* – власть, начало) группы по 15 – 150 человек, состоявшие из семей, связанных близким родством. Зимой во время пушного промысла они разбивались на отдельные

яс с ножнами (у мужчин) и сумочкой (у женщин), штаны-натазники (*хэрки*), ноговицы (*арамус*, *гуруми*). Обувь короткую (*унтал* – отсюда русский термин «унты») и длинную (*хэвэри*, *бакари*) изготавливали из камуса. Одежду украшали полосками меха, бахромой, конским волосом, металлическими бляшками и т.п. Характерный головной убор делали из целой шкуры с головы оленя (*авун* и *мета*), отверстия от глаз и рогов зашивали и украшали бисером. У якутов заимствовали кафтан с отложным воротником. В лесотундровых районах поверх кафтана надевали глухой меховой сокуй с капюшоном. В Забайкалье и Приамурье коневоды носили халаты с запахом слева направо, а с XIX в. распространилась русская одежда. Традиционной прической были длинные волосы, связанные на макушке и обмотанные тесьмой, расшитой бисером (*чирэптуи*). Восточные эвенки-мужчины стригли волосы, а женщины обматывали две пряди или косы вокруг головы и покрывали их платком. До XX в. некоторые группы наносили на лицо татуировку. В XVII в., согласно русским источникам, у тунгусов (эвенков и эвенов) отмечено около 360 отцовских родов

семьи или группы. Существовал обычай левирата. В XIX в. преобладала малая семья, от 2 до 14 человек, а в богатых семьях практиковалось многоженство (до 5 жен). За жену вносили калым (*тори*), который мог быть заменен отработкой в семье жены в течение одного – трех лет. У забайкальских конных эвенков калым составлял 20 – 200 голов скота, у оленных – 1 – 20 оленей. Характерны обычаи кровной мести, гостеприимства, взаимопомощи, в том числе обычай равного распределения крупной мясной добычи между всеми членами стойбища – *нимат*. Тот, кто получал добычу, назывался *нимак*.

Традиционные верования – анимизм, шаманство, магия, промысловые и родовые культы, культ предков – сохраняются до сих пор. Вселенная, согласно этим представлениям, существует в виде семи миров: трех небесных (*Угу буга*), Среднего мира – земли (*Дулин буга*) и трех подземных (*Хэргу буга*), объединенных центральным столбом. Наряду с этим бытовало и представление о трех мирах, соединенных мировой рекой (*эндекит*). Небесный свод воображали землей Верхнего мира, где пасутся стада оленей, шкурой оленя или перевернутым котлом. Вход в Верхний мир указывала Полярная звезда, в Нижний – расщелины, пещеры, водовороты. Верхний мир населяли предки людей, верховные божества, хозяева явлений и стихий природы: Солнца, Луны, грома, ветра. Верховное божество – дух неба, хозяин Верхнего мира – старик *Амака* (*Маин*, *Сэвэки*, *Экмэри*, *Боа Эндури*), держатель нитей жизни людей, распорядитель их судеб. Божеством Солнца у одних групп считался старик *Делича*, у других – старуха *Энекан-Сигун*. Они были хозяевами тепла и света: Солнце в небесной юрте копило тепло, от него зависела смена времен года. С этим связывали миф о космической охоте: небесная лосиха *Бугады*, живущая в небесной тайге, каждый вечер уносила на своих рогах Солнце и скрывалась в чаще. Охотник Манги убивал ее и возвращал Солнце на небо. Но оставался живым ее лосенок, он превращался в лосиху, и каждый вечер космическое действо разыгрывалось вновь. Персонажи мифа представляются в виде Большой и Малой медведиц. Млечный путь – след от лыжи охотника. Духи Среднего мира (*дулу*, *буга*) – хозяева родовых территорий, отдельных мест, гор, тайги, воды, домашние духи-охранители. Нижний мир населяли души умерших (*бунинка-ханян*), духи болезней, злые духи. Бытовал медвежий праздник с ритуалами убийства медведя, поедания его мяса и захоронения костяка.

Эвенки обладали классическими формами шаманства (слово «шаман» – тунгусское). Шаман, посредник между людьми и духами, в образе зверя или своего духа-предка совершал полеты по мирам Вселенной, стремясь вылечить от болезней, найти пропавшее, узнать будущее, обеспечить хороший приплод зверей, помочь рождению ребенка или проводить в мир мертвых душу усопшего. Для этой цели у него были духи-помощники (*сэвэн*, *буркан* и др.), фигурки которых вырезали из дерева, изготавливали из железа и меха. Каждый шаман имел свою реку – приток главной шаманской реки (*эндекит*), где пребывали его духи-помощники, когда он не давал им поручений. Важную роль играли шаманские атрибуты: костюм с подвесками и рисунками, железная корона с рогами оленя-предка, бубен, коло-

На охоту с копьем

тушка, посох, жгуты-змеи, символизирующие шаманские дороги, и др. Человек, согласно традиционным представлениям, имел несколько душ, и все они требовали заботы и пищи: душа-тело (*бэе, оми*) в облике птички, душа-жизнь (*эгрэ*) – дыхание, кровь и пр., душа-тень (*хэян, ханян, анян*) – двойник, образ. Болезнь считали результатом деятельности злого духа, который украл одну из душ больного или проник внутрь его тела. Поэтому шаману необходимо было заставить духа выйти из тела или отобрать у него душу больного. Он совершал обряд добывания души-тела, использовал магические средства – выкуривание, перенос болезни на соломенную фигуру с последующим ее сожжением, протаскивание больного через круг, ромб и зубцы и т.п. Большое значение имели камлания, которые устраивали для достижения удачи в охоте (*сэвэкиниткэ*). Самые сильные шаманы совершали проводы душ усопших в мир мертвых (*хэнэчин*). Важными были обряды, когда род признавал заслуги шамана, а также обновления и освящения шаманских принадлежностей, духов-помощников (*сэвэнчэпкэ*). К специальному шаманскому чуму, где они проходили, были пристроены галереи, имитирующие миры Вселенной. Тунгусских шаманов считали самыми сильными в Сибири, к их помощи прибегали соседние народы. В XVI – XVII вв. началось обращение эвенков в христианство. В конце XIX в. почти все числились православными, хотя отдельные группы испытали влияние ламаизма (в Забайкалье).

Эпос, который условно можно разделить на западный и восточный типы, неоднороден у разных групп эвенков. Текст сказаний, в большей своей части поэтический, состоит из монологов героев. В отличие от восточного, где главное действие связано со сватовством героя (мотив, известный в фольклоре многих народов), западный эпос повествует о межродовых войнах, причиной которых часто оказывается кровная месть.

Наиболее популярны мифы и сказки о животных. Центральная фигура эвенкийской мифологии – медведь – общеплеменное божество, прародитель эвенков. Бытовые сказки отражают отношения в семье, возникающие в ней конфликты. Малые жанры представлены загадками и скороговорками; жанр пословиц почти неизвестен.

В музыке эвенков обнаруживаются результаты их активного взаимодействия с музыкальными традициями соседних народов: оленных якутов, долган, нганасан, энцев, ненцев, селькупов, кетов, хантов, части бурят, тофалар, нанайцев, удэгейцев, орочей и др. Традиционная музыка представлена песенно-лирическим, инструментальным, песенно-танцевальным жанрами, музыкой эпоса, шаманских обрядов и песен-гимнов. Все песенные жанры определяются общим термином *икэн* – «песня-музыка» (от основы *ик* – «звучать»).

Шаманы исполняют песни-кличи (*эригун*), обращенные к шаманским духам-покровителям, ритуальные песни (*дзарин*) и др. Им подпевают помощники и хор присутст-

У эвенков охота играла первостепенную роль, а оленеводство служило задачам охоты

вующих на камлании людей. В наше время образ жизни и хозяйствование эвенков существенно изменились. Оленеводством занимаются, как правило, пожилые эвенки. Из веками обжитых мест молодежь переселяется в крупные поселки и районные центры. Национальным хозяйствам стало невыгодно заниматься разведением пушных зверей.

С 30-х гг. в школах Эвенкийского автономного округа ведут уроки на родном языке. Детям преподают эвенкийский язык, они разучивают народные игры, песни, танцы, читают произведения национальных писателей и поэтов. В 1996 г. в Якутске проведена первая республиканская олимпиада по эвенкийскому языку. В газете «Забайкальские областные ведомости» (г. Чита) выходит страничка «Северный чум», рассказывающая о жизни эвенков. Телерадиокомпания «Хэглэн» (Эвенкийский автономный округ) периодически готовит передачи на национальном языке.

Такие же передачи есть в программах телевидения и радио Республики Бурятия, в Республике Саха (Якутия) выходят в эфир программы телерадиовещательной компании «Геван».

Популярны фольклорные ансамбли «Юктэ» и «Хосинкан» («Искорка»). В Республике Саха (Якутия) проходят традиционные эвенкийские праздники «Бакалдын» («Встреча солнца»), там же проведена первая республиканская олимпиада по эвенкийскому языку.

Развивать национальную культуру помогают городские и районные ассоциации и общественные организации.

В каждой семье для младенца припасен оберег. На дно колыбели или под нее клали щенка, нож, клыки и когти хищных животных, что-нибудь острое для защиты от злых духов. Дуга для полога над изголовьем позволяла согреть ребенка под меховым и ровдужным чехлом.

Обжаренное на рожнах мясо оленя — самый изысканный деликатес

ЭВЕНЫ

Численность — 17 199 человек.

Язык — тунгусо-маньчжурская группа алтайской семьи языков.

Расселение — Республика Саха (Якутия), Хабаровский край, Магаданская и Камчатская области.

Самоназвание — *эвены*, в этнографической литературе известны как ламуты (от эвенк. *ламу* — «море»). Распространены региональные самоназвания — *орочиел*, *илкан* и др. Коряки называли их *коаямко*, *коаямкын* — «оленоводческое стойбище». В эвенском языке более десяти говоров, объединенных в восточное, среднее и западное наречия. Эвенский считают родным 43,9 %.

Расселение тунгусоязычных племен из Прибайкалья происходило в первом тысячелетии н.э. Важную роль в этом сыграли контакты с аборигенным палеоазиатским, а также пришлым монголо- и тюркоязычным населением Сибири. Переселение якутов на Среднюю Лену (X — XIII вв.) вызвало продвижение эвенов на северо-восток Сибири, сопровождавшееся ассимиляцией юкагиров и коряков. В свою очередь, часть эвенов подверглась ассимиляции якутами. Приход русских в Восточную Сибирь в XVII в. привел к освоению эвенами новых территорий вплоть до Чукотки и Камчатки.

В соответствии с традициями ведения хозяйства население делится на оленеводческое в горно-таежной зоне, занимающееся также охотой и озерно-речным рыболовством (*дон-рэткэн* — «глубинные», «внутренние», т.е. кочующие внутри континента); охотничье-рыболовно-оленоводческое при равном значении всех отраслей (*на-маткан* — «приморские жители», от *нам* — «море»), кочующее весной из континентальной тайги к побережью Охотского моря, а осенью — обратно; безоленное оседлое прибрежное рыболовно-зверобойное с разведением ездовых собак на Охотском побережье (*мэнэ* — «оседлые»). Хозяйственный годовой цикл делился на шесть сезонов: раннюю осень (*мон-тэлсэ*), предзимье, или позднюю осень (*болэни*), зиму (*тугэни*), предвесенье, или раннюю весну (*нэлкэни*), позднюю весну (*нэннэши*), лето. У якутских и камчатских эвенов сохранилось коневодство якутского типа.

В горно-таежной зоне преобладало верховое и выючное оленеводство. В лесотундре ездили на прямокопильных нартах, заимствованных у

якутов; на Камчатке и в пограничных с чукчами и коряками районах известны заимствованные у них дугокопильные нарты. Верховой езде обучали с раннего детства. Садясь верхом на оленя, опирались на палку-посох (мужской — *нимка-ми*, женский — *тийун*), управляли им справа. Эвены вывели свою породу домашнего оленя, отличающуюся большим ростом, силой и выносливостью. Их небольшие стада находились на вольном выпасе. Важенков доили. Было известно и крупнотабунное (мясо-шкурное) оленеводство со средним размером стада в 500 — 600, а прежде — до 5 тыс. оленей. Ухаживали за животными мужчины. Отлавливали оленей с помощью аркана (*маут*), на шею подвешивали колокольчик (*чог*), по звону которого определяли местонахождение животного. Перекочевки (*нулгэ*) совершали на 10 — 15 км. Обычно первым в аргише-караване ехал глава стойбища или опытный оленевод. За ним на поводу — выючный олень (*нэу-эрук*) вез главу аргиша, святыни, иконы. Далее следовала верхом жена с детьми от трех до семи лет, которая вела за собой двух-трех оленей (*онесэк* и *кунарук*). За нею двигались остальные женщины, каждая вела за собой от семи до двенадцати выючных оленей. Последний в караване олень (*чорарук*) вез детали каркаса жилища.

Промышляли соболя, белку, красную и черно-бурую лисицу, горностая, росомаху, выдру, дикого оленя, лося, горного барана, зайца, гуся, уток, рябчиков, куропатку, глухаря и др. Охотничьим орудием служили лук (*нууа*), копье (*гид*), копье-пальма (*отка*), нож (*хиркан*), самострел (*бэркэн*), ло-

вухшка-пасть (*нан*) и ружье. Охотились верхом на оленях, на лыжах-голицях (*кайсар*) и подклеенных мехом (*мэрэнгтэ*), гоньбой, скрадом, с оленем-манщиком, охотничьей собакой. Особое место занимала охота на медведя, регламентированная строгими правилами и обрядами. Медведя называли иносказательно, часто словами, заимствованными из языков соседних народов (якутов, русских, юкагиров). По случаю добычи медведя устраивали медвежий праздник.

Было развито прибрежное, речное и озерное рыболовство. В среднем течении и верховьях рек ловили кунжу, гольца, хариуса. Основным орудием лова считали крючковую снасть. Сети и невода стали доступны лишь в 1920-х гг. По рекам передвигались в лодках-долбленках (*моми*). Охотские эвены имели постоянные поселения (*олрамачак*), занимались промыслом лососевых

В археологических находках на северо-востоке Сибири представлены и железный, и бронзовый века

(горбуши, кеты, кижуча, чавычи) и морского зверя — его били у кромки льда палками и гарпунами, позднее — при помощи ружей. Весной пользовались лодками-долбленками, которые покупали у соседних народов.

Собирали шикшу, голубику, морошку, жимолость, бруснику и другие ягоды, орехи, кору, ветки и иглы кедрового стланика (*болгиз*), в качестве дубителей и красителей — кору черемухи, ольхи, белой и каменной берез. Крошки трухлявого дерева использовали как гигроскопический материал в люльках; из кустарниковой березы и ивы изготовляли тонкие мягкие стружки (*хэгри*), ими утирались после мытья, чистили и вытирали посуду, а после употребления сжигали.

Мужчины занимались кузнечеством, обработкой кости и дерева, плетением ремней, кожаных арканов, упряжи и т.д., женщины — выделкой шкур и ровдуги, изготовлением одежды, спальных принадлежностей, выючных сум, чехлов и т.д. Эвенские кузнецы делали ножи, детали ружей и др. Железо и серебряные изделия выменивали у якутов, позднее — у русских. Украшения из серебра, олова, меди и железа изготавливали, переплавляя старинные монеты.

Существовало два типа переносных жилищ: *дю* — конический чум, крытый шкурами, ровдугой, рыбьей кожей, берестой, и *чорама-дю* — цилиндроконическое жилище, основу каркаса которого составляли четыре опорные жерди, сходящиеся вершинами. Над очагом к ним привязывали горизонтальную жердь для котла. Жерди, образующие каркас стен, составляли ряд треугольников, отстоящих друг от друга по кругу. Крышу образовывали жерди, сходящиеся концами в виде конуса. Каркас покрывали в три слоя ровдужными полотнищами (*элбэтын*), оставляя отверстие для дыма. Вход в жилище закрывали ровдужной занавеской, украшенной аппликацией. Пол устилали невыделанными шкурами. Оседлые эвены в XVIII в. жили в землянках (*утан*) с плоской крышей и входом через дымовое отверстие. Позже появились срубные четырехугольные жилища (*уран*), а в качестве хозяйственных построек — свайные срубные амбары, помосты и др.

Чорама дю — традиционное переносное жилище эвенов во всех районах их обитания.

Если в юрте жило более одной семьи, она имела, как правило, два входа. Посторонний человек становился гостем той семьи, на чьей половине он усаживался

Древний календарь эвенов

ной до колен, иногда сшитый из двух кусков — собственно нагрудника и передника. К мужским нагрудникам на уровне пояса пришивали ровдужную бахрому, нижнюю часть женского нагрудника украшали орнаментом, вышитым бисером и подшейным волосом оленя. К подолу пришивали ровдужную бахрому с металлическими подвесками-колокольчиками, медными бляхами, кольцами, серебряными монетами. Под кафтан надевали натазники (*хэрки*). Зимой носили меховые парки с разрезом спереди, но со сходящимися лапами. Обувь шили в зависимости от времени года из ровдуги или меха, женскую украшали бисерным орнаментом (*ниса*), носили с ноговицами. Головным убором мужчин и женщин был плотно облегающий голову капор (*авун*), расшитый бисером. Зимой поверх него носили большую меховую шапку, женщины иногда надевали платок. Женские перчатки (*хаир*) украшали бисерным кружочком в виде солнца. Праздничная одежда являлась одновременно и погребальной.

Традиционной пищей были оленина, мясо диких животных, рыба, дикорастущие растения. Основное мясное блюдо — отварное мясо (*улрэ*), рыбные — отварная рыба (*олра*), уха (*хил*), юкола (*кам*), порошок-мука из сушеной рыбы (*порса*),

квашеная рыба (*докча*), сырая рыба, головы с хрящами, строганина (*талак*) и др. Заготавливали сладкий корень (*кочия*) и употребляли в отварном или сыром виде (иногда с сушеной лососевой икрой). Корни горца живородящего (*нубэ*) ели вареными с оленьим мясом, дикорастущий лук (*эннут*) — с отварной рыбой и мясом. Заваривали и пили привозной чай, а также цветы, листья и плоды шиповника, листья иван-чая. Ягоды ели свежими.

Сознание принадлежности к тому или иному роду сохраняется до сих пор. Некоторые родовые названия превратились в современные фамилии: Дуткин, Долган, Уяган и т.д. Роды экзогамные, патрилинейные, распадалась на территориальные группы. Возглавляли их выборные старосты, представлявшие род перед администрацией. Стойбищная община состояла из родственников и соседей, семья была малая. Старшие кочевали вместе с женатыми сыновьями, внуками, племянниками, когда из-за преклонного возраста или болезни уже не могли самостоятельно вести хозяйство. Распространен был обычай, обязывающий охотника отдавать часть добычи соседу (*нимат*). Браку предшествовали сватовство и сговор о калыме, размер которого (*тори*) в несколько раз превышал цену приданого. Жену могли брать из любого рода, кроме собственного, но предпочтение отдавали роду матери; встречались многоженство, помолвки малолетних. Свадебные церемонии (угощения, обмен подарками, жертвоприношения духам-покровителям) проходили в стойбищах невесты и жениха. Прибыв к чуму жениха, свадебный поезд трижды объезжал вокруг него, после чего невеста входила в чум, доставала свой котел и варила мясо. Приданое невесты вывешивали для обозрения вне чума. Рождение ребенка, воспитание и уход за ним сопровождали ритуалы и правила: запреты для беременной женщины, распределение

Основу колыбели составляли две хорошо обструганные тополевые доски шириной около 20 см. На них делали несколько поперечных надрезов и смачивали водой, затем держали над костром. После этого доски гнулись в дугу. Длинная дуга располагалась горизонтально. Под некоторым углом с внешней стороны к ней крепили с помощью ремешков короткую дугу. Дно колыбели составляли поперечные дощечки длиной около 30 см

Богата уловами р. Гарманда

обязанностей между членами семьи во время родов, «очищение» роженицы, наречение новорожденного и т.д. Характерно, что при рождении ребенка ему выделяли часть стада, которая вместе с приплодом считалась его собственностью, для девушки — приданым.

До XVIII — XIX вв. умерших хоронили на деревьях или столбах, но с обращением в христианство их стали предавать земле. Усопшего одевали в лучшую одежду; мужчину хоронили вместе с его ножом, трубкой, кисетом и др., женщину — с предметами рукоделия и украшениями. С покойником клали деревянную фигурку ворона (*кор*). Погребение сопровождали жертвоприношением оленя, принадлежавшего умершему. Место погребения посещали через год. Над могилой ставили сруб с крестом, на котором часто вырезали изображение птицы; у могилы складывали вещи покойного.

Бытовали промысловые культы, культ медведя, очага, духов — хозяев природы, шаманство. По случаю добычи медведя устраивали праздник, кости животного складывали в анатомическом порядке на свайном помосте. При болезни кого-либо из членов общины приносили в жертву оленя, мясо съедали сообща, шкуру вывешивали на шесте. Обычай «кормления» огня существует до сих пор.

С принятием православия в середине XVIII в. распространились христианская обрядность, православный календарь в виде деревянных досок-«святцев», дни на которых отмечали отверстиями. Каждые два месяца отделяли горизонтальными линиями, они изображали один из шести сезонов года. Православные праздники отмечали крестиками. Деление года на месяцы определяли по частям тела начиная с правой руки: начало года — сентябрь (*ойчири унма* — «подымающаяся тыльная поверхность кисти руки»), октябрь (*ойчири билэн* — «подымающееся запястье»), ноябрь (*ойчири ечэн* — «подымающийся локоть»), декабрь (*ойчири мир* — «подымающееся плечо») и т.д. Затем счет месяцев переходил на левую руку и шел по ней в нисходящем порядке: февраль (*эври мир* — «спускающееся плечо») и т.д. Январь (*тугэни хэе*) и июль (*догэни хэе*) называли соответственно «макушка зимы» и «макушка лета».

Фольклор включает сказки, бытовые рассказы, исторические легенды и предания, богатырский эпос, песни, загадки, заклинания-благопожелания.

Сказки разделяются на волшебные, бытовые и сказки о животных, типичными образами которых были умный, хит-

рый соболь, добродушный, доверчивый медведь, простоватый, глупый волк, трусливый заяц, хитрая лиса. Сюжет волшебных сказок строится вокруг борьбы со злыми духами. Бытовые сатирические сказки, в которых изображается реальный быт, направлены против ленивых, глупых и жадных, в них говорится о столкновениях между богатыми и бедными, даются благоразумные советы. Исторические предания — это рассказы о вражде между эвенскими родами, о войнах с коряками, юкагирами и др. В эпосе, а он богат, преобладают сюжеты, связанные с таинственным рождением богатыря, его испытаниями, сватовством, борьбой с врагами.

Песни пели любовные, лирические, бытовые, колыбельные, основанные на импровизации. Искусные певцы исполняли хвалебные и бранные песни со специальными песенными словами, не употребляемыми в разговорной речи.

В музыке, связанной с тунгусо-маньчжурскими музыкальными традициями, прослеживаются местные вариации. Каждая из локальных традиций складывалась во взаимодействии с музыкой других народов: верхоянская — с музыкой верхоянских якутов; индигиро-колымская — с музыкой вадулов (алазейских и нижнеколымских юкагиров), колымских якутов, чукчей, русских старожилов; чукотско-камчатская — с музыкой ительменов, коряков, чукчей, чуванцев (анадырских юкагиров) и русских старожилов; охотская — с музыкой эвенков, ленских и охотских якутов; горно-материковая — с музыкой ленских якутов и верхнеколымских юкагиров.

Для лечения больных шаманы часто использовали народную медицину, но существовали средства магического характера: повязки на голову, браслеты из сухожильных ниток на руки и ноги, ожерелье из бус на шею. Шаман надевал их во время камлания, прикрепляя к своему бубну, а затем надевал на больного

Зимний кафтан (*дудька*)

Женская шапочка для особо торжественных случаев

Женский зимний наряд

Обрядовые обычаи эвенков включают массовые общеплеменные ритуальные празднества, содержащие благопожелания и религиозные песни-пляски, личностные формы взаимодействия человека с миром духов на основе шаманства. Круговые песни-пляски (*хэдьэ*) сопровождаются песней запевалы, которому вторит хор.

В 1930-е гг. в результате коллективизации оленеводческих и рыболовецких хозяйств часть эвенков вместе с чукчами, юкагирами, якутами перешла к оседлому образу жизни, развивая земледелие и животноводство. К 90-м гг. создаются товарищества, мелкие национальные предприятия, общины, многие из которых не выдержали рыночных отношений. В связи с экономическими трудностями и ухудшением экологической обстановки резко сократилась рождаемость людей, выросла смертность от различных болезней.

Очевиден рост национального самосознания, в местах компактного проживания детям преподают родной язык, они разучивают эвенские песни и танцы, занимаются вышиванием и плетением бисером, шитьем изделий из меха.

На эвенском языке ведут передачи телерадиокомпания «Геван» (г. Якутск) и др. В газетах «Эвенчанка» (Северо-Эвенск, Магаданская область), «Крайний Север» (Чукотский автономный округ), «Айдит» (Камчатская область) и других изданиях печатают материалы на эвенском языке. Организованы национальные ансамбли, театральные кружки, библиотеки, открыты музеи.

Среди представителей творческой интеллигенции — эвены Н. Тарабукин, А. Черканов, А. Кривошапкин, В. Лебедев (1934 — 1982), Х. Дуткин, Д. Слепцов, А. Алексеев, В. Кейметин и др.

В Республике Саха (Якутия), Корякском автономном округе и других местах приняты законы, способствующие сохранению и возрождению национального уклада жизни, традиционных форм хозяйствования коренного населения. Защищают интересы коренных жителей различные общественные объединения и ассоциации коренных народов.

Васса Егоровна Кундырь —
знаток и хранительница традиций

ЭНЦЫ

Численность — 209 человек.

Язык — самодийская группа уральско-юкагирской семьи языков.

Расселение — Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ.

Самоназвание — *эниэчэ* — «человек». Название *энцы* в качестве официального было принято в 1930-е гг. В дореволюционной литературе энцы назывались енисейскими самоедами или хантайскими (тундровые энцы) и карасинскими (лесные энцы) самоедами — по именам становищ, куда вносили ясак.

В энецком языке два диалекта — тундровый, хантайский (*маду-база*) и лесной, карасинский (*бай-база*). Его считают родным 38%, русским языком свободно владеют 75%, распространен также среди энцев и ненецкий язык.

Далекие предки энцев жили на Средней Оби в V в. до н.э. — V в. н.э. Этим объясняются сходные этнонимы в родовых названиях энцев и южных самодийцев — селькупов, карасинцев, карагасов и др. Вытесненные в северную тундру самодийские предки энцев столкнулись с местными жителями — охотниками на дикого северного оленя. Образ такого охотника — *Моррэдэ* — представлен в энецком фольклоре. Родовой состав тундровых энцев позволяет предположить, что они родственны аборигенному, досамодийскому населению Енисейского Севера. Пришедшие с юга самодийцы более многочисленные, с высокоразвитой культурой, в относительно короткий срок полностью ассимилировали аборигенов.

Впервые народ упоминается в новгородской рукописи конца XV в. под названием *молгонзеи* (от *монкаси-я* — «земля рода Монкаси» или Мутгади). Отсюда возникло название русского острога Мангазея, основанного в 1601 г. В XVII в. энцы входили в состав облагаемого ясаком населения Мангазейского уезда. По уездным документам выделяют две основные группы энцев: тундровые (*маду, сомату, ненцы манто* — роды Малк-маду, Сазо, Солда и др.), кочевавшие между Нижним и частично Средним Тазом и Нижним Енисеем и Енисейской губой, и лесные (*нэ-бай, бай* — роды Ючи, Бай и Мутгади), кочевавшие на верхнем и среднем течении Таза, в междуречье Таза и Енисея и на правом берегу Енисея в бассейнах Хантайки, Курейки и Нижней Тунгуски.

Со второй половины XVII в. под давлением ненцев с запада, селькупов, кетов и эвенков с юга энцы утрачивают свои территории в бассейнах Таза и Турухана и отступают на северо-восток на правобережье Енисея. Разрушение системы родового землепользования привело к распаду первоначальных родов на больше-семейные группы, часть энцев вошла в состав ненцев и селькупов. Согласно положению, разработанному

Енисейским губернским управлением, в Туруханском отделе было образовано десять самодийских «родовых» управ, две из которых, Хантайскую и Карасинскую, представляли энцы.

Хантайскую управу образовала тундровая группа. Численность ее в 1827 г. составляла 239 человек. Летом тундровые кочевали в бассейне Гольчихи на правобережье Енисейской губы и в бассейне Пура, а с началом зимы двигались на юг в лесотундру, пересекая по льду Енисей. Лесные энцы насчитывали 258 человек. Начиная с 30 — 40-х гг. XIX в. многооленные семьи карасинских самоедов летом кочевали на территории хантайских самоедов. Малооленные семьи карасинских самоедов на протяжении всего года кочевали в лесотундре. Зимой 1849/50 г. произошло последнее столкновение между энцами и ненцами на о-ве Туручедо, завершившееся победой энцев. В результате между этими народами была окончательно проведена граница по Енисею. С тех пор правая (каменная) сторона Енисея стала считаться «самоедской», т.е. энецкой, а левая (низменная) — «юрацкой», т.е. ненецкой. Территория, на которой обитают энцы, представляет собой преимущественно кочкарную тундру. Леса (в основном лиственница) исчезают на правобережье Енисея в нескольких десятках километров южнее Дудинки, в хозяйстве продолжает сохранять свое значение охота на диких оленей.

На Енисее ловили рыбу сетями, неводами, устраивали загораживания из тальника, на озерах применяли ставные ловушки-вентеря, переметы. Занимались оленеводством, в основном выючным. У ненцев заимствовали упряжное оленеводство, но нарты несколько отличались от ненецких. Зимняя легковая нарта обычно имела четыре-пять пар копыльцев. Для летней нарты лесотундровой группы энцев характерен «баран» — дуга, прикрепленная к передку и облегчавшая передвижение через кустарниковые заросли. Зимняя женская нарта очень высокая, с полукруглыми бортами и задником, к которому крепили меховой полог. Он защищал от ветра голову и спину. Энецкие грузовые нарты в отличие от ненецких всегда были косокопыльными.

Конструкция каркаса энецко-нганасанского чума отличалась от ненецкого. Каркас его опирался на два основных шеста. Один шест имел два или три отверстия, куда вставляли заостренный конец другого. Параллельные шесты крепили к другим двум шестам, установленным внутри помещения на некотором расстоянии от входа. Покрытия энецкого чума — нюки были меньше ненецких, поэтому их требовалось

четыре вместо двух. Кроме того, особый нюк прикрывал вход. В задней части чума за очагом хранили деревянные антропоморфные изображения предков, которые при перекочевках возили в особой священной нарте.

В 1930-е гг. в качестве зимнего жилища энцы стали использовать балок (нартенный чум), заимствованный у долган.

Энцы в ездовую нарту запрягают «веером» трех и более оленей. Двухоленная упряжка применяется с грузовой и женской ездовой нартами. Передовой олень (тот, от которого идет поводок) в самодийской упряжке находится слева

Зимняя мужская парка, подобно нганасанской, глухого покроя, двойная. Верхнюю (*пазо пагга*) с капюшоном, длиной до колен шили из летних оленьих шкур или пыжиков белого цвета, мехом наружу. Нижняя (*дёду*), сшитая мехом внутрь, значительно длиннее верхней. По подолу двойной парки шла опушка из белого собачьего меха. Рукавицы (*оби*) из камуса наглухо пришивали к рукавам парки. При поездках в тундру зимой вместо верхней парки надевали сокуй (*сокоме*). К лобной части капюшона сокуя пришивали рог (*нока*) из оленьей шкуры или хвоста оленя, набитый оленьей шерстью и жилами. Зимние штаны (*таруо*) шили мехом внутрь, по крою они не отличались от ненецких. Носили нижние ровдужные рубахи, подобные ненецким. Летней верхней одеждой мужчинам служила *дёду*. Ее носили обычно с накидкой, сделанной из выношенного сокуя. Летние штаны шили из ровдуги. По крою женская парка от мужской отличалась тем, что была распашной и без капюшона. Верхнюю и нижнюю парки сшивали по вороту, опушку делали из собачьего меха. Под парку надевали пыжиковый комбинезон без рукавов с вырезами на груди и спине. Спереди его украшали медными серповидными пластинками, а на бедрах — медными трубками, кольцами, цепочками и т.д. К комбинезону пришивали игольник, мешочек для огнива и др.

Женская зимняя шапка из белых пыжиков (*тэн*) по форме напоминала капор и была двухслойной. Со второй половины XIX в. у лесных и с XX в. у тундровых энцев распространилась одежда ненецкого типа. Сейчас традиционная энецкая одежда сохранилась лишь у немногочисленной группы энцев, живущих среди нганасан на Таймыре. Внутрь зимней обуви (*бакари*) надевали чулки (*мотуза*). Летнюю мужскую обувь из ровдуги (*този*) носили без чулок.

Были развиты такие виды декоративно-прикладного искусства, как аппликация по меху и сукну, резьба по кости. Наиболее сохранившийся пласт материальной культуры — традиционная пища. Свежее сырое оленьё мясо едят обычно после забоя или удачной охоты, обмакивая куски в теплую кровь. Зимой его нарубают кусками (рубанина) или строгают ножом (строганина). Любят мясо зайцев и куропадок. Летом варят тушки гусей и уток, едят свежую и слегка подсоленную рыбу (чира, муксуна, нельму). Впрок заготавливают юколу, рыбную муку-порсу, которой заправляют супы, или ее едят, смешивая с растопленным рыбьим жиром

(варка). Растительной пищей служат корни, дикий лук и ягоды. В качестве напитков раньше заваривали листья брусники и древесные наросты, сейчас наиболее распространен чай. Из покупной муки, главным образом ржаной, готовят тонкие лепешки. Их едят, обмакивая в рыбий жир. Со второй половины XIX в. основной производственно-территориальной единицей становится соседская община, нередко включающая представителей разных этнотерриториальных групп.

До XIX в. у энцев сохранялись патрилинейные экзогамные группы, большие патриархальные семьи, существовали многоженство, левират, уплата калыма.

Хотя лесные энцы официально были обращены в христианство, у них сохранялись анимистические верования, согласно которым сотворение Вселенной, воды, земли приписывалось духам Верхнего мира. Иногда их главой выступал хозяин неба — *Нга*, его мать называли *Дя-мёно* — Мать земли. Нижний мир по представлениям энцев населен злыми духами. Особое место принадлежало духам-хозяевам огня, воды, леса, гор, отдельных урочищ, сопков, деревьев.

Энецкий фольклор содержит мифологические и исторические предания, сказки о животных, былички. Среди эпических жанров *дёре* — «вести» — рассказы о реальных исторических героях и событиях, а также *сюдобичу* — «мифы» — рассказы о мифологических героях и событиях. Их исполняют речитативом на одно-трехтоновые мелодии с устойчивой ритмической структурой.

Энецкая музыка представлена лишь фольклорной традицией и родственна музыке ненцев и нганасан. В песенной культуре — две жанровых сферы: *барэ* — «напев», имеющий характер индивидуальной импровизации, и *кунуярэ* (у тундровых), *кунуадэ* (у лесных) — «песня» — песенно-поэтическое высказывание с традиционной системой символов, иносказательных образов.

Шаманские бубны как музыкальный и ритуальный инструмент — *педди* (у тундровых), *фендир* (у лесных) — относятся к якутскому типу.

Сейчас энцы «растворяются» среди ненцев и нганасан. Много смешанных браков, поэтому энецкий язык забывается. На нем говорят несколько десятков человек, преимущественно старшего возраста. Периодически проблемы энцев освещает окружная газета «Таймыр». На энецком языке выходят передачи телерадиокомпании с тем же названием.

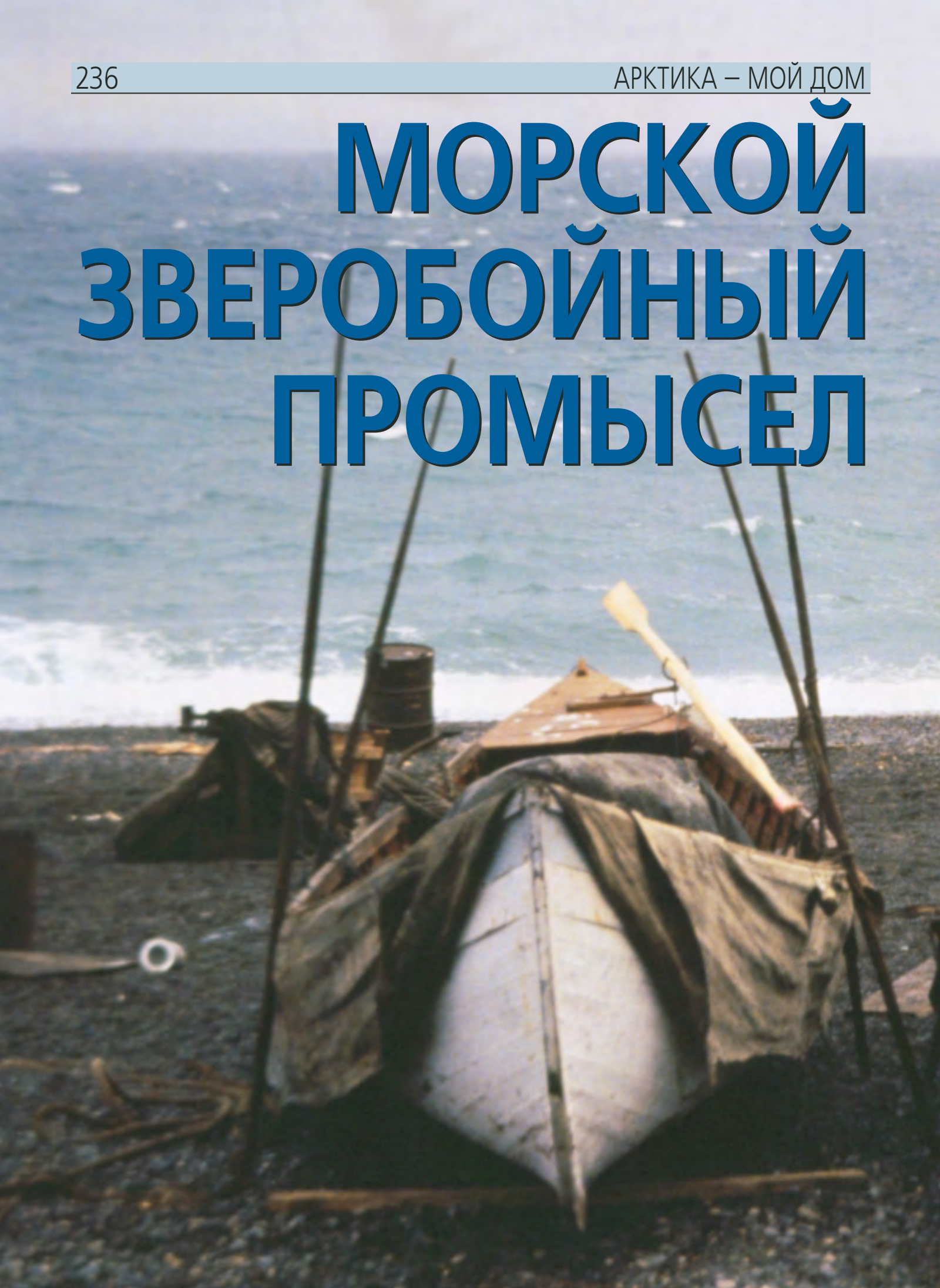

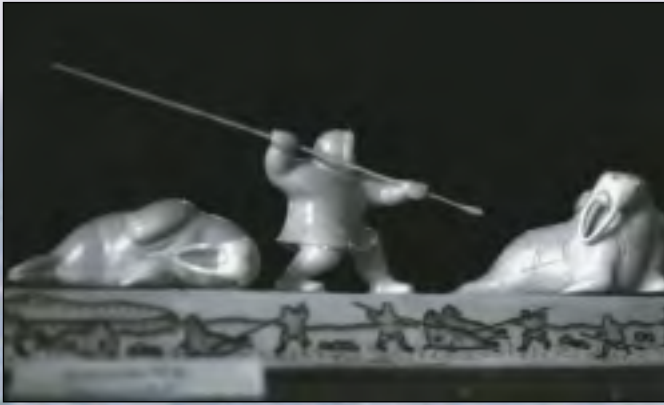
Бай Чизайчу на стойбище

Летний чум энцев

МОРСКОЙ ЗВЕРОБОЙНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Морской зверобойный промысел — традиционное занятие обитателей океанского побережья: ненцев — в районе Новой Земли, саамов — на Кольском п-ове, эвенов, эвенков, негидальцев, нивхов, ульчей, ороков, орочей — на юге Дальнего Востока. У чукчей, коряков, эскимосов этот промысел развивался несколько тысячелетий, породив общие элементы культуры. Добывали тюленей, моржей, китов, полностью обеспечивая себя мясом, жиром, шкурами, костью. Жир использовали не только в пищу, им отапливали и освещали жилища. Шкурами моржа обтягивали остовы байдар и жилищ, из кишок шили непромокаемые плащи. Крупные кости китов и моржей шли на строительство жилищ. Из клыков и костей моржа делали наконечники стрел, мотыги, пешни, рукояти ножей, утварь, амулеты, украшения. Часть добычи морские охотники обменивали на олени шкуры и мясо. Достаточное количество мяса и жира позволяло зверобоям вести оседлый образ жизни и держать многочисленных ездовых собак.

Несколько десятилетий китов добывала государственная китобойная флотилия. Отстрелянных животных поставляли в поселки, оставалось только разделать туши. Постепенно люди утратили навыки традиционной охоты.

Жилища часто строили на скалах: с высоты удобно наблюдать за морем, ожидая появления китов и моржей. Многие селения соседствовали с лежбищами. Весной и осенью моржей отстреливали в открытой воде или когда звери лежали на плывущих льдинах. Во второй половине лета их добывали на берегу, на лежбищах. В случае, если из-за ледовой обстановки звери не выходили на сушу, охотники 2 — 3 недели дрейфовали на льдинах, охотились с байдар на лахтаков, моржей и нерп. Основными орудиями промысла были гарпуны (метательное орудие с отделяющимся наконечником) с поплавками (по-чукотски — *тыгыг* — надутые тюленьи шкуры) и копыя (*кэпутэн*). Чтобы напугать животное и выгнать его из воды, применяли хлопущки из китового уса.

Промышляли артелями по 8 — 10 человек на нескольких лодках-байдарках. Охота на гренландского и серого китов была особенно важна на Чукотке: добыча одного животного кормила жителей целого селения. В кита метали гарпуны с несколькими поплавками, а затем добывали

длинными копиями. На гренландских китов охотились весной и осенью, подкарауливая их в узких развоях между льдинами. Согласно преданиям, в XVIII в. коряки охотились на китов с помощью составных («объединенных») ременных сетей. Жители нескольких селений подвешивали в воде у прибрежных скал сети, загоняли в них зверя и били копиями.

На нерп, лахтаков, сивучей

охотились круглый год. Чукчи и эскимосы добывали их в открытой воде с байдар. Чаще индивидуально, особенно зимой. Охотник с собакой отыскивал продушины (отверстия во льду, проделываемые животным для дыхания), ставил в них мешкообразные ременные сети, выжидал появления зверей и бил гарпунами или стрелял из ружья. Весной к животным, греющимся под солнцем на льдинах, подползали в маскировочной одежде.

У жителей Сахалина, Нижнего Амура, Татарского пролива морской зверобойный промысел стоял на втором месте после рыболовства. Больше всего зверей добывали у берегов Сахалина, там водились только мелкие ластоногие. Пользовались оригинальным орудием — плавающей острогой (нивхи называли ее *тла*, ороки и ульчи — *дарчи*) с составным древком длиной 15 — 20 м и направляющим рулем, прикрепленным к его передней части. Руль — доска длиной меньше метра. Во втулке на передней части древка укрепляли острогу — железный стержень с зазубринами. В отверстие остроги продевали линь — длинный кожаный ремень, конец которого закрепляли на древке. Гарпунер с носа лодки следил за морем и при появлении, например, нерпы под водой направлял острогу в нужную сторону. При «уколе» зверя острога соскакивала с руля, нерпа уплывала, но гарпунер «вел» ее на длинном лине до тех пор, пока она не уставала сопротивляться. Затем зверя подтягивали к лодке и доставляли на берег.

В XX в. нивхи Амурского лимана и Сахалина отлавливали зверей ловушками. Одна из них представляла собой соединенные планками два 4 — 5-метровых бревна с крючками на наружных краях (подобная встречалась у орочей). Другая конструкция имела вид двустворчатой двери, открывающейся внутрь сети, прикрепленной снизу. Зимой с собаками отыскивали во льдах продушины и подвешивали в них крючья на веревках.

Во время вскрытия весеннего льда на фарватере нивхи левого берега Амурского лимана караулили и били гарпунами дельфинов либо «запирали» неводами животных, заходивших в устья небольших притоков. Эвенки, эвены-оленьеводы, негидальцы, время от времени промышлявшие на Охотском побережье, сначала приманивали зверей наживой, укрепленной на длинном ремне, а потом отстреливали из ружья или гарпунами.

Оседлые прибайкальские эвенки добывали тюленей. Они подкрадывались к ним на нарте с парусом, которую локтями и коленями передвигал лежащий на ней охотник. Зверей били из ружья и гарпунами. Мясо продавали.

Судя по археологическим данным, во втором — начале первого тысячелетия до н.э. для жителей крайнего северо-запада России (п-овов Кольский и Ямал, о-вов Новая Земля, Колгуев и др.) зверобойный промысел был наиболее важным делом. Однако в XIX — начале XX в. саамы и ненцы в основном занимались оленеводством. Правда, они по-прежнему добывали мелких ластоногих, а отдельные группы ненцев — даже моржей: весной — подкрадываясь к лежащим на льдинах животным под прикрытием вертикального щитка на полозьях, а зимой устанавливали в продушины крючковые ловушки. Саамы Кольского

п-ова отлавливали тюленей, лахтаков и нерп ставными сетями, отстреливали ружьями и гарпунами, били баграми. Мясо не ели, большую часть добычи продавали.

В настоящее время одновременно с новыми видами охотничьего оружия и транспорта пользуются старыми орудиями. На Чукотке, чтобы сохранить стадо моржей от истребления, на лежбищах охота с ружьями запрещена.

В 1997 г. создан Союз морских зверобоев с тремя комиссиями: китобойной, по тихоокеанскому моржу, белому медведю. После почти 30-летнего перерыва несколько приморских сел на Чукотке уже восстановили традиции и обычаи китобойного промысла, налажен учет численности и контроль за добычей моржа, охотники участвуют в научных исследованиях. Расширяются контакты с международными природоохранными организациями.

Жители прибрежной полосы восстановили старинные рецепты блюд из китового мяса, сохранившиеся до наших дней, научились делать из него пельмени и даже жаркое. Мясо нерпы, как правило, сушат — оно очень питательное, к тому же хорошо сохраняется всю полярную зиму. А уж о мясе моржа и говорить нечего. Без него не прожить в Арктике!

ЭСКИМОСЫ

Численность — 1719 человек.

Язык — эскимосско-алеутская семья языков.

Расселение — Чукотский автономный округ.

Самый восточный народ страны. Живут на северо-востоке России, на Чукотском п-ове, в США — на о-ве Св. Лаврентия и на Аляске (около 30 тыс.), в Канаде (около 25 тыс.) — *инуиты*, в Гренландии (около 45 тыс.) — *калилииты*. Самоназвание —

юк — «человек», *югыт* или *ютик* — «настоящий человек». Использовались также местные самоназвания: *унгазигмит* или *унгазигцы* — чаплинцы (Унгазик — старое название с. Чаплино), *сиренигмит*, *сиреникцы*, *навугагмит* — науканцы.

Эскимосские языки подразделяются на две крупные группы: *ютик* (западную) — у азиатских и аляскинских и *инутик* (восточную) — у гренландских и канадских. На Чукотском п-ове *ютик* делится на сиреникский, центральносибирский (чаплинский) и науканский диалекты. Эскимосы Чукотки наряду с родным владеют русским и чукотским языками.

Происхождение эскимосов спорно. По-видимому, их прародиной была Северо-Восточная Азия, откуда они переселились через Берингов пролив в Америку. Эскимосы являются прямыми наследниками древней культуры, распространенной с конца первого тысячелетия до н.э. по берегам Берингова моря. Самая ранняя эскимосская культура — древнеберингоморская (до VIII в.). Для нее характерны добыча морских млекопитающих, использование многоместных кожаных байдар, сложных гарпунов. С VII до XIII — XV вв. шло развитие китобойного промысла, а в более северных районах Аляски и Чукотки — охоты на мелких ластоногих. Основным видом хозяйственной деятельности был морской зверобойный промысел. Мясо, внутренности и жир морских животных ели, жиром обогревали и освещали жилище, из костей изготавливали орудия труда, оружие, утварь, остовы жилищ, шкурами покрывали жилище, обтягивали байдары, каяки, шили из них одежду и обувь.

До середины XIX в. главными орудиями охоты были копье с обоюдоострым наконечником стреловидной формы (*пана*), поворотный гарпун (*унг'ак'*) с отделявшимся наконечником из кости: при попадании в цель наконечник поворачивался поперек раны и отделялся от древка. Чтобы добыча не

утонула, к наконечнику тонким ремнем прикрепляли поплавки (*ауатах'нак*) из целой нерпичьей шкуры: один — при охоте на моржа, три-четыре — при охоте на кита. Такой гарпун используют и современные китобои. Сети для ловли тюленей изготавливали из тонко нарезанных пластин китового уса и из ремней лахтачьей шкуры. Добывали раненого зверя каменным молотком (*нак'шун*). Женскими орудиями труда были нож (*уляк'*) и скребок с каменным или металлическим вкладышем для выделки шкур (*як'ирак'*). Нож имел лезвие трапецевидной формы с закругленным режущим краем и деревянную рукоятку.

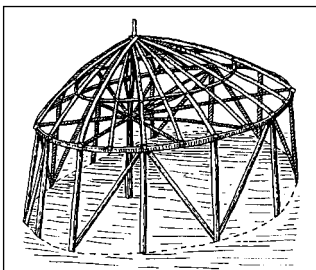
Для передвижения по воде пользовались лодками-байдарками и каяками. Байдара (*аньятик*) — легкая, быстроходная и устойчивая на воде. Деревянный каркас ее обтягивали моржовой шкурой. Байдары были разных типов — от одноместных до огромных 25-местных парусников. В больших байдарах совершали дальние переезды и военные походы. Каяк — мужская охотничья лодка длиной 5,5 м для преследования морского зверя. Каркас ее делали из тонких деревянных или костяных планок и обтягивали моржовой кожей, сверху оставляли люк для охотника. Весло обычно было двухлопастным. Водонепроницаемый костюм с капюшоном из нерпичьих шкур (*тувилик*) наглухо скрепляли с краями люка так, что человек и каяк представляли собой как бы единое целое. Управлять такой лодкой трудно, поскольку она очень легка и неустойчива на воде. К концу XIX в. каяками почти не пользовались, в море стали выходить в основном на байдарках. По суше передвигались на дугокопильных нартах. Собак запрягали «веером», а с середины XIX в. — цугом (упряжка восточносибирского типа). Использовали также короткие бескопильные сани с полозьями из моржовых клыков (*капрак*). По снегу ходили на лыжах-«ракетках» (в виде рамы из двух планок со скрепленными концами и поперечными распорками, переплетенными ремнями из нерпичьей кожи, подбитой снизу костяными пластинами), по льду — с помощью специальных, укрепленных на обуви шипов из кости.

Способ охоты на морских животных зависел от их сезонных миграций. Два сезона охоты на китов соответствовали времени прохождения их через Берингов пролив: весной — на север, осенью — на юг. Китов отстреливали гарпунами с несколькими байдар, а позднее — гарпунными пушками.

Важнейшим объектом промысла был морж. Весной его добывали на плавучих льдах или с ледовой кромки длин-

Рукоятка ножа с изображением моржа. Кость

Переносное жилище
покрывают шкурами
моржа

ным копьем или гарпуном, летом — на открытой воде с лодок или на лежбищах копьем. Тюленей отстреливали с каяков короткими металлическими дротиками и гарпунами, с берега — гарпунами, на льду — подползали к зверю или подстерегали его у отдушины. На нерпу в начале зимы расставляли подо льдом ставные сети. С конца XIX в. появилось но-

вое промысловое оружие и снаряжение. Распространилась охота на пушных зверей. Добыча моржей и тюленей сменила пришедший в упадок китобойный промысел. Когда не хватало мяса морских животных, отстреливали из лука диких оленей, горных баранов, птиц, ловили рыбу.

Поселения располагали в основании выдающихся в море галечных кос, на возвышенных местах так, чтобы было удобно наблюдать за передвижением морского зверя. Наиболее древний тип жилища — каменная постройка с углубленным в землю полом. Стены складывали из камней и китовых ребер. Каркас покрывали оленьими шкурами, обкладывали слоем дерна, камнями и сверху еще раз покрывали шкурами.

До XVIII в., а местами и позже, жили в полуподземных каркасных жилищах (*пын'лю*). Стены делали из костей, дерева, камня. Длинные кости китовых челюстей либо бревна плавников служили несущими опорами, на которые клали попе-

речные балки, также из челюстей кита. На них настилали потолок из китовых ребер или деревянных брусев. Потолок покрывали сухой травой, затем слоем дерна и слоем песка. Пол мостили костями черепа и лопатками кита. Если в таком жилище жили постоянно, то делали два выхода: летний — на поверхности земли (на зиму его заделывали) и зимний — по подземному коридору. Стены коридора укрепляли позвонками кита. Отверстие в крыше служило для освещения и проветривания. Если землянку строили с одним входом, то летом ее покидали, оставляя для просушки, и жили во временном жилье.

В XVII — XVIII вв. появились каркасные постройки (*мынтыг'ак*), похожие на чукотскую ярангу. Они были круглыми в основании, внутри разделялись на две части: холодную (*на-тык*) и теплый полог (*агра*). Освещал и отапливал полог глиняный жирник (*наник*) в форме продолговатого неглубокого блюда с одним или двумя выступами для фитилей из мха.

Летнее жилище — четырехугольная палатка (*пыльюк*), по форме напоминающая косоусеченную пирамиду, причем стена с входом была выше противоположной. Каркас этого жилища строили из бревен и жердей и покрывали моржовыми шкурами. С конца XIX в. появились легкие дощатые дома с двускатной крышей и окнами.

Одежда азиатских эскимосов — глухая, из оленьих и тюленьих шкур. Еще в XIX в. одежду делали также из птичьих шкурок. Мужской костюм состоял из узких натазников из нерпичьей шкуры, коротких рубах-кухлянок из оленьего меха (*аткук*), меховых штанов до колен и торбасов. Летняя кухня одинарная, мехом внутрь, зимняя — двойная, мехом

До XVIII в. эскимосы жили в полуподземных жилищах с каркасом из костей кита

Летняя обувь. Конец XIX в.

Эскимосские мячи — символ солнца, плодородия, магический лечебный амулет

По крою эскимосские торбаса из шкуры нерпы относятся к поршневидному типу обуви

внутри и наружу. Летом для предохранения от сырости поверх нее надевали матерчатую камлею или плащ с капюшоном из моржовых кишок. Зимой во время дальних поездок пользовались широкой кухлянкой до колен, с капюшоном. Кухлянку из оленьих шкур перетягивали поясом (*тафси*). На ноги надевали меховые чулки и нерпичьи торбаса (*камгык*). Непромокаемую обувь изготавливали из выделанных

Из нерпичьей замши — мандарки чукчи, эскимосы, коряки и алеуты шили одежду, летние торбаса, тапочки, сумки и пояса

тюленьих шкур без шерсти. Края подошв загибали вверх и засушивали. Меховые шапки и рукавицы надевали только при переездах (кочевках).

Женщины носили более широкие, чем у мужчин, натазники, поверх них — меховой комбинезон (*к'альывагык*) до колен, с широкими рукавами; зимой — двойной. Обувь была такая же, как у мужчин, но повыше, из-за более коротких штанов. Одежду декорировали вышивкой или мозаикой из меха. До XVIII в. эскимосы украшали себя, протыкая перегородку носа или нижнюю губу и подвешивая моржовые зубы, костяные кольца и стеклянные бусины.

Мужская татуировка — кружки в уголках рта, женская — прямые или вогнутые параллельные линии на лбу, носу и подбородке. На щеки наносили более сложный геометрический орнамент. Татуировкой покрывали руки, кисти, предплечья.

Женщины расчесывали волосы на прямой пробор и заплетали две косы, мужчины стриглись, оставляя длинные пряди на макушке, либо гладко выстригали макушку, сохраняя кружок волос вокруг нее.

Традиционная пища — мясо и жир тюленей, моржей и китов. Мясо ели сырым, сушеным, вяленным, мороженым, вареным. На зиму квасили в ямах и ели с жиром, иногда в полувареном виде. Лакомством считали сырое китовое сало со слоем хрящевидной кожи (*мантак*). Рыбу вялили и сушили, зимой ели свежемороженой. Высоко ценили оленину, которую обменивали у чукчей на шкуры морских животных. Летом и осенью в большом количестве употребляли морскую капусту и другие водоросли, ягоды, съедобные листья и корни.

Исполнитель игрового танца Юрий Кайгигун из пос. Ново-Чапдино

Эскимосы не сохранили родовой экзогамии. Счет родства велся по отцовской линии, брак патрилокальный. Поселение состояло из нескольких групп родственных семей, зимой занимавших отдельную полуземлянку, в которой каждая семья имела свой полог. Летом семьи жили в отдельных палатках. Мужчины такой общины составляли байдарную артель. С середины XIX в. старшины артелей стали собственниками байдар и при распределении добычи получали большую часть. Главой селения был *умилык* — самый сильный и ловкий член общины. С конца XIX в. наметилось социальное расслоение, выделилась верхушка богатых, эксплуатировавшая неимущее население. Были известны факты отработки за жену, существовали обычаи сватать детей, женить мальчика на взрослой девушке, обычай «товарищества по браку», когда двое мужчин обменивались женами в знак дружбы (гостеприимный гетеризм). Брачной церемонии как таковой не существовало. В зажиточных семьях встречалось многоженство.

Эскимосы практически не подверглись христианизации. Они верили в духов-хозяев всех одушевленных и неодушевленных предметов, явлений природы, местностей, направлений ветра, различных состояний человека, в родственную связь человека с каким-либо животным или предметом. Существовали представления о создателе мира, которого называли *Силва*. Он был творцом и хозяином Вселенной, следил за соблюдением обычаев. Главным морским божеством, хозяйкой морских животных была *Седна*, которая посылала людям добычу. Злых духов представляли в виде великанов, карликов либо других фантастических существ, которые насылали на людей болезни и несчастья. Для защиты от них носили семейные и индивидуальные амулеты. Добрых ду-

хов отождествляли с животными. Существовали культы волка, ворона и касатки, которая покровительствовала морской охоте летом, а зимой, превратившись в волка, помогала охотнику в тундре.

В каждом селении жил шаман (обычно это был мужчина, но известны и шаманки-женщины), который был посредником между злыми духами и людьми. Шаманом мог стать только тот, кто услышал голос духа-помощника. После этого будущий шаман должен был наедине встретиться с духами и заключить с ними союз о таком посредничестве.

Умерших одевали в новую одежду, связывали ремнями, голову покрывали шкурой оленя, чтобы дух умершего не мог видеть дороги, по которой его несли, и не вернулся. С этой же целью покойника выносили через специально проделанное в задней стене яранги отверстие, которое потом тщательно заделывали. Перед выносом тела совершали трапезу. Покойника уносили в тундру и оставляли на земле, обложив небольшими камнями. Одежду и ремни разрезали, вокруг раскладывали предварительно переломанные вещи, принадлежавшие умершему. На местах ежегодных поминальных обрядов выкладывали из камней кольца диаметром 1 — 2 м, которые символизировали души умерших родственников, и ставили столбы из китовых челюстей.

Добыче крупного зверя посвящали промысловые праздники. Особенно известны праздники по случаю добычи кита, которые проводили либо осенью, по окончании сезона охоты, — «проводы кита», либо весной — «встреча кита». Существовали также праздники начала морской охоты или «спуск байдары на воду» и праздник «моржовых голов», посвященный итогам весенне-летнего промысла.

Эскимосский фольклор богат и разнообразен. Все виды уст-

Женщины украшают татуировкой лоб, нос и подбородок, а мужчины — только уголки рта

Старейшая жительница о-ва Врангеля — Инкали
(из семейного архива Г.А. Ушакова)

ного творчества подразделяют на *унитак* — «весть», «новость» и на *унипамсюк* — рассказы о событиях в прошлом, героические предания, сказки или мифы. Наиболее широко известен миф о девушке, не желавшей выходить замуж. Отец в гневе выбросил ее из лодки, и она, в конце концов, стала владычицей моря и матерью всех морских животных (Седна). Среди сказок особое место занимает цикл о вороне Кутхе, демиурге и трикстере, создающем и развивающем мироздание. Известны сказки о животных, о брачном союзе женщины с животным, о превращениях человека в животное и наоборот.

К самым ранним стадиям развития эскимосской арктической культуры относится резьба по кости: скульптурная миниатюра и художественная гравировка. Орнаментом покрывали охотничье снаряжение, предметы домашнего обихода. Изображения зверей и фантастических существ служили амулетами и украшениями.

Музыка (*айнгананга*) — преимущественно вокальная. Песни подразделяются на «большие» общественные — песни-гимны, которые поют ансамбли, и «малые» интимные — «песни души». Их исполняют сольно, иногда в сопровождении бубна. Шаманские песни-гимны исполняют на общественных праздниках, а «песни души» поют от имени духа-помощника, вселившегося в поющего. Песенные заклинания шаманов считали магическим средством воздействия на людей при лечении или мщении обидчику, они помогали во время охоты. Песни звучат в мифах, сказках, преданиях. Танцевальная музыка неразрывно связана с поэзией и танцем.

Бубен — личная и семейная святыня (иногда используется и шаманами) — занимает центральное место в музыке. Среди других звучащих инструментов — перчатки с костяными пластинами-погремушками, деревянный посох с костяными погремушками, колотушка для ударов по бубну (у шаманских бубнов она более массивна, обшита мехом и имеет костяные погремушки на ручке), подвески-погремушки из костей на кухлянке (обрядовая принадлежность шамана — предсказателя погоды), ударный или щипковый хордофон. На нем имитировали мелодии или, заменяя бубен, сопровождали пение.

Продолжают развиваться традиционные промыслы — рыболовство, охота на морского зверя, а также меховая мозаика, вышивка подшейным волосом, резьба и гравировка по кости. Производство изделий на продажу для некоторых резчиков стало единственным средством существования.

Сохраняются традиционные верования, шаманизм, песни и танцы. Далеко за пределами Чукотки известен ансамбль «Эргырон».

В школах изучают национальный язык. Созданы учебник «Эскимосский язык» и эскимосско-русский и русско-эскимосский словари.

На эскимосском языке выходит приложение к окружной газете «Крайний Север» «Мургин Нутэнут» («Наш край»). Передачи на эскимосском языке готовит Гостелерадиокomпания «Чукотка».

Подъему национального самосознания и возрождению культуры способствуют общественные организации — Общество эскимосов «Юпик», национально-культурный центр «Кияг-ныг» («Жизнь»), Ассоциация коренных малочисленных народов Чукотки и Союз морских зверобоев.

ЮКАГИРЫ

Численность — 1140 человек.

Язык — юкагирская группа уральско-юкагирской семьи языков.

Расселение — Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Чукотский автономный округ.

На северо-востоке Сибири в бассейнах Яны, Алазеи, Индигирки, Омолона, Большого и Малого Анюя, Колымы, Анадыря живут юкагиры. Самоназвание — *о́дул, ваду́л*, вероятно, «сильный», «могучий». В настоящее время юкагирским языком владеют около 400 человек. Сохранилось два диалекта — тундровый и таежный. Говорят также на русском и якутском языках. Письменность разработана в 1970 г. на основе русского алфавита и официально принята в 1983 г. За основу литературного языка взят тундровый диалект.

Юкагиры автохтонного происхождения. С начала н.э. в несколько этапов (IV — VII, IX, XI — XIII, XIV — XVI вв.) на территории Приленья, Алдана, Вилюя, Олекмы из Прибайкалья, Забайкалья и Приамурья проникали тунгусо-, монголо- и тюркоязычные группы. Это привело к сокращению территории расселения юкагиров, частичной ассимиляции и оттеснению их в более северные районы. К моменту прихода русских (XVII в.) жили между Индигиркой и Анадырем, насчитывали 4,5 — 5 тыс. человек. Было несколько племенных групп — родов, которые, в свою очередь, состояли из более мелких подразделений, тоже имевшихся родами. Так, нижнеколымских омоков представляли 11 родов, верхнеколымских когимэ и алаи — 8, олюбенцев — 5, индигирских шоромбов — 9, янгинцев — 3, анаулов — 4. Сохранились имена глав-«князцов» некоторых родов и сведения об их численности. Например, у анаулов: Когюни — 30 человек, Каллика — 25, Обыи и Мекеры — по 60 человек. В течение XVIII — XIX вв. местное население резко сократилось в результате хозяйственной конкуренции и военных столкновений с эвенками, коряками, чукчами, якутами. Еще раньше в результате массовых эпидемий оспы в 1669 и 1690 гг. полностью исчезли анаулы, а часть яндырей откочевала на Амур.

Основные занятия — охота на северного оленя и лося, озерное и речное рыболовство. Календарный год делился на 13 лунных месяцев. У нижнеколымских и анюйских юкагиров в конце

XVIII в. март назывался *чингле* — «охотничий», апрель — *палташа* — «почковый», май — *кутье* — «вскрытия рек», июль — *няба* — «осенний», август — *ончу, онджи* — «водяной», сентябрь — *чакам* — «рыбный» и т.д.

На оленей и лосей охотились с помощью самострелов, петель, а с XVIII в. — кремневых ружей. Весной зверя промышляли гоним по насту, преследуя на лыжах. Тундровые юкагиры кочевали вслед за стадами диких оленей от лесотундры к морю, добывали их поколками на воде во время сезонных переправ либо загоняли в озера с помощью собак. Использовали также загоны и оленя-манщика. Кроме того, охотились на лисицу, белку, соболя, песца, горностая, зайца, применяя различные типы ловушек: срубы (*шэньиль*), пасти (*шашил*), петли (*монол*), самострелы (*энэ*), а также огнестрельное оружие. Тундровые убивали лисиц и песцов палицей (дубиной), настигая их на оленьей нарте. Осенью на озерах отстреливали водоплавающих во время их линьки. Колымские использовали дротики и *бола* — связку камней на ремешках.

Рыбачили с поздней весны до осени. Ловили окуня, нельму, чира, омуля, муксуна волосяными сетями (*йодийэ*) или неводами. На нерестилищах рыбу добывали баграми и крючками. В горных речках ставили изгороди (*ёз*) и плетенные из тальника верши (*мортэ*). В октябре — ноябре ловили в проруби волосяными сетями.

Подсобным занятием был сбор ягод, дикого лука, кедровых орехов, корней сараны, листьев, лиственничной заболони (слоя молодой древесины под корой), грибов. На продажу добывали мамонтовые бивни.

У тундровых важную роль играло транспортное оленеводство. В хозяйстве было от двух-трех до 19 — 20 оленей, в богатых семьях — по 100 — 150 голов. Летом объединялись в группы и выпасали животных сообща. На оленях ездили верхом, вещи перевозили вьюком (*велл*), зимой использовали нартенные упряжки. Ездовые нарты — дугокопильные, грузовые — более короткие однокопильные. В нарту впрягали, как правило, одного оленя. Таежные запрягали в нарты по 4—5 собак. Собачья нарта (*миди, мидьйэ*) — вязаная прямокопильная, длиной до 2,5 м с передней дугой-«бараном». Зимой по снегу ходили на широких подволоках, подбитых камусом лыжах, по насту — на голицах (*кокиса*). Летом по воде передвигались на лодках-долбленках, плотках, лодках-берестянках.

Обереги, изготовленные мастерицей А. Неустроевой из Республики Саха (Якутия)

Зимнее стационарное жилище из стволов деревьев, очищенных от ветвей

Древнее жилище — усеченно-пирамидальная полуземлянка (*чандал*) с каркасом из четырех столбов-деревьев, с корнями, и четырьмя поперечинами, на которые клали плоскую крышу, покрытую дерном. Таежные жили в конических чумах (*нума*), зимой покрытых ровдугой, летом — лиственной корой. Остов чума составляли четыре жерди, скрепленные по кругу тальником в пять-шесть рядов,

и квадратная рама сверху. На жерди каркаса опирались 20 — 30 тонких жердей. Пол устилали ветками и шкурами, иногда над постелями подвешивали матерчатые пологи. Чум отапливали разложенным в центре очагом, над ним устанавливали две поперечные жерди для котлов, чайников, просушивания одежды, вяления рыбы и мяса. Жили также и в больших срубных юртах с плоской или конической крышей из шестов и коры. У эвенов заимствовали цилиндроконические дома. Хозяйственные постройки — срубные амбарчики на высоких столбах с двускатной крышей и лестницей из бревен, лабазы-помосты.

Традиционный костюм юкагиров похож на эвенскую одежду. Но в отличие от эвенского кафтана, имеющего сзади

широкую внешнюю складку, юкагирский кроили в талию с двумя клиньями по низу спинки, образующими внутреннюю складку. По этой особенности кроя соседи называли юкагиров «людьми с хвостами куропатки», а эвенов — «людьми с хвостами гагары». меховые кафтаны (*махил*) золотисто-коричневого или серого цвета украшали окрашенным в красный цвет мехом нерпы-белька, летние ровдужные (*наймэкэ*) отделявали по полам и подолу вышивкой подшейным волосом оленя красного, черного и белого цвета. К верху спинки мужских кафтанов пришивали свисавший до земли, раздваивавшийся на конце хвост из тюленьего меха, крашенного настоем ольхи или тальника в красный цвет. На женских — два таких хвоста пришивали по бокам, над клиньями. Под кафтан надевали нагрудник (летний — *нгеун*, зимний, меховой — *ниниэдабун*). Зимой под нагрудник иногда подкладывали заячью шкурку. В качестве воротника в мужской одежде использовали шарф из лисьих хвостов, в женской — из беличьих. В тундре в большие морозы женщины надевали короткие штаны-натазники с нагрудником, а мужчины — меховые (*ха-ро*). Ровдужная камлейка поверх меховой глухой кухлянки с капюшоном спасала от сильных морозов. Длинную, почти до паха, зимнюю обувь из камуса оленя или лося натягивали на меховые чулки. Летняя ровдужная обувь была до колен, башмаковидного покроя. Головной убор — капорообразный меховой чепец. Его украшали красным кантом по шву, тканью или меховой опушкой, ровдужные перчатки — полосками красной и черной ткани, вышив-

Традиционный костюм юкагиров близок к эвенскому. Юкагирики Е. Шолканова, Е. Дуткина и А. Трофимова в эвенской национальной одежде

кой подшейным волосом оленя белого и красного цвета. Праздничную одежду отделявали разноцветным мехом, суконными оторочками, вышивкой подшейным волосом оленя, реже бисером, металлическими подвесками и бляшками. Особенно ценились передаваемые по наследству круглые серебряные бляхи — «грудное солнце» на женских нагрудниках. Мужчины подпоясывали кафтаны кожаными поясами с сумкой для табака и ножом в ножнах. К поясу охотников (*калбу*) кроме ножа и трутницы прикрепляли мешочки для пороха, сушеного мяса и табака. Зимой надевали снеговые очки. Мужчины заплетали волосы в косу, украшая ее железной бляшкой или несколькими нитками бисера. Женщины заплетали много косичек с нитками бисера и жемчуга, медными кольцами. Погребальный комплект — кафтан с тремя меховыми хвостами и островерхая шапка. Это соответствовало острокопечной голове мифического предка. В XIX в. появилась летняя одежда из ткани — рубахи и платья с отложным воротником.

Основной пищей были мясо и рыба. Оленье мясо ели сырым и вареным, зимой — строганину, весной и летом коптили над костром и вялили на солнце длинные тонкие пласты мяса. Сушеное мясо (*эхалэнг*), нанизанное на жилые нитки, хранили в мешках в амбарах и варили зимой. Из трубчатых костей вываривали жир. Из взбитой свежей оленьей крови готовили суп (*хаша*). Питались также дичью: таежные — мясом зайцев и куропаток, тундровые осенью и летом — мясом уток и гусей. Гусиные и лебязьи желудки ели сырыми. Рыбу варили, вялили, квасили в ямах, хранили в слое вечной мерзлоты, делали строганину (*чахаа*), юколу (*уйкэлэ*), толкли в порошок порсу (*баргу*). Брюшки, налимяю печень употребляли сырыми, потроха и икру жарили. Из икры с рыбой пекли лепешки. Летом готовили рыбу, заворачивая ее на сутки в листья тальника. Лакомством считались толченая вареная рыба с голубикой и жиром (*кульбаха*), рыбная мука, сваренная с оленьей кровью или сосновой заболонью (*анил кэрилэ*). Пили чай, заваривали шиповник, чагу. Ягоды, рыбу хранили в берестяных туесах (*оччо*). Корзины плели из тальника. Посудой служили деревянные и берестяные сосуды четырехугольной и круглой формы. Для хранения порсы, вяленой рыбы и мяса шили ровдужные или тканые мешки, для женского рукоделия — сумки из лапок птиц или ровдуги.

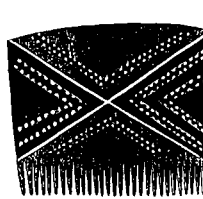
Понятие «племя» обозначали словом *омон*, род — *мийбэ*, группу кровных родственников — *кудэйэ*. Уже в XVII в. у юкагиров были известны «лучшие люди», «улусные мужики», «тоёны», «холопы» — домашние рабы из военнопленных. В конце XIX в. счет родства вели по материнской и отцовской линиям. Брак матрилокальный, но имущество — олени, лодки, нарты, сети — наследовалось по отцовской линии. Во главе рода стоял старейшина (*лигзе шоромбох* — «старый человек»), часто выполнявший функции шамана. Возглавлять род мог и шаман (*алма*), а также главный воин (*тэнбэе шоромох* — «сильный человек») или лучший охотник (*хангича*). Жена главы рода заведовала распределением добытого в общей охоте или рыбной ловле. В этот период преобладала территориаль-

Пиктографическое письмо

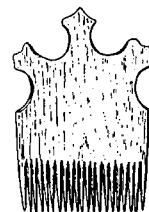

Волосы заплетали в одну или две косы. Их забрасывали за спину, соединив ниткой крупных бус, чаще с чередованием белого и черного цвета

а

б

в

Гребни из дерева (а, б) и кости (в)

Женщины тундренных юкагиров зимой носили двойные распашные дошки. Нижнее пальто шили мехом к телу, верхнее — наружу. Полочки и подол украшали бисером, подшейным волосом оленя, обшивали меховой опушкой

Мужское распашное пальто шили из ровдуги, позднее из тканей. Полы стягивали двумя-тремя парами ремешков

но-соседская община. Семья большая, сохранялись обычаи левирата, избегания. Споры, вопросы, связанные с военными столкновениями, обменом, распределением промысловых угодий, устройством праздников и пр., решали на весенних собраниях (*шахадыибэ*).

Религиозные представления включали культ природы, промысловые культы, шаманство. Считали, что Вселенная делится на Верхний небесный мир, Средний земной и Нижний подземный мир. Верхний мир населяют божества. Они помогают людям в промысле, оберегают их от болезней и бед, наказывают за дурные поступки. Средний мир — земля принадлежит духам-хозяевам. Главные духи — хозяин земли, хозяин пресной воды и хозяин моря. Им подчиняются хозяева гор, леса, тундры, заливов, рек, озер и животных. Особое место занимает хозяин огня — хранитель семейного очага, покровитель семьи. Нижний мир представляют многослойным: каждый слой населяют различные духи и божества. Например, верхний его слой — это мир мертвых, предков, нижний — мир сказочных стариков и старух-людоедов, а также злых духов, чертей и их главы — Острой головы.

Шаманы (*алма*) были покровителями рода. Проникая в Верхний и Нижний миры, они общались с миром предков, тенями умерших, врачевали заболевших, приносили жертвы духам охоты. Специальная одежда и атрибуты шамана состояли из кафтана, нагрудника, шапки, обуви,

бубна (*йалгил*), колотушки (*пэйдубэ*) и изображений духов-помощников. Самыми сильными духами-помощниками считали мамонта и медведя, а также души предков. На шаманский кафтан красной краской (охрой или соком ольхи) наносили рисунок, деливший его на две половины: правую — светлую, с семью крестообразными фигурами птиц и левую — темную, с семью человекоподобными фигурами предков. Ровдужная полоса в центре, расшитая подшейным волосом оленя, изображала мировое дерево. Головной убор — круглая шапочка из камуса, справа светлого, слева темного цвета с двумя цилиндрическими столбиками на макушке. Существовал культ умерших шаманов: их тела расчленили, части высушивали и хранили как родовые святыни. Кровью шамана смачивали части его одежды, которые также считали амулетами. Череп умершего шамана помещали на деревянную куклу в рост человека (*шан шоромо* — «деревянный человек»), одетую в шаманский кафтан. Называли ее богом Хойл, ставили на почетное место в жилище, «кормили», обращались с просьбами, перевозили с собой при перекочевках.

Юкагиры верили в силу заговоров и гаданий (на оленьей лопатке, на челюсти зайца), колдунов (*антадъайе*), носили обереги-амулеты. Охотничьими амулетами считали шкурку белки (*талан*), нос и когти медведя, охранителями дома — шкурки гагары, утки: их вешали над входом в жилище. Вплоть до недавнего времени у верхнеколым-

Сумочка, вышитая бисером с традиционным орнаментом

ских юкагиров сохранялось пиктографическое, т.е. «рисуночное», письмо — изображение условными знаками на бересте схемы местности и охотничьих маршрутов.

С XVII в. на северо-востоке России распространилось христианство, которое оказало влияние на традиционную мифологию: Христос (иногда царь Соломон, Ной, Адам) в роли устроителя земли разделил ее между хозяевами зверей, птиц, рыб. Главой злых духов Нижнего мира считался Сатана, или Острая голова. Два брата — герои традиционного мифа о сотворении мира — носили имена Христа и Сатаны: Христос, старший брат, послал Сатану в образе гагары достать землю, нырнув в первозданный океан. Православных святых отождествляли с хозяевами природы: св. Николай являлся хранителем животных, св. Георгий — птиц, св. Петр — рыб. К этим святым обращались на охоте. Фольклор представлен мифами, волшебными и героическими сказками (легенды, исторические предания, были, охотничьи истории). Известны своеобразные «исторические карты» — сказки, в которых рассказывается о происхождении островов на Колыме и некоторых приречных гор между отрогами хр. Черского (Аргатас) и Колымским нагорьем. Рассказчик представлял, что горы — это люди, окаменевшие при каких-нибудь обстоятельствах. Сюжеты волшебных сказок связаны с мифами о происхождении небесных тел и их систем. Персонажи некоторых сказок — старухи, ледяные старики, Дебегей. В сказках о животных действуют обитатели тайги и тундры: медведь, россомаха, лось, северный олень, рысь, лисица, волк. Особенно отмечен образ зайца, тотемного животного, умного, коварного, всепобеждающего.

Любопытная черта сказок о животных, а возможно и юкагирского фольклора вообще, — способность людей превращаться в зверей и наоборот. Чаще всего в зверя или птицу превращаются шаманы.

Музыка включает несколько различных этнических традиций, связанных с их делением на племенные группы. Центральное место занимают песенные восхваления людей, животных или отдельных бытовых предметов; песенное благословение; колыбельный напев; краткие песенные «воспоминания», песни-подражания (повторение чужой песни). Миф, сказка, рассказ, предание, легенда тоже могут содержать песенные вставки. Иногда эти напевы по характеру приближаются к обрядовому пению. Во время камлания шаман под бубен пел от имени духов-помощников и песню вредоносного духа, и песню духа «светлого пути».

К числу обрядовых инструментов кроме бубна, олицетворяющего собой оленя и являющегося семейной святыней, относятся трубчатые конусные позвонки и колокольчики на праздничной и шаманской одежде; ботала-погремушки на рогах оленя, копытца, деревянные бруски и косточки; погремушки-обереги на детской колыбели, сделанные из рыбьего пузыря. В сухую лопатку оленя с отверстием в центре вставляли обструганную палочку. Вращая ее, производили «наигрыши»: «лай собаки», звуки, имитирующие звучание бубна и даже песенные мелодии. Музыкальным инструментом был «играющий лук», на тетиве струне которого играли гладко выструганной палочкой-стрелой. Известны также вращалка-гуделка на нитке, тальниковый свисток, язычковая пищалка из пера птицы, язычковая ленточная пищалка из листа травы или язычковый духовой инструмент из трубчатого ствола травы, тонкий цилиндрический свисток из полый травы, сучковатая палка или рог оленя, которым проводили по стволу. Горлохрипение на вдохе и выдохе сопровождается круговой танец и состоит из нескольких сигнальных возгласов: «хэ-йэ», «хм-льо», «хи-ля», «хэ-ха», «хм-хо», «хий-ха», «хи-хам» и т.п.

С музыкой юкагиров генетически связана музыка русских старожилов: любовная песня-диалог юноши и девушки. Благодаря контактам с русскими сохранились самодельные трехструнные лютневые инструменты с долбленным овальным и коробчатым треугольным корпусом (типа балалайки) со смычковым и щипковым способом игры на них.

Современные нижнеколымские юкагиры занимаются пушным промыслом, рыболовством, оленеводством и коневодством, верхнеколымские — огородничеством и клеточным звероводством. Сохраняются ремесла. Для национальных хозяйств выделены территории традиционного природопользования.

Родным языком владеют лишь небольшое количество людей. Говорят также на якутском, эвенском, чукотском и русском языках. Только в двух школах Республики Саха (Якутия) обучают юкагирскому языку. В пос. Нелемное Верхнеколымского улуса работает единственная в Якутии (и в России) юкагирская средняя школа.

Из национальной интеллигенции много учителей, медицинских работников, писателей, ученых и общественных деятелей.

Интерес к родному языку, культуре, истории поддерживают Совет старейшин и Фонд возрождения юкагирского народа. На юкагирском языке выходят телерадиопрограммы «Геван» («Рассвет»). В Якутске на языках народов Севера издаются республиканская газета коренных народов «Илкэн» («Затёс на дереве») и приложение к художественному журналу «Розовая чайка».

Берестяное ведро

ЯКУТЫ

Численность — 381 922 человека.

Язык — тюркская группа алтайской семьи языков.

Расселение — Республика Саха (Якутия).

Самоназвание — *саха*. По территории расселения их делят на амгинско-ленских (между рр. Леной, Нижним Алданом и Амгой, а также на левобережье Лены), вилюйских (в бассейне р. Вилюя), олекминских (в бассейне р. Олекмы) и северных (в тундровой зоне, бассейнах рр. Анабара, Оленека, Колымы, Яны и Индигирки).

Говоры объединяются в центральную, вилюйскую, северо-западную и таймырскую группы. 65% якутов владеют русским языком и еще 6% считают его родным. В 1858 г. по инициативе ученого и миссионера И.Е. Вениаминова была издана первая «Краткая грамматика якутского языка».

В становлении народа участвовали как местные тунгусо-язычные племена, так и пришлые из Прибайкалья тюркомонголы, расселившиеся в Сибири в X — XIII вв. и ассимилировавшиеся с местным населением. Окончательно этнос сформировался в конце XVI в. К тому времени якуты подразделялись на 35 — 40 экзогамных «племен». Крупнейшие насчитывали до 2 — 5 тыс. человек. Племена делились на родовые группы — «отцовские роды» (*ага-уса*) и более мелкие «материнские роды» (*ийэ-уса*). Частые межплеменные войны, известные в народе как события *кыргыс юйэтэ* — «век битв, сражений», сделали необходимым военное обучение мальчиков. К 18 годам оно заканчивалось посвятельным обрядом с участием шамана, который «вселял» в юношу духа войны (*илбис*).

Традиционная культура наиболее полно представлена у амгинско-ленских и вилюйских якутов. Северные более близки к эвенкам и юкагирам, у олекминских очень заметно влияние русских.

Традиционное занятие — разведение крупного рогатого скота и лошадей. Были выведены особые породы этих животных, приспособленные к суровым климатическим условиям Севера: выносливые и неприхотливые, но малопродуктивные (доились только летом). В русских источниках XVII в. якутов называли «конными людьми». За лошадьми ухаживали мужчины, за коровами — женщины. Летом скот держали на подножном корме, зимой — в хлевах. Сенокосение применяли еще до прихода русских. Животные занимали отдельное место в культуре якутов, им посвящены специальные обряды. Особое

место отводилось образу лошади, известны даже ее захоронения вместе с человеком.

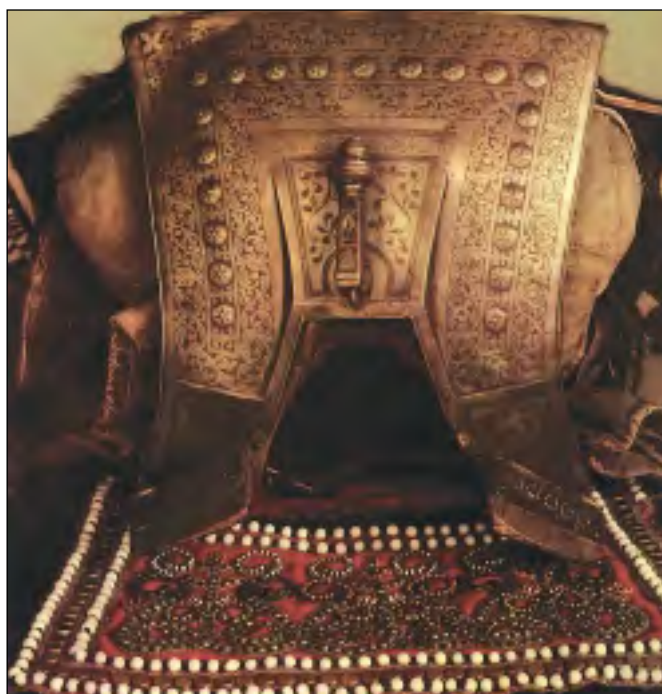
Добывали лося, дикого оленя, медведя, кабана, пушных зверей — лисицу, песца, соболя, белку, горностая, ондатру, куницу, росомуху — и других животных. При этом применяли весьма специфические приемы, например охоту с быком (когда охотник подкрадывался к добыче, прячась за быка, которого гнал перед собой), конную гоньбу по следу, иногда с собаками. Охотились с луком и стрелами, копьем, а с XVII в. — с огнестрельным оружием. Использовали засеки, загороди, ловчие ямы, силки, капканы, самострелы, пасти.

Особую роль в хозяйстве играло рыболовство. Для якутов, не имевших скота, рыболовство было основным хозяйственным занятием. В документах XVII в. слово *балысыт* — «рыболов» употребляли в значении «бедняк». На реках добывали осетра, чира, муксуна, нельму, сига, хариуса, тугуна, на озерах — гольяна, карася, щуку и других рыб. Орудиями промысла служили верши, морды, сети, невода из конского волоса; крупную рыбу били острогой. Осенью устраивали коллективную рыбалку неводом, добычу делили поровну. Зимой занимались подледным ловом.

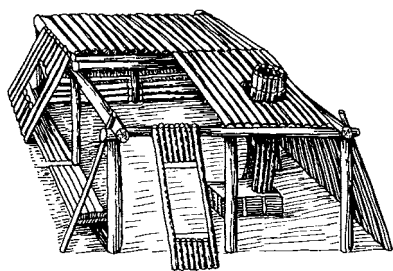
Распространению земледелия (особенно в Амгинском и Олекминском округах) способствовали русские ссыльные поселенцы. Выращивали специальные сорта пшеницы, ржи и ячменя, которые успевали созреть за короткое и жаркое лето. Культивировали также огородные культуры.

По лунно-солнечному календарю год (*сыл*) наступал в мае и делился на 12 месяцев, по 30 дней в каждом: январь — *тохсунньу* — «девятый», февраль — *олунньу* — «десятый», март — *кулун тутар* — «месяц подкармливания жеребят», апрель — *муус устар* — «месяц ледохода», май — *ыам ыйа* — «месяц удоя коров», июнь — *бэс ыйа* — «месяц заготовки сосновой заболони», июль — *от ыйа* — «месяц сенокоса», август — *атырдьах ыйа* — «месяц стогования сена», сентябрь — *балаган ыйа* — «месяц перекочевки с летников в зимники», октябрь — *алтынньы* — «шестой», ноябрь — *сэтинньы* — «седьмой», декабрь — *ахсынньы* — «восьмой».

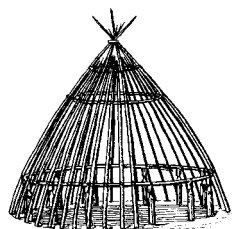
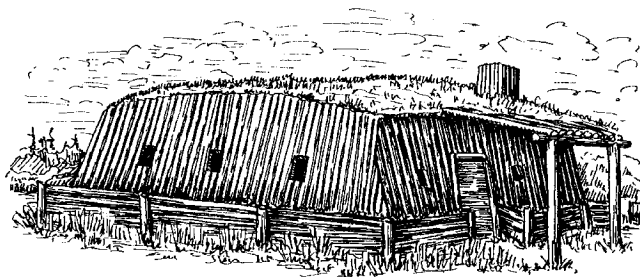
Из ремесел были развиты кузнечество, ювелирное дело, обработка дерева, бересты, кости, кожи, меха, изготовление лепной керамики. Из кожи мастерили посуду, из конского волоса плели и ссучивали шнуры, которыми вышивали. Железо выплавляли в сырцовых горнах, из золота, серебра и меди (переплавляя русские монеты) делали женские украшения, конскую сбрую, культовые предметы.

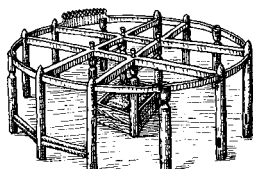
Деталь женского седла

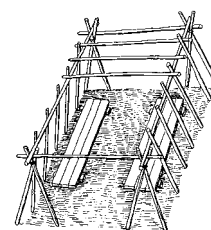
Балаган

Ураса

Старинная многоугольная постройка

Каркас усеченно-пирамидообразной наземной постройки

Жили якуты сезонными поселениями. Зимние из 1 — 3 юрт располагали вблизи, летние (до 10 юрт) — у пастбищ.

В зимнем жилище (*кытынны дьиэ* — балаган) обитали с сентября по апрель. Оно имело наклонные стены из тонких бревен на бревенчатом каркасе и низкую пологую двускатную крышу. Стены обмазывали глиной с навозом, крышу поверх бревенчатого настила покрывали корой и землей. С XVIII в. распространились многоугольные срубные юрты с пирамидальной крышей. Вход устраивали в восточной стене, окна — в южной и западной, крышу ориентировали с севера на юг. В северо-восточном углу, справа от входа, устанавливали очаг типа чучала, вдоль стен — дощатые нары. Почетной считали нару, идущую от середины южной стены к западному углу. Вместе с примыкавшей к ней частью западной нары она образовывала почетный угол. Далее к «северу» находилось место хозяина. Нары слева от входа предназначались для молодых мужчин и работников, справа, у очага, — для женщин. В переднем углу ставили стол и табуреты, другую обстановку составляли сундуки и разнообразные ящики. С северной стороны к юрте пристраивали хлев. Вход в него находился позади очага. Перед дверью в юрту сооружали навес или сени. Жилище окружала невысокая насыпь, часто с заборчиком. У юрты устанавливали коновязь (*сэргэ*), украшенную богатой резьбой. Со второй половины XVIII в. для зимы начали строить русские избы с печью.

Летнее жилище (*ураса*), в котором жили с мая по август, представляло собой цилиндроконическое сооружение из жердей с крышей из бересты. На севере были известны крытые дерном каркасные постройки типа эвенкийского голомо (*холуман*). В селениях сооружали амбары (*ампар*), ледники (*булуус*), погреб для хранения молочных продуктов (*тар шинэ*), копильные землянки, мельницы. Поодаль от летнего жилища ставили хлев для телят и сооружали навесы.

Передвигались в основном верхом, грузы перевозили вьюком. Зимой ходили на лыжах, подбитых конским камусом,

ездили на саях с полозьями из дерева с корневищем, имевших естественную кривизну; позднее — на саях типа русских дровен, в которые обычно запрягали быков. Северные якуты пользовались оленьими прямокопыльными нартами. По воде сплавлялись на плотках, лодках-долбленках, челноках, берестяных лодках.

В пищу употребляли молоко, мясо диких зверей, конину, говядину, оленину, рыбу, съедобные растения. Чаще всего варили мясо, жарили печень, готовили зразы, похлебку из потрохов, суп с грудинкой, уху из карася (*собо минэ*), фаршированного карася, оладьи из икры, строганину. Рыбу также замораживали и заквашивали на зиму в ямах. Молочные блюда — кумыс из кобыльего молока, молочная пенка, взбитые сливки, простокваша, масло. Сливки заготавливали на зиму, замораживая в больших берестяных чанах с добавлением ягод, корней, костей. Из муки готовили похлебку (*саламат*), лепешки (*лэптиэскэтэ*), оладьи (*баахыла*) и др. Собирали грибы, ягоды, луговой и береговой лук, дикий чеснок, корни сараны, толокнянку, сосновую и лиственничную заболонь. В Олекминском районе издавна были известны овощи.

Традиционная деревянная утварь — чаши, ложки, мутовки, венички для взбивания сливок, берестяные туеса для ягод, масла, сыпучих продуктов и т.п. Резные деревянные кубки для кумыса (*чороны*) играли важную роль в обрядах на празднике *ысыах* и были двух типов — на коническом поддоне и на трех ножках в виде лошадиных копыт.

Для якутов характерны малые семьи. До XIX в. бытовало многоженство, причем жены часто жили раздельно, каждая вела свое хозяйство. В брак вступали в возрасте от 16 до 25 лет, заключали его по сватовству с уплатой калыма. Среди малоимущих были распространены браки «убегом», с похищением невесты, отработка за жену. Имели место левират и сорорат.

Существовали обычаи кровной мести (чаще заменявшейся выкупом), гостеприимства, обмена подарками. Выделялась аристократия — *тойоны*. Они управляли родом с по-

мощью старейшин, выступали военными вождями. Тойоны владели большими стадами (до нескольких сот голов), имели рабов, они и их домочадцы проживали в отдельных юртах. Были обычаи отдавать бедным скот на выпас, на прокорм на зиму, передавать обнищавшие семьи и сирот на иждивение богатому сородичу (кумаланство), торговать детьми, позднее — нанимать работников. Скот являлся частной собственностью, а охотничьи, пастбищные угодья и сенокосы — общинной.

Родильные обряды связывали с культом богини плодородия *Айыы-сыт*, покровительницы детей. По поверью, она живет на восточной стороне неба и дает новорожденному душу. Роды проходили в левой половине юрты, на полу. Место родов отгораживали занавесом. Летом рожали в амбаре, иногда (во время сенокоса) — в поле. Роженице помогала повивальная бабка. На сороковой день после родов женщина отправлялась в церковь, где совершала церковный обряд очищения. Ребенка крестили и давали имя постороннего человека, первым вошедшего в дом после рождения. Этот человек мог и сам дать имя новорожденному. Некоторые имена связывали с обстоятельствами появления на свет малыша: *Сайынгы* — «летний», *Булумдью* — «найденый», т.е. рожденный внебрачно. Были имена-обереги: Бере («волк»), отпугивающий злых духов, *Кусаган* («плохой») — на него злые духи не обращают внимания, а также имена оценочного характера, например *Кырынаас* («горностай»), т.е. быстрый, подвижный.

В древности якуты хоронили умерших воздушным способом, а с XVIII в. их стали предавать земле, укладывая го-

ловой на запад. Покойников одевали в лучшие одежды, увешанные украшениями, в могилу клали оружие и оружие труда, запасы мясной и молочной пищи. Известны захоронения с конем.

По представлениям древних якутов в Верхнем мире жили *Юрюнг Айыы Тойон* (Белый бог-творец) — верховное божество, *Иэйхсит* — покровительница и заступница человеческого рода, *Айыы-сыт* — богиня плодородия и чадородия, *Кюн Джесегей Тойон* — бог лошадей и другие боги. В Среднем мире вместе с людьми обитали *Баай Байанай* — дух леса, *Аан Алахчин хотун* — богиня земли, *Хатан Тэмийэй* — дух огня и другие духи. Их нужно было улаживать с помощью жертвоприношений. Нижний мир — обитель страшных чудовищ.

Шаманов разделяли на белых и черных. Первые служили небожителям различными приношениями, заклинаниями, руководили праздником *ысыах*. Вторые должны были вести борьбу со злыми духами, вызывавшими стихийные бедствия, падеж скота, болезни. Право стать шаманом передавалось по наследству. Посвящение сопровождалось сложным обрядом. Каждый шаман имел духа-покровителя (*эмэгэт*), изображение которого в виде медной бляхи нашивали на грудь одежды, и животного-двойника (*ийэ-кыыл* — «мать-зверь»). Шаманские бубны (*дюргюр*) — овальные, с широким ободом — похожи на эвенкийские. Знахари (*отосуты*) имели специализацию: одни занимались кровопусканием, другие — массажем или костоправством, лечили глазные болезни, женские и т.д.

Национальная одежда состоит из однобортного кафтана

В XVII в. якутов называли «конными людьми»

Конский чепрак

Фрагмент чепрака

сон (зимой — мехового, летом — из коровьей или конской шкуры шерстью внутрь, у богатых — из ткани), который шили из четырех клиньев с добавочными клиньями у пояса и широкими, собранными у плечей рукавами, коротких кожаных штанов (*сыайа*), кожаных ноговиц (*соторо*) и меховых носков (*кээнчэ*). Позднее появились тканевые рубахи с отложным воротником. Мужчины подпоясывались ремнем, богатые — с серебряными и медными бляшками. Женские свадебные шубы (*сангыях*) — длиной до пят, расширяющиеся книзу, на кокетке, с вшивными рукавами и меховым воротником-шалькой — украшали широкими полосами красного и зеленого сукна, позументом, серебряными деталями, бляхами, бисером, бахромой. Их ценили очень дорого и передавали по наследству. Женский свадебный головной убор (*дыабакка*) из меха соболя или бобра имел вид колпака с высоким верхом из красного или черного сукна, бархата или парчи, густо обшитым бисером, позументом, и непременно с большой серебряной сердцевидной бляхой надо лбом. Старинные уборы украшены султаном из птичьих перьев. Женскую одежду дополняли пояс, нагрудные, наспинные, шейные украшения, серебряные, нередко золотые с гравировкой серьги, браслеты, наколенники и кольца. Для зимы изготавливали высокие сапоги из оленьих или конских шкур мехом наружу, для лета — сапоги из замши с голенищами, покрытыми сукном, у женщин — с аппликацией.

В якутском фольклоре центральное место занимает героический эпос *олонхо*, считающийся главным родом поэзии, а по характеру исполнительского искусства — основой народной оперы. Ведущая тема *олонхо* — повествование о древних богатырях-первопредках, жителях Среднего мира, которые чувствуют себя частью могучего племени *айыы аймага*, созданного и опекаемого божествами *айыы*. Создателями и хранителями устной традиции эпического исполнительского искусства являются *олонхосуты*. По по-

верьям, они обладали божественным даром. Эти люди всегда были окружены почетом, пользовались большим уважением.

У северных якутов термин *олонхо* объединяет героический эпос и сказки о животных, волшебные, бытовые. Сюжеты и образы бытовых сказок строятся на основе повседневной жизни, отражают нравственные идеалы народа. Их персонажи — богачи и бедные, купцы и нищие, священники и воры, умные и глупцы. Исторические предания — устная летопись народа.

Глубоки и разнообразны по содержанию малые жанры фольклора: пословицы, поговорки, загадки, своеобразные скороговорки (*чабыргак*).

Различают песни культовые, обрядовые, необрядовые и лирические: дорожные, которые исполняли верхом на быке, путевые — верхом на коне, увеселительные песни-частушки; «ночные», «жалобные» и др. На всех семейных и племенных праздниках звучали песни-гимны — масштабные поэмы с балладными сюжетами мифологического, легендарного и исторического содержания.

Шаманы пели соло от лица вселившихся в них духов-покровителей.

Основной музыкальный инструмент *хомус* — дуговой металлический варган с большой круглой петелькой. Согласно традиции, на нем играли преимущественно женщины, артикулируя («выговаривая») речевые высказывания или известные мелодии.

Самым распространенным танцем у якутов является *осуохай*, сопровождаемый хоровой песней под запев импровизатора. Он исполняется любым числом участников, иногда в кругу собирается до 200 и более человек. Организаторами танца чаще бывают мужчины. В песне, как бы аккомпанирующей веселью, воспевают пробуждение природы, встречу с солнцем, радость труда, отношения людей в обществе, семье, те или иные знаменательные события.

Российские социально-экономические преобразования в 90-х гг. привели к оттоку населения из Республики Саха (Якутия), особенно из промышленных и северных улусов, где сосредоточены горнодобывающие предприятия. Поиск работы, желание молодежи получить образование заставляют людей перемещаться в города. Большинство якутов трудятся в совхозах, сельскохозяйственных кооперативах, специализирующихся на животноводстве, овощеводстве. На севере республики сохраняются основные традиционные занятия: оленеводство, рыболовство, охота появились предприятия по переработке сельхозпродукции и сбору дикоросов.

С 1992 г. совершенствуется деятельность общин, создается единая система по закупке мяса, рыбы, пушнины, формируется рынок сбыта и т.д. Развивается кустарная обработка дерева, меха, кожи, художественная резьба по дереву и мамонтовой кости, изготовление игрушек, а также плетение из конского волоса.

Развивается система образования. Книжное издательство «Бичик» выпускает учебники, учебные пособия по якутскому и русскому языкам и литературе. Возникла сеть высших учебных заведений и научных учреждений. Мировую известность приобрел единственный в России Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН, который возглавляет академик В. Роббек.

Возрождению национальной культуры способствуют профессиональные театры, музеи, Высшая школа музыки, хор мальчиков национального фонда «Баргарыы» («Возрож-

дение»). Программа «Новые имена» призвана поддерживать юных музыкантов, художников, деятелей науки, искусства, спорта.

Известны заслуженные артисты, художники и деятели искусств А. Мунхалов, Н. Засимов, Е. Степанова, Н. Чигирева, Т. Тишина, С. Осипов и др., писатели и поэты И. Гоголев, Д. Сивцев, Н. Харлампьева, М. Дьячковский (Кельбе).

На якутском языке выходят газеты «Кыым» и «Саха Сирэ», а также журнал «Чолбон» («Полярная звезда») и около 80% программ национальной телерадиовещательной компании. Компания «Геван» («Заря») готовит телерадиопередачи на языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории республики.

Возрождению традиций, сохранению и развитию культурного наследия народа способствуют общественные организации и ассоциации — Центр охраны материнства и детства, общереспубликанское движение «Две тысячи добрых дел 2000 года», Международный детский фонд «Дети Саха — Азия». Интересы коренных народов Севера отстаивает Ассоциация малочисленных народов севера Якутии.

Деталь женского нагрудного украшения

На празднике Ысыах

ШАМАНИЗМ

шаманизм — особая стадия в развитии религиозных верований человечества, сложившаяся во времена, когда основными средствами жизнеобеспечения были охота, рыболовство и собирательство.

Для идеологии шаманизма характерны одушевление или оживотворение всего окружающего мира, населенного духами, представления о всеобщей взаимосвязи в природе (включая и людей), тесной связи человека с космосом, его способности приобретать качества духа и посещать иные миры. Духов нередко представляли в виде людей или человекообразных существ (с одной ногой, без головы и т.д.); широко распространенный (и древнейший) их облик — животное.

Этому мировоззрению соответствуют и особенности культа, основанные на вере в необходимость иметь посредника между людьми и божествами (духами). Задачи такого посредника (шамана) многообразны: испрашивать у богов и духов благополучия и здоровья, обильного потомства людям и животным, удачи в промыслах, защиты от бед, исцеления сородичей от болезней. Шаманы должны также провожать души умерших в иной мир, служить богам и духам, добиваясь их благосклонности. Своих целей шаман достигал при содействии духов-помощников, без которых он был бессилен. Его избирали и наделяли особыми свойствами духи-покровители, благодаря им он общался со сверхъестественными существами и посещал иные миры. Шаману недостаточно верить в свое призвание, он должен доказать окружающим, что способен выполнять свое предназначение. Деятельность шамана — одна из социальных функций, оформившаяся в эпоху родоплеменного строя: в общении с духами и божествами он выступал как защитник и представитель своего рода. У многих народов считалось, что шаманский дар передается по наследству.

Слово «шаман» впервые встречается в русских документах XVII в. Одни ученые считают его тунгусским, другие — санскритским, принесенным буддизмом. У народов Сибири существовали свои названия — *саман* у эвенков, *тадебя* у ненцев, *тэтыты* у селькупов, *нга* у нганасан, *сенинг* у кетов и т.д. От тюркского названия шамана *кам* (*хам*) происходит слово «камлание» — ритуал, совершаемый шаманом. В XIX в. народы Сибири и европейского Севера верили, что вселенная состоит из трех миров: Верхнего (небесного), Среднего (плоской земли, где живут люди) и Нижнего (подземного). Небеса считались твердью, имели три слоя или более, куда шаман проникал через особые отверстия. Алтайцы верили, что верховный бог Ульгень живет на девятом, двенадцатом или пятнадцатом ярусе неба. Кеты полагали, что небо имеет семь слоев, выше которых простирается небосвод. Некоторые народы считали Солнце и Луну живыми существами. Нивхи думали, что на Луне живет женщина или, по другому варианту, собака, которая пытается съесть Луну.

Нижний мир также имел несколько ярусов. Дорогу туда знал только шаман. Нганасаны представляли подземное царство темным и холодным, селькупы и якуты думали, что там жарко. В верованиях селькупов и нанайцев важное место занимало так называемое «мировое древо», соединяющее все три мира. На «картах» вселенной, нарисованных

шаманами на бубнах, реальный и фантастические миры изображены вместе.

Период становления шамана, приходившийся у разных людей на разные годы жизни, сопровождался «шаманской болезнью». В глазах окружающих он выглядел душевнобольным: отказывался от еды, не понимал обращенных к нему слов, совершал странные поступки, убегал из дома. Во время болезни будущий шаман переживал то, что происходило с ним в мире духов. Когда период становления заканчивался, навсегда проходила и болезнь, вызванная самовнушением, основанным на традиционных верованиях.

Очень большое значение в шаманстве имеют ритуальные атрибуты — костюм, бубен, колотушка. Шаманское одеяние теснейшим образом связано с религиозным мировоззрением. Считали, что сделать ритуальную одежду шаман может лишь по указанию духов. Полный комплект костюма он приобретал с течением времени, по мере роста опыта и авторитета. В конце XIX — начале XX в. шаманская одежда не была единой у разных народов. У эвенков и селькупов она состояла из особого кафтана, нагрудника, головного убора и обуви. У энцев, нганасан, кетов и якутов ее дополняли особые рукавицы. В комплект нанайских и удэгейских шаманов входили юбка, кофта с короткими рукавами, рукавицы и пояс. Даже у одного и того же народа обрядовая одежда шамана представлена в разных вариантах. При всем внешнем разнообразии шаманский костюм воссоздавал образ зверя-птицы. «Железную корону», которую мог завести себе только «сильный» шаман, украшали выкованные из железа оленьи рога, иногда и фигурки птиц. Разнообразные подвески, обычно из железа, символизировали духов-помощников, а также оружие и орудия шамана. Обилие железных подвесок делало костюм тяжелым: у эвенкийских шаманов он весил более 30 кг. На шаманских костюмах некоторых народов подвески или нашивки изображали кости скелета — человеческого или звериного (птичьего). Эвенки, например, считали, что на костюме символически представлен костяк самого шамана, который, подобно щиту, оберегал его от враждебных духов. Костюм включал в себя космогоническую символику, верхняя или правая его половина была связана с Верхним миром, нижняя или левая — с Нижним.

Ту же символику воплощал в себе и бубен, сопоставляемый с иконостасом. У алтайцев, кетов и других народов кожу бубна покрывали рисунками, изображавшими миры вселенной, обитающих в них духов, Солнце с Луной, а также и самого шамана. Древнейшая символика отражала понимание бубна как животного. Бубен отождествляли с ездовым оленем для воображаемых поездок в иные миры. У народов, имевших традиции кочевого скотоводства (якутов, тувинцев), бубен считали чудесным конем, а колотушку — плетью.

С бубном связано и представление о «шаманском» дереве. По поверьям многих народов, духи сообщали шаману, где растет и как выглядит дерево, из которого надо сделать обод или рукоятку бубна. У хантов этой цели разыскивали кедр, ель или лиственницу с верхними ветвями, искривленными наподобие оленьих рогов; ветку для изготовления обечайки отрубали так, чтобы дерево не засохло.

Алтайцы еще в конце 1920-х гг. верили, что рукоятка бубна должна быть «живой», поэтому ее вырубали из растущей березы. Дерево нельзя было губить, иначе шаману угрожала смерть. «Шаманское дерево» (воспроизведение «мирового древа») было представлено и другими атрибутами культа. У селькупского шамана в переднем углу чума или землянки стояло личное жертвенное дерево, на которое он вешал дары небесным божествам. Порча или уничтожение этого дерева грозили шаману болезнью или смертью. Каждый нанайский и ульчский шаман водружал у своего дома три (реже один) священных столба *тооран, туру* — символы мифического дерева, растущего в подземном мире и уходившего вершиной в небесные сферы. Эти столбы позволяли ему бывать в разных мирах, возле столбов начинались и заканчивались обряды. У тувинцев, нанайцев, кетов символом «мирового древа» был также посох или жезл шамана.

Смысл шаманских камланий — переговоры с духами и божествами, нередко предполагавшие путешествие в иные миры. Движениями, пением, речью шаман пояснял присутствующим, где он странствует, что с ним происходит. Камлание могло проводиться днем и ночью, в доме и под открытым небом. Эвенки для важных обрядов сооружали особый «шаманский чум». Обряд представлял собой театрализованное действие, включающее пантомиму и музыку. Многие шаманы сопровождали камлание трюками, основанными на хорошем владении телом, ловкости рук, способности регулировать работу органов чувств. Показывали, как пронзают тело ножом, прикасались к раскаленным железным предметам, освобождались от веревок. Некоторые умели внушить окружающим, что вылетают из жилища или отрезают себе голову, а затем возвращают ее на место.

Чаще всего проводили шаманский обряд, чтобы вылечить больного. Повсеместно было распространено убеждение, что недуг вызван враждебными духами, укравшими душу человека. Шаману предстояло отыскать ее и вернуть больному. Во многих случаях заболевшие выздоравливали, ибо вера в помощь шамана способствовала мобилизации сил организма.

Во время камланий шаман с помощью самовнушения вводил себя в особое состояние — экстаз, был сильно возбужден или, напротив, впадал в беспамятство. Он переживал галлюцинации, соответствующие задачам обряда, его воображению представляли знакомые ему и его народу духи и божества — образы, вместе с верованиями усвоенные его сознанием. Беснуясь и падая в обморок, шаман сохранял прочную связь с окружающим миром, чутко реагировал на поведение присутствующих (которые тоже могли находиться в трансе). Чтобы стимулировать работу воображения, шаманы иногда применяли мухомор, а у некоторых народов — кетов, саамов и нганасан — перед совершением обряда целый день постились.

Шаманизм народов крайнего северо-востока Сибири (камчадалов, ительменов, коряков, чукчей, эскимосов) знал древнейший обычай «превращения пола» (травестизм) — уподобление мужчин женщинам (редко — наоборот). Степень уподобления бывала разной, от перемены прически или частей одежды до осознания себя женщиной, вплоть до выхода замуж. Традиция «превращения по-

ла» восходит к дуалистическому мировоззрению глубокой древности, делившему весь мир на две половины (фратрии). Одна из них была Верхней (небесной, белой, правой, а также мужской), другая — Нижней (земной или подземной, черной или темной, левой, а также женской). Соединение мужского и женского начал символизировало собой единство мира и общества.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Откуда есть пошли северные народы?

Маловероятно, что какой-либо народ, не изменяясь, не переселяясь и не сливаясь с другими, просуществовал с момента появления людей нашего вида на Земле.

Происхождение народов Севера и Дальнего Востока было необычайно длительным и сложным процессом. Прямых свидетельств большинства событий не осталось, их восстанавливают по косвенным данным, а нехватку точных сведений часто восполняют предположениями.

На юго-западе Канады, в штате Альберта, под отложениями последнего ледникового периода были обнаружены каменные орудия. По мнению геологов, 20 — 25 тыс. лет назад на этой территории уже сомкнулись два разрастающихся ледника, они называются Лаврентийским и Кордильерским щитами. Значит, люди жили там еще раньше. По мнению специалистов, эти древние охотники проникли в Америку из Азии по сухопутному мосту, на месте которого сейчас находится Берингов пролив. Подтвердить это археологическими находками пока не удастся, так как большая часть суши азиатской Арктики того периода сейчас находится под волнами океана.

Обычно принято считать, что первые люди проникли в Арктику 10 — 12 тыс. лет назад. В это время на Земле закончилось очередное крупное оледенение, и отступление льдов вновь позволило древним племенам переселяться на восток, в сторону Америки, а затем Гренландии. К прямым потомкам этих групп относят сейчас алеутов и эскимосов.

По всей зоне лесотундры Евразии в то же время кочевали племена охотников на дикого оленя. Некоторые из этих групп приняли участие в формировании предков чукчей, коряков, нивхов.

Народы уральско-юкагирской языковой семьи обязаны своим происхождением волнам переселения на Север кочевых угорских и самодийских племен. Со второго тысячелетия до н.э. шли сюда переселенцы из степей нынешнего Северного Казахстана, с юга Западной Сибири, Алтая и Саян. Пришельцы сливались с обитавшим на Севере еще в четвертом-третьем тысячелетии до н.э. населением, занимавшимся охотой и рыбной ловлей. Таким образом складывались культуры хантов, манси, ненцев, селькупов, и др.

В первом тысячелетии н.э. под давлением кочевников на север оттесняются кеты; на Таймыр переселяются самодийцы, в результате формируются нганасаны.

В XIII в. объединившиеся монгольские племена перешли к политике активных завоеваний. Следствием этого стало переселение тунгусских и тюркских племен на Север и Дальний Восток. В процессах образования народов Дальнего Востока большую роль сыграли мохэские племена, составившие основу народов Нижнего Амура.

Самым сложным временем в этнической истории северных народов стал государственный период. Выживание в

условиях государства означало, по сути, ежедневную необходимость противостояния процессу целенаправленной ассимиляции, то есть растворения среди других народов.

С целью улучшения административного управления в Сибири в 1822 г. правительство М.М. Сперанского проводит ревизию властных структур и принимает законодательный акт «Устав об управлении инородцев». Согласно «Уставу» все коренное население Сибири делилось на три группы: оседлые, кочующие и бродячие. Оседлыми считались «торговые» (бухарцы), «земледельцы» (татары) и ассимилированные или адаптированные русскоязычными группами роды. К кочующим относились «южные скотоводы и промышленники» — забайкальские эвенки, «северные скотоводы и промышленники» — ханты и манси; статусом бродячих наделяли ненцев и ительменов.

Управление оседлыми группами осуществлялось на основе общих законов Российской империи, распространявшихся на все население государства. За кочующими группами «Устав» признавал их традиционное право и обычаи и давал им статус самоуправляющихся территорий во главе со старостой и его помощниками. Органы местного самоуправления формировались из традиционной родовой знати, за которой сохранялись «почести, какие в местах их жительства обычаи и степные законы им предоставляют».

Сколько ликов и рас у Севера?

Лапоноидный тип (европейский Север) сложился на рубеже первого-второго тысячелетий н.э. Внешне люди, как свидетельствуют древние захоронения, напоминали саамов. Ослабление европеоидных особенностей у саамов сближает их с некоторыми народами уральского региона (коми-пермяки, марийцы, удмурты). Условная величина, называемая «индекс монголоидности», у саамов примерно в два раза выше, чем у финнов и карелов.

Уральский тип (уральская раса) распространен на Северном Урале и в Западной Сибири. По многим признакам занимает промежуточное положение между европеоидами и монголоидами.

Типичными представителями этого типа являются ханты и манси. В целом ханты немного более монголоидны, чем манси.

Антропологи выделяют еще наличие южного компонента. Важную роль в формировании уральского антропологического типа сыграла изоляция в уникальных природных условиях Западно-Сибирской низменности.

Для коренных народов Западной Сибири характерно смешение разноэтнических соседних групп, в результате которого представители разных народов могут быть больше похожи друг на друга, чем на отдаленные группы своего этноса. Например, северные ханты ближе к манси, чем к восточным хантам.

Тундровые энцы отличаются от ненцев большей монголоидностью и по облику ближе к нганасанам, хотя и обнаруживают сходство с расами севера Западной Сибири. Кеты, селькупы и ненцы также имеют смешанное евро-

пеоидно-монголоидное происхождение. Они принадлежат к более монголоидным, чем обские угры, вариантам уральской расы. Северные группы кетов несут следы контактов с соседями — тазовскими селькупам (елогуйские кеты) и, кроме того, вероятно, с русскими (туруханские кеты). Ранее в облике кетов, североамериканских ненцев, а также нганасан усматривались черты, имеющие сходство с североамериканскими индейцами, однако научного подтверждения эти предположения не нашли.

Селькупы, подобно хантам и ненцам, внешне разнообразны. Нарымские селькупы (Средняя Обь) близки к своим южным соседям — чулымским тюркам, вместе с которыми входят в состав обско-иртышской группы уральской расы. Эта группа сформировалась на основе контактов таежного, степного и, возможно, североалтайского населения.

Ненцы могут рассматриваться как самостоятельный североуральский тип, подразделенный на несколько местных вариантов. По выраженности монголоидных особенностей этот тип является промежуточным между представителями собственно уральского типа (ханты, манси) и байкальского типа (западные эвенки, нганасаны). В рамках уральской расы ненцы ближе к представителям обско-иртышского типа. Заметно также сходство ненцев с южносибирскими народами (казахи, алтайцы). Населяя обширную территорию, ненцы в своей массе более однородны по облику, чем селькупы. В среднем, азиатские ненцы чуть более монголоидны, чем европейские. Из всех ненецких групп внешне выделяется только самая западная — канинская. Возможно, что это потомки того же народа, который был предковым и для кольских саамов. Однако канинские ненцы более монголоидны, чем саамы. Особое положение занимают колвинские ненцы. Эта смешанная коми-русско-ненецкая группа объединяется с коми. Облик лесных европейских ненцев (так же как и лесных энцев), растворившихся в других народах, остался неизвестен.

Монголоиды северо-востока Азии представлены несколькими типами

К **байкальскому типу** (расе) относятся эвены, эвенки, юкагиры, нганасаны, последние представляют таймырский вариант байкальского типа.

К **центральноазиатскому типу** (расе) принадлежат долганы. Этот тип отличается от байкальского многими чертами: ростом, цветом волос, глаз и т.п.

К **арктическому типу** (расе) относятся эскимосы, чукчи, коряки, ительмены, алеуты. В составе этого типа на территории Азии выделяются четыре группы: берингоморская (азиатские эскимосы и береговые чукчи), камчатская (оленные группы чукчей и коряков), ительменская (береговые коряки и ительмены), алеутская (алеуты).

Чукчи и коряки внешне разнятся. У чукчей выделяются три группы — береговые восточные, береговые северо-восточные и оленные аляутские чукчи. Среди коряков наиболее своеобразны восточные группы — аляуторцы, апукинцы и карагинцы. У них, видимо, сохранился тот облик, который сформировался еще до контактов коряков с ительменами и чукчами Камчатки.

На каких языках говорит Север?

Народы, о которых рассказывает эта книга, относятся к четырем языковым семьям: уральско-юкагирской, алтайской, чукотско-камчатской, эскимосско-алеутской.

Уральско-юкагирская семья языков

Самодийская группа	нганасаны, ненцы, селькупы, энцы
Финно-угорская группа	вепсы, карелы, коми-зыряне, манси, саамы, ханты
Юкагирская группа	чуванцы, юкагиры

Алтайская семья языков

Тунгусо-маньчжурская группа	нанайцы, негидальцы, ороки, орочи, удэгейцы, ульчи, эвенки, эвены
Тюркская группа	долганы, тофалары, тувинцы-тоджинцы, якуты

Чукотско-камчатская семья языков

алюторцы, ительмены, камчадалы, керекы, коряки, чукчи

Эскимосско-алеутская семья языков

алеуты, эскимосы

Изолированные языки

кеты, нивхи

Как ведет хозяйство северянин?

Хозяйственно-культурный тип — это комплекс особенностей хозяйства и культуры, сложившийся у разных народов вследствие сходных природных условий обитания и видов традиционной хозяйственной деятельности независимо от их изначального генетического родства.

Хозяйственно-культурные типы народов Севера в основном сложились к концу XIX — началу XX в.

Арктические охотники на морского зверя — эскимосы, алеуты, береговые чукчи и коряки, охотские эвены — жили оседло. Характерный тип жилища — большая полуземлянка с каркасом из китовых костей и черепов, крытая дерном, отапливаемая и освещаемая каменной лампой, управляемой моржовым жиром. Уникальны каркасные лодки — байдары, каяки, обтянутые моржовыми и тюленьими шкурами; глухая одежда и обувь из шкур. На кормовой базе морского промысла развито транспортное собаководство. Основа питания — мясо и жир морских животных.

Для оленеводов тундры, а это саамы, ненцы, энцы, нганасаны, долганы, северные ханты, манси и селькупы, часть эвенов и эвенков, тундровые чукчи и коряки — характерен кочевой образ жизни. В сезонных перекочевках вслед за продвижением оленьих стад они используют упряжной санный транспорт — нарты; переносное каркасное жилище с покрышками из оленьих шкур — чум, ярангу. меховая одежда глухого, без разреза спереди, покроя — ненецкая

малица, чукотская кухлянка; высокая меховая обувь; нередко утварь из шкур. В питании основную роль играет оленья мясо.

Охотники и оленеводы тайги — эвенки, часть эвенов и долган, лесные ненцы и энцы, селькупы, оленные кеты, часть орочей, ороков, юкагиров — вели кочевой и полукочевой образ жизни, одни жили в чумах, у других постоянные зимние поселения сочетались с временными сезонными. Жилища — каркасные, переносные и непереносные, крытые шкурами — зимой и берестой — летом. Одежда из шкур распашная, с разрезом спереди. Оленеводство мелкостадное, имеющее транспортное значение. Оленей использовали для верховой езды как вьючное животное либо в упряжке. В питании сочетались мясо, рыба и продукты собирательства.

Для охотников и рыболовов тайги — безоленных хантов, манси, кетов, юкагиров, удэгейцев, части орочей, нанайцев, негидальцев, ительменов и др. — большое значение имела мясная охота, а с XVIII — XIX вв. — пушная. Образ жизни — полуоседлый, постоянные зимние селения сочетались с сезонными и охотничьими избушками. Зимнее жилище — каркасная землянка или полуземлянка пирамидообразной или усеченно-пирамидообразной формы, наземный дом из столбов или сруб; летнее жилище — каркасные постройки из жердей и коры разной формы (конические — чумы, односкатные, двухскатные, сферические и т.п.). Характерными являются также охотничья ручная нарта, скользящие лыжи (голицы и подволоки), распашная одежда, использование в пищу рыбы и мяса диких животных.

Оседлые и полуоседлые рыболовы бассейнов крупных рек — Оби, Енисея, Лены, Амура и Тихоокеанского побережья — приобские ханты и манси, южные селькупы, часть кетов, нивхи, ульчи, нанайцы, негидальцы, орочи, ороки, ительмены, часть коряков. Хозяйство их основано на сезонном промысле как проходной, так и местной рыбы, дающей круглый год питание (на зиму рыбу заготавливали в виде юколы), корм собакам (упряжное собаководство), материал (рыбья кожа) для изготовления одежды, обуви и др. У нивхов, ительменов был также распространен морской зверобойный промысел. Жилище — зимние полуземлянки с каркасными или срубными деревянными стенами; наземный дом из столбов, сооруженный пазовым способом; сруб; сезонные постройки из жердей и коры. Одежда — распашного халатообразного покроя.

Каким богам поклоняется Север?

История отношения северных народов с государством — это еще и взаимоотношения мировоззрений. Уже с первой половины XVI в. начинаются попытки обращения северных народов в христианство. На Кольском п-ове поселяются миссионеры (проповедники христианства; от лат. *missio* — послать) Трифон и Феодорит. Они основали в устье р. Печеньги монастырь, служивший одновременно военным форпостом. На Кольский п-ов направляет своих посланников Троице-Сергиева лавра, Истринский и Антониево-Сийский монастырь. Одновременно в Пустозерский острог был направлен князь Василий Ухтомский с поручением от царя Федора Иоанновича распространять

христианство среди «самоедов и иных вер туземцев». Так или иначе, но к концу XVI в. произошло крещение саамов и началось крещение ненцев. Крещение зачастую происходило формально, так как имело политическое значение: оно приравнивалось к принятию российского подданства. В 1702 г. Указом Петра Великого на Тобольскую кафедру назначается Филофей Лещинский — один из виднейших деятелей духовного просвещения того времени. Лещинскому под страхом смерти предписывалось привести в христианскую веру «всех остяков и вогуличей от мала до велика, сжечь их кумирни и кумирницы и на месте том построить церкви и часовни».

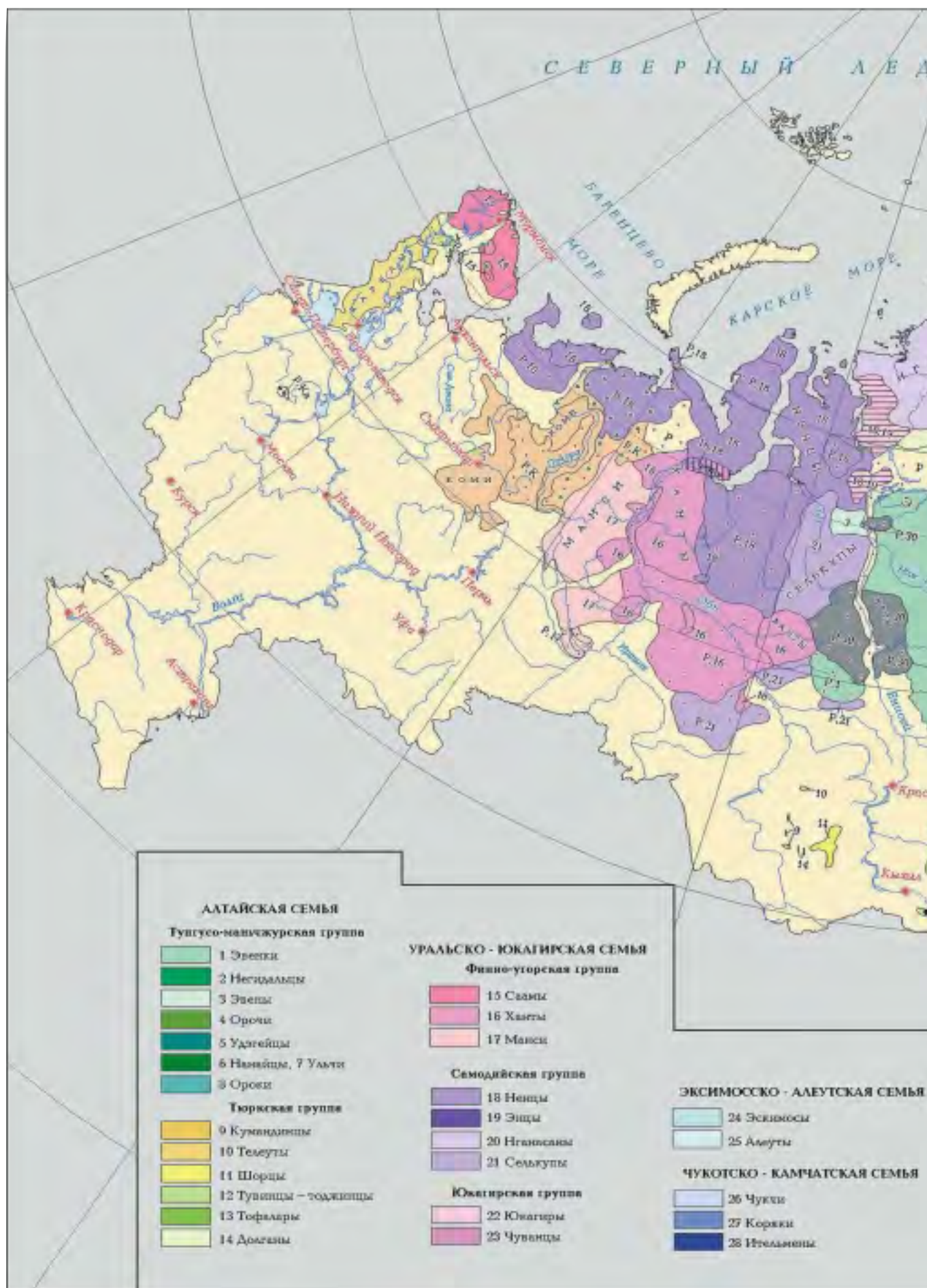
Миссионерская деятельность Лещинского в Тобольской епархии продолжалась 25 лет. За это время он крестил 40 тыс. человек, построил 37 церквей и множество часовен. Выполнение предписания вызвало сопротивление коренных народов. Указ был отменен и крестить было велено только добровольно, обращенные на год освобождались от уплаты ясака.

В 1705 г. на Камчатку с миссией к ительменам отправляется архиепископ Мартиниан. Затем с отрядами казаков туда прибывают в 1711 г. священник Петров, а в 1712 г. — священник Бурцев. Три священника прибыли на Камчатку со Второй экспедицией Беринга. Крещение ительменов происходит насильственно и встречает сопротивление. По дороге к ительменам пытались крестить эвенов Охотского побережья. По прибытии на Камчатку миссия окрестила более тысячи человек. Был разработан проект ительменского монастыря с хозяйственной ориентацией на традиционные промыслы — рыболовный и зверобойный.

Христианизация оказывалась успешной там, где работали талантливые священнослужители, такие как епископ Вениамин, крестивший алеутов. Он долго жил в их среде, овладел алеутским языком, составил описание их фольклора. Проповедуя христианство, он не стремился к искоренению местных обычаев и даже разрешил присутствие алеутских изваяний богов в своем храме. Подыскивая им христианские соответствия, он толковал их божественную сущность с точки зрения Священного Писания. В результате алеуты до сих пор остались наиболее христианизированным народом Крайнего Севера.

В целом, крещение народов Сибири прошло по большей части формально и мало затронуло религиозное сознание людей. В центре традиционных религий арктических народов стоит представление о Вселенной, состоящей из нескольких сфер, населенных духами. Сфер, как правило, три: Верхний, Средний и Нижний миры. Связь между мирами осуществляет шаман. Он владеет искусством воздействовать на духов, благодаря чему может влиять и на души людей. Такая система мировоззрений называется шаманизмом. В науке до сих пор продолжается спор, можно ли считать шаманизм самостоятельной религией.

В результате распространения христианства в традиционной картине мира аборигенов Севера и Сибири сложилась двойственность: шаманские представления переплелись с христианскими догматами. Русские, поселившиеся среди аборигенов, в свою очередь, нередко обращались к шаманам.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

- Абориген** 38, 47, 89, 133, 167, 201, 227, 233
- Автохтонное население 255
- Авункулат 14, 91, 152, 165
- Амулет 14, 79, 238, 258
- Анимизм 14, 35, 57, 130, 152, 181
- Антропоморфность 92, 93, 108, 189, 209
- Аппликация 26, 77, 84, 85, 106, 115, 126, 128, 152, 182, 191, 202, 228
- Аргиш 28, 52, 118, 176, 227
- Аркан 75, 118, 215
- Ассимиляция 35, 83, 109, 117, 211, 233, 255, 275
- Багор** 138, 167, 176, 185, 238
- Байдара 11, 12, 15, 47, 75, 77, 138, 211, 215, 238, 249
- Балаган 26, 28, 32, 76, 207
- Балок 26, 27, 106, 108, 233
- «Баран» 52, 233
- Береста 18, 31, 33, 45, 52, 56, 89, 112, 114, 118, 125, 134, 152, 157, 162, 169, 181 – 183, 185, 220, 228, 261, 277
- Бисер 26, 27, 29, 53, 55, 84, 85, 118, 134, 151, 155, 157, 186, 202, 205, 212
- Бортничество 41
- Брак групповой 14
- кросс-кузенный 14, 129
- матрилокальный 85, 257
- межэтнический 185
- патрилокальный 85, 170
- смешанный 91, 234
- уводом 45
- Бубен 14, 15, 27, 57, 79, 93, 109, 114, 122, 135, 152, 158, 165, 170, 171, 182, 190, 204, 217, 234, 263, 268
- Важенка** 105, 155, 167, 176, 227
- Варган 36, 57, 79, 153, 171, 183, 190, 204, 217, 264
- Верша 31, 59, 112
- Вешала 90, 106, 126, 129, 133, 220
- Волокуша 42, 60, 86, 111
- Ворон, почитание 35, 80, 217, 252
- Вышивка 44, 126, 134, 152, 169, 182, 186, 212, 217, 222
- подшейным волосом оленя 53, 108, 113, 114, 118, 228, 256
- Гагагля** 77
- Гарпун 11, 75, 89, 103, 111, 125, 133, 138, 147, 148, 185, 211, 220, 238, 249
- Гостеприимный гетеризм 14, 252
- Демидур** 35, 120, 217, 253
- Деревянная маска 14
- Диалект 11, 14, 17, 31, 35, 59, 80, 111, 117, 147, 155, 179, 201, 233, 249, 255
- Доха, духа 91, 113, 188
- Дротик 89, 212
- Дух-хозяин 87, 113, 114, 120, 130, 153, 181, 188, 189, 234, 258
- Душа 14, 85, 120, 224
- Ездовые собаки** 111, 125, 126, 179, 186, 207, 227, 238
- Жертвоприношение** 41, 47, 49, 79, 87, 92, 120, 126, 130, 165, 188, 209, 215, 217, 229, 263
- Жирник 212, 250
- Загородка 89, 261
- Заездок 89, 111, 125, 133, 138, 143, 185
- Запор 31, 47, 75, 83, 133, 143, 162, 185, 202, 220
- Запряжка веером 66, 118, 212, 234
- елочкой 89, 111, 125, 148
- змейкой 89
- цугом 212, 249
- Засака 89, 96, 167
- Земледелие 17, 41
- Землянка 5, 18, 33, 47, 52, 56, 76, 90, 133, 161, 162, 201, 228, 250, 262, 277
- Зооморфность 85, 87, 108, 189, 202, 209
- Имущественное расслоение** 79, 92, 130, 180, 185, 215
- Календарь** 51, 87, 92, 162, 261
- Калым 14, 57, 108, 129, 158, 165, 170, 180, 222, 229, 234, 262
- Камлание 28, 87, 93, 108, 109, 120, 165, 170, 204, 224, 259, 268, 273
- Камлейка 12 – 14, 33, 76, 208, 215
- Камус 26, 33, 53, 55, 76, 85, 91, 106, 112, 118, 151, 165, 178, 187, 208, 222
- Каны 181, 186
- Капкан 25, 31, 41, 61, 75, 83, 96, 118, 125, 202, 207
- Карбас 42, 155
- Каяк 12, 75, 103, 276
- Клык моржа 212, 238
- «Князец» 56, 108, 161, 201, 222, 255
- Колыбель 28, 52, 55, 85, 108, 109, 130, 148, 157, 167, 168, 180, 187, 225, 229, 259
- Копылья 25, 31
- Копье 11, 12, 31, 89, 103, 105, 111, 114, 125, 133, 147, 179, 186, 202, 211, 212, 219, 250, 261
- Копье пальма 161, 179, 227
- Копьеметалка 12
- Кораль 118
- Космогония 93, 114, 135, 182, 268
- Котец 51, 56, 162
- Кровная месть 130, 152, 215, 224, 226, 262
- Кузнечество 89, 147, 162, 186, 220, 228, 261
- Культ близнецов 189
- медведя 49, 135, 194, 197, 229
- морских животных 135
- огня 152, 222
- предков 62, 203, 222
- промысловый 92, 130, 135, 152, 188, 189, 199, 201, 203, 215, 222
- Культурный герой 216
- Кухлянка 33, 48, 76, 77, 208, 256
- Лабаз** 26, 86, 90, 112, 133, 150, 167, 168, 220, 256
- Левират 77, 108, 129, 152, 203, 215, 222, 234, 262
- Ловушка давящего типа 59, 75, 83, 125, 133, 179
- Ловчая яма 51, 89, 96, 99, 202, 261
- Лодка берестяная 89, 111, 148, 186, 220
- долбленка 42, 89, 111, 125, 133, 148, 149, 162, 167, 179, 186, 201 – 203
- дошатая 125, 155, 162, 185, 186, 201, 220
- илимка 51, 52, 86, 162
- оморочка 89, 148, 179, 186
- плоскодонка 89, 125, 133, 148, 179, 186
- Локальная группа 31, 56
- Лук и стрелы 12, 25, 41, 51, 57, 83, 86, 89, 99, 101, 103, 105, 111, 124, 125, 133, 147, 155, 161, 179, 185, 186, 207, 212, 261
- Лучение 138
- Лыжи-голицы 52, 86, 89, 111, 125, 133, 148, 156, 175, 179, 186, 219, 277
- непарные 155
- подволоки, подклеенные камусом 41, 52, 54, 59, 61, 111, 133, 148, 167, 175, 176, 179, 186, 201, 219
- ракетки 249
- ступательные 31, 35, 42, 47
- Магия** 14, 183, 188, 190, 222
- Малахай 76, 77
- Малица 55, 61, 106, 118, 157, 202, 276
- Марик 138
- Матрилинейность 14
- Медвежий праздник 57, 87, 113, 129, 134, 150, 152, 186, 189, 192 – 199, 203, 222
- Межродовой союз 185
- Метательная дощечка 212
- Миграция 25, 51, 83, 96, 219
- Миссионер 14
- Миссионерская школа 111, 117
- Многоженство 14, 91, 108, 152, 180, 222, 229, 252
- Многомужество 14
- Мозаика меховая 77, 84, 118, 202, 253
- «Морда» 31, 167, 177, 220
- Морской зверобойный промысел 15, 75, 111, 133, 147, 211, 217, 236 – 247
- Музыкальное (ударное) бревно 115, 130, 153, 191, 199

- Нагрудник** 57, 76, 91, 112, 126, 134, 150, 181, 186, 187, 222
- Нарта восточносибирская 125, 148, 186
- дугокопильная 31, 66
- косокопильная 25, 66, 133, 155, 203, 233
- прямокопильная 66, 117, 125, 148, 162
- ручная 52, 89, 111, 133, 162, 179, 277
- собачья 89, 201, 255
- Натазник 53, 106, 181, 222, 228
- Невод 25, 31, 41, 89, 90, 111, 112, 125, 133, 138, 143, 155, 162, 185, 189, 202, 207
- Недоуздок 26, 118, 176
- Ноговицы 90, 112, 113, 126, 134, 150, 181, 186, 222
- Нюк 28, 105, 118, 233
- Оберег** 21, 91, 109, 156, 225, 263
- Обработка дерева 169, 228
- кости 89, 212, 220, 228
- Обряд
- похоронно-поминальный 14, 27, 45, 62, 79, 113, 120, 130, 170, 180, 182, 189, 204, 252, 263
- промысловый 79, 113
- родильный 45, 62
- сожжения 79, 80, 130
- хватания 77
- Обычай взаимопомощи 92, 152, 170, 188, 215, 222
- гостеприимства 222
- избегания 84
- товарищества по браку 252
- Огниво 43, 106
- Оленеводство 25, 28, 36, 41, 60, 63 — 73, 75, 79, 83, 105, 111, 117, 133, 155, 158, 162, 167, 175, 202, 207, 211, 219, 221, 225, 227, 265, 277
- Олонхо 27, 264
- Острога 41, 47, 125, 133, 138, 147, 155, 167, 176, 179, 185, 186, 220, 238
- Отработка за жену 14, 77, 222, 252, 262
- Охота,
- охотничий промысел 18, 25, 31, 47, 51, 59, 75, 79, 83, 87, 89, 94 — 103, 105, 111, 117, 125, 133, 147, 155, 158, 161, 162, 165, 167, 175, 179, 189, 202, 211, 227, 265
- Охранители 55, 56, 57, 79
- Очаг 27, 43, 53, 76, 84, 90, 106, 118, 126, 134, 148, 156, 162, 177, 181, 202, 212, 220, 228, 256
- Панты** 179
- Парка 12, 13, 26, 53, 57, 85, 106, 165, 228
- Пасть 25, 51, 96, 105, 118, 212
- Патриархальная группа 222
- община 79, 215
- род 120, 181
- Патрилинейный род 56, 91, 108, 129, 151, 229
- Перемет 41, 111, 138
- Переметная (вьючная) сума 133, 167, 168, 220, 228
- Пиктографическое (рисуночное) письмо 92, 257, 259
- Погост 21, 41, 60, 155, 156, 158
- Подсека 17
- Поколка 25, 103, 105, 108, 185, 207
- Полог 47, 53, 75, 76, 105, 212
- Полуземлянка 12, 18, 33, 52, 76, 90, 112, 148, 162, 181, 202, 212, 214, 220, 256, 277
- Похищение невесты 120
- Промышленные люди 25
- Рабы, рабство** 14, 257
- Ритуальная фигурка 92
- Ровдуга 26, 53, 76, 77, 85, 90, 91, 105, 112, 113, 150, 152, 168, 181, 186, 187, 207, 208, 220, 257
- Родовая группа 14, 178, 180
- община 14, 31, 36, 93, 180, 265
- Рыболовство 18, 25, 31, 41, 47, 75, 79, 83, 89, 105, 111, 125, 132, 136 — 145, 147, 155, 158, 161, 162, 165, 167, 176, 179, 185, 201, 202, 207, 211, 219, 227, 265
- Рыбья кожа 33, 52, 90, 91, 112, 126, 134, 138, 148, 150, 152, 162, 179, 181, 186, 187, 202, 228, 277
- Сакральный** 85, 87, 190, 199
- Самострел 25, 41, 75, 83, 86, 89, 99, 111, 125, 133, 147, 175, 176, 179, 202, 255
- Свадьба 45, 57, 62, 79, 129, 170, 189, 209, 229
- Сватовство 14, 44, 56, 129, 180
- Священное место 62, 120
- Семья большая 45, 48, 62, 77, 85, 152, 188, 203, 209
- малая 44, 56, 62, 85, 92, 129, 152, 165, 170, 181, 188, 215, 222
- неразделенная (расширенная) 62, 92, 181
- патриархальная 77, 155
- Септула 112, 125, 187
- Сеть 75, 111, 125, 147, 176, 185
- мешкообразная 31, 89, 111, 125, 138, 143, 147, 185
- перевес 83, 86
- плавная 89, 111, 125, 138, 143, 147, 185, 202
- прямоугольная 125, 138, 185
- пушальная 25
- ставная 47, 51, 75, 89, 111, 125, 138, 147, 162, 185, 202
- Скотоводство 17, 175, 177, 178, 180
- Снасть крючковая 75, 89, 105, 125, 138, 155, 185
- Снеговые очки 106, 257
- Собачий транспорт,
- собачья упряжка 31, 47, 162, 202, 208, 276
- Сокуй (совик) 55, 61, 106, 118, 157, 165, 202, 222, 234
- Сорорат 77, 262
- Станушка 20, 43
- Стойбище 34, 51, 53, 55, 75, 77, 167, 175, 180, 207, 213, 220, 235
- Строганина 26, 108, 112, 202, 234, 257, 262
- Суглан 56, 171
- Тамга** 105
- Татуировка 14, 85, 214, 222, 253
- Территориально-соседская община 31, 113, 129, 152, 158, 165, 181, 188, 203, 258
- Тиски 52
- Топонимика 93, 201
- Торбаса 12, 208, 215, 251
- Тотемизм 35, 57, 85, 135, 158, 165, 199, 203
- Трикстер 35, 80
- Трут 150, 168
- Удочка-махалка** 138, 143, 185
- Унты 112, 151, 168
- Фольклор** 14, 15, 22, 27, 35, 45, 49, 57, 59, 79, 93, 108, 109, 114, 122, 130, 135, 153, 158, 162, 165, 171, 180, 182, 190, 199, 203, 209, 229, 233, 253, 259
- Фратрия 56, 85, 87, 194, 198, 199, 203
- Хорей** 118, 120
- Христианство 31, 35, 59, 135, 158, 165, 203, 224, 251, 277
- Челн** 75
- Челнок 155
- Черкан 51, 76, 96, 147, 161, 219
- Черки 53, 203
- Чорон 262
- Чувал 53, 57, 84, 162, 202, 208, 262
- Чум 26, 51, 52, 84, 105, 108, 112, 118, 122, 133, 148, 150, 167, 168, 175, 177, 180, 181, 202, 220, 235, 256, 273
- Шаманизм** 14, 49, 57, 79, 170, 171, 175, 182, 222, 266 — 275, 277
- «Щетки»** 76, 85
- Экзогамия** 56, 85, 91, 120, 165, 169, 170, 178, 181
- Экзогамный союз 113, 129, 152, 181, 188
- Экстерьер 71
- Эпос 15, 45, 62, 108, 135, 224, 230, 264
- Этиология 15, 93
- Этноним 11, 25, 41, 51, 83, 111, 125, 147, 155, 185, 201, 219
- Этнос 11, 17, 25, 57, 83, 171, 201, 261
- Юкола** 89, 90, 108, 112, 125, 133, 134, 138, 148, 150, 185 — 187, 208, 209, 215, 221, 228, 234, 257
- Юрта 33, 177, 220, 228, 256, 262
- Ягель** 118
- Яранга 75, 76, 208, 212, 214, 250, 276
- Ясак 11, 31, 56, 96, 105, 108, 118, 175, 201, 207

ЧТО ЧИТАТЬ О НАРОДАХ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ

АЛЕУТЫ

- Алеуты: Народы Америки // Серия «Народы мира». М., 1959. Т. 1.
 Бенк Т. Колыбель ветров. М., 1960.
 Конопацкий А. Легенда о древе жизни // СЭ. 1976. № 6.
 Ляпунова Р.Г. Алеуты. Очерки этнической истории. Л., 1987.
 Ляпунова Р.Г. Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975.

ВЕПСЫ

- Богданов Н.И. Народность вепсы и их язык // Тр. Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1958. Вып. 12.
 Вепсы // Народы европейской части СССР. М., 1964. Т. 2.
 Винокурова И.Ю. Календарные обычаи, свадьбы и праздники вепсов (кон. XIX — нач. XX в.). СПб., 1994.
 Дебец И.Ф. Вепсы // Ученые зап. МГУ. М., 1941. Вып. 63.
 Кочуркина С.И. Сокровища древних вепсов. Петрозаводск, 1990.
 Пименов В.В. Вепсы. Очерки этнической истории и генезиса культуры. Л., 1965.

ДОЛГАНЫ

- Грачева Г.Н. Поездка к западным долганам // ПИИЭ. 1979. М., 1983.
 Грачева Г.Н. Экспедиция к восточным долганам // ПИИЭ. 1980 – 1981. М., 1984.
 Долгих Б.О. Происхождение долган // СЭС. М., 1963. Т. 5.
 Попов А.А. Охота и рыболовство у долган (Памяти В.Г. Богораза). М.; Л., 1937.

ИТЕЛЬМЕНЫ

- Браславец К.М. Диалектологический очерк Камчатки. Хабаровск, 1968.
 Гурвич И.С. Русские старожилы долины реки Камчатки // СЭ. 1963. № 3.
 Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.ЦЛ., 1949.
 Мурашко О.А. Ительмены и камчадалы // Сибирь: этносы и культуры. Москва; Улан-Удэ, 1999. Вып. 4.
 Мурашко О.А. Шаманство и традиционное мировоззрение ительменов // Этнологические исследования по шаманству и другим традиционным верованиям и практикам. М., 1999. Т. 4.
 Тюшов В.Н. По западному берегу Камчатки. СПб., 1906.

КАРЕЛЫ

- Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983.
 Карельский народный эпос // Серия «Эпос народов СССР» / Сост. В.Я. Евсеев. Л., 1989.
 Клементьев Е.И. Карелы. Этнографический очерк. Петрозаводск, 1991.
 Обряды и верования народов Карелии: Сб. ст. Петрозаводск, 1988.
 Семейная обрядность карел. Л., 1985.

КЕРЕКИ

- Леонтьев В.В. По земле древних керек. Записки этнографа. Магадан, 1976.
 Леонтьев В.В. Этнография и фольклор керек. М., 1983.

КЕТЫ

- Алексеев Е.А. Кеты: Историко-этнографические очерки. Л., 1967.
 Алексеев Е.А. Культ медведя у кетов // СЭ. 1960. № 4.
 Дульзон А.П. Былое расселение кетов по данным топонимики // Вопросы географии. 1952. № 58.
 Дульзон А.П. Кетский язык. Томск, 1968.

КОМИ-ЗЫРЯНЕ

- Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980.
 Жеребцов Л.Н. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – нач. XX в. М., 1972.
 Жеребцов Л.Н. Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами. Сыктывкар, 1974.
 Конаков Н.Д. Коми – охотники и рыболовы во второй пол. XIX – нач. XX в. М., 1988.
 Осипов А.Г. Песни народа коми. Сыктывкар, 1964.
 Чисталев П.И. Коми народная музыка // Муз. наследие финно-угор. народов. Таллин, 1977.

КОРЯКИ

- Антропова В.В. Культура и быт коряков. Л., 1971.
 Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973.
 История и культура коряков. Л., 1994.
 Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. СПб., 1900. Т. 1.
 Стебницкий С.Н. Лымныло-нымыланские (корякские) сказки. Л., 1938.

МАНСИ

- Авдеев И.И. Песни народа манси. Омск, 1936.
 Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Новосибирск, 1986.
 Новикова Н.И. Религиозные представления манси о мире: Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980.
 Новикова Н.И. Традиционные праздники манси. М., 1995.
 Соколова З.П. К происхождению современных манси //СЭ. 1979. № 6.
 Соколова З.П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров //СЭС. М., 1963. Т. 5.
 Соколова З.П. На медвежьем празднике у ляпинских манси //ПИИЭ. М., 1993.
 Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994.

НАНАЙЦЫ

- Айзенштадт А.М. Поют нанайцы и ульчи //Сов. музыка. 1958. № 11.
 Киле В.И. Песни и сказки бикинских (уссурийских) нанайцев: Репертуарный сб. Владивосток, 1922.
 Липская-Вальбронд Н.А. Этнография народов Севера. Л., 1986.

НГАНАСАНЫ

- Афанасьева Г.М. Традиционная система воспроизводства нганасан: Проблемы репродукции обособленных популяций. М., 1990.
 Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л., 1983.
 Долгих Б.О., Файнберг Л.А. Таймырские нганасаны //ТИЭ. 1960. Т. 56.
 Попов А.А. Нганасаны. Социальное устройство и верования. Л., 1984.
 Симченко Ю.Б. Нганасаны //Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1992.

НЕГИДАЛЬЦЫ

- Смоляк А.В. Негидальцы: загадки и факты //Изв. Сиб. отд-ния. АН СССР. Сер. общ. наук. Новосибирск, 1977. Вып. 1. № 1.
 Хасанова М.М. Обрядовый фольклор негидальцев. Аборигены Сибири: проблемы исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995.
 Хасанова М.М. Песни негидальцев //Гуманит. науки в Сибири. Новосибирск, 1996. № 4.
 Цинциус В.И. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом: Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX в.: Сб. МАЭ. Л., 1971. Т. 27.
 Цинциус В.И. Негидальский язык. Л., 1982.

НЕНЦЫ

- Алексеев Е.А. Музыкальные инструменты народов Севера Западной Сибири: Сб. МАЭ. Л., 1988. Т. 42.

- Васильев В.И., Генденрейх Л.Н. Тундра канинская. М., 1977.
 Добровольский Б.М. О напевах ненецких эпических песен: Эпические песни ненцев /Сост. З.Н. Куприянова. М., 1965.
 Ёсида А. Культура питания гыданских ненцев (интерпретация и социальная адаптация). М., 1997.
 Прокофьев Г.Н. Этногония народов Обь-Енисейского бассейна //СЭ. 1940. № 3.
 Терещенко Н.М. Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам. Л., 1990.
 Фольклор народов Таймыра. Ненецкий фольклор. Дудинка, 1992. Вып. 2.
 Хомич Л.В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. Л., 1966.
 Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976.
 Эпические песни ненцев /Сост. З.Н. Куприянова. М., 1965.

НИВХИ

- Крейнович Е.А. Медвежий праздник у нивхов. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
 Крейнович Е.А. Нивхгу. Л., 1973.
 Пропп В.Я. Чукотский миф и гиляцкий эпос: Фольклор и действительность. М., 1976.
 Санги В.М. Песнь о нивхах. М., 1989.
 Таксами Ч.М. Нивхи: Современное хозяйство, культура и быт. Л., 1967.
 Таксами Ч.М. Основные проблемы этнографии нивхов. Л., 1973.
 Штернберг Л.Я. Гиляки, гольды, орочи, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

ОРОКИ

- Брылкин И. Письма с Сахалина //Зап. Сиб. отд. РГО. 1864. Кн. 7.
 Васильев Б.А. Основные черты этнографии ороков //Этнография. 1929. № 1.
 Роон Т.П. Уйльта Сахалина: Историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материалы культуры XVIII – сер. XX веков. Южно-Сахалинск, 1996.
 Сказки народов Дальнего Востока. Владивосток, 1974.
 Смоляк А.В. Южные ороки //СЭ. 1965. № 1.

ОРОЧИ

- Аврорин В.А., Козьминский И.И. Представления орочей о Вселенной, о переселениях душ и путешествиях шаманов, изображенные на «карте»: Сб. МАЭ. М.; Л., 1949. Т. 11.
 Васильев Б.А. Медвежий праздник //СЭ. 1947. № 4.
 Ларькин В.Г. Орочи: Историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней. М., 1964.
 Маргаритов В.П. Об орочах Императорской Гавани. СПб., 1888.
 Ороческие сказки и мифы /Сост. В.А. Аврорин, Е.П. Лебедева. Новосибирск, 1966.
 Ороческие тексты и словарь /Сост. В.А. Аврорин, Е.П. Лебедева. Л., 1978.

СААМЫ

- Лукьянченко Т.В. Материальная культура саамов (лопарей) Колыского п-ова в конце XIX – XX вв. М., 1971.
- Сенкевич-Гудкова В.В. Лирические песни нотозерских саами: Вопросы литературы и народного творчества. Петрозаводск, 1959.
- Травина И.К. Саамские народные песни. М., 1987.
- Харузин Н. Русские лопари. М., 1890.
- Чарнолуский В.В. Материалы по быту лопарей. Л., 1930.

СЕЛЬКУПЫ

- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. Новосибирск, 1989.
- Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1984.
- Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.
- Пелих Г.И. Селькупы XVII века: Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981.
- Симченко Ю.Б. Тайга селькупская. М., 1995.
- Селькупская мифология. Томск, 1998.
- Шаргородский Л.Т. Современные этнические процессы у селькупов. М., 1994.

ТОФАЛАРЫ

- Вайнштейн С.И. Происхождение саянских оленеводов: проблемы этногенеза тувинцев-тоджинцев и тофаларов //Этногенез народов Севера. М., 1980.
- Вайнштейн С.И. Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов //СЭ. 1968. № 3.
- Кривоногов В.П. К современной этнической ситуации в Тофаларии //СЭ. 1987. № 5.
- Мельникова Л.В. Тофы. Иркутск, 1994.

ТУВИНЦЫ-ТОДЖИНЦЫ

- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.
- Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы: историко-этнографические очерки. М., 1961.
- Потапов Л.П. Очерк народного быта тувинцев. М., 1969.

УДЭГЕЙЦЫ

- История и культура удэгейцев. Л., 1989.
- Ларькин В.Г. Удэгейцы. Историко-этнографический очерк с середины XIX века до наших дней. Владивосток, 1958.
- Шейкин Ю.И. Музыкальные инструменты удэ (этимология, конструкция, наигрыши): Музыкальное творчество народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986.

УЛЬЧИ

- Арсеньев В.К. Лесные люди – удэгейцы. Л., 1926.
- Дункай Н.С. Скала сокровищ: Удэгейские сказки. Владивосток, 1989.

- Иванов С.В. Старинное зимнее жилище ульчей (низовье р. Амура): Сб. МАЭ. М., 1951. Т.13.
- История и культура ульчей в XVII – XX вв. Историко-этнографические очерки. СПб., 1994.
- Кялундзюга В.Т. Два солнца: Удэгейские сказки. Хабаровск, 1974.
- Подмаскин В.В. Духовная культура удэгейцев. Владивосток, 1991.
- Смоляк А.В. Ульчи. М., 1966.

ХАНТЫ

- Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.
- Зуев В.Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов //ТИЭ, н.с. М., 1947. Т. 5.
- Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992.
- Кулемзин В.М. Медвежий праздник у ваховских хантов //Мат. по этнографии Сибири. Томск, 1972.
- Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов. Томск, 1985.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси /Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. М., 1990.
- Соколова З.П. Страна Югория. М., 1976.
- Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров //ТИЭ, н.с. М., 1959. Т. 51.

ЧУВАНЦЫ

- Анадырский край. Рукопись жителя села Маркова г. Дьячкова. Владивосток, 1893 (переизд.: Магадан, 1992).
- Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966.
- Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. СПб., 1896.

ЧУКЧИ

- Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б. Традиционная пища береговых и оленных народов: Народы Сибири. М., 1993. Кн. I.
- Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965.
- История и культура чукчей. Л., 1987.
- Леонтьев В.В. Хозяйство и культура народов Чукотки (1958 – 1970 гг.). Новосибирск, 1973.
- Рытхзу Ю.С. Песни родного берега //Огонек. 1965. № 4.
- Шейкин Ю.А. Акустическая культура в шаманстве палеоазиатов. Сибирские чтения, 1992 //Тез. докл. СПб., 1992.

ЭВЕНКИ

- Айзенштадт А.М. Песенная культура эвенков. Красноярск, 1995.
- Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблема происхождения первобытных верований. М.; Л., 1958.

- Василевич Г.М. О культе медведя у эвенков: Сб. МАЭ. М., 1971. Т.27.
- Василевич Г.М. Эвенки: Историко-этнографические очерки. Л., 1969.
- Карлов В.В. Эвенки в XVII – начале XX в. (хозяйство и социальная структура). М., 1982.
- Лебедева Е.П. Эвенкийские этиологические сказки о животных. Вопросы языка и литературы. Новосибирск, 1974.
- Мазин А.И. Быт и хозяйство эвенков-орочонов. Новосибирск, 1992.
- Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1984.
- Романова А.В., Мыреева А.Н. Фольклор эвенков Якутии. М., 1971.
- Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1932. Т. 3.
- Сирина А.А. Катангские эвенки в XX в.: расселение, организация среды жизнедеятельности. М., 1995.
- Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. М., 1969.
- Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985.
- Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX – начале XX в. (принципы освоения угодий). Иркутск, 1990.
- Широкогоров С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Владивосток, 1919.
- Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII – XX вв.). Улан-Удэ, 1973.

ЭВЕНЫ

- Гурвич И.С. Эвены Камчатской области. Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера. М., 1960.
- История и культура эвенов. Л., 1997.
- Козловский С. Узор на лезвии ножа // Вокруг света. 1985. № 1.
- Лебедева Ж.К. Архаический эпос эвенов. Новосибирск, 1981.
- Попова У.Г. Эвены Магаданской области. М., 1981.
- Туголуков В.А. Эвены // Вопросы истории. 1971. № 3.
- Эвенский фольклор / Сост. К.А. Новикова. Магадан, 1958.

ЭНЦЫ

- Долгих Б.О. О родоплеменном составе и расселении энцев // СЭ. 1946. № 4.
- Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.
- Долгих Б.О. Старинные обычаи энцев, связанные

с рождением ребенка и выбором ему имени // Кратк. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР. 1954. № 20.

- Прокофьева Е.Д. Энецкий шаманский костюм: Сб. МАЭ. М., 1951. Т. 13.

ЭСКИМОСЫ

- Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. Китовая аллея. М., 1982.
- Меновщиков Г.А. Эскимосы. Магадан, 1959.
- Файнберг Л.А. Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964.

ЮКАГИРЫ

- Гоголев З.В., Гурвич И.С., Золотарева И.М., Жорницкая М.Я. Юкагиры: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.
- Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982.
- Текки Одулок. На Крайнем Севере. Якутск, 1959.
- Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М., 1979.

ЯКУТЫ

- Алексеев Э.Е. Музыкальная культура // Якут. сов. лит. и искусство. Якутск, 1964.
- Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск, 1975.
- Архипов Н.Д. Древние культуры Якутии. Якутск, 1989.
- Бравина Р.И. Погребальный обряд якутов (XVII – XIX вв.). Якутск, 1996.
- Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов. М., 1977.
- Зыков Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов (XIX – начало XX века). Новосибирск, 1986.
- Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975.
- Макаров Д.С. Народная мудрость: знания и представления. Якутск, 1983.
- Сафронов Ф.Г., Иванов В.Ф. Письменность якутов. Якутск, 1992.
- Слепцов П.А. Традиционная семейная обрядность у якутов. Якутск, 1989.
- Токарев С.А. Очерки истории якутского народа. М., 1940.
- Яковлев В.Ф. Коновязь сэргэ. Якутск, 1992.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВГО – Всесоюзное географическое общество
ИОЛЕАЗ – Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском Государственном университете
н.с. – новая серия
ПИИЭ – Полевые исследования Института этнографии АН СССР

РГО – Российское географическое общество
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН («Кунсткамера»)
СЭ – Советская этнография (журнал)
СЭС – Сибирский этнографический сборник
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю!	5	ТОФАЛАРЫ	166
АЛЕУТЫ	10	ТУВИНЦЫ-ТОДЖИНЦЫ	172
ВЕПСЫ	16	УДЭГЕЙЦЫ	178
ДОЛГАНЫ	24	УЛЬЧИ	184
ИТЕЛЬМЕНЫ	30	МЕДВЕЖИЙ ПРАЗДНИК	192
КАРЕЛЫ	40	ХАНТЫ	200
КЕРЕКИ	46	ЧУВАНЦЫ	206
КЕТЫ	50	ЧУКЧИ	210
КОМИ-ЗЫРЯНЕ	58	ЭВЕНКИ	218
ОЛЕНЕВОДСТВО	64	ЭВЕНЫ	226
КОРЯКИ	74	ЭНЦЫ	232
МАНСИ	82	МОРСКОЙ ЗВЕРОБОЙНЫЙ ПРОМЫСЕЛ	236
НАНАЙЦЫ	88	ЭСКИМОСЫ	248
ОХОТА	94	ЮКАГИРЫ	254
НГАНАСАНЫ	104	ЯКУТЫ	260
НЕГИДАЛЬЦЫ	110	ШАМАНИЗМ	266
НЕНЦЫ	116	Вместо послесловия	275
НИВХИ	124	Карта расселения народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России	278
ОРОКИ (УЛЬТА)	132	Указатель терминов	280
РЫБОЛОВСТВО	136	Что читать о народах Севера, Сибири и Дальнего Востока России	282
ОРОЧИ	146		
СААМЫ	154		
СЕЛЬКУПЫ	160		

АРКТИКА – МОЙ ДОМ

Народы Севера Земли

Полярная энциклопедия школьника

Книга для детей среднего и старшего школьного возраста
2-е изд., исправленное и дополненноеОтветственный редактор В.Д. Голубникова
Редакторы Л.В. Яговкина, И.В. Бодрова, Е.Р. АкбальянПодбор иллюстраций: В.А. Загуменнов, М.В. Южанинова
Художественный редактор И.А. Захарова
Корректор В.И. Хомутова

Сдано в набор 05.03.2001. Подписано к печати 15.03.2001.

Заказ №
ISBN 5-87098-039-9
ЛР № 070064 от 25.12.1997 г.Адрес редакции: 129110, Москва, ул. Гиляровского, д. 56
Государственное унитарное предприятие «Северные просторы»
Тел./факс 288-47-51, 284-80-45. E-mail: sp-arctic@mtu-net.ruЦветоделение и верстка ОАО «РТВ-Пресс»
109240, Москва, Гончарная ул., д. 1. Тел./факс 915-70-12

ISBN 5-87098-039-9

9 785870 980393 >